

ОТКРЫТАЯ КНИГА
ОТКРЫТОЕ СОЗНАНИЕ
ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института “Открытое общество” (Фонд Сороса) в рамках программы “Высшее образование”.

Взгляды и подходы автора не обязательно совпадают с позицией программы. В особо спорных случаях альтернативная точка зрения отражается в предисловиях и послесловиях.

Психология для студента

А.В.Либин

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

на пересечении европейских, российских
и американских традиций

Москва
«Смысл»
1999

УДК 158.3 (075.8)
ББК 88
Л478

Рецензенты:
доктор психологических наук, профессор Б.С.Братусь,
кандидат психологических наук Н.А.Аминов.

Рекомендовано УМО по психологии в качестве учебного пособия по специальности "Психология".

Либин А.В.
Л478 Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. М.: Смысл, 1999.— 532 с.
ISBN 5-89357-044-8

Первое отечественное учебное пособие по дифференциальной психологии. В доступной форме излагаются основы анализа индивидуальных, групповых и типологических различий между людьми, проявляющихся в специфике организации нервной системы и психических процессов, интеллекта и сознания, в разнообразных чертах личности и поведения. Анализируются также общепсихологические закономерности, лежащие в основе индивидуальных свойств — темперамента, способностей и интеллекта, характера и стиля человека. Значительное место уделено рассмотрению индивидуальной специфики в организации психических процессов — эмоций, памяти и внимания, мышления и сознания.

Освещаются наиболее известные концепции как зарубежных, так и отечественных исследователей. Описываются ключевые понятия разделов дифференциальной психологии, посвященных изучению половых и возрастных особенностей, патопсихологических нарушений и личностных деформаций, специфике детского развития и стилей родительского воспитания, проблемам школьного обучения и профессиональных достижений. Специальные главы посвящены вопросам групповых различий — расовых, национальных и культурологических

Для студентов старших курсов аспирантов и преподавателей психологии, других специалистов в области человекознания.

УДК 158.3 (075.8)
ББК 88

ISBN 5-89357-044-8

“Дифференциальная психология не является лишь одним из измерений особенного (в человеке). Предметом ее исследования служит сама целостная Индивидуальность как существующая эмпирическая реальность”.

William Stern (1911)

“Перед нами открывается необозримый горизонт наблюдений и опытов... Психологи получат, наконец, общую прочную основу, естественную систему изучаемых ими основных явлений, в которой легче будет им разместить бесконечный хаос человеческих переживаний”.

И.П.Палов (1933)

“Успехи в изучении индивидуально-психологических различий в значительной степени зависят от разработки общепсихологической теории,... а также от создания такой системы этой науки, которая ликвидировала бы явно существующий в настоящее время разрыв между психологией психических процессов и психологией личности”.

Б.М.Теплов (1960)

“Если мы можем объяснить, почему одни индивиды реагируют отлично от других, то мы уже далеко продвинулись в понимании того, почему каждый человек реагирует так, а не иначе. Данные дифференциальной психологии, таким образом, должны помогать выяснению основных механизмов поведения”.

Anna Anastasi (1994)

“Возможно в следующем столетии мы вновь обратимся к смелой и научно необходимой попытке создать единую систему объяснения поведения, базирующуюся на количественных соотношениях между несколькими достаточно определенными переменными”.

Hans Eysenck (1997)

Оглавление

Предисловие

Книги, посвященные проблеме общечеловеческих различий, выполнены, как правило, в одном из трех форматов. Первому, назовем его условно Коллекционным или форматом CS (от англ. collection of samples — коллекция моделей, образцы), соответствует обрамленное контуром авторских предпочтений изложение наиболее известных на текущий момент фактов, теорий и концепций из дифференциально-психологической области человекознания (см. *Tyler*, 1956; *Willerman*, 1976; *Minton, Schneider*, 1985; *Cooper,* 1998). Книги этого типа отличаются друг от друга порядком изложения отобранных автором тем, среди которых выделяются — восприятие, интеллект, личность, половозрастные особенности, различия в обучении и профессиональных установках, etc. Однако чаще всего сведения о различиях между людьми включаются в учебники в виде отдельных глав, а не обобщаются в самостоятельные тома. Собранные в один огромный компендиум, который мог насчитать, наверное, не менее десяти тысяч страниц, эти книги, безусловно, стали бы ценнейшим — хотя и несколько неупорядоченным источником сведений энциклопедического характера.

Второй формат представления дифференциально-психологических знаний можно условно обозначить как Тематический, с соответствующей аббревиатурой FS (от англ. field of study — область изучения). Как правило, эти книги выполнены в виде коллективных, реже — авторских, монографий, посвященных более подробному описанию какой-либо одной, специальной темы, например, исследованию общих и специальных свойств нервной системы (*Nebylitzyn, Gray*, 1972; *Теплов*, 1986), психогенетических аспектов индивидуальных различий (*Равич-Щербо*, 1990), структуры темперамента или психобиологической основы индивидуальности (*Русалов,* 1979), характера (*Лазурский*, 1995), способностей (*Голубева,* 1994), природы стиля человека (*Либин*, 1998а) и интеллекта (*Saklofske, Zeidner*, 1995). Среди

FS-книг можно выделить в особую группу те работы, теоретическое значение которых выходит за рамки обозначенной самим автором узко-специальной темы (см. *Eysenk*, 1947; *Strelau*, 1983; *Mishel*, 1986; *Ross & Nisbett*, 1991; *Zimbardo*, 1990).

Третий и, к сожалению, самый малочисленный жанр научных изысканий в области различий между людьми — это книги типа ST (от англ. special theory — специальные теории). В основе ST-монографии лежит разработанная автором концепция о сущности изучаемого явления, а все излагаемые материалы пропускаются через призму создаваемых теоретических конструкций, гипотез и отобранных или полученных экспериментальных фактов. Конечно, недостатком в этом случае оказывается авторская пристрастность, определяющая основную линию научных интерпретаций. Но этот недостаток легко оборачивается преимуществом, позволяющим, благодаря устойчивой позиции, представить целостную картину изучаемого феномена.

Образцом монографий ST-типа является книга основателя дифференциально-психологического направления как самостоятельной научной дисциплины Уильяма Штерна (1998) (*Stern*, 1911/1994), вышедшая в 1900 году под названием "О Психологии индивидуальных различий: идеи к дифференциальной психологии" и переизданная позже уже с другим подзаголовком — "Дифференциальная Психология и ее методические основы". Дальнейшее развитие эта концепция — правда, в существенно переработанном виде, — получает в трудах американского психолога Анны Анастази (*Anastasi*, 1958), выпустившей обобщающую исследования первой половины двадцатого века фундаментальную монографию под названием "Дифференциальная психология". В следующие десятилетия появляется еще несколько авторских монографий, развивающих целостный подход через призму конкретно-исследовательских установок. Это труды Б.М.Теплова (1986) и В.Д.Небылицына (1996), создателей нового направления — дифференциальной психофизиологии как важнейшей части дифференциальной психологии, а также работы английского психолога Ганса Айзенка (*Eysenck,* 1947, 1997), концепция интегральной индивидуальности В.С.Мерлина (1986), теория

многофакторной структуры личности и индивидуальных различий Дж.Р.Ройса и А.Д.Пауэлла (*Royce*, *Powell*, 1983), оригинальная концепция эпистемологической интерпретации проблем индивидуальных различий американского профессора Джеймса Ламиеля (*Lamiell*, 1987).

Несмотря на относительное многообразие работ и в этом направлении, намеченная самим У.Штерном главная линия исследований, очерчивающая сферу дифференциально-психологического знания как единое целое, была продолжена, можно сказать, лишь едва заметным пунктиром. Трудно предположить, почему так произошло — в силу ли неизбежной специализации, состоящей из разных разделов науки о человеке, или в силу центробежной тенденции внутри дифференциально-психологической области знаний как следствия, проистекающего из целостной природы предмета изучения — человеческой индивидуальности. Ясно только, что все большее значение приобретает на современном этапе концентрация усилий исследовательской мысли на пути концептуальной интеграции сложившихся к настоящему времени подходов. Который из них станет отправной точкой в создании новой — парадигмальной — системы координат? Хотелось бы думать, что ответ на этот вопрос будет связан с логикой развития научного познания, к счастью, нередко совпадающей с несокрушимой силой субъективных авторских предпочтений.

Разумеется, есть своя специфика и в представляемой вниманию читателей книге "Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских, и американских традиций". Материал, посвященный индивидуальным, типологическим и групповым различиям, образующим особый, дифференциально-психологический статус человека, преломляется, с одной стороны, через представления об иерархической структуре человека как субъекта взаимодействия с миром и, с другой стороны, рассматривается в контексте анализа механизмов координации интра- и интериндивидуального взаимодействия. Помимо этого, отбирая факты и теории, автор стремился учесть и своеобразие трех мировых линий исследований:

* европейской, идущей от Альфреда Бине (*Binet* & *Henry*, 1895) и Уильяма Штерна;

* американской, связанной с именами Джеймса Маккинли Кэттелла (*Cattel*, 1890) и Анны Анастази;

* весьма своеобразной, российской, развивающей традиции И.П.Павлова (1951а), положения психофизиологической школы Б.М.Теплова—В.Д.Небылицына и включающей множество плодотворных, но пока еще недостаточно хорошо известных мировому читателю концепций.

Еще одной теоретической предпосылкой при создании учебного пособия послужила гипотеза о том, что анализ различий между людьми становится более эффективным в контексте изучения основных тенденций общей и социальной психологии. Поэтому большинство рассматриваемых дифференциально-психологических тем, посвященных сенсорным, перцептивным, когнитивным, регулятивным, эмоциональным или личностным различиям, также как и обсуждение проблем развития и природно-социальной детерминации индивидуальности, тесно связаны с соответствующими разделами из смежных областей психологического знания. Это нашло свое отражение в структуре книги и глав, в логике изложения материала, в неизбежном для каждого учебного пособия отборе теоретических концепций и экспериментальных фактов. На структурирование материала оказали влияние и основные положения развиваемой автором на протяжении последних десяти лет Иерархической Теории Индивидуальности, согласно которой организация и функционирование мира психической реальности человека подчиняется действию закона приоритета более сложных, дифференцированных структур (по сравнению с менее сложными, недифференцированными), а также закону взаимодействия этих структур на “паритетных началах, допускающих относительную автономию — род степеней свободы для коррелируемых, соотносимых свойств — каждой из них” (см. *Ананьев*, 1968). Большое воздействие на авторскую позицию в отношении многих спорных вопросов современной психологии человека оказало сотрудничество с профессором Львом Марковичем Веккером, в частности, наш совместный труд, посвященный разработке системы базовых принципов ментальной репрезентации и основных механизмов формиро-

вания психических процессов (*Веккер, Либин,* готовится к печати).

Характер учебного пособия, определяющий его как “углубление в проблему”, а также ограниченный объем книги, вынудили вынести за скобки ряд важных для дифференциальной психологии тем, которые, вместе с тем, получили достаточно подробное освещение в трудах отечественных и зарубежных авторов. Среди них монографии, посвященные психогенетическому анализу механизмов формирования индивидуальных различий (см. *Равич-Щербо,* 1998), применению математических моделей и статистических методов обработки данных для изучения интра- и интериндивидуальных различий, (см. *Гусев, Измайлов, Михалевская,* 1997), исследованию индивидуальных особенностей младенцев (*Адрианов* (отв. ред.), 1993), изучению способностей (*Дружинин,* 1995), мотивации (*Хекхаузен,* 1986) и др. По мере необходимости автор стремился показать обоснованность использования психогенетических или нейрофизиологических, а также математико-статистических методов. Конечно, дальнейшая работа по систематическому изложению основ дифференциально-психологических знаний позволит восполнить недостающие разделы.

Чтобы помочь читателю сориентироваться в изложенном материале, автор посчитал необходимым привести схему взаимосвязи основных блоков — разделов дифференциальной психологии, которой он руководствовался при написании книги (рис. 1). Это своеобразная когнитивная карта, на которой, помимо хорошо изученных и изведанных областей отмечено и множество “белых пятен”, существующих в обширной сфере дифференциально-психологических знаний. Помимо этого может представлять интерес и некоторый перечень заметок, которые хорошо было бы иметь в виду при чтении книги.

* Перечень рассматриваемых в каждом разделе основных тем и понятий дается в виде ключевых терминов в конце главы и может использоваться в качестве опорного ряда при повторении темы.

* В содержании каждой проблемы выделяются лишь основные направления анализа, в русло которых устрем-

Рис. 1. Концептуальная система координат дифференциальной психологии

ляются десятки более частных, более дробных "ручейков"-исследований. Вместе с тем приводятся факты и теории, которые намечают новые тенденции в исследовании дифференциально-психологических феноменов или помогают переосмысливать прежние концепции.

* Структура книги, подверженная неизбежному в таких случаях эффекту мозаичности, в то же время отражает представление о дифференциальной психологии как целостной дисциплине (*Stern*, 1911/1994), предметом которой является изучение человеческой индивидуальности через призму формального подхода, во всех ее проявлениях — от психофизических характеристик до метаиндивидуальных стратегий, отображающих специфику взаимодействия субъекта с другими людьми.

* Внутри каждого раздела автор следует определенной логике в изложении материала. Так, вначале рассматриваются данные (если таковые имеются и оказались в поле авторского зрения) о различиях, проявляющихся на "нижних" уровнях индивидуальности и на ранних этапах онтогенеза. По мере продвижения внутри раздела, фокус внимания перемещается на анализ личностных различий и специфики функционирования интегративных феноменов, таких как индивидуальное сознание и самосознание. Таким образом каждая из выделенных тем анализируется с точки зрения:

— дифференциальных аспектов индивидуального развития;

— характеристики иерархических уровней индивидуальности;

— анализа влияния на индивидуальные параметры эндо- и экзофакторов, определяющих вид детерминации.

* "Двойственная" природа изучаемых признаков обуславливает их рассмотрение как в контексте интериндивидуальных различий, так и в связи с анализом интраиндивидуальной структуры, определяющей статус данного параметра в системе остальных свойств.

* Большинство тем дифференциальной психологии, таких как "характер", "способности", "стиль", "психогенетические исследования", "психодиагностика" или "возрастные изменения", связано с огромным объемом знаний в соответствующих областях смежных направлений, поэтому основной акцент в большинстве случаев делается не на историческо-психологическом анализе развития проблемы в целом, а на рассмотрении явления в контексте изучения конкретных феноменов человеческих различий.

* Задачей автора является показать самостоятельность дифференциальной психологии как особой области человекознания. Исходя из этого и расставлены акценты в содержании данной книги.

Хочется добавить, что эта книга возникла в результате потребности самого автора в познании собственной индивидуальности. Возможно, с этой же целью ее возьмет в руки и читатель.

Homo Unicum

Понятие "уникальный", означающее "единственный в своем роде", является, без сомнения, родовым для конструкта "индивидуальность" — центрального элемента науки о человеческих различиях, изложению основ которой посвящена эта книга. Парадокс, обнаруживающий себя уже на подступах к зданию Дифференциальной Психологии, заключается в классической тройственности определения человеческой индивидуальности, включающей в себя, во-первых, неповторимое своеобразие субъективного мира человека; во-вторых, целостность индивидуальности как саморазвивающейся системы с присущими ей интегральными эффектами (адаптивностью, оптимальностью, результативностью, компенсаторностью), и, наконец, в-третьих, объективно регистрируемые отличия (индивидуальные, типологические, групповые) между людьми. Именно эти три признака определяют собой дифференциально-психологическую специфику изучения такого явления как Homo Unicum (Человек Уникальный).

Загадка индивидуального своеобразия Человека волнует умы писателей и поэтов, художников и мистиков, генетиков и антропологов, биохимиков, физиков и астрономов (последние, как мы увидим, внесли свою посильную лепту в создание основ нашей науки). Дифференциальная психология — и в этом ее отличие от других областей знания о человеке — ставит своей целью не просто познание индивидуальных особенностей на основе систематизации жизненных наблюдений, путем использования исключительно художественного или статистического методов анализа, но научное изучение механизмов становления и развития человеческой индивидуальности как целостного феномена, существующего в поле взаимодействия субъективной и объективной реальностей.

Три стороны психологического знания

В современной психологии выделяются три основные взаимопересекающиеся — и вместе с тем имеющие самостоятельный научный статус — области: общая психология, дифференциальная психология (или, иначе, психология

индивидуальных, типологических и групповых различий) и социальная психология. Понятно, что это деление носит, как и многие научные абстракции, довольно условный характер: нет психических (в том числе, психофизиологических) процессов, на которые не распространялась бы "власть личности", и, с другой стороны, не существует личностных образований вне психики, так или иначе все личностные черты связаны с механизмами психических процессов (см. *Веккер, Либин*, готовится к печати). В то же время общепризнано положение о ведущей роли социального контекста в развитии как индивидуальности человека, так и психики в целом. Промежуточное положение дифференциальной психологии — и психологии личности как ее центральной части — обусловлено закономерностями человеческого филогенеза и онтогенеза. В первом случае имеется в виду иерархическое движение психики как саморазвивающегося феномена от эволюционно-генетических (биологических) законов к социокультурным (общественным) закономерностям. Во втором — трансформация в процессе жизненного пути индивидных (см. главу 1), природно обусловленных свойств отдельного человека в личностные структуры, проявляющиеся в интегральных характеристиках взаимодействия индивидуальности с миром.

Внешний статус дифференциальной психологии оказывается неразрывно связан с ее внутренним статусом. Нет ничего удивительного в том, что без малого сто лет развития этой уникальной науки привели к образованию в ее структуре трех важнейших подразделов, касающихся соответственно изучения следующих видов человеческих различий: индивидуальных (производных от анализа общепсихологических закономерностей), типологических (собственно дифференциально-психологических) и групповых (изучаемых в контексте антропологических — биологических и социальных — наук).

Феноменология человеческих различий

Как и всякая наука, дифференциальная психология имеет свою историю и предысторию. Последняя, надо за-

метить, оказывается столь же древней, как и само человечество. В сообществах первобытных людей появление групповых различий, позволяющих провести границу между Мы и не-Мы, сыграло решающее значение. В идентификации со своим племенем, родовой общиной формировались первые проблески человеческого сознания именно как "со(-вместного)знания". Следующим жизненно необходимым этапом стало выделение индивидуальных особенностей членов племени. Наблюдение за поведением соплеменников — у кого зорче глаз, кто быстрее всех бегает или точнее метает камень — послужило не только основой для распределения необходимых для выживания племени функций, но и привело к появлению первых имен — одного из важнейших признаков человеческого рода, выделяющих людей из мира животных. Фиксация индивидуальных различий закреплялась с помощью присвоения имени, в котором, зачастую, и отражалась наиболее характерная и устойчивая черта темперамента или характера, сенсорики или мышления. Индивидуальность выкристаллизовывалась из Хаоса взаимоотношений, благодаря способности человеческого мышления осуществлять операцию различения. Отделение "Я" от "не-Я" стало важнейшим признаком зарождающейся первобытной личности с уникальным самосознанием.

В первобытных сообществах, древнейших цивилизациях и современном обществе феноменология человеческих различий — индивидуальных и групповых — продолжает оставаться главной частью субъективного жизненного опыта людей. Однако простых, несистематизированных наблюдений за поведением — своим собственным и окружающих — всегда было недостаточно для тех, кто стремился понять общие закономерности природы человека. Для того, чтобы упорядочить бесконечное многообразие индивидуальных и, тем более, групповых признаков требовалась некая система координат. В качестве таковой мог приниматься любой набор признаков, отчетливо наблюдаемых, кажущихся "фундаментальными" либо осязаемыми. Разумеется, в первую очередь человек использовал для составления простейших классификаций своих собратьев внешние объекты или события. Так появились примитив-

ные поведенческие типологии, в которых описание индивидуально-групповых особенностей людей исходило из свойств камней и деревьев (гороскопы друидов), расположения звезд или дат рождения (астрологические гороскопы). Отдавая должное наблюдательности и изобретательности наших предков, заметим, что во всех этих случаях речь пока что идет лишь об описании особенностей личности и человеческого поведения, а не объяснении причин, приводящих к появлению различий между людьми. Поиск решений этой задачи станет в последующем отправной точкой в развитии дифференциальной психологии.

Корни субъективной реальности

Можно сказать без преувеличения, что скрытое в недрах жизненной феноменологии знание о человеческих различиях послужило толчком к развитию не только самой психологии, но и всех наук о человеке. Одним из самых простых феноменологических фактов, основанных на непосредственном жизненном наблюдении, являются усилия маленького ребенка выделить, "различить" себя в окружающей среде. Перефразируя И.М.Сеченова (1947), можно сказать, что "смутное валовое ощущение" себя, потребность отделиться от остального мира, движет человеческим существом с момента его рождения. Первые проблески сознания трехлетнего малыша также связаны с появлением различения между "Я" и "не-Я" (*Бернс*, 1986). Ощущение и осознание себя как неповторимой индивидуальности является стержнем личности взрослого человека и основой межиндивидуальных различий, в контексте которых складываются наши взаимоотношения с окружающими в течение всей жизни. Также как из процесса внутрииндивидуального различения возникают межиндивидуальные различия, формирование личности возникает на базе индивидуально-типологических особенностей. Феноменологические переплетения в жизни порождают сложности научного характера, проявляющиеся в непростых вопросах, связанных и с соотношением понятий (организм—личность, личность—индивидуальность etc.), и с взаимодействием важнейших областей науки о душе —

общей психологии, психологии личности и дифференциальной психологии. Но разговор об этом пойдет позже, а сейчас обратимся к основным понятиям, с обсуждения которых начинается любая наука.

Ключевые термины раздела: примитивные поведенческие типологии, социо-культурные закономерности, субъективный жизненный опыт, уникальность человека, феноменология человеческих различий, эволюционно-генетические законы.

Часть I. ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

В этой части будут рассмотрены центральные понятия дифференциальной психологии, анализ которых необходим для более четкой ориентации в материале последующих глав. Список отобранных понятий, вместе с тем, накладывает некоторые ограничения на весьма обширный перечень терминов и тем, связанных с теориями, концепциями и фактами из области дифференциально-психологического изучения человека. Те же из них, которые будут рассмотрены ниже, также нуждаются в оговорке. Многие проявления человека — идет ли речь о его конституции (в широком смысле слова), индивидных свойствах, личности или индивидуальности — заслуженно являются предметом рассмотрения других, смежных с психологией, научных дисциплин: философии и биологии, медицины и социологии, антропологии и культурологии. Не только меж-, но и внутридисциплинарная, внутрипсихологическая интеграция различных смысловых контекстов одного и того же понятия приводит (скорее, к счастью, чем к огорчению) к семантической дифференциации таких важнейших конструктов как темперамент, характер, стиль, интеллект, способности, вошедших в обиход общей психологии, психофизики, эргопсихологии. Поэтому будем иметь в виду, что понятия, появляющиеся на страницах этой книги, рассматриваются в связи с наличием в природе явлений, которые они определяют, дифференциально-психологического аспекта изучения.

Глава 1. Познание природы человеческой индивидуальности

Намечается исходная система координат, относительно которой и будут в дальнейшем рассматриваться прояв-

ления человеческой индивидуальности. Дается обоснование дифференциально-психологической парадигмы в изучении человека.

1.1. Предпосылки учения о различиях между людьми

Разумеется, на этапе древнейшей человеческой истории процесс индивидуализации человека оставался латентным, скрытым фактором развития все более дифференцирующегося общественного сознания. Различные историографические источники отмечают, что понятие “индивидуальность” стало осознаваться самим обществом как фундамент субъективной реальности лишь в Эпоху Возрождения. Однако уже мудрецы Древнего Востока и античные греческие философы создавали трактаты, предметом описания и анализа которых были наблюдаемые в повседневной жизни человеческие различия.

Жизненные наблюдения и психология здравого смысла

Хиромантия, физиогномика, астрология — все эти древнейшие пранауки включали в себя непосредственное наблюдение индивидуально-типологических различий в качестве прямого основания для своих выводов. Накопленные в донаучный период человекознания данные послужили основой для появления специальной формы несистематизированных знаний о душевной жизни — житейской или наивной “психологии”. Однако речь не идет о примитивизации выводов, полученных в результате житейских умозаключений. Как отмечает крупнейший специалист в области научного анализа психологии здравого смысла Гарольд Келли (*Kelley*, 1992), взаимодействие между житейской и научной формами знаний о человеке есть обратимый процесс — повседневная культура воздействует на мысли и поступки ученого, а результаты науки модифицируют житейские представления. В то же время здравый смысл является ценным, но по природе своей опасным ресурсом для психолога (*Fletcher* & *Ward*, 1988). В первую очередь эти положения небезразличны для выводов любого дифференциально-психологического исследования.

Интерпретация результатов наблюдения в рамках обыденного сознания (О’) в первом случае, и эксперимента, специального исследования как методов научного познания (Н’) — во втором, оказывается необходимым компонентом, включенным во взаимодействие между обыденным и научным знанием (см. рисунок 2). Процесс трансформации знания представляет движение по спирали, а не замкнутый цикл интеракции, обеспечивая на каждом этапе необходимое приращение информации (О’—О”, Н’—Н” и т.д.):

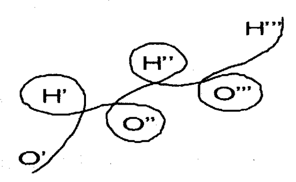

Рис. 2. Взаимная трансформация обыденного и научного знания

Все это говорит о необходимости более внимательного (а не снисходительного, как это принято в академических кругах) отношения ко “всем-и-каждому” известным фактам о природе индивидуальности человека, содержащимся в донаучных областях знания. Многие психологи разделяют общеизвестное утверждение о том, что избежать в научных исследованиях влияния здравого смысла невозможно, зато можно вообще не осознавать наличие этого влияния.

Требования практики

С появлением прикладного человекознания, в первую очередь — древней философии, а также медицины как ее части, — возникла настоятельная потребность в систематизации наблюдений. Обращение к звездам или линиям руки при объяснении наиболее ярких индивидуально-типовых характеристик людей перестает удовлетворять тех исследователей, которые пытаются проникнуть в тайны организма человека, понять движущие силы его поведения и жизни в целом. Создаются первые труды в области изучения темперамента, характера и способностей (об этом пойдет речь в соответствующих главах). И в дальнейшем

практически все разделы дифференциальной психологии формируются под воздействием возникших в разных областях человеческой деятельности запросов — выявление среди поступающих в школу детей с задержками развития с целью создания для них специальных классов, отбор наиболее пригодных для той или иной профессии кандидатов, создание индивидуально-ориентированных приемов психотерапии. Однако чрезвычайно тесная связь дифференциальной психологии с практическими задачами не превращает ее только в "область приложения" научных знаний. Психология индивидуальных, типологических и групповых различий становится, как мы вскоре убедимся, самостоятельной дисциплиной, со своими целями и задачами, теориями и фактами, производством и верификацией научных знаний. Конечно, никто не может назвать точной даты, отмечающей на шкале Истории границу превращения "не-науки" в "науку". Однако существуют традиции в описании и анализе хода развития научной мысли, связывающие тот или иной этап этого развития с конкретными именами и событиями.

Научный анализ фактов и первые эксперименты

Можно спорить о том, повлияла ли составляющая предмет астрологических знаний феноменология индивидуальных, а точнее типологических, различий на научную традицию. Но и в случае отрицательного ответа связь дифференциальной психологии со "звездными науками" обнаруживается в другом удивительном совпадении. Начало систематических дифференциально-психологических исследований было положено фактом обнаружения индивидуальных различий между... наблюдателями-астрономами. Именно Нэвил Мэскелин (*N.Maskelyn*), сотрудник Гринвичской обсерватории, обнаружил, что его ассистент Дэвид Киннебрук (*D.Kinnebrook*) отметил пересечение звездой координатной сетки телескопа на 0.5 секунды позже, чем он сам. Повторение измерений только привело к увеличению "ошибки" до 0.8 секунды. "Жертва" собственной замедленной реакции (как выяснилось много позже), Киннебрук был уволен в том же, 1795 году. Позже, в 1816 году

Фридерик Бессель (*F.Bessel*), немецкий астроном из Кенигсберга, просматривая в архивах историю Гринвичской Астрономической Обсерватории, пришел к выводу, что ошибка его коллеги в определении местоположения звезды не была следствием небрежности в работе, а явилась результатом различий во времени реакции (см. главу 3). Публикация в 1922 году (см. *Boring*, 1965) Бесселем результатов своих многолетних наблюдений за временем двигательной реакции (добровольными испытуемыми были его коллеги и помощники) может считаться первым научным отчетом об изучении дифференциально-психологических аспектов поведения человека. Было бы заманчиво предположить, что на изыскания Бесселя могло повлиять его возможное знакомство с недавно опубликованной немецким философом Иммануилом Кантом (*I.Kant*), также уроженцем Кенигсберга, книгой "Антропология с прагматической точки зрения". Новая дисциплина, которую Кант (1797/1900) назвал "антропология", или наука о человеке, была вплотную связана с анализом человеческой природы, и, в частности, дифференциально-психологического аспекта ее изучения. Особо выделялось предпринятое автором описание половых различий, интеллектуальных способностей и воображения.

Почти через полвека от описанных событий в Англии выходит в свет труд Фрэнсиса Гальтона (*Galton*, 1869/1978) "Наследственный гений", в котором автор интерпретировал результаты проведенного им статистического анализа биографических фактов выдающихся людей, находясь под несомненным влиянием разработанной его кузеном Чарлзом Дарвином (*Darwin*, 1859) эволюционной теории, а также обосновывал наследственную детерминацию (от лат. determinare — определять) человеческих способностей (см. главу 6). Ф.Гальтон организует в 1884 году первую антропометрическую лабораторию в рамках Международной Выставки в Лондоне и проводит первое массовое обследование (в течение года 9337 испытуемых!) людей, изучая различия в конституциональных (рост, вес, пропорции тела), сенсомоторных (время реакции на визуальные и слуховые стимулы, сила сжатия), сенсорных (острота зрения и слуха) параметрах. Результатом стали новые рабо-

ты, обоснование новых методов статистического анализа (см. главу 2) и, конечно же, новые идеи в области зарождающейся науки о человеческих различиях.

1.2. Дифференциальная психология — право на независимость

С момента появления самого термина "дифференциальная психология" (нем. die differentielle Psychologie), введенного В.Штерном (*Stern*, 1911/1998), споры о подчиненности этой области психологии другим, "более важным" сферам, или признании за ней права на самостоятельность, не утихают и по сей день. Даже среди наиболее видных дифференциальных психологов нет единого мнения. Так, А.Анастази (*Anastasi*, 1958), продолжая намеченную основателем направления В.Штерном линию на интеграцию знаний о человеческих различиях, тем не менее заявляет, что рассматривает дифференциальную психологию скорее как попытку интерпретировать поведение, а не как самостоятельную область психологии, как дифференциальную ориентацию любого психологического исследования:

> "Главная цель дифференциальной психологии, также как и психологии вообще — понять поведение. Дифференциальная психология подходит к этой проблеме через сравнительный анализ поведения в изменяющихся условиях..." (p.490).

Однако, как мы увидим в дальнейшем, всем ходом своего развития — от чисто описательного, "коллекционирующего" подхода к анализирующему и понимающему, от статистических таблиц и наборов коэффициентов корреляций к изучению природы индивидуальности, от интерпретации феноменологии к поиску механизмов формирования человеческих различий — дифференциальная психология доказала свое право на место в списке других человековедческих дисциплин в качестве самостоятельного раздела.

Концептуальные интерпретации: вокруг целей, задач и методов

В.Штерн подчеркивал интегративный характер создаваемой им науки, отмечая, что она впитала в себя наибо-

лее передовые идеи в области изучения человеческой индивидуальности. Среди предшественников дифференциальной психологии особо выделялись Характерология (см. главу 8), Этология (понимаемая как исследование морального и этического поведения), Индивидуальная Психология (разрабатываемая Бине, Крэппелин и др.), и специальная (или Типологическая) психология Г.Хейманса и И.Вирсмы (*Heymans, Wiersma*, 1912). Ни одно из этих направлений не претендовало на роль интегратора знаний об индивидуальности, хотя идея, что называется, витала в воздухе. В своей основополагающей статье французские психологи А.Бине и В.Анри (*Binet & Henry*, 1895), представляя индивидуальную психологию, писали: "Мы открываем теперь новую тему, сложную и еще недостаточно изученную". Для развития темы авторы намечали две цели — анализ природы и вариативности индивидуальных различий в психологических процессах, а также выявление внутренних соотношений между ментальными процессами, определение на этой основе наиболее базовых функций и создание классификации черт. Создаваемая Банзеном (*Bahnsen*, 1867) характерология, опирающаяся на антропологические исследования И.Канта, имела более конкретную направленность. Она должна была изучать различия в темпераменте (который понимался как проявление формальных признаков чувств и воли), в способностях и этике (характере как таковом).

В.Штерну удалось собрать эти и другие современные ему представления о различиях между людьми в целостную концепцию, которую он первоначально обозначил как "психология индивидуальных различий"(*Stern*, 1900), а затем, добавив тематику групповых различий и типологического подхода, разрабатываемого характерологией, как "дифференциальная психология" (*Stern*, 1911, 1921). В соответствии с двумя главными целями — человекознанием (или психогностикой) и человекометрикой (или психотехникой) — ядром будущей науки должны были стать исследования интеллекта и способностей, характера и темперамента, типов памяти, внимания, мышления etc., а также сравнительный анализ психологии гениев и неудачников, душевнобольных и сверходаренных, изучение расовых признаков и прочее

(*Stern*, 1911/1994). При этом автор концепции особенно отмечает, что всеобъемлемость, присущая дифференциальной психологии, также как и общей, совершенно другого рода. И заключается она в том, что дифференциально-психологическому исследованию подлежат — прежде всего и в основном! — формальные признаки индивидуальности (см. Тезаурус), отличающиеся наибольшей устойчивостью среди анализируемых вариаций поведения. Кстати, категория психической вариативности (скорее всего "унаследованная" Штерном от эволюционной теории посредством научных изысканий сэра Гальтона), также становится краеугольным камнем нового учения.

В дальнейшем среди приверженцев дифференциально-психологического исследования индивидуальности — кстати, далеко не всегда при этом себя причисляющих к теории-прародительнице — возникли различные интерпретации предмета, целей и задач своих занятий. Но ряд основных положений практически никогда не подвергался сомнению. Отметим самые необходимые блоки, слагающие фундамент науки о различиях между людьми.

1. Вариативность среди особей — есть универсальный феномен (*Darwin*, 1859; *Galton*, 1869/1978). Как отмечал В.Штерн (1911/1994), "вариабельность, внутри- и межиндивидуальная, является существеннейшей чертой человеческого поведения — а также поведения всех живых организмов".

2. В различиях проявляется действие наиболее общих законов человеческого поведения, и, с другой стороны, "конкретное проявление любого общего закона психологии всегда включает в себя... фактор индивидуальности" (*Теплов*, 1985, с.110)

3. Сопоставляя наблюдаемые различия в поведении с другими известными сопутствующими феноменами, "возможно выявить относительный вклад различных факторов в развитие поведения" (*Anastasi*, 1937, р.580).

4. Относимые к категории дифференциально-психологических формальные характеристики индивидуальности обладают рядом признаков (о чем свидетельствуют работы многих авторов) — устойчивостью проявлений, кросс-ситуативностью, стабильностью во времени, в чем проявля-

ется их отличие от более изменчивых, социально-обусловленных характеристик.

5. Индивидуальные различия по определению связаны с измерением и квантификацией (*Cattel*, 1890).

В соответствии с этим (далеко не полным) перечнем основных положений формулируются задачи дифференциальной психологии, среди которых важнейшими со времен Ф.Гальтона, А.Бине и В.Штерна остаются:

1. Изучение различных источников вариабельности среди измеряемых признаков.
2. Исследование соотношений между измеряемыми характеристиками.
3. Анализ группового распределения признаков.

Рассматривая специфику внутренних областей (подразделов) дифференциальной психологии, можно сказать, что акценты расставляются следующим образом (по номерам пунктов): (1) область индивидуальных различий; (2) область типологических различий; (3) область групповых различий.

Завершить эти предваряющие классификации хотелось бы упоминанием об основных мифах дифференциальной психологии, которые либо затрудняют поступательное развитие знания, либо направляют его по ложному следу.

Миф Первый, сформулированный в рамках позитивизма, гласит: самоцелью анализа индивидуальных различий является подтверждение с помощью статистики магического закона нормального распределения.

Миф Второй, выдвинутый крайними представителями бихевиоризма, утверждает, что индивидуальные различия связаны только с активностью (деятельностью), а не с сознанием.

Миф Третий, поддерживаемый эволюционистами, — вариативность межиндивидуальных различий связана исключительно с действием закона естественного отбора.

Миф Четвертый является продуктом размышлений биологически-ориентированных дифференциальных психологов — стабильными (кросситуативными и устойчивыми во времени) являются только те человеческие различия, природа которых обусловлена исключительно наследственными факторами.

Теоретические установки и методологические ловушки

К сожалению, идея В.Штерна о создании интегральной науки о человеческой индивидуальности оказалась реализованной лишь наполовину. Недостаток теоретических обобщений и концептуальных интеграций привел к появлению огромного числа неупорядоченных эмпирических данных в экспериментальной области и к появлению хотя и весьма ценных, но практически не связанных между собой теоретически направлений в области методологического анализа. Для целей нашей книги будет, безусловно, полезно отметить наиболее распространенные тенденции в современной науке о человеческих различиях. За каждой из них скрываются как определенные парадигмальные установки, так и неизбежные на пути познания эпистемологические и методологические ловушки.

Эволюционная теория личности Дэвида Басса (*Buss*, 1984, 1991) ставит своей целью анализ социобиологических стратегий поведения человека, среди которых, в частности, выделяются предпочтения статуса. Судя по всему, последователям этой концепции удается избежать социобиологического редукционизма, объясняющего проявление основных тенденций человеческого поведения через понятия эволюционно-видовой предпочтительности и генетической детерминации.

Психолексические или психолингвистические модели симптомокомплексов индивидуальных черт, разрабатываемые, в частности, американскими психологами П.Коста и Д.Маккреем (*McCrae*, *Costa*, Jr., 1996), строятся с применением новейших методов математического анализа, которому подвергаются оцениваемые по градуальным шкалам списки человеческих качеств. Результатом последующей статистической обработки стало выделение пяти главных измерений индивидуальности (см. главу 9). Сложность — или ловушка — этого подхода заключается в том, что в качестве основания для выделения черт берутся содержащиеся в обыденном сознании конструкты, репрезентированные в повседневном языке. Таким образом спутанность и противоречивость логики здравого смысла переносится,

несмотря на все статистические фильтры, и в почву теоретических концепций.

Теории природных основ человеческих различий (как правило, речь идет об индивидуальных и типологических особенностях) получили, пожалуй, наибольшее распространение. Линию исследований И.П.Павлова (1951б, 1952) в области типологических свойств нервной системы продолжили Б.М.Теплов и В.Д.Небылицын со своими последователями в России, Дж.Грей (1983), Г.Айзенк (1960а), Я.Стреляу (1983) и другие за рубежом. Возникшее на ниве отечественной психологии новое направление — дифференциальная психофизиология (к сожалению, практически не отраженное в работах западных исследователей) — отчетливо показало продуктивность представлений о свойствах нервной системы как биологической основе индивидуально-психологических различий, в частности, темперамента, стиля, способностей и интеллекта. В то же время, среди работ этого направления довольно часто можно встретить типичную ошибку неразведения (отождествления) уровней в иерархической системе признаков изучаемого феномена, результатом чего являются малоуспешные в теоретическом и методологическом плане однозначные интерпретации прямого сопоставления нейрофизиологических (к примеру, данные ЭЭГ, ВП, КГР) и психологических, в особенности личностных (черты характера и пр.), показателей.

Психогенетический анализ источников различий между людьми (каковой можно также считать важнейшим подразделом предыдущего пункта) получил наиболее широкое распространение в последние три десятилетия (*Buss*, *Plomin*, 1975; *Равич-Щербо*, 1988). Получен ряд убедительных свидетельств о роли наследственности в детерминации межиндивидуальной вариативности признаков, расположенных на различных уровнях ментальной иерархии — характеристик биоэлектрической активности мозга, компонентов сенсомоторных и когнитивных стратегий. Однако также как психометрика (в случае с факторными моделями личности) становится целью, а не средством, так и психогене-

тические концепции могут из способа эффективного анализа превращаться в не очень эффективные теоретические конструкции, в которых обобщение полученных на исходном, генетическом уровне данных достигает гигантского размаха, вплоть до объяснения культурных традиций на основе расовых признаков или деления общества на классы вследствие действия генетически детерминированных программ поведения.

Разработка структурно-функциональных моделей в применении к дифференциально-психологической проблематике ставит своей целью изучение строения как отдельных свойств, так и индивидуальности в целом. Наиболее удачные работы в этом направлении позволяют понять содержательную ценность таких важнейших конструктов как разум, или интеллект (*Nosal*, 1990), стиль личности (*Royce, Powell*, 1983), индивидуальность в целом (*Мерлин*, 1986). Стремление авторов связать свои концепции с имеющимися экспериментальными данными и жизненными фактами помогает избежать ловушки чрезмерной абстрагированности теории от жизни.

1.3. Универсальные дихотомии человекознания: дифференциально-психологический аспект

Область изучения различий между людьми тесно связана с проблемой иерархизации подсистем индивидуальности. Исследование этих подсистем ведется с учетом координат, задаваемых универсальными конструктами, в содержании которых в концентрированном виде отображаются основные направления познания человеком собственной природы.

"Сходство—различие"

Этот конструкт является, пожалуй, наиболее очевидным для дифференциальной психологии, так как показывает основной вектор приложения исследовательских усилий, направленных на поиск различий, а не общего (как это происходит в общей психологии).

"Формальное—содержательное"

Как уже отмечалось, целью дифференциальной психологии является выявление и изучение формальных свойств (добавим — также и в их отношении к содержательным). Важно отметить, что возможны следующие соотношения этих категорий (*Асеев*, 1988): полного соответствия, гармонии; противоречия, находящегося в процессе разрешения; полного несоответствия (противоречие типа антагонизма). Относительность этих понятий (не умаляющая их теоретической и эмпирической ценности) подчеркивается поступательным характером развития индивидуальности, в процессе которого формальный признак, достигая определенного уровня развития, приобретает все более содержательный оттенок. В свою очередь, некоторые содержательные черты, типизируясь, например, в случае жесткого стереотипного поведения, все более формализуются. С позиций дифференциальной психологии и психофизиологии проблема формальное—содержательное часто соотносится с проблемой биологическое—социальное или врожденное—приобретенное.

"Наследственное—приобретенное"

Эта дихотомия является частным случаем широко обсуждаемой уже много десятилетий проблемы "природное—социальное". Ряд авторов (см. *Равич-Щербо*, 1988) справедливо указывает, что в психологии и психофизиологии эту проблему целесообразно ограничить формулой генотипическое—средовое. При этом надо отчетливо понимать, что "речь идет о роли наследственного и средового не в историческом становлении психики человека, а в межиндивидуальной вариативности психологических признаков" (*там же*, с.5). К этому измерению в познании человека также тесно примыкают пары конструктов "объективное—субъективное" (где под субъективным понимается возможность влияния самой индивидуальности — в противоположность средовому, как биологическому, так и социальному, на свое самопроявление), и "конъюнктивное—дизъюнктивное" (*Брушлинский*, 1978), в контексте которого взаимодействию наследственных и средовых, биологичес-

ких и социальных факторов по типу “или—или” противопоставляется более эффективное “и—и”.

“Детерминизм—индетерминизм”

Эта дихотомия имеет более широкий диапазон влияния, по сравнению с предыдущей, и заслуживает выделения в качестве самостоятельного пункта. Применение этого конструкта к области изучения индивидуальности связано с развитием представлений о психологической дифференциации — то есть усложнением иерархической структуры индивидуальности и разведением ее подструктур, приобретающих автономный характер, — в процессе развития от простого к сложному. Этому процессу сопутствует также увеличение количества степеней свободы во взаимодействии конкретного свойства с внутренней (субъектной) и внешней (объективной) средой, и, следовательно, увеличение индетерминистских тенденций в поведении и саморегуляции системы в целом.

“Общее—единичное”

В дифференциально-психологическом контексте проявляется в двух ипостасях. Во-первых, при разведении различий на индивидуальные и групповые, и, во-вторых, в исследовании индивидуальных и типологических особенностей. Производная от рассматриваемой дихотомии триада “индивидуальное—типологическое—групповое” описывает, как мы позже увидим, внутренний аспект онтологического статуса дифференциальной психологии.

“Идентификация—индивидуализация”

Как координата, отображающая реальные процессы человеческой жизни, связана с двумя фактически противоположными тенденциями в развитии человека, обозначаемыми как “социализация—индивидуализация”. Под социализацией понимается процесс формирования в течение жизни индивидуальных поведенческих паттернов, ценностей, стандартов, навыков, установок и мотивов в соответствии с образцами, наиболее желательными в данном обществе (*Hetherington & Parke*, 1975). Также как и предшествующий

двухполюсной конструкт, эта дихотомия связана с выявлением родо-видовых отношений в процессе самореализации индивидуальности в системе социальных отношений.

"Физическое—социальное"

Это деление отображает вычленение внутри физической реальности особой области человеческих, социальных отношений. В ряде исследований отмечается, что даже на начальных стадиях развития уже на психобиологическом уровне (темперамент) происходит разграничение реакций человека на физическое и социальное окружение (*Lerner* & *Lerner*, 1983; *Rothbart*, 1991; *Buss*, 1991). В дифференциальной психологии указанная дихотомия трансформируется в конструкт "предметное—коммуникативное" (или "предметное—социальное" — см. *Kagan et al.*, 1986; *Русалов*, 1990), в котором полюс предметности отображает направленность субъекта на взаимодействие с вещами в физическом смысле слова, а полюс коммуникативности, соответственно, на взаимодействие с людьми.

"Сознательное—внесознательное"

Этой координатой нельзя пренебречь (подробнее о термине "внесознательное" см. *Либин*, 1998б). Протекающие вне сферы сознания процессы оказывают не меньшее, но, зачастую, значительно большее влияние на форму проявления индивидуального поведения. Особое значение учет силы воздействия на поведение со стороны внесознательной сферы психики имеет для психометрических измерений. По этому поводу Мюррей, один из основоположников современной психологии личности, писал: "Дети воспринимают неточно, очень мало осознавая свое внутреннее состояние, и сохраняют свои заблуждения в воспоминаниях. Большинство взрослых вряд ли лучше в этом отношении" (*Murray*, 1938).

"Внешнее—внутреннее"

Последняя по списку, но не по значимости, пара координат реализуется в двух встречных направлениях в иссле-

дованиях индивидуальности: а) изучение интер(меж-)индивидуальных различий, и б) анализ закономерностей интраиндивидуальной реальности. С этими направлениями связана важнейшая задача дифференциальной психологии (кстати, образующая еще одну опору в сооружении независимого статуса этой науки) — изучение механизмов, опосредующих: а) взаимодействие субъекта с предметной и социальной (коммуникативной) средой, б) взаимодействие между собой различных параметров индивидуальности, наконец, в) соотношение этих двух типов взаимодействия в процессе функционирования целостной индивидуальности как саморазвивающейся системы (см. *Либин*, 1993).

Третья координата — завершающий штрих

Классическое дихотомическое видение мира, основанное на первичной, безусловно необходимой на первых этапах познания, жесткой категоризации явлений по принципу "да—нет", конечно, позволяет представить достаточно контрастную, хотя и черно-белую, картину. Ускользающее в этом случае богатство цветовой палитры — хотя, быть может, и не имеющее решающего, с точки зрения науки, значения — довольно досадный факт. Возможно поэтому кажутся такими перспективными (или необходимыми как шкала настройки изображения) концепции "постепенного нарастания изменений признака", "нормального распределения признака в популяции", согласно которому индивидуальные особенности представляются не в виде отдельной точки, а в виде непрерывного континуума и т.д. К разговору о "третьей координате" мы вернемся позже, в разделе о втором, после иерархического, принципе организации индивидуальности — принципе координации.

Общим, пожалуй, для всех выделенных дихотомий является следующее положение. Важно не только констатировать нерасторжимость, неотделимость, недизъюнктивность формального и содержательного, наследственного и приобретенного, общего и единичного, физического и социального etc., но исследовать специфику соотношения между этими факторами, проявляющуюся в иерархичес-

кой организации мира психической реальности и феномена индивидуальности, как центральной его части.

1.4. Иерархическая структура субъекта взаимодействия с миром: организм, индивид, личность, индивидуальность

Изучая закономерности общечеловеческих различий, не избежать вопроса: "Все ли наблюдаемые факты рядоположены?" или: "С помощью каких методов наиболее эффективно изучать те или иные явления?", и, наконец: "Какая система знаний позволит — хотя бы относительно — упорядочить многообразие проявлений индивидуальности?". Эти вопросы вполне могли бы прозвучать во время дискуссии по проблеме соотношения основных понятий в Теории Человеческих Различий, среди каковых традиционно выделяются следующие — организм, индивид, личность, индивидуальность. Исследователю, осваивающему романтическую область изучения индивидуальности, так или иначе придется столкнуться с необходимостью различения вышеуказанных понятий. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению материала следующих разделов, составим свою систему координат, определив точку отсчета в анализе теорий, концепций и экспериментальных данных.

Объединенные в своеобразную парадигамальную рамку, исходные для любой теории индивидуальности понятия находятся в плоскости пересечения смысловых полей двух фундаментальных конструктов — "человек" и "субъект" (см. рисунок 3).

Практически никто из научно ориентированных исследователей не сомневается в том, что исходным, родовым для всей психологии, и для дифференциальной в частности, является понятие "человек". При этом человек рассматривается, в первую очередь, как биологическое существо, относящееся к классу млекопитающих вида homo sapiens. Как раз в этом пункте проходит первая граница в изучении различий (в основном устанавливаемых путем теоретико-методологических констатаций) между человеком и другими живыми существами, в частности, речь идет

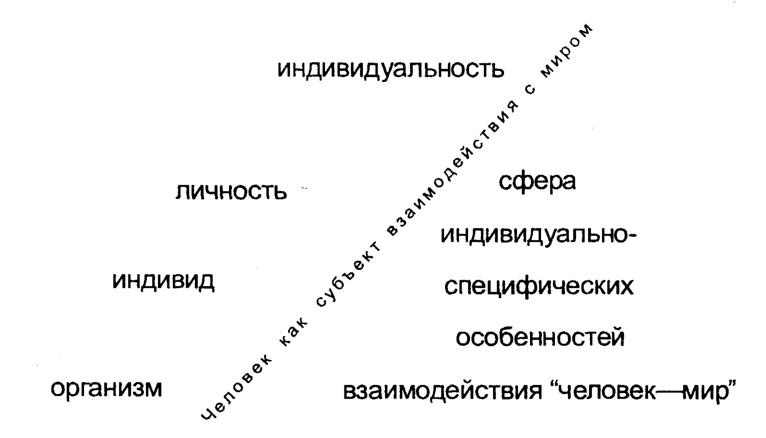

Рис. 3. Семантическая иерархия базовых понятий дифференциальной психологии

о так называемых "высших животных". Размышления над тем, какие именно характеристики — по сути, а не по названию! — отличают человека от своих ближайших "братьев по разуму", обнаруживают большую трудность в интерпретации содержания таких хорошо знакомых понятий как инстинкт и сознание, автоматизированный поведенческий акт и волевой поступок, целесообразность и рассудочность в проявлении избирательной активности и прочее, и прочее. Однако реально существующую границу между структурно-функциональными особенностями организации не-человеческих и человеческих существ необходимо прочертить, даже если нет уверенности в четкости и ясности критериев основных различий (см. таблицу 1).

Качественный анализ представленных, а также многих других отличий, является, в основном, предметом социобиологии и психобиологии. Для наших же целей существенно обозначение нижней границы, преддверия к области дифференциально-психологического анализа. Психобиологическое (и социобиологическое) сечение имеет прямое отношение к немаловажному вопросу о детерминантах (то есть определяющих факторах) индивидуальных различий, соотношении наследственности (эволюционно-генетическая переменная) и среды (социо-культурная переменная)

Таблица 1

Основные различия между человеком и высшими животными

	Высшие животные	*Человек*
Анатомо-морфологические отличия	Зачатки прямохождения у приматов; менее развитая структура мозга; органы воспроизведения звуков не приспособлены для речи	Прямохождение; сложная мозговая организация (наличие развитых лобных долей и пр.,); наличие совершенного речедвигательного аппарата
Различия в организации психики	Инстинктоподобная психика;не развито понятийное и абстрактное мышление; в психике не выделена структура-Я как основа сознания и самосознания	Есть высшие уровни ментальной иерархии — понятийное мышление, сознательная регуляция, нравственные переживания, Я-концепция, мировоззрение
Различия во взаимодействии с миром (как субъектов)	Приспособительная и адаптивная активность на основе преимущественно автоматизированного поведения	Осознанная конструктивная и преобразующая активность; наличие культуры, искусства, творчества; разумное познание себя и мира

в развитии личности, к проблеме взаимодействия биологического и социального в человеке. Глобальность этих тем еще не раз заставит обратить на них внимание, но сейчас мы уже подходим к следующей границе в нашем движении по уровням иерархической организации человека как субъекта взаимодействия с миром.

1.4.1. Организм — телесный фактор индивидуальности

Биологическая координата человека определяет его как живое телесное существо. Наиболее близким к этому определению оказывается понятие “организм”, которое в широком смысле может включать в себя анатомо-морфологическую структуру, физиологические и нервные процессы, наконец, высшую нервную деятельность вместе с механизмами работы органов чувств. В современной дифференциальной психофизиологии и психологии личности

понятие "организм" тесно связано с такими признаками как "специфика телесной организации", "биохимические индивидуальные особенности" и "нейрофизиологические основы индивидуальности" (см. главу 10).

Нет сомнений, понятие "организм" кажется более подходящим для исследований биологов и физиологов, чем психологов. Кроме того, когда речь идет о человеке, с присущими его психике высшими формами регуляции, позволяющими с помощью образов, представлений или слов влиять на протекающие в организме процессы, становится очевидной недостаточность чисто биологической интерпретации человеческой телесности. Возможно поэтому у И.Канта (1797/1900) возникла идея создания антропологии, согласно основным постулатам которой телесность разумного существа приобретала новое, человеческое измерение. Так или иначе, конституциональная координата отмечает переход от исследования различий между феноменами допсихических уровней — к анализу собственно психических процессов.

1.4.2. Индивид — предпосылка к личности

Понятие "индивид" является коренным словом для центрального в дифференциальной психологии конструкта "индивидуальность", поэтому возможная двойственная трактовка этого понятия прослеживается и в двойственной неопределенности (или, правильнее сказать, определенности) понимания специфики индивидуальности как таковой.

Термин "индивид" обозначает, с одной стороны, "единое нераздельное существо (от лат. individuum — неделимое)" (*Радлов*, 1913), "выступающее как единое целое" (*Webster's* ..., 1996), и, с другой стороны, "отдельного представителя человеческой общности" (*Петровский*, *Ярошевский*, 1990). Эти качества индивида проявляются затем на высшем уровне интеграции субъекта — в его индивидуальности — как уникальные, присущие только данному конкретному человеку свойства, и как его целостная характеристика. Заметим, что и в том, и в другом случае понятие "уникальности" совсем не противоречит, а, скорее, дополняет понятие "целостности".

Индивидный уровень свойств — половозрастные и конституциональные (включая нейродинамические) особенности (см. *Ананьев*, 1977; 1980) — принято считать безличными предпосылками развития субъекта (см. *Асмолов*, 1984; 1990). Хотя содержание этих понятий чаще определяется познавательной ориентацией автора — биогенетической, социогенетической или персонологической (*Кон*, 1984), в любом случае они являются "уровневыми характеристиками" (*Равич-Щербо*, 1988). Индивидный уровень отражает преимущественно природные особенности организации психических процессов, а личностный — социально привнесенные. Другими словами, индивидная координата человека обозначает очередную, также двойственно интерпретируемую, границу в сфере познания, проявляющуюся в:

1. переходе от отдельной сущности к групповой, когда "неделимый" представитель своего вида характеризуется включенностью в группы, объединенные как по биологическим (пол, возраст, раса) и собственно психологическим (типовые характеристики психических процессов), так и по социальным (культурная и профессиональная идентификация, социально-экономический статус) признакам;
2. трансформации безличных (до-личностных) предпосылок в свойства, обнаруживающие личностную детерминацию.

1.4.3. Личность — психологический носитель социальных свойств

Отмечая различия между понятиями "индивид" и "личность", обычно указывают, что это формально-логически равнозначащие понятия, относящиеся к одному и тому же классу объектов (*Ломов*, 1984, с.291), хотя в каждом из них раскрываются разные признаки субъекта. При этом в "понятии "личность" фиксируются те признаки, которые определяются принадлежностью индивида к обществу (социальное качество)" (*там же*).

Совсем недавно так широко распространенное определение личности лишь как совокупности свойств (или факторов) постепенно становится достоянием исторической психологии. На современном же этапе исследователей при-

влекают "своей простотой" два круга проблем — 1) источники возникновения личностных черт, анализ сложной природы их детерминации; и 2) стремление понять личность как особый, не сводимый ни к каким другим уровням психической реальности, феномен:

> "Как же можно вычленить собственно личностные характеристики субъекта, которые не совпадали бы с общепсихологической, или, точнее говоря, дифференциально-психологической, традицией... и не растворялись без остатка в межсубъектных связях как предмете социально-психологического исследования?" (*Петровский, Ярошевский*, 1994, с.400).

Одни считают, что источники индивидуального своеобразия организации человеческой личности скрываются в специфике нервной системы, другие убеждены, что личность — чисто социальный феномен, никак не связанный с таким "заземленным" понятием, как организм. Прогрессивную установку выражает мнение Л.М.Веккера (1981; 1998), считающего личность основным носителем именно психосоциальных свойств человека. Обозначить границу при переходе от концепции личности к пониманию индивидуальности, интегральной по самой своей природе, очень сложно. Можно лишь указать на трудноуловимую грань между процессами интериоризации и экстериоризации (*Выготский,* 1926), в которых отражается специфика "собственно-личностного" и "личностно-общественного" проявления.

Наконец, личность, особенно в своих высших проявлениях, оказывается, по мнению многих категоричных в своих выводах авторов, структурой, максимально разведенной с исходными — организмическим и индивидным — уровнями (в смысле их влияния на личностные образования). Вместе с тем, вряд ли даже эти авторы стали бы оспаривать положение об обратном влиянии личности на все процессы, протекающие в организме, чему есть многочисленные свидетельства из области экспериментальной психосоматической медицины, включая применение самовнушения, аутотренинга и гипноза, основанного на действии второй сигнальной системы (то есть речевых символах).

Для объяснения этих фактов в необходимом нам дифференциально-психологическом контексте необходимо

введение следующего, интегрального уровня, ответственного за появление эффектов компенсации, сопряжения, дифференциации и координации при функционировании целостной системы индивидуальности.

1.4.4. Индивидуальность — интегральная биопсихосоциальная характеристика человека

Многие авторы почеркивают понимание индивидуальности как совокупности (симптомокомплексе, синдроме и пр.) различных свойств — от биохимических и нейрофизиологических до особенностей творческого самовыражения. В то же время существуют значительные расхождения в том, считать ли индивидуальность качественно новой, целостной характеристикой, описывающей интегральные способы реализации человека в течение жизни, или же надо говорить "лишь" об индивидуальных особенностях тех или иных психических — в том числе личностных — процессов, черт и состояний. В последнем случае понятие "индивидуальность" используется для определения одной из сторон конкретной формы активности, для выражения "не целостности, не всесторонней полноты, а своеобразия, неповторимости определенного явления, его непохожести на другие явления данного вида" (*Панпурин*, 1990).

Вместе с тем, именно с анализом интегративных эффектов функционирования индивидуальности (таких как, например, адаптивность, компенсаторность, оптимальность или результативность), связан основной вопрос дифференциальной психофизиологии и психологии — "чем каждый из нас отличается от других людей" (*Небылицын*, 1996). В этой фразе заключается суть следующей границы, пролегающей между общечеловеческими (универсальными психическими и социо-культурными) закономерностями и тем, как эти общие законы преломляются в неповторимом мире субъективной реальности. Носителем этого мира (репрезентирующим его вовне) является индивидуальность как уникальный целостный феномен, оказывающийся интегралом всех уровней внутреннего и внешнего взаимодействия, включающего в себя процессы диффе-

ренциации и координации (см. главу 10). Очевидно, что анализ следующей границы, переход через которую выводит нас к понятию "метаиндивидуальности" (*Мерлин*, 1986; *Дорфман*, 1995), включающему в себя также различные формы взаимодействия субъективных миров индивидуальности, станет предметом рассмотрения других глав (см. часть VI). Мы же обратимся пока ко второму, временно вынесенному за скобки, полюсу "парадигмальной дихотомии".

1.4.5. Человек как субъект взаимодействия с миром

Второй метаполюс, образующий вместе со смысловым конструктом "человек" необходимый контекст для анализа триады индивид—личность—индивидуальность, обозначается термином "субъект", который в наиболее общем виде трактуется как "носитель состояний" (*Радлов*, 1913) и свойств. Представляется обоснованной точка зрения, согласно которой "субъект" — понятие неоднопорядковое по отношению к рассматриваемой, базовой для наук о человеке, системе координат. Категория "субъект" используется для анализа единичности участника процесса взаимодействия, его свойств и особенностей — как организма (биологического существа, носителя морфологических и физиологических функций), индивида (носителя психических, предличностных функций), личности (носителя психосоциальных функций) или целостной индивидуальности (носителя интегральных функций человека как саморазвивающейся, эволюционирующей системы) — в функциональном аспекте конкретной формы активности. Нельзя сказать, что эта разделяемая многими и очевидная — для авторского субъективного взгляда — позиция является общепринятой. Для ряда исследователей, привнесших свой вклад в психологическую науку, понятие "субъект" превращается из функциональной категории в онтологическую и, соответственно, становится высшей формой развития "человеческого в человеке" (см., например, *Ананьев*, 1968; *Брушлинский*, 1996; *Веккер*, 1981).

Если понятие “человек” является родовым в онтологической линии — от организма как биологической подструктуры через индивидные свойства к личности, и далее к целостной индивидуальности, — то понятие “субъект” оказывается исходным для характеристики процесса “субъект—объектного” взаимодействия, идет ли речь о биологической (психофизиологической), собственно психической или социальной активности человека. Для полноты картины будет уместно представить сказанное в виде следующего рисунка 4.

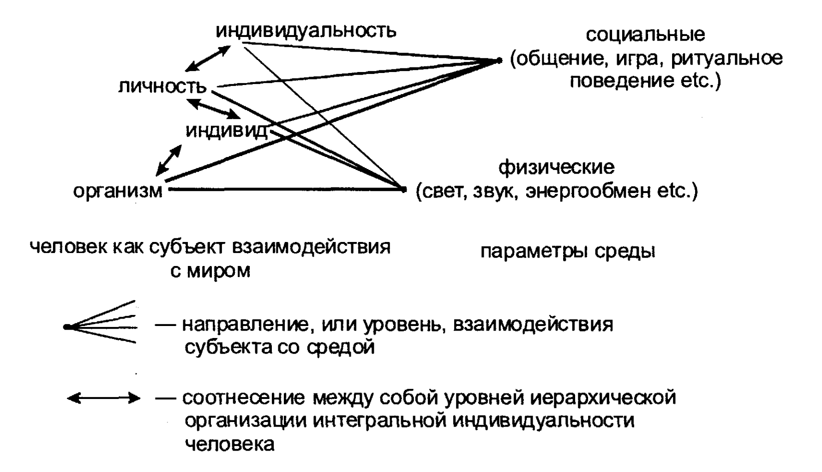

Рис. 4. Иерархическая структура взаимодействия человека как субъекта с окружающим миром

Индивидуальность человека, анализируемого в качестве субъекта взаимодействия с окружающим предметным и социальным миром, и является, как отмечалось, предметом дифференциально-психологического исследования. Для составления целостной характеристики индивидуальности необходим учет всех аспектов — от интра- (т.е. внутри-) индивидуальной изменчивости до группового статуса; от биологических характеристик человека как организма до содержательного анализа различий во внутреннем мире личности. Рисунок 5 поясняет это положение.

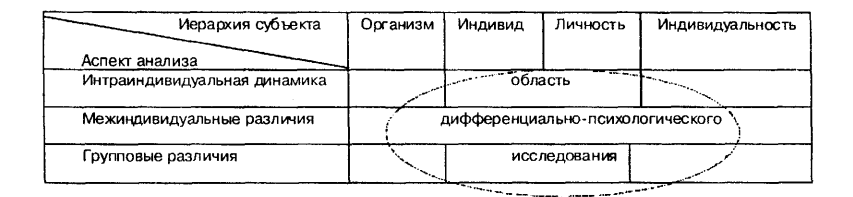

Рис. 5. Дифференциально-психологический анализ человека

1.5. Дифференциально-психологическая парадигма в изучении человека

Так или иначе, но все многообразие исследовательских (теоретических, экспериментальных и прикладных) направлений группируется вокруг двух типов выделенных ниже конструкций, которые некоторые авторы обозначают как "категориальные блоки", "категориальные триады" (*Ярошевский*, 1961; 1996; *Умрихин*, 1987), а мы называем, перефразируя Т.Куна (*Kuhn*, 1977), парадигмальными формулами. Независимо от авторских предпочтений, все эти линии исследовательской мысли отражают по крайней мере одну, общую характеристику психической реальности — несводимость друг к другу различных уровней организации индивидуальности и ее свойств.

"Организм—индивид—личность". Эти понятия, выводимые из историко-методологического анализа (*Умрихин*, 1987) развития психологического познания, указывают на "различный уровень взаимоотношения человека с действительностью, а тем самым на "различные подсистемы" в общем строении носителя психической жизни" (*Ярошевский*, 1974, с.432). Разумеется, речь не идет о "жестком однозначном разграничении органических, социальных и психических свойств" (*Кон*, 1984) предмета исследования (человека), однако давно пора понять необходимость выделения иерархии носителей различных индивидуальных свойств, что позволит получить адекватное представление о механизмах их формирования.

"Индивид—личность—индивидуальность". Если необходимость разведения понятий первой пары (индивид и личность) отмечается представителями практически всех направлений отечественной психологической теории (*Леонтьев*, 1977; *Рубинштейн*, 1946; *Ананьев*, 1968), то при анализе соотношения этих понятий с термином "индивидуальность" между ними возникают значительные разногласия. Чтобы подчеркнуть наличие более интегрального образования для первой пары понятий добавляются различные модификации — "социальный индивид", "субъект деятельности", "метаиндивидуальность". В этих случаях индивидуальность также оказывалась иногда интегральным образованием, включающим в себя, например, триаду "индивид—личность—субъект деятельности" (*Ананьев*, 1977). Также интересен подход, в котором "индивид—личность—индивидуальность" представлены как элементы эволюционирующей системы (*Асмолов*, 1990), хотя более логично было бы начинать разговор об эволюции с рассмотрения биологической подсистемы человека — организма.

В наиболее общем виде представления о парадигме в определенной области науки были сформулированы Т.Куном (*Kuhn*, 1973). Создатель парадигмальной теории выделяет два аспекта в определении парадигмы — "дисциплинарная матрица" и "образец". Последнее определяется как конкретное решение, принятое научной группой и ставшее символическим обобщением различных аспектов проблемы, как раз и заключенных в образце. Исследуя образец, можно научиться применять символическое обобщение как для новых экспериментальных ситуаций, так и при изучении сходных взаимодействий.

Дисциплинарная матрица является неким "общим владением" в рамках профессиональной дисциплины и содержит три типа элементов: символическое обобщение, модели и Образцы — то есть элементы, лежащие в основе относительной полноты профессионального общения. Главное же в том (*Suppe*, 1977), что дисциплинарная матрица образует концептуальную структуру.

Как отмечают многие известные психологи (*Eysenk*, 1994; *Lamiell*, 1997), большинство учебников по психологии личности и индивидуальных различий представляют

собой простой набор глав. Чаще всего они включают изложение не связанных между собой теорий, либо обзор фактов по отдельным областям изучаемой проблемы. Со временем добавляются новые подходы, накапливаются новые факты. Но все это (*Eysenk*, 1983) не является эволюцией парадигмы, и ни одна из традиционных линий дифференциально-психологического исследования не была пока принята в этом качестве.

Вместе с тем научной общественностью допускается ряд имплицитно существующих во множестве теорий парадигмальных установок. Так, исследования в области индивидуальных, типологических и групповых различий — независимо от субъективной позиции авторов — ведутся в контексте универсальных смысловых "связок" (цепочек, chanks, sets), определяющих дифференциально-психологические координаты изучения человека: биологическое—психологическое—социальное, общее—особенное—уникальное, устойчивое—флуктуирующее—изменчивое etc. Представители всех сложившихся к настоящему времени подходов подчеркивают необходимость разведения уровней (но мало кто говорит о принципах соотнесения уровней ментальной реальности) анализируемого феномена — организмического и личностного, индивидного и группового, то есть об установлении, в первую очередь, родо-видовых соотношений в изучаемой феноменологической структуре. О важности разведения уровней говорится при анализе темперамента, стиля, интеллекта, способностей, иерархии потребностей, мотивов и целей, личности в целом.

В школе дифференциальной психофизиологии, ведущей свою научную традицию от идей И.П.Павлова (1951 а,б,в), содержание того, что Т.Кун назвал позднее Образцом, выражено в парадигмальной формулировке "организм—индивид—личность". В сформированном Б.М.Тепловым и В.Д.Небылицыным научном направлении исследуются и соотносятся между собой различные уровни индивидуальности (см. *Базылевич*, 1996; *Голубева*, 1994; *Крупнов*, 1996; *Лейтес*, 1960; *Рождественская*, 1997; *Русалов*, 1979; *Strelau*, 1983 и др.). Практически в этом же направлении, развивая представления об иерархической организации системы

индивидуальных признаков, работали Б.Г.Ананьев (1977), В.С.Мерлин (1986) и их многочисленные последователи. И в работах, выполненных в рамках несколько иного по направлению (разумеется, в смысле научно-методологических установок) деятельностного подхода, неизбежно делается акцент на первичности для любого теоретического обобщения в области изучения индивидуальности (личности) отмеченных выше парадигмальных формул (*Асмолов*, 1996; *Климов*, 1967; *Леонтьев*, 1977).

Обобщая теоретические и экспериментальные данные, накопленные более чем за полстолетия, можно предположить, что на пересечении методологических линий в рассматриваемой области исследования возникает дисциплинарная матрица, которая в упрощенном виде представляется так:

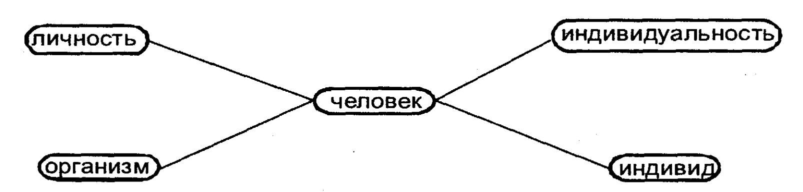

Рис. 6. Схематическое представление дисциплинарной матрицы в области дифференциально-психологических исследований

В этом случае дополнить парадигмальную конструкцию дифференциальной психологии может Образец, представляющий собой иерархическую модель индивидуальности человека. Теоретические и экспериментальные аспекты этой модели (опять-таки, пока еще не соотнесенные между собой в едином концептуальном пространстве) проанализированы в ряде фундаментальных исследований (*Berliner et al.*, 1964; *Royce*, *Powell*, 1983; *Clarke & Clarke,* 1984а; *Ананьев*, 1996; *Мерлин*, 1986).

Представленный в последующих главах материал по своей структуре и логике изложения соответствует — возможно, не всегда настолько удачно, насколько бы хотелось автору — описанной парадигмальной конструкции, эффективность которой все больше и больше подтверж-

дается новейшими исследованиями (см. *Libin*, in preparation, b).

Завершая этот подраздел, хотелось бы отметить, что сама природа сложнейшего биопсихосоциального феномена индивидуальности человека требует включения в научный анализ "демаркационных критериев" (*Popper*, 1959; 1962a), позволяющих отличать научное знание от ненаучного, а также псевдонаучного. Наступит ли парадигмальная революция (в терминах Куна) в области дифференциально-психологических исследований человека, зависит и от того, насколько интенсивным будет междисциплинарное взаимодействие в этом направлении в начале следующего, третьего тысячелетия (см. также Послесловие).

1.6. Внутренний и внешний статус дифференциальной психологии

Схема, которая будет изложена ниже, представляется весьма важной для всего курса дифференциальной психологии, так как она очерчивает внутреннюю и внешнюю границы дифференциально-психологического знания, тесно соприкасающегося со многими разделами человекознания.

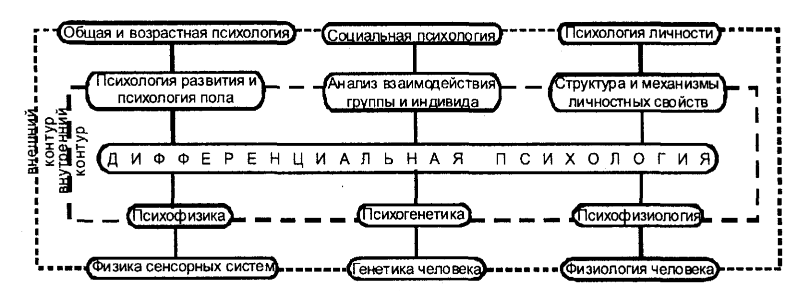

Рис. 7. Статус дифференциальной психологии в системе человекознания

Внешний статус определяется верхними и нижними примыкающими к исследуемой нами области границами, проходящими от физики сенсорных систем человека, через генетику и физиологию, к психологии личности.

Внутренний статус определяется сферой пересечения подструктур пограничных областей знания, образованных в результате вычленения в них дифференциально-психологического аспекта: половозрастные различия и различия в развитии, групповые различия, личностные и типологические различия, дифференциальная психофизиология и психофизика, психогенетические модели детерминации человеческих различий. В сжатом виде рисунок 7 как бы передает основное семантическое пространство, очерченное содержанием данной книги.

Ключевые термины главы: вариативность поведения, время реакции, дифференциально-психологическая парадигма, житейская психология, индивид, индивидуальная психология, иерархическая структура субъекта, интегральная индивидуальность, личность, наблюдение, научные знания, организм, природа человеческих различий, прикладное человекознание, сравнительный анализ, типологическая психология, универсальные дихотомии, характерология, эволюционная теория личности.

Глава 2. Общие принципы дифференциально-психологического анализа

Любая область знаний, претендующая на независимый статус, строится на основе некоей системы базовых принципов, определяющих суть данного научного направления. Для дифференциальной психологии наиболее существенными принципами являются:

* принцип реализации формального подхода;
* принцип интегрального анализа (соотношение части и целого);
* принцип взаимосвязи интра- и интериндивидуальных закономерностей;
* принцип взаимодействия эндо- и экзофакторов в детерминации различий;
* принцип измеряемости и статистической оценки изучаемых явлений.

Каждый дифференциальный психолог следует в своем научном поиске и практической работе правилам, основанным на системе базовых принципов, определяющим специфику его профессиональной деятельности.

Представленная в данной главе интерпретация базовых принципов описывает дифференциально-психологический аспект в изучении человека.

2.1. Традиции формального подхода

В изучении индивидуальности формальный подход (от лат. forma — структура чего-либо, а также от formans — образующий) можно определить как совокупность методов анализа структуры устойчивых универсальных свойств человека. Конструкт "формальный подход" позволяет провести необходимую для целей исследования границу между наиболее типичными, стабильными, воспроизводимыми в жизненной практике и в экспериментальной ситуации индивидуально-типологическими особенностями, и остальным бесконечным разнообразием уникальных ком-

бинаций признаков, характеризующих неповторимость отдельной человеческой индивидуальности.

Вместе с тем, представляется недостаточно обоснованной позиция, согласно которой формальными или эксплицитными теориями считаются все научные теории индивидуальности (личности), в отличие от неформальных или имплицитных наивных концепций, распространенных в среде непрофессионалов (*Phares, Chaplin*, 1997). Это деление отражает, скорее, универсальную для всех областей знания дихотомию "научное—житейское", и ничего нового не привносит в понимание научной специфики формального подхода как специального метода научного познания человека. К тому же, множество теорий индивидуальности, имея ярко выраженную идеографическую направленность и ставя своей целью изучение собственно-субъектных закономерностей организации внутреннего мира человека, смыкается в этом пункте с методами ненаучного, метафорически-художественного анализа индивидуальности.

В рамках формального подхода для описания структуры психики используются такие психодинамические конструкты, как темперамент, стиль, способности, характер и другие. Отличие в использовании этих конструктов в психодинамических и общеличностных теориях обозначается вопросом. Обычно исследователи, предлагая разнообразные способы объяснения природы различных психических явлений, явно или неявно демонстрируют свое отношение к двум основным вопросам психологии: "Что?" (значение содержательного компонента психики); и: "Как?" (проявление психодинамической стороны). Поиски ответа на последний вопрос ("Как?") связаны, в первую очередь, с развитием представлений о способах, или форме функционирования психических процессов, свойств и индивидуальности в целом. Г.Оллпорт определял важнейший параметр личности — черту, — прибегая к понятию "устойчивых, эквивалентных форм адаптивного и экспрессивного поведения" (*Allport*, 1937), воспроизведенных индивидуальной системой в качестве функциональных эквивалентов раздражающих воздействий. Формальную сторону индивидуальности называют также инструменталь-

ной (*Палей, Магун*, 1979), подразумевая под этим характеристику субъекта с точки зрения способов — своеобразных "орудий" или "инструментов", — которые он использует для освоения мира.

Отличие формообразующих свойств от других характеристик человеческой индивидуальности в том, что их развитие в меньшей степени определяется влиянием содержательно-смысловых детерминант. Формальный подход предполагает выявление инвариантной структуры изучаемого феномена и определение валидности анализируемых параметров.

В новейших теориях психологии индивидуальных различий подчеркивается, что содержательная сторона поведения и деятельности, являющаяся во многом результатом усвоения этических и культурных норм, и формально-динамическая характеристика человека сливаются в одну гармоничную универсальную структуру. При этом биологически обусловленные базисные свойства, или тенденции, часто становятся фактором, ограничивающим число степеней свободы в процессе формирования и развития вышележащих психологических структур (*Русалов*, 1986; *Собчик*, 1987). Другими словами, содержательные характеристики попадают под действие социально-обусловленных законов культурного контекста, в то время как механизмы формальных характеристик индивидуальности подчинены эволюционно-генетическим законам, оказываясь в большей степени под влиянием кросс-ситуативных, устойчивых во времени и толератнтных к контекстуальному воздействию, факторов. Отметим также, что взаимоотношения формы и содержания обратимы и релятивны (*Дорфман*, 1995). С позиций теории интегральной индивидуальности обратимость и релятивность формально-динамических и содержательных индивидуальных свойств обусловлены двойственностью ее качественной определенности, т.е. тем, в каком качестве она рассматривается: как подсистема социальных систем или как самостоятельная система. Когда формально-динамические свойства — идет ли речь о темпераменте или о динамической стороне свойств личности — принадлежат Интегральной Индивидуальности (системе) и ее характеризуют, то они при-

обретают статус содержания, подобно тому как содержательные свойства психики обретают статус содержания в силу выражения (отражения) в них тех или иных признаков социальной системы (тогда Интегральная Индивидуальность является подсистемой социальных систем).

Принцип иерархичности

* соответствие носителя и его свойства
* дифференцированность структур в процессе развития

Принцип инвариантности

* консистентность свойств
* изоморфизм основных тенденций

Принцип координации взаимодействия

* соотнесение автономии функционирования структур с диапазоном их степеней свободы
* эффекты оптимальности и компенсаторности

Принцип единства

* взаимообусловленность свойств (одно-многозначное и много-однозначное соответствие)
* интеграция свойств в целостную структуру, обеспечивающую эффекты адаптивности и результативности

Рис. 8. Принципы Формального подхода

Формальный анализ индивидуальности основан на использовании следующих четырех базовых принципов (см. рисунок 8):

* принципа иерархичности, заключающегося в разведении и последующем соотнесении между собой уровней анализа исследуемого явления;

* принципа инвариантности, выражающегося в определении меры стабильности—изменчивости изучаемых структур, а также типа источников детерминации конкретных индивидуальных свойств;

* принципа координации взаимодействия, лежащего в основе наиболее существенных для понимания природы человека интегративных эффектов оптимальности и компенсаторности поведения;

* принципа индивидуального единства, согласно которому никакое из индивидуальных свойств не интерпретируется без учета целостной природы феномена индивидуальности, связанной с интегративными эффектами адаптивности и результативности (*Либин*, 1993).

Каждый из принципов сопряжен с рядом очень важных взаимозависимых положений; все вместе образует своеобразный теоретический гештальт, определяющий специфику формального подхода.

2.2. Структура индивидуальности: формообразующие компоненты

Помимо исследования структуры признаков и составляющих ее компонентов, важнейшей задачей формального анализа является выявление правил, "управляющих формированием гештальт-структур" (*Arnheim*, 1981). В свою очередь, познание закономерностей, регулирующих функционирование индивидуальности, возможно только через изучение механизмов, порождающих интересующие нас эффекты человеческих различий. Знание конкретных механизмов связано с решением многих практических задач — психотерапевтических, психокоррекционных, обучающих и развивающих, — отвечающих на вопрос:

> "почему одни наборы составляющих лучше других, и, в частности, почему результирующая сторона оказывается иногда согласованной, а иногда противоречивой, иногда мощной и ясной, а иногда слабой и рыхлой" (*Арнхейм*, 1994, с.291).

Природа темперамента и интеллекта

Как уже отмечалось, первоочередная задача в научном дифференциально-психологическом исследовании — выявление механизмов образования формальных характеристик. Для этих целей разрабатываются различные классификации формальных свойств индивидуальности человека. Большинство авторов выделяют в качестве отдельных классов энергетические и регулятивные характеристики, относя к первым — активность—интенсивность, скорость и пластичность, а ко вторым — эмоциональную чувствительность, тип реагирования во фрустрирующих ситуаци-

ях, фон настроения (*Русалов*, 1989; *Бодунов*, 1988; *Небылицын*, 1996; *Стреляу*, 1986; *Buss & Plomin*, 1991). Также специально выделяется класс формально-программных индивидуальных параметров, охватывающий общие звенья более сложных, в том числе и социально-групповых, программ поведения (*Русалов*, 1994). Сюда относятся: тип стратегии снятия неопределенности, предпочтение ранга доминирования, проявление выбора (основанное на относительном преобладании той или иной сигнальной системы действительности по И.П.Павлову). Обусловленность формально-программных характеристик спецификой лежащих в их основе систем предпочтения есть проявление системообразующего фактора индивидуального поведения (*Либин*, 1993). Все эти свойства, детерминированные со стороны природной организации индивидуальности темпераментальными структурами, не определяют отношения субъекта к действительности, а проявляются в форме этого отношения.

Также как и к темпераменту, к интеллекту нельзя применить оценочно-содержательные характеристики. Интеллект не может быть "порядочным", "моральным", "злым" или "добрым". Все эти определения связаны с личностной направленностью субъекта, характеризуя содержательную сторону его мировоззрения, ценностных ориентаций, этического поведения. Можно сказать, что темперамент — это характеристика инструментальной сферы индивидуальности со стороны активности, энергии, а интеллект — со стороны возможностей субъекта, умения распорядиться этой энергией.

Структурные компоненты характера

Зарождаясь в темпераментальных свойствах, эмоции и потребности получают свое продолжение в структуре характера, но уже дифференцируясь в значительной степени под влиянием социально-значимого содержания, а не только эволюционно-адаптационных программ. Это совсем не означает, что природа высших проявлений эмоциональной и потребностно-мотивационной сферы — мораль, нравственность, стремление к самоактуализации — лежит

за пределами психической сферы, но свидетельствует о преобладании целевой детерминации в организации интегральных уровней индивидуальности (см. *Веккер, Либин*, готовится к печати).

Структурная динамика личности

Существует огромное количество данных, свидетельствующих о том, что ряд показателей моторной сферы индивидуальности, расположенных на низших уровнях иерархической системы образующих признаков, связан с формальной стороной важнейших личностных проявлений. Основные динамические проявления личностных свойств, как показано в ряде исследований, коррелируют с опосредованным темпераментом типом нервной системы. И.П.Павлов (1951а) отмечал, что свойства нервной системы обуславливают динамический аспект психической системы субъекта, самую общую характеристику, которая накладывает "ту или иную печать" на всю деятельность индвидуума (с.467). Особенности типа нервной системы отражаются на форме протекания психических, в том числе и большинства личностных, процессов человека (памяти и внимания, эмоций, мышления, воли, потребностей и мотивов etc.). Мы не заканчиваем эту тему, отсылая читателя к главе девятой, где будет описана структура личности с точки зрения формальных характеристик, отдельных от сферы влияния содержательных закономерностей.

2.3. Элементы гештальта и их интеграция в целостную структуру

В первой главе уже говорилось о взаимосвязи трех основных ветвей современной психологии — общей, дифференциальной и социальной, а также о промежуточном положении психологии индивидуально-типологических и групповых различий. Еще более сложным оказывается вопрос о соотношении дифференциальной психологии и психологии личности. В самом деле, какая характеристика человека — личность или индивидуальность — является "более интегральной", более адекватно выражающей специ-

фику целостной природы человека? Сама постановка вопроса звучит достаточно иронично. Очевидно, при определении этого своеобразного гештальта, обозначенного как "субъект взаимодействия с миром", речь должна идти о различных интерпретациях предмета изучения в разных научных дисциплинах.

Предметом психологии личности — и это следует уже из названия — является человеческая личность и ее природа, преобразующаяся под воздействием социо-культурных условий, а также анализ типичных способов самореализации личности в системе социальных отношений. Предмет дифференциальной психологии — индивидуальность человека в качестве единичного и группового субъекта. При этом индивидуальность понимается двояко. Во-первых, как целостная интегральная характеристика самопроявления человека во взаимодействии с другими людьми и объектами. Во-вторых, как индивидуальные особенности субъекта, сопряженные с помощью специальных механизмов в единую иерархическую структуру, и описывающие как специфику биохимической и нейрофизиологической организации физической базы ментального мира, так и способы взаимодействия субъекта с социальным миром.

2.4. Интраиндивидуальные и интериндивидуальные различия

Изучение проблемы индивидуальности ведется в двух встречных направлениях:

* анализ интериндивидуальных различий: что объединяет и что отличает людей, то есть поиск общего и особенного в терминах философской психологии (о философской психологии подробнее см.: *Block*, 1981; а также *Беккер, Либин*, готовится к печати);

* изучение закономерностей интериндивидуальной реальности, проявляющейся в структурной организации и динамике функционирования "внутри"-индивидуальных механизмов (рассмотрение единичного).

Довольно распространенной ошибкой при анализе структуры индивидуальности (интра-аспект анализа) является отождествление "части" и "целого" в характерис-

тике отдельных свойств. Следствие этого — ошибочность в определении источников детерминации того или иного свойства, характерная для концепций, основанных на представлениях о недифференцированности структуры индивидуальности.

Другая ловушка подстерегает некоторых сторонников теории социального научения, полагающих, что межиндивидуальные различия (интер-аспект анализа) стираются под воздействием силы ситуационного фактора. В этом случае ситуационно-обусловленное поведение воспринимается исследователями как устойчивый фактор детерминации, нивелирующий различия в реакциях и способах субъективной интерпретации события, производных от специфики жизненного опыта человека.

И в том, и в другом случае происходит подмена сложности симметричного по природе своей явления кажущейся простотой асимметричных выводов.

2.5. Индивидуальные, типологические и групповые различия

Деление области дифференциально-психологических исследований на три сферы, относящиеся к анализу различий между отдельными людьми, человеческими группами и, наконец, типами людей, имеет большое значение. Знание индивидуальных различий позволяет глубже проникнуть в тайну строения субъективного мира человека (см. часть III). Однако сам феномен индивидуальности возникает как результат взаимопроникновения субъективного и объективного, и в этом смысле очень важно исследовать групповой статус субъекта (см. часть IV), характеризующий последнего с точки зрения возраста и пола, принадлежности к определенной расе и культурной традиции. Одной из самых интригующих тем дифференциальной психологии является характеристика индивидуальности со стороны ее принадлежности к определенному типу. Таким образом, анализ субъекта в дифференциальной психологии идет через выявление индивидуальных различий — с учетом группового статуса — к определению типа, а затем вновь возвращается к изучению законов организации интраиндивидуальной структуры.

2.6. Nature vs Nurture: эндофакторы и экзофакторы в детерминации межиндивидуальной вариативности

Проблема, обозначенная как: “Природа (Nature) или Воспитание (Nurture)”, связана с определением источников детерминации межиндивидуальной вариативности и является центральной для дифференциальной психологии. В конкретных исследованиях эта проблема изучается в контексте концептуального и экспериментального анализа соотношения личностных и средовых переменных, влияния наследственности или окружения, то есть внутренних (эндо-) или внешних (экзо-)факторов.

Психогенетика заслужила признание в качестве одного из основных методов изучения природы человеческих различий. Отсылая читателей к данным фундаментальных исследований на эту тему (*Равич-Щербо*, 1990; *Талызина, Кривцова, Мухаматулина*, 1991), ограничимся краткими, но весьма важными замечаниями и пояснениями, без понимания которых чтение последующих глав будет затруднено.

Генетический анализ индивидуальных различий включает в себя:

* генеалогический метод, основанный на сравнении между собой людей, находящихся в различной степени родства;

* близнецовый метод (сравнение между собой монозиготных близнецов, обладающих идентичным генотипом, и дизиготных, имеющих примерно половину общих генов, как и сибсы — то есть дети одних родителей);

* изучение приемных детей предполагает сравнение их характеристик с особенностями биологических и приемных родителей.

Исследуя в течение многих лет причины индивидуальных различий между людьми в интеллекте и личности (включая психопатологические проявления), Р.Пломин и Д.Даниельс (*Plomin, Daniels*, 1987) пришли к выводу, что одна из основных причин психологической вариативности — разная среда, в которой формируются дети (в частности, порядок рождения ребенка, взаимоотношения ро-

дителей и их отношение к детям, разные формы обучения и общения со сверстниками). Р.Пломин и Дж.Дефрайс (*Plomin*, *DeFries*, 1985), анализируя влияние генотипических особенностей индивида на специфику среды, с которой он взаимодействует в процессе онтогенеза, выделяют три типа связей между генотипом и средой:

— пассивное влияние, когда члены одной семьи имеют и общую наследственность, и общую среду (неслучайное сочетание наследственных особенностей и условий среды);

— реактивное влияние, при котором врожденные психофизиологические особенности ребенка могут повлиять на отношение к нему родителей и сверстников, способствуя тем самым формированию определенных черт личности;

— активное влияние, при котором индивиды осуществляют активный поиск среды (или создают среду), которая в большей степени соответствует их наследственным задаткам.

Возможно одним из самых интригующих моментов в "семейной истории" является факт обнаружения генетической детерминации в кластере признаков, включающих межличностную теплоту, сердечность и легкость социального взаимодействия внутри семьи (*Plomin* & *Bergerman*, 1991). Перспективной в психогенетических концепциях можно считать позицию, согласно которой важно не столько определить, какой ген становится маркером для эволюционно-видовой характеристики поведения, сколько выявить вклад наследственности в вариабельность признака, а также в форму организации предрасположенности в поведении, включая интенсивность проявления того или иного свойства.

Инвариантность, вариативность и детерминация

Существует и другая сторона соотношения инвариантности отображения с вариативностью операционного состава процесса. Вариативность — это не только выражение и следствие инвариантности, но и одно из средств ее формирования. И эта сторона дела становится тем более явной, чем ближе мы подходим к раскрытию самих психофизиологических механизмов сохранения инвариантнос-

ти. Судя по всему, вариативность является одним из механизмов инвариантности, связанным с более жестко детерминированными способами непроизвольного поведения субъекта. Паттерн автоматизированных — непроизвольно возникающих и функционирующих — механизмов психики обеспечивает, в свою очередь, инвариантность объектно-предметной ментальной репрезентации, а также удержание инвариантного кластера реакций в пределах психической нормы (противопоставляемой в данном случае психической патологии).

2.7. Перспективы интеракционизма: сила ситуаций × устойчивость диспозиций

Важнейшей проблемой дифференциальной психологии является поиск наиболее постоянных — то есть устойчивых во времени и обнаруживающих кросс-ситуативную стабильность — индивидуальных параметров. Пожалуй, самой удобной моделью для изучения этой проблемы продолжают оставаться лонгитюдные исследования, позволяющие проследить ход возрастных изменений в пространстве—времени жизни субъекта. В этой связи необходимо отметить два важных замечания (*Clarke & Clarke*, 1984):

* коэффициенты стабильности проявляют тенденцию увеличиваться с увеличением возраста субъекта;

* величина этих коэффициентов проявляет тенденцию к уменьшению с увеличением временных интервалов между наблюдениями (тестированием).

Многие авторы совершенно справедливо отмечают “слабость индивидуальных различий”, подразумевая под этим “потолок предсказательности”, обычно выражающийся в максимальном значении корреляции $r = 0.30$ между самой чертой и характеристиками ее проявления в ситуации (*Ross & Nisbett,* 1991). Хотя, как отмечают сами авторы этого вывода, такой уровень корреляции очень важен для многих прогностических целей, он оставляет довольно большую лакуну в определении точности прогноза для значительного числа вариаций.

Добавим к этому, что точность прогноза практически всегда возрастает с уменьшением неопределенности, то

есть снижением числа степеней свободы в поведении системы. Ограничение диапазона индивидуальных проявлений связано с жесткостью детерминирующих закономерностей, ослабевающей по мере продвижения вверх по уровням иерархической организации индивидуальности человека (см. главу 10). Однако сила прогноза в этом случае обнаруживает тенденцию не к уменьшению, а, скорее, к увеличению, базируясь на оценке системы индивидуальности в целом. С этой точки зрения представляется перспективной установка, производная от концепции интеракционизма, включающей в качестве основных следующие положения (*Cronbach*, 1975; *Magnusson & Endler*, 1977; *O'Connor*, 1992):

* индивидуальные различия в поведении постоянны в разнообразных ситуациях, при этом когнитивные переменные рассматриваются как опосредующее звено между ситуацией и поведением субъекта;

* на основе сходства восприятия определенных ситуаций можно предсказать сходство поведения индивидуумов;

* перцептивно-когнитивные процессы отличаются избирательной чувствительностью к потребностям организма.

В отношении первого положения представляет интерес трансформация исследовательских установок известного психолога, профессора Колумбийского университета (New York, USA) Уолтера Мишеля, который от строго ситуационистской позиции (*Mishel*, 1973) перешел к предположению, что личностные переменные обуславливают индивидуальные различия — обычно называемые стилями или стратегиями — на основе субъективной значимости для индивидуума внешних стимулов. В соответствии с традициями интеракционистского подхода, концентрирующегося на анализе взаимодействия индивидуальных и ситуативных факторов, У.Мишель (*Mishel*, 1979; 1986) анализирует это взаимодействие, опираясь не на психодинамические концепты или черты, а на личностно-акцентированные (person-focused) переменные когнитивного плана, такие как:

* характеристики компетентности (competencies), включающие интеллект, развитие Я, социальные и личност-

ные достижения и навыки, социальную и когнитивную зрелость;

* кодирующие стратегии (encoding strategies), связанные с тем, как люди репрезентируют и символически кодируют информацию. Например, информацию: “На следующей неделе будет контрольная работа”, одни студенты воспримут как возможность продемонстрировать свои способности, а другие как повод для тревоги;

* ожидания (expectancies), проявляющиеся в трех формах — последствия от выбранного нами способа поведения; результат интерпретации стимула; оценка собственной самодостаточности (что именно я могу выполнить успешно, с чем могу справиться);

* субъективные ценности (subjective values), связанные с нашими предпочтениями и избирательностью, симпатиями и антипатиями;

* система саморегуляции и планирования (self-regulatory system), характеризующая способы, с помощью которых мы регулируем свое поведение в соответствии с намеченными целями и принятыми стандартами; а также наборы правил, которыми мы руководствуемся даже при отсутствии внешних ограничителей.

Отметим также, что одна из основных тенденций современной психологии — “индивидуальные различия vs влияние ситуации” (*Zimbardo, Weber*, 1997) — тесно связана с проблемой психологических измерений.

2.8. Психодиагностические измерения человеческих различий

Психологические измерения заключаются в использовании специальных тестовых процедур для оценки индивидуальных свойств и результатов выполнения заданий. Психодиагностика, как система способов раскрытия субъективных особенностей психики, с самого начала развивалась в направлении от “внешнего”, видимого, наблюдаемого, к “внутреннему”, скрытому, подлежащему выявлению. За две тысячи лет существования современного человеческого сообщества — так или иначе постоянно испытывающего потребность в знании о своих психологи-

ческих возможностях — психодиагностика проделала путь от наивных, ненаучных интерпретаций хиромантов до научных методов пренатальной диагностики девиаций в психическом развитии индивида (см. главу 15).

Начало современного этапа психодиагностики связано с экспериментами по измерению различных проявлений человеческой психики, которые были организованы в конце девятнадцатого — начале двадцатого века англичанином Ф.Гальтоном и немецким психологом В.Вундтом. Чуть позже к плеяде первых психодиагностов присоединяются российские психологи Г.И.Россолимо (1910) (впервые разработавший систему психологических профилей, использующихся для интегральной оценки тестовых измерений) и А.Рыбаков (предложивший в 1913 году в качестве тестового средства использовать отпечатки чернильных пятен); швейцарец Г.Роршах (который ввел в 1921 году в научный обиход сам термин "психодиагностика", сделав его названием своей книги о проективном тесте на основе "чернильных пятен" — *Rorschach*, 1921) и французы А.Бине и С.Симон, создавшие свою версию шкалы измерения интеллекта. С конца двадцатых годов наиболее значительные психодиагностические исследования стали проводиться в США, в лабораториях Стэнфордского и Колумбийского университетов.

Так как предмет психодиагностики — это психическое в его самых разнообразных проявлениях, можно представить, что измерение степени выраженности признаков на основе статистических методов есть конечная цель тестирования. Однако характер полученной информации, также как и ее интерпретация, зависят от психологической гипотезы, предшествующей процедуре измерения. Основные требования к психодиагностике как общему методу измерения ментальных феноменов (см. также *Витцлак*, 1986) можно представить в виде таблицы 2.

В.Штерн (*Stern*, 1911/1994) первым назвал дифференциальную психологию "наукой о существенных различиях в психических функциях и свойствах". Поскольку основной задачей в этом случае становится изучение разброса (дисперсии) свойств, основным методом эмпирического дифференциально-психологического исследования явля-

ется дисперсионный анализ. Особенность же психодиагностики как специальной области знания заключается в возможности изучения интраиндивидуальных свойств и специфики их взаимосвязи на основе знания "интериндивидуальных вариаций степени их возможного проявления". Исходя из этого можно заключить, что предмет психодиагностики не сводится только к изучению различий между людьми, но включает в себя и элементы идеографического анализа.

Таблица 2

Релевантность психодиагностической процедуры

Элементы системы отношений	*Требования к диагностическим данным*
Интраиндивидуальные связи	Выявление специфики взаимосвязи индивидуальных психических свойств
Интериндивидуальные вариации свойств	Установление различий между данным субъектом и другими людьми
Объект-субъектное взаимодействие	Информация об отношениях и способах взаимодействия человека с предметной и коммуникативной средой

Сила и слабость тестологии

Тестовая диагностика, или тестология, основателем которой считается Дж.Кеттэл (*Cattell*, 1890), впервые использовавший также сам термин "тест", долгое время оставалась центральной областью психодиагностики, представляя собой связующее звено между нею и дифференциальной психологией. Тесты оказались незаменимым инструментом изучения скрытого от внешнего наблюдателя мира психической реальности. Тестовые измерения из области научных исследований практически сразу же перешли в распоряжение психологической практики, где используются для дифференциации людей с точки зрения различных девиаций, оценки развития разнообразных психических функций, задач профессионального отбора. Известный дифференциальный психолог Л.Тилер (*Tyler*, 1988) даже делает вывод, что использование психологических тестов для измерения различий в умственных способностях индивидуумов является "одним из неоспоримых психологических достижений". Однако уже Альфред Бине,

впервые широко применявший тесты, четко осознавал, что созданный им инструмент для измерения индивидуальных особенностей может описывать лишь функционирующую в момент тестирования систему, в частности, интеллект ребенка, и совсем не обязательно подразумевает прогноз (*Clarke & Clarke*, 1976; 1996). На недостаточную прогностичность тестовых оценок указывают и многие современные исследователи (см. 2.7). Однако проблема заключается не столько в спорах о силе или слабости тестовых измерений, сколько в разработке современных методов и диагностических моделей, позволяющих обеспечить нужную прогностичность.

2.9. Статистическая оценка измеряемых явлений

Поскольку область приложения статистических методов к анализу поведения и структуры индивидуальности превратилась в обширный экспериментальный полигон, оснащенный новейшими компьютерными технологиями, наша задача в этом небольшом разделе — отметить лишь некоторые необходимые понятия.

Нормальное распределение и коэффициент корреляции

Интересно, что появление новых измерительных процедур всегда оказывалось тесно связанным с развитием новых идей. Например, понятия "нормальное распределение", "коэффициент корреляции" и "факторный анализ" утвердились в дифференциальной психологии благодаря исследованиям интеллекта. Фрэнсис Гальтон был первым, кто обнаружил, что различия в интеллекте могут быть измерены количественно через установление степени выраженности этих характеристик у разных людей. Он предположил, что эти различия нормально распределены в популяции, то есть небольшие группы людей обладают высоким или низким уровнем интеллекта, а большая часть выборки занимает положение в середине (*Galton*, 1869). Кривая нормального распределения стала одним из основных постулатов дифференциальной пси-

хологии. Другим важнейшим открытием, вышедшим далеко за рамки дифференциальной психологии, стал коэффициент корреляции, предложенный в 1901 году Карлом Спирменом (*K.Spearmen*) для измерения со-отношения (англ. co-relation) между двумя интеллектуальными показателями. Смысл его выражался в том, что две тесно связанные между собой переменные соотносятся с коэффициентом 1.00, два совершенно не связанных признака имеют r (relation) = 0.00; наконец, степень связности двух частично зависимых характеристик будет ранжирована от 0.01 до 0.99. В дополнение к этому, соотношение может быть как позитивным, так и негативным. Отрицательный коэффициент корреляции означает разнонаправленность в изменении связанных параметров — при увеличении значения одного значение другого уменьшается (см. *Spearmen*, 1927). Однако как только К.Спирмен поспешил поделиться своим открытием в области измерения степени связности признаков между собой со всем научным миром, оказалось, что один из учеников Ф.Гальтона, Карл Пирсон (*K.Pearson*) несколькими годами раньше уже сделал похожее сообщение.

Зависимая и независимая переменные

Смысл статистических измерений в психологии заключается в попытке делать предсказания в отношении того, как "поведет" себя та или иная измеряемая переменная. Прогноз в психологии связан с анализом вероятности проявления определенного типа поведения или обнаружения определенного соотношения свойств. Для того, чтобы делать прогноз, психологу нужно установить, какой стимул и каким образом влияет на субъекта, вызывая его реакцию. Результат поиска формулируется в терминах переменных. Под переменной понимается процесс, условие или событие, которое изменяется (переменяется) или варьирует. Независимой переменной называют характеристики стимула, которые систематически изменяются экспериментатором с целью вызвать нужный эффект в поведении субъекта. Зависимой переменной в этом случае называется

тот показатель, выраженность которого зависит от изменений независимой переменной. В экспериментальных условиях независимая переменная играет роль предиктора, а зависимая — выступает в роли предсказываемой (ожидаемой) реакции.

Факторный анализ

К.Спирмен, наблюдая зависимость между разными проявлениями интеллектуальной активности людей, был озадачен вопросом о том, существует ли общий фактор, лежащий в основе разнообразных проявлений человеческого ума, характеризующий некую генеральную способность. Для проверки своей гипотезы он предложил математический аппарат, позволяющий на основе анализа матрицы коэффициентов корреляции вычислять общие закономерности, или факторы. В настоящее время также выделяют три типа факторов:

* общие факторы, объединяющие в себе все измерения данного свойства, например, общий фактор интеллекта или общий фактор активности;

* групповые факторы, включающие в себя не все, но значительное число измерений данного свойства;

* специфические или уникальные факторы, относящиеся лишь к одному типу измерений.

Факторный анализ не есть обозначение одного особого метода, но совокупность различных способов статистического анализа, отражающих специфику исходной психологической теории и интерпретационной потребности исследователя. Кроме этого, результаты факторизации зависят от природы и количества переменных, подвергающихся анализу. От этих параметров, как и от изучаемой теоретической реальности, зависит решение о выборе формы факторного анализа и тех переменных, которые должны быть включены в исходную матрицу. Еще Г.Оллпорт и П.Вернон (*Allport & Vernon*, 1933) сформулировали положение о "сфере фактора", подчеркивающее ограниченное влияние конкретного фактора на данную область психических проявлений.

Проверка адекватности тестовых измерений: внутренняя и внешняя валидность оценок

Статистический анализ результатов применения тестов осуществляется двумя способами. Первый тип анализа построен на изучении заданий самого теста и на выявлении их взаимосвязей. Например, латентно-структурный анализ П.Лазарсфельда (1974) позволяет вычислить меру отнесенности данного вопроса к шкале, в которую он включен, что дает возможность определить степень ее консистентности (то есть внутренней сбалансированности). Такой анализ является необходимой частью работы при создании новых тестовых методов и, в этом случае, известен как интернальная или внутренняя тестовая валидность.

Второй тип анализа направлен на изучение корреляций тестовых оценок или баллов с различными внешними критериями, такими как школьные оценки или критерии успешности профессиональной деятельности, данные клинической диагностики или экспериментальные показатели. В психодиагностике процедуру корреляции тестовых параметров с другими критериями называют внешней валидностью и используют в качестве проверки содержательной интерпретации разрабатываемой диагностической процедуры.

Надежность тестовой процедуры измеряется также путем ре-теста, то есть повторного тестирования, позволяющего измерять временную устойчивость тестовых показателей у каждого испытуемого. В таких случаях обычно вычисляют коэффициент ранговой корреляции (по Спирмену) между показателями теста у одной и той же группы людей. Довольно часто для повышения надежности результатов тестирования необходимо выровнять группы обследуемых по признакам возраста и пола.

На этом заканчивается раздел о психодиагностике и методах анализа результатов тестирования, но тема статистической оценки измеряемых явлений не завершается. Мы еще не раз будем к ней обращаться в конкретных разделах и по конкретному поводу.

Ключевые термины главы: детерминация человеческих различий, инструментальная характеристика индивидуальности, интеракционизм, интраиндивидуальные различия, коэффициент корреляции, принципы дифференциально-психологического анализа, психогенетический анализ, психодиагностика, статистическая оценка различий, тестовая валидность, тестология, тип переменной, факторный анализ, формальная динамика поведения, формальный подход, эндо- и экзофакторы.

Часть II. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Сенсорные, перцептивные, когнитивные, эмоциональные и регулятивные феномены (включая интегральные характеристики — речь и сознание), образующие сферу психической реальности, рассматриваются в этой части с точки зрения индивидуальной специфики их организации. Многие исследования обнаруживают появление индивидуальных различий уже на самых ранних стадиях человеческого онтогенеза, начиная с первичных, "нижних" уровней иерархии индивидуальности.

Глава 3. Грани ментальной реальности (I): ощущения, восприятие, внимание, память, мышление, представления и воображение

Сейчас многим психологам кажется очевидным тот факт, что люди по-разному слышат, видят и чувствуют окружающий мир. Однако, несмотря на то, что экспериментальная психология с момента своего возникновения имела дело с измерениями ощущений и восприятия, удивительный феномен психических различий был не сразу понят и оценен по достоинству. Парадокс заключается в том, что субъективные различия поначалу считались артефактом! Но история хороша тем, что допущенные ошибки со временем теряют свою магическую власть, становясь прологом к сделанным на их основе открытиям.

Уже упоминавшаяся история о двух астрономах, обнаруживших различия во времени реакции — одной из фундаментальных характеристик сенсорно-перцептивной сферы, — один из первых зафиксированных и очевидных примеров наглядной демонстрации проявления индивидуальных различий в области первичных психических процес-

сов — ощущений. Исследователя, заинтересовавшегося "астрономической историей", в первую очередь волновал бы вопрос: "Чем были вызваны обнаруженные различия во времени реакции?". Возможные ответы легко классифицировать (однако далеко не так легко верифицировать), положив в основание "базового фактора":

— особенности нервных процессов (психофизиологический фактор);

— установку или мотивированность (психологический фактор);

— специфику стиля (или способа выполнения) наблюдения (инструментальный, поведенческий фактор) и др.

Очевидно, Бессель (*Bessel*, 1822 — см. *Hergenhahn*, 1992), представляя в печать статью со статистическими выкладками, сделанными в результате наблюдений за временем двигательной реакции других людей, также искал причину обнаруженных различий в одном из указанных факторов.

Довольно заманчиво представить вышеупомянутых астрономов в детстве, точнее, в младенчестве, и пронаблюдать, проявляются ли базовые индивидуальные особенности в поведении на самых ранних стадиях развития.

3.1. Исследования сенсорной сферы новорожденных

Большинство психологов сегодня, по мнению Поля Фресса (*Fress*, 1975), согласны с тем, что первичные реакции младенцев, характеризующие их интраиндивидуальное развитие, являются недифференцированными. Вместе с тем, на самых ранних этапах жизни межиндивидуальные различия в сенсомотороной сфере проявляются в гораздо большей степени, чем интраиндивидуальные — в силу недифференцированности последних и большей наследственной детерминации наблюдаемой вариабельности первых. Эти выводы, основанные на рассмотренных ниже экспериментальных фактах, опровергают бытующее в обыденном сознании представление : "Младенцы все на одно лицо — невозможно отличить их друг от друга!". Уже с момента рождения обнаруживается, что человеку вообще "свойственно отличаться". Проявляя зачатки индивидуаль-

ности, младенцы по-разному реагируют на одни и те же раздражители, например, на громкий шум, яркий свет или близкий физический контакт.

Буквально за несколько последних десятилетий произошло значительное изменение во взглядах ученых на специфику мира младенца. На смену представлений об аморфности первичной стадии взаимодействия новорожденного с внешней реальностью пришло понимание того, что появившееся человеческое существо стремится с самого начала проявить свою специфику. В основе таких изменений лежат две причины (*Liebert, Wicks-Nelson*, 1981). Во-первых, опровергнуто прежнее допущение, что сенсорные способности младенцев значительно ограничены; во-вторых, получены убедительные доказательства избирательности в реагировании младенцев на получаемую информацию.

Б.Бёрнс (*Birns*, 1965), изучая реакции тридцати новорожденных, предъявлял звуки мягких и грубых тонов, а также прикладывал к области бедра жесткий диск и резиновый наконечник. Тестирование проводилось четыре раза в возрасте от двух до пяти дней, при этом наблюдатели регистрировали интенсивность проявления каждой реакции на стимулы. Обнаружено, что одни младенцы склонны бурно реагировать на все стимулы во время каждого предъявления, в то время как другие довольно устойчиво проявляют реакции средней интенсивности.

3.2. Сенсомоторные стратегии младенцев

Различия в специфически-субъективной организации поведенческих паттернов также обнаруживаются очень рано. Проводя наблюдение за младенцами в течение первой недели их жизни, Дж.Браун (*Brown*, 1964) установил разницу в пропорциях при сочетании признаков, характеризующих типы поведения малышей, связанные с комбинацией разных видов активности. Малышка Дороти, например, спит немного (37 процентов наблюдаемого времени), много кричит (39 процентов) и редко тревожится (4 процента), а также сильно реагирует на стимуляцию в процессе измерения чувствительности. В противоположность

ей, Тэд много спит (56 процентов наблюдаемого времени), мало кричит (17 процентов), употребляя большую часть своей активности на то, чтобы избавиться от любого напряжения и снова погрузиться в сон. В исследовании моторики спящих и бодрствующих новорожденных, Т.Бразельтон (*Brazelton*, 1969; 1984) удалось определить те тонкие характеристики, которые отличают одного младенца от другого. Разработав специальную шкалу, психологи выделили шесть измерений (условно названных "состояниями сознания"), включающих параметры моторики, интенсивность проявлений которых лежит в основе отличий одного поведенческого паттерна от другого — глубокий сон (глаза закрыты, дыхание регулярное, движения возникают только в случае необходимости); активный сон (глаза закрыты, дыхание нерегулярное, легкое подергивание телом, без резких движений); спокойное бодрствование (глаза открыты, движения тела не выражены, дыхание регулярное); активное бодрствование (глаза открыты, голова, конечности и туловище в движении, нерегулярное дыхание); нервозность (глаза частично или полностью закрыты, периодически возникают всхлипывания, сопровождаемые нерегулярным дыханием); плач (глаза частично или полностью закрыты, сильные движения тела сопровождаются криком). Кроме доказательства того, что младенческие состояния — вещь гораздо более сложная, чем это кажется наивным наблюдателям, наблюдения Т.Бразельтон подтвердили гипотезу о том, что поведение младенцев определяет широкий диапазон их взаимодействия со взрослыми.

Специфика активности младенцев проявляется и в особенностях организации ими необходимых физических контактов с миром предметов и людей. Г.Шаффер и П.Эмерсон (*Schaffer*, *Emerson*, 1964), изучая реакции тридцати семи новорожденных на физический контакт, обнаружили деление младенцев на "стремящихся к объятиям", получающих удовольствие от близкого физического контакта, и "отстраняющихся от объятий", то есть сопротивляющихся контакту, вызывающему у них физическое напряжение. Правда, "отстраняющиеся" не избегали других — помимо объятий — форм физического взаимодействия, например,

качания и подбрасывания. Дальнейшее наблюдение в течение первых двух лет жизни показало, что малыши обнаруживают различия в моторном развитии. "Отстраняющиеся" оказались более развитыми, проявляя способность сидеть без поддержки, стоять с опорой и ползать раньше, чем "стремящиеся".

Возможно, локус контроля (поиск поддержки vs ориентация на автономию) в сенсомоторной сфере, позднее трансформирующийся в важнейшее личностное измерение (см. главу 9), а также связанная с характеристиками проприоцептивных ощущений зависимость/независимость от поля (опора на внешний источник информации vs опора на собственные ощущения), проявляющаяся в различных формах практически на всех уровнях индивидуальности (см. главу 8), имеют в своей основе обнаруживаемую в раннем детстве предрасположенность. Конечно, речь идет о механизмах формирования будущих индивидуальных свойств, степень выраженности которых зависит от характера подкрепления со стороны окружения. Более подробный анализ различий в сенсомоторной сфере связан с изучением проявлений темперамента в поведении младенцев (см. главы 5 и 9).

Довольно неожиданным оказалось выявление половых различий (анализу которых посвящена отдельная, двенадцатая, глава), проявляющихся у однолетних детей в моторной сфере (*Malina*, 1982).). Мальчики больше времени тратили на овладение видами активности, сопровождающимися проявлением грубой моторики, а девочки — тонкой.

Однако, забегая вперед, отметим, что для содержательной интерпретации различий в сенсомоторной сфере нам уже недостаточно исходить только из наличия двух факторов организмического уровня — наследственности и созревания. Влияние среды — ближайшего социального окружения — также становится существенным фактором в формировании стиля моторного поведения субъекта. Психологи исследовали, насколько влияние упражнений усиливает рефлексы младенцев, связанные с последующими навыками ходьбы (*Zelazo*, *Zelazo* & *Kolb*, 1972). С одной группой младенцев мужского пола ежедневно занимались

упражнениями на развитие рефлексов ходьбы в период со второй по восьмую неделю их жизни. Вторая группа получала пассивную моторную и социальную стимуляцию, не связанную с упражнениями рефлексов. Группа, не получавшая никаких дополнительных занятий, просто тестировалась еженедельно вместе с упражняющимися. Наконец, четвертую группу протестировали лишь однажды, в конце эксперимента. Результаты показали, что в последующем навыки ходьбы гораздо быстрее появились в группе, получавшей специальные упражнения на развитие рефлексов. Психологи подчеркивают важность стимулирования рефлекса ходьбы, связанного с последующим формированием двигательной и исполнительной компетентности. Возможно также, что многие показатели вариативности в моторной сфере детей связаны с характером родительского отношения к детской подвижности. Рассмотренный пример наглядно иллюстрирует одну из важнейших дискуссий в современной психологии развития о роли созревания и научения в процессе формирования индивидуальных особенностей.

3.3. Психомоторные стили

По результатам исследований, посвященных изучению различий в сенсомоторной сфере у детей и взрослых, можно было бы составить том внушительного объема. Уже упоминалось, что с анализа феноменов, характеризующих специфику моторного поведения человека, все и начиналось. На заре формирования дифференциальной психологии как науки, в наблюдениях Бесселя и лабораторных экспериментах сэра Фрэнсиса Гальтона, изучению двигательных реакций придавалось фундаментальное значение. Как потом обнаружилось, выдвинутая Гальтоном (*Galton*, 1869/1978) гипотеза о связи некоторых особенностей моторики со способностями имела реальные основания (см. главу 6). В современных исследованиях также отмечается связь психомоторного темпа с рядом показателей свойств нервной системы, темперамента и личности (см. главу 5).

Психомоторный стиль (под стилем здесь и далее мы будем подразумевать устойчивую систему способов, или

приемов, осуществления субъектом разных форм активности) характеризует индивидуальность с точки зрения ее психомоторной экспрессивности, то есть телесной, невербальной выразительности. Выделяют различные уровни в организации психомоторного стиля (*Takala*, 1975), соответствующие: физическому измерению (размер, скорость, угловатость vs плавность); физиологическому измерению (тонические сокращения мышц в результате принятия позы, предпочтение направленных внутрь или вовне движений руки); кодирование значений движения как следствия индивидуального или межличностного поведения (экспансивные, агрессивные движения, аутистические жесты), то есть как части коммуникативного процесса. Д.Кэмбелл и Д.Фиске (*Campbell & Fiske,* 1959) с помощью факторного анализа выявили межиндивидуальную устойчивость относительно независимых между собой показателей графомоторики (размер, давление, угловатость, протяженность) при выполнении различных заданий (копирование, письмо, рисование). Кроме того, авторы сделали вывод о независимости выявленной устойчивости показателей от содержания и значения выполняемых заданий. Изучая предпочтение детьми быстрой или медленной скорости в работе, С.Стивенс (*Stevens*, 1970) нашел, что гиперкинетичные дети всегда проявляют тенденцию работать на пределе, со скоростью, близкой к возможной для них максимальной величине, и не способны адаптироваться к изменяющейся стимульной ситуации. Индивидуальные особенности выделенной экстремальной группы интерпретировались психофизиологически, в контексте концепций активации (arousal) и концентрации внимания.

По мнению А.Петри (*Petrie*, 1967), не только психомотрика, но и организация субъективного сенсорного опыта в целом может характеризоваться шкалой "занижения—завышения" (reducing or augmenting). В зависимости от индивидуальных особенностей, в восприятии субъекта преобладает тенденция либо преуменьшать, либо преувеличивать воспринимаемое. Людей, не проявляющих ни одну их этих тенденций, А.Петри назвал "умеренными" (moderate). Диапазон реакций — от крайнего преуменьше-

ния до крайнего преувеличения — является, в этом случае, переменной перцептивного реагирования. Процедура измерения этих характеристик заключается в следующем. Испытуемому (при выключенном зрении) предлагается отмерить с помощью большого и указательного пальцев правой, а затем левой руки, заданное образцом (ширину и длину которого испытуемый определяет на ощупь ранее, под контролем зрения) расстояние на деревянном бруске, имеющем двигающуюся рамку. Результаты измерений и выявили указанные выше тенденции. Разумеется, различия в перцептивной сфере оказались связанными с рядом других показателей. “Занижающие” оказались менее способными переносить сенсорную депривацию (созданную в специальном эксперименте), что соответствовало гипотезе об их неустойчивости к воздействию среды, сенсорная стимуляция в которой уже снижена до минимума. Они также лучше, по сравнению с “завышающими”, переносили вызванную давлением боль, подтверждая свойственную им тенденцию занижать интенсивность привходящих стимулов.

3.4. Индивидуальные параметры восприятия: перцептивные контроли и стили

Если первым, не очень четким этапом в изучении различий между людьми в области ощущений и восприятия были эксперименты Ф.Гальтона (*Galton*, 1869/1978), Дж.Кэттела (*Cattel & Farrand*, 1896) и Дж.Джилберта (*Gilbert*, 1897), то вторым — уже очевидным — этапом стали исследования гештальтистов в середине двадцатого века. Индикатором возросшего интереса к проблеме различий в перцептивной сфере психики стала появившаяся в авторитетном журнале “Psychological Abstracts” соответствующая рубрика (*Tyler*, 1956). Предваряя этот этап, Дж.Гибсон (*Gibson*, 1941) предложил расширенную трактовку понятия “паттерн”, активно использовавшегося в экспериментах по восприятию. Проанализировав большое количество данных, Дж.Гибсон сделал два фундаментальных вывода: 1) необходимость учета временного состояния субъекта, вызванного инструкцией и 2) учет влияния прошлого

опыта на полученные результаты. Все это означало осознание важности привнесения личностной детерминанты в исследование психических процессов, в частности, восприятия.

Начиная, пожалуй с этого момента, в развитии дифференциальной психологии возникает тенденция, остающаяся пока — увы! — лишь таковой, к созданию основы для построения целостной теории человеческих различий, позволяющей давать адекватные научные интерпретации и создавать конструктивные практические модели в области анализа разных типов взаимодействий человека с миром. Однако вначале представим в виде краткой таблицы главные достижения в этой области в предшествующий период, связанные с анализом типов восприятия, основанных на перцептивных установках.

Как видно из приведенных данных, большинство обнаруженных различий в способах восприятия группируются вокруг нескольких метапараметров (глобальность—артикулированность, широта—узость и др.). Так, уже в исследованиях того времени отмечалось, что одной и той же группе испытуемых свойственно проявление синтетичности, субъективизма, активности и уверенности. К обсуждению базовых стилевых диспозиций мы вернемся в седьмой главе, а сейчас отметим, что концептуальное обобщение экспериментальных дифференциально-психологических исследований в области восприятия возникло в 1950-х годах в рамках двух перспективных направлений.

“Личность сквозь восприятие”(Personality Trough Perception) — так озаглавили свою монографию исследователи, назвавшие свое направление “Новым Взглядом” (New Look) на проблему соотношения мотивационных и перцептивных факторов при изучении индивидуальных различий. Сразу после второй мировой войны в Бруклинском колледже Нью-Йорка под руководством С.Аша и Г.Уиткина (*Ash* & *Witkin*, 1948) была реализована исследовательская программа, итогом которой стала вышеупомянутая книга (*Witkin*, *Lewis* (Eds), 1954). Все началось с обнаружения индивидуальных различий в способности студентов колледжа правильно устанавливать вертикальную позицию в специальной тестовой ситуации с искажением

Таблица 3

Концепции типов восприятия

Измерение	*Интерпретация*	*Авторы*
Аналитичные (А.) (детализирующие)/ синтетичные (С.) (интегрирующие)	А. проявляют тенденцию воспринимать скорее отдельные части, испытывая трудности в вычленении целостной структуры и ориентируются на различие; С. воспринимают явления как интегрированное целое, выделяя сходство между частями	*Gottshaldt*, 1914 *Rorschach*, 1921
Объективисты/ субъективисты	Устойчивое, узко направленное и точное восприятие vs более широкое поле восприятия с субъективной интерпретацией, дополняющей воспринятое	*Angyal*, 1948
Концептуальные ("активные") (К.)/ перцептивные (П.) (пассивные)	К. работают рационально, формулируя гипотезы о верном решении при выполнении классификаций; П. используют метод проб и ошибок, руководствуясь непосредственным восприятием стимула. Обнаружена темпераментальная и возрастная детерминация этих типов восприятия	*Hanfmann*, 1941 *Выготский*, 1922
Уверенные (У.) или оценивающие/ осторожные (О.), не-оценивающие	У. одним обобщением информируют о том, что воспринимают, включая несуществующие детали; О. дают подробные отчеты, включая мельчайшие детали	*Bartlett*, 1932
Дезинтегрированные (S-тип)/ интегрированные (J-тип)	Восприятие S-типа нестабильно, незакономерно и не связано прямо с воспринимаемой реальностью; восприятие J-типа систематично, логично и реалистично	*Jaensch*, 1938
Цвето-ориентированные (Ц.)/ формо-ориентированные (Ф.)	Ц. предпочитают в основу классификации класть цветовые признаки, а Ф. — признаки формы. Исследована связь Ф. с шизоидными, а Ц. с циклоидными чертами личности	*Eysenk*, 1947
Визуальные/ гаптические	Первые строят интерпретацию, опираясь на зрительные образы, вторые предпочитают осязательно-кинестетический канал информации	*Lowenfeld*, 1945

зрительного восприятия; а также в умении вычленять простую фигуру из сложного геометрического фона в ряде перцептивных заданий. Полученный параметр перцептивной полезависимости/поленезависимости оказался проявлением на уровне восприятия сквозной стилевой характеристики, отражающейся также на когнитивном уровне (см. Когнитивный стиль), в стиле общения и межличностного взаимодействия.

“Anschauungen (нем. — установка) или перцептивная установка” стала предметом теоретических и экспериментальных изысканий Дж.Клейна (*Klein*, 1951) и его коллег — сотрудников Меннингерского Фонда. Согласно основной гипотезе (*Klein & Schlesinger*, 1949), разработанной в русле функционализма, индивидуальное восприятие определяется адаптивными свойствами. Усиливая психоаналитический контекст рассмотрения проблемы, можно привести характерное суждение исследователей:

> “Мы изучаем Эго, когда анализируем личностные характеристики способов восприятия, а набор перцептивных установок является частью целостной системы эго-контроля” (*там же*, р. 33).

Выбирая между понятиями “перцептивная установка” и “эго-контроль”, история отдала предпочтения второму, поэтому находки Меннингерской школы стали выступать под несколько видоизмененным определением “когнитивный контроль”. Дж.Клейн (*Klein*, 1951) выделил три паттерна “Anschauungen”, позже названных когнитивными контролями (хотя, отметим, более точно было бы назвать эти индивидуальные параметры восприятия “перцептивными контролями”):

* сглаживание—заострение;

* установка на сопротивление или принятие нестабильности (названная “толерантность к нереальному опыту”);

* физиогномичность (образность) vs буквальность.

Таким образом результаты, полученные в ходе развития этих двух направлений экспериментальной психологии восприятия, включивших в качестве исходного пункта исследований представление о роли субъективной (личностной) детерминанты в организации психических процессов, вызвали бурную цепную реакцию в умах психологов, не прекращающуюся и по сей день. Два класса новых переменных — перцептивные стили и перцептивные контроли — довольно быстро сменили, однако, свою концептуальную — исходно “перцептивную” — окраску и вошли в обиход с определением “когнитивный” (мы вернемся к этим понятиям в следующих главах). Также практически сразу возникла идея — получившая затем огромное число экспериментальных подтверждений — о том, что

открытые параметры перцептивного стиля (то есть способа организации субъектом своего восприятия) есть часть более сложного синдрома индивидуальных свойств, включающего когнитивные, эмоциональные, мотивационные и личностные переменные (см. *Frenkel-Brunswik*, 1954), а также характеристики социально-психологического (межличностного) взаимодействия.

3.5. Представления—различия в образной сфере

Вторжение субъективного фактора в область общепсихологических исследований требовало пересмотра традиционных воззрений на безличную природу базовых процессов ментальной реальности. Не ограничившись освоением территории первичных психических образов (ощущений и восприятий), дифференциально-психологический анализ стал перспективным методом познания специфики вторичных образов (в частности, характеристик представлений и воображения, включая грезы, мечты и фантазии). Уже в самой общей способности субъекта продуцировать образы проявляется широкий диапазон индивидуальных различий (*Sheehan*, 1978).

Среди всего разнообразия различий в образной сфере можно выделить несколько основных направлений (см. *Гостев*, 1992).

Доминирование образов определенной модальности. Вряд ли можно всерьез говорить о выделении специальных типов образности на основе отдельной модальности, однако об индивидуальной вероятности формирования образов определенной модальности свидетельствуют данные (*Sheehan*, 1971), представленные нами в виде таблицы 4.

Несмотря на отпущенное природой значительное число модальностей, определяющих способ получения информации человеком и являющихся основой продуцирования образов, хорошо исследовано три типа последних — осязательные (тактильно-кинестетические), зрительные и вербальные (аудио-моторные). Противопоставление “осязание—зрение” вполне понятно, учитывая фундаментальную разницу в контактно-физическом и пространственно-символи-

ческом способах манипулирования информацией (см. *Веккер, Либин*, готовится к печати). Однако данные о различиях, обусловленных предпочтением в использовании тактильных или зрительных образов, остаются пока в сфере гипотез, хотя в нашем распоряжении уже имеется солидная база в виде общепсихологических исследований феномена осязания (в этой связи можно также упомянуть и об известной психотерапевтической методике, разработанной на основе метода нейро-лингвистического программирования).

Таблица 4

Индивидуальная вероятность преобладания образов конкретной модальности

% людей	преобладающие образы	% людей	преобладающие образы
97	зрительные	67	вкусовые
93	слуховые	66	обонятельные
75	кинестетические	54	болевые
70	тактильные	43	температурные

Более удачной — в смысле содержательной интерпретации — оказалась следующая дихотомия, условно обозначаемая в типологическом аспекте как "визуализаторы"— "вербализаторы" (*Paivio*, 1971) (о связи этой типологии с концепцией И.П.Павлова о первой и второй сигнальных системах мы будем говорить в главе о типологических различиях). Так, "визуализаторы" кодируют информацию буквально, а "вербализаторы" используют различные формы символически-смыслового кодирования, вербализуя материал любого типа (*Anderson*, 1973). Также отмечается большая склонность женщин к "визуализации", что некоторые авторы связывают с различиями в активности полушарий мозга и следующими отсюда различиями в познавательных стратегиях (*White*, *Ashton*, *Brown*, 1977).

Контролируемость (мысленное оперирование) образами. Различия связаны с вызывающими трудности при воспоминании элементами образа — одни с трудом вспоминают движущиеся сцены и объекты, другие испытывают сложности в воспроизведении цвета (*Якиманская*, 1980). Различия обнаруживаются в яркости—четкости образов, в легкости и скорости их формирования, изменения и разрушения.

3.6. ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВООБРАЖЕНИЯ

Воображение — процесс создания образов тех явлений, которые не воспринимаются в данный момент — стало предметом дифференциального анализа в конце прошлого века. Еще Ф.Гальтон в серии своих обширных экспериментов пытался обнаружить, какие формы воображения существуют. В современных исследованиях активно изучается такая форма воображения как грезы и мечты — самостоятельное создание новых образов желаемого (см. *Теплов*, 1946). Оказывается те, кого можно назвать "мечтателями", проявляют большую осознанность в отношении самих себя, они хорошо помнят свои ночные видения и проявляют меньшую тенденцию подавлять свои мысли. Мечтатели отчетливее представляют себе те вещи, которые их тревожат и проявляют желание сообщать о них (*Singer*, 1966). Автор исследования выявил на основе применения факторного анализа данных семь паттернов, характеризующих индивидуальные различия в области вторичных представлений — грез. Первые два фактора отражали частоту (склонность иметь часто разные грезы или редко лишь некоторые) и удовлетворенность (восприятие грез как нормальной части своей жизни, признание их также в качестве способа, помогающего решать некоторые проблемы). Остальные пять факторов были связаны с содержанием грез такого характера:

самообвинение (темы вины, мук совести, депрессии посещают в течение дня людей с высокими показателями по этому фактору);

невротическая самопогруженность (чрезмерное внимание к характеристикам и реакциям собственного тела, связанное с тревожностью);

причудливость (например, чья-то голова, плывущая в космическом пространстве);

калейдоскопичность — "проходящий сквозь сознание поток фрагментарных кусочков образов" (что характерно для людей легко отвлекающихся и скучающих);

реалистичность (положительно коррелирует с эмоциональной стабильностью и любознательностью по отноше-

нию к физическому миру; оказывает позитивное влияние на процесс планирования и научного анализа).

3.7. Типы внимания и памяти

Внимание — один из центральных ("сквозных" по *Веккеру*, 1998) психических процессов, связанный со способностью субъекта сосредотачивать свою активность на реальном или воображаемом объекте в данный момент времени — также не осталось в стороне от дифференциально-психологической магистрали. Жаль только, что исследования внимания через призму человеческих различий не имеют пока того объема, которого заслуживает эта важнейшая характеристика психики.

Особенности внимания связывают — как и при изучении большинства перцептивно-когнитивных процессов — со спецификой стратегий приема и переработки информации. В качестве примера можно привести параметр "широта сканирования" (экстенсивность или умеренность перцептивного поля) — степень фокусировки внимания, оцениваемая по частоте и систематичности центраций на значимых элементах изображения ко всему полю (*Holtzman*, 1966). Для выявления этого параметра используют тесты на визуальную оценку размеров объекта по отношению к эталону (см. *Скотникова*, 1988).

Дж.Блок (*Block et al.*, 1981) связывает индивидуальные особенности внимания с параметром, названным "проницаемостью" (permeability) перцептивного аппарата ребенка. Высокий уровень "проницаемости" связан с широким фокусом внимания, не позволяющим замечать тонких различий, в результате чего сходство достигается за счет "размывания" стандарта. При низком уровне "проницаемости" проявляется узкий фокус внимания, обеспечивающий чувствительность к небольшим отличительным чертам между объектами, точность и строгость в соблюдении стандарта.

Индивидуальная специфика организации внимания неизбежно сказывается на другом важнейшем параметре когнитивной сферы — памяти. Интересно, что различия в памяти, выявляемые экспериментальным путем, совпадают с умозаключениями "наивных психологов". За житейски-

ми фразами: "У него короткая память" или: "Она долго хранит события в своей памяти" проступают наиболее существенные различия в преобладании одной из двух стратегий сохранения воспоминаний — кратковременной и долговременной.

Другая особенность памяти связана с характеристиками представлений. Эффективность запоминания связана со способностью формирования образов. По данным А.А.Гостева (1985), люди с высоко развитой образной способностью обычно медленнее заучивают вербальный материал (особенно абстрактную информацию), демонстрируя также "бедное" его воспроизведение. Зато склонные к ярким образам люди показывают более высокие результаты в непроизвольном запоминании (*Ernest*, 1977).

Люди также очень сильно различаются по своей автобиографической памяти — то есть памяти об информации, относящейся к Я, — что можно выявить, например, проанализировав ответы на такие вопросы: "Кого ты вспоминаешь, произнеся слово "пляж"?", "Кто был твоим лучшим другом, когда тебе было десять лет?" и пр. (*Conway*, 1990; *Ross*, 1991). Кстати, и в этом случае Ф.Гальтона можно упомянуть в числе первопроходцев — именно он инициировал изучение автобиографической памяти путем использования в своих первых измерениях психики метода словесных ассоциаций.

Разумеется, немаловажной переменной в исследованиях памяти выступает возраст. Д.Рубин сравнил данные нескольких исследований в различных возрастных группах, в которых людей просили вспомнить события прошлой жизни. Результаты выявили фактор, детерминирующий обнаруженные различия: у каждого человека оказался свой период детской амнезии первых лет жизни. Был также обнаружен компонент постоянно увеличивающейся с возрастом функции удержания событий в памяти. Учет этих двух закономерностей позволил сделать вывод о том, что в последние (на момент измерения) 20—30 лет жизни человека в памяти увеличивается вероятность сохранять воспоминания (*Rubin et al.*, 1986).

3.8. Стилевые характеристики мышления

Одной из наиболее интересных тем в дифференциальной психологии являются исследования различий в области понятийного мышления, располагающегося, как показывают экспериментальные данные, на самых верхних уровнях когнитивной иерархии (см. *Веккер*, 1998). Несмотря на то, что традиционно эти исследования основываются на использовании конструкта "когнитивный стиль", полученный материал имеет гораздо более широкий общепсихологический контекст. С другой стороны, нужно иметь в виду, что "психологи используют определения "класс" или "понятие" в очень широком смысле, обозначая ими обширный круг операций группировки" (*Коул, Скрибнер*, 1977).

Прежде всего отметим важность феномена "значения" — центральной характеристики в организации понятийного процесса, основанного на операции разведения и соотнесения уровней значения. М.Льюис, например, отмечает, что уже детский крик имеет совершенно различное значение в возрасте трех или двенадцати месяцев (*Lewis*, 1967). С момента возникновения у ребенка проблесков мышления его способность выявлять значения в окружающем мире и в собственных реакциях становится залогом качественного развития.

Анализ формирования понятий и оперирования значимыми признаками проводится, как правило, с помощью метода классификации. Важно учитывать, какие признаки используются при определении значения как классификационного основания: перцептивные или функциональные. Широко исследованы основные измерения, связанные с индивидуальной вариативностью в оперировании со значениями.

"Абстрактность—конкретность" проявляется в специфике формирования понятий. При этом предполагается, что "чем конкретнее структура, тем более она зависит от физических атрибутов (то есть перцептивно выделяемых признаков. — *А.Л.*) активирующего стимула" (*Harve, Hunt, Schroder*, 1961). Личность "абстрактного типа" использует больше информации и большее число стратегий для раз-

решения возникающих проблем (*Schroder et al.*, 1967). Некоторые авторы называют "абстрактной" только неперцептивную классификацию, основанную исключительно на названии класса.

"Концептуальная интегрированность" проявляется в виде склонности к "соотнесению частей (понятий) друг с другом и с предшествующими концептуальными стандартами" (*Harve et al.*, 1961). Эмпирически выделяют стратегии продуцирования и комбинирования понятиями.

"Величина диапазона когнитивной эквивалентности" (*Gardner et al.*, 1959) характеризует стратегию мышления субъекта в зависимости от количества понятий, которые он использует для решения заданий, формирования категорий в процессе обобщения. В процессе теста сортировки понятий (который используется так же часто, как и тест сортировки объектов по перцептивным признакам) "аналитики", обладающие узким диапазоном когнитивной эквивалентности, выделяют большое количество групп, ориентируясь на многообразие, а "синтетики", ориентируясь на сходство, выделяют меньшее количество классов объектов. Имеются обширные данные о связи этих стратегий мышления с разноуровневыми параметрами индивидуальности. "Аналитики" переоценивают физический интервал времени, затрудняются в разъединении реакций на значительно отставленные во времени стимулы, акцентируют реально-эмоциогенные свойства объекта, характеризуются левополушарным преобладанием активации в затылочных областях (по данным ЭЭГ). "Синтетики" больше склонны к реакции гнева, а не страха, затушевывают эмоциогенные свойства объекта, стремятся к обзору, систематизации и компоновке данных (см. *Колга* (ред.), 1986).

"Ригидность—гибкость" познавательного контроля оценивается с точки зрения эффективности преодоления стереотипа и оценивается по скорости и точности выполнения критического задания (*Gardner et al.*, 1959), а также характеризует помехоустойчивость индивида в процессе переключения на другие виды и способы деятельности в соответствии с объективными требованиями.

"Узость—широта категоризации" описывает индивидуальные различия в классификационных стратегиях. Для

определения степени выраженности этого стилевого параметра используют две измерительные процедуры. Первая базируется на свободной сортировке объектов (субъект сам определяет основания для классификации) на основе сходства (*Gardner & Schoen*, 1962). Предпочтение большого количества групп с маленьким числом объектов в каждой отражает узкую категоризацию; предпочтение малого числа групп с небольшим количеством объектов в каждой из них является индикатором широты категоризации. Во втором типе измерительной процедуры используется широкий набор заданий, в которых субъект должен образовывать группы на основе определенной категории (*Pettigrew*, 1958; *Wallach & Caron*, 1959). В исследованиях Дж.Блока (*Block et al.*, 1981; 1986) и Н.Когана (*Kogan*, 1976; 1994) была показана устойчивость (внутренняя консистентность) показателей узости—широты категоризации у четырехлетних детей.

3.9. Дифференциальная когнитология: различия в познавательных процессах

Выделение следующего блока в категориальном строе дифференциально-психологической теории продиктовано насущной необходимостью в осмыслении накопленных данных (было бы логично дать следующим описание концепции дифференциальной психофизиологии, но, по ряду соображений, связанных с выделением дифференциально-психологического аспекта в изучении общих психических процессов, это сделано в пятой главе, посвященной темпераменту). Отметим, что различия в познавательной сфере изучаются как формальные процессы — в этом случае говорят о познавательных стратегиях приема и обработки информации; и как содержательные — когда исследователя интересует сам предмет (точнее, его образ), отраженный в реальности того или иного процесса.

Можно выделить две основные задачи дифференциальной когнитологии как раздела, изучающего различия между людьми в познавательной сфере:

1. Разведение понятий внутри традиционно определяемых конструктов. Конечно, легче и методологически безо-

паснее говорить, например, об одном "концепуально слитном" понятии — когнитивном стиле, не придавая значения уровню, или подструктуре, индивидуальности, к которому это явление в данном случае относится (сенсорному, перцептивному, эмоциональному, личностному или собственно когнитивному). Но тогда как найти ориентиры в непроходимых дебрях эмпирически противоречивых (как следствие концептуальной запутанности, а не экспериментальной небрежности) гипотез и одноуровневых, плоских теоретических конструкций? Возможно поэтому дифференциация семантического пространства, задаваемого тем или иным конструктом, является первым этапом любого дифференциально-психологического исследования.

2. Соотнесение уровней анализа изучаемых когнитивных феноменов, с целью поиска конкретных механизмов, продуцирующих различия между людьми в познавательной сфере.

Ключевые термины главы: автобиографическая память, артикулированность—глобальность, грезы, диапазон реакций, дифференциальная когнитология, когнитивный стиль, локус контроля, образная сфера, паттерн поведения, перцептивный контроль, простейшие психические процессы, психомоторные стили, сенсомоторные стратегии, субъективный сенсорный опыт, установка, фокус внимания, широта—узость, эго-контроль.

Глава 4. Грани ментальной реальности (II): эмоциональные и регулятивные процессы, речь и сознание

В главе анализируются различия между людьми, обнаруживаемые в функционировании таких психических процессов как эмоции, регуляция, речь и сознание.

4.1. Паттерны эмоционального взаимодействия

В течение первых месяцев жизни у ребенка начинают проявляться две базовые реакции — удовольствия и неудовольствия. Вызываемые ощущениями приятного—неприятного, эти реакции оказываются своеобразными "входными воротами" в эмоциональный мир будущей индивидуальности. Так, исследователи отмечают, что генетическое развитие эмоций представляется как их постепенная дифференциация — от общего возбуждения к специализированным реакциям огорчения и удовольствия (*Bridges*, 1930). Нейрофизиологические изменения в организме в процессе созревания также оказывают влияние как на широту диапазона эмоциональных реакций, так и на контроль за интенсивностью.

Со временем эмоциональные паттерны начинают стабилизироваться, с одной стороны, под воздействием интраиндивидуальных тенденций, и, с другой стороны, под влиянием складывающегося взаимодействия между ребенком и заботящимися о нем людьми:

> "если при этом рассуждать о специфике эмоциональной сферы, то некоторые эмоции в ней начинают преобладать. Если же говорить в терминах динамической системы, специфические модусы образуются за счет повторения определенных типов взаимодействия" (*Oatley & Jenkins*, 1996, p.215).

Среди наиболее существенных форм эмоционального взаимодействия выделяют два взаимосвязанных, но достаточно автономно функционирующих параметра — "сер-

дечность" (warmth) и "привязанность"(attachment). Существует подтверждение о соответствии этим параметрам различных нейрофизиологических систем организма индивида. Младенцы, которые видят устремленную к ним с распростертыми объятиями мать, проявляют радость, что сопровождается зарегистрированным высоким уровнем активации в левой стороне кортекса. В то же время реакции дистресса, вызванного вероятностью разделения матери с младенцем, вызывает активацию в правой стороне кортекса (*Fox & Davidson*, 1987). Различные нейрофизиологические структуры, лежащие в основе двух эмоциональных систем, обуславливают связь сердечности с ощущением счастья, а также связь страха и дистресса с ощущением "разрыва" привязанности (*MacDonald*, 1992). В различных культурах могут поощряться те или иные стратегии эмоционального взаимодействия. В Уганде, например, матери, общаясь с младенцами, не склонны к многочисленным объятиям и поцелуям — основным проявлениям сердечности. Однако они гораздо более отзывчивы на проявление у детей дистресса, чем, например, американские матери, отличающиеся по отношению к своим детям большей сердечностью (*Ainsworth*, 1967).

4.2. Эмоциональные предпочтения, реакции и стили

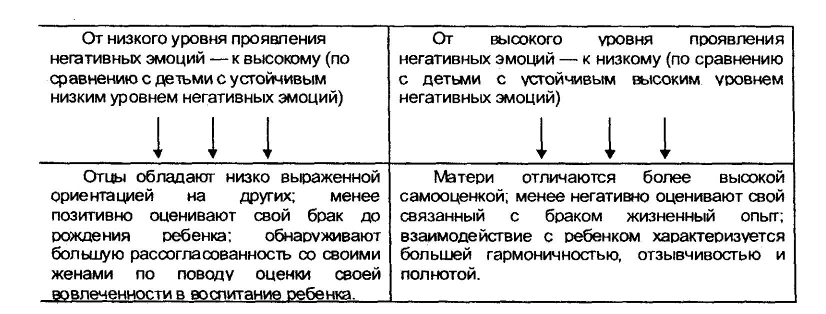
Индивидуальные различия в эмоциональной сфере изучаются в двух наиболее разработанных аспектах — в связи с отнесенностью первичных (в отличие от высших) эмоций к темпераментальному фактору (см. главу 5), а также в связи с изучением формирования эмоциональных реакций под влиянием социальных интеракций.

Хотя различия в модальной окраске эмоциональности проявляются у младенцев уже в первые месяцы жизни, однозначно определять складывающиеся у ребенка эмоциональные стили реагирования как констутициональный фактор было бы поспешно. Дж.Бельски с коллегами (*Belsky, Fish & Isabella*, 1991) исследовали изменения в негативной и позитивной окраске эмоций у младенцев в период с трех до девяти месяцев в связи с характеристиками семей-

ной атмосферы. Результаты мы можем представить в виде следующей таблицы:

Таблица 5

Зависимость изменений в эмоциональности ребенка от параметров внутрисемейной среды

От низкого уровня проявления негативных эмоций — к высокому (по сравнению с детьми с устойчивым низким уровнем негативных эмоций)	От высокого уровня проявления негативных эмоций — к низкому (по сравнению с детьми с устойчивым высоким уровнем негативных эмоций)
↓ ↓ ↓	↓ ↓ ↓
Отцы обладают низко выраженной ориентацией на других; менее позитивно оценивают свой брак до рождения ребенка; обнаруживают большую рассогласованность со своими женами по поводу оценки своей вовлеченности в воспитание ребенка.	Матери отличаются более высокой самооценкой; менее негативно оценивают свой связанный с браком жизненный опыт; взаимодействие с ребенком характеризуется большей гармоничностью, отзывчивостью и полнотой.

Общий вывод, который делают авторы исследования — стабильность и изменчивость детской эмоциональности зависит и от эмоциональной атмосферы в семейной среде.

Процесс социализации оказывает очень сильное влияние и на эмоциональное регулирование процесса коммуникации, что отображается в эмоциональных компонентах стиля социального взаимодействия. Например, склонность родителей обсуждать эмоциональные проблемы ведет к более лучшему пониманию ребенком собственных эмоций и развивает у него способность к саморегуляции. В разных семьях относятся неодинаково к проблеме “разговоров по душам”. Регистрация обсуждения эмоциональных состояний между матерями и их трехлетними детьми показала, что частота варьирует от 25 до 2 обсуждений в час (*Dunn & Brown & Beardsall*, 1991). В данном случае количество оказалось тесно связано с качеством, проявляющимся в последующем понимании детьми эмоционального контекста коммуникаций. Чем больше матери обсуждали со своими трехлетними детьми различные эмоциональные состояния, тем более успешно адаптировались дети, достигнув шестилетнего возраста, к эмоциональным проявлениям незнакомых взрослых.

В последнее десятилетие весьма активно разрабатывается проблема эмоциональных стилей как индивидуальных

детерминант (см. *Дорфман*, 1994), характеризующихся различиями как в предпочтении определенных переживаний, так и в способах их выражения. Изучение будущих специалистов в области художественных профессий показало, что люди "испытывают предпочтения к эмоциональным переживаниям определенного характера в зависимости от особенностей своего темперамента" (*Дорфман*, 1988). Так, интроверты-танцовщики осуществляют выбор танцевальных партий в связи с побуждениями к эмоциональным переживаниям печали и страха, тогда как экстраверты-танцовщики выбирают партии, побуждающие к переживаниям гнева. Среди оркестрантов также обнаруживаются различия в предпочтении исполнения музыкальных произведений. Экстраверты стремятся исполнять произведения, побуждающие к эмоциональным переживаниям, включающим радость, активность, и избегают переживаний, связанных с печалью; интроверты игнорируют музыкальные произведения, вызывающие переживания гнева, активности и радости.

4.3. Эмоциональные и неэмоциональные субъекты

Связь эмоций, имеющих неоднозначную детерминацию и обладающих как сильно выраженным физиологическим, так и не менее сильно выраженным психологическим и психосоциальным компонентами (см. *Веккер*, 1981; *Ekman*, 1978, 1993; *Ekman & Davidson,* (Eds.), 1996) с другими иерархическими уровнями индивидуальности обнаруживается на самых ранних стадиях развития. Х.Джонс (1950) обнаружил у детей младшей группы детского сада различия в кожных ощущениях (измеряемых на основе электродермографической реакции), которые он связал с особенностями самовыражения. Выражающие вовне свои эмоции дети обладали слабой реакцией, свидетельствующей о меньшем напряжении. Сдерживающие свои эмоциональные отклики дети отличались сильной электродермографической реакцией, тогда как третья группа детей отличалась выраженностью генерализованных реакций всего организма.

Эмоциональность, как и многие другие характеристики индивидуальности, различается по своей направленности. Субъекты с выраженной эмоциональной ориентацией на себя характеризуются высокой тревожностью, склонностью к депрессивным и ипохондрическим расстройствам (*Либина, Либин*, 1998). Два других вида ориентации (см. подробнее главу 8) связаны с интенсивностью переживаний по отношению к предметной (ориентация на объект) или коммуникативной (ориентация на других) активности. Два последних типа ориентации соотносятся с темпераментальными параметрами — предметной и социальной эмоциональностью (*Русалов*, 1990).

В наших исследованиях соотношения стилевых и темпераментальных признаков в структуре индивидуальности была выявлена негативная корреляция между социальной эргичностью (характеризующей интенсивность социального взаимодействия) и предметной эмоциональностью у импульсивных мужчин, а также негативная связь между предметной эргичностью и предметной эмоциональностью у импульсивных женщин (*Либин*, 1993). Эти соотношения оказались воспроизводимы на различных выборках, общей численностью 250 человек. Очевидно, у субъектов, склонных к импульсивному стилю поведения, сопровождающемуся высокими показателями эмоциональности, образуется своеобразный компенсаторный механизм, сдерживающий возможные значительные энергозатраты (из-за низкого уровня саморегуляции) в случае отрицательного внешнего подкрепления. Иной механизм соотношения активности и эмоциональности обнаруживается у рефлексивных субъектов, характеризующихся более длительным интервалом времени, затрачиваемого на подготовку перед принятием любого решения. Рефлексивные субъекты, как мужчины, так и женщины, значимо отличаются от импульсивных по показателям эргичности и эмоциональности. Низкая эмоциональность рефлексивов, затрудняющая процесс обратной связи, а значит и выбор наиболее оптимальной, экономящей силы стратегии поведения, компенсируется более высоким уровнем эргичности (позитивно коррелирующей с эмоциональностью в их структуре темперамента). Рефлексивный может позволить себе по-

тратить большее количество энергии и, соответственно, времени на проработку дополнительных вариантов поведения.

Низкие показатели эмоциональности отмечаются также у руководителей в некоторых профессиональных сферах, но, в любом случае, адаптированный индивидуум обладает способностью к компенсации недостающей чувствительности. Иное дело, когда из-за различных нарушений в работе системы "психика—организм" компенсация становится невозможной. Разумеется, нет людей с абсолютно подавленной системой эмоциональных проявлений. Тем не менее можно говорить о чрезвычайно низком уровне выраженности эмоций у людей с определенными девиациями. Эмоциональная "холодность" отмечается у страдающих шизофренией и аутизмом, что вполне согласуется с гипотезой П.К.Анохина (1975), согласно которой эмоции являются важнейшей характеристикой обратной связи. Случаи отмеченных патологических нарушений характеризуются, в первую очередь, затруднениями в получении сигналов обратной связи. При шизофрении нарушается контакт между психикой (ментальными структурами) и поддерживающим ее организмом (физическими структурами), происходит "потеря связи с собой"; в отличие от этого аутизм, например, определяется как нарушение процесса коммуникации с другими.

4.4. Индивидуальные особенности регуляции и саморегуляции

Пройдя по основным уровням когнитивной и эмоциональной иерархий, мы встречаемся с еще одним удивительным феноменом мира психической реальности — контролирующими и управляющими процессами, обычно называемыми регулятивными. Также как и два других компонента базовой ментальной триады — когниции и эмоции, — феномен регуляции имеет сложную иерархическую структуру (см. *Libin*, in preparation, b). Исследования показывают, что младенцы могут регулировать свой уровень возбуждения (arousal), переключая внимание с людей или предметов, которые выступают причи-

ной усиления возбуждения (*Rothbart*, *Ziaie* & *O'Boyle*, 1992). Фактор регуляции тесно связан как с когнитивными, так и с эмоциональными процессами. Р.Томпсон (*Thompson*, 1994), например, определяет эмоциональную регуляцию как систему внутренних и внешних процессов, обеспечивающую мониторинг, оценку и модификацию эмоциональных реакций, в особенности связанных с интенсивностно-временными паттернами, обеспечивающими достижение цели.

Выделяется общий фактор саморегуляции человека, производный от основных свойств нервной системы и проявляющийся в психомоторной и интеллектуальной (*Юркевич*, 1972) сферах. Выявлено, что важнейший параметр саморегуляции — пластичность, характеризующая скорость переключения — связан (отрицательно) с уровнем пространственно-временной сопряженности электрофизиологических процессов мозга (ЭЭГ-процессов) (*Русалов*, *Кошман*, 1980).

Изучение природы регулятивных процессов с целью выявления их механизмов безусловно требует привлечения параметров психобиологического уровня индивидуальности, в частности, темперамента. В.П.Бояринцев (1988), исследуя индивидуальные проявления саморегуляции, выявил различия в механизмах компенсации в динамике приспособительного акта у людей с различным темпераментом. Экстравертированные и пластичные субъекты отличаются быстрым возникновением и большей степенью выраженности состояния монотонии, которое компенсируется медленным возникновением и малой степенью выраженности состояния утомления. Интровертированные и ригидные субъекты, напротив, характеризуются медленным возникновением и малой степенью выраженности состояния монотонии, что компенсирует быстрое возникновение и большую степень выраженности состояния утомления:

> "Благодаря тому, что разные стороны динамики монотонии и утомления могут друг друга компенсировать, — делает вывод автор, — создаются необходимые условия для успешной продуктивности деятельности людей различных темпераментов" (*там же*, с.66),

и, добавим, возникающих на этой основе стратегий саморегуляции.

Не менее интересным — по сравнению с изучением уровня непроизвольной регуляции, в основе которой лежат внесознательные, находящиеся вне фокуса сознательно организованного контроля, механизмы — оказывается анализ произвольных действий и поступков, традиционно относящихся к сфере воли. Н.Ф.Круглова (1990) рассмотрела индивидуально-типические особенности произвольной регуляции у школьников шестых—восьмых классов, сопоставив волевые характеристики с успешностью обучения, особенностями мышления и уровнем самостоятельности в работе. В результате было выделено три группы учащихся, различающихся по степени сформированности и осознанности регуляторных функций. В группе А учащиеся проявляли самостоятельность, добивались заданных результатов при рациональном способе деятельности. В группе В было снижено умение анализировать значимые признаки, школьники отличались несамостоятельностью и нуждались в помощи для успешного выполнения заданий. В группе С ученики, хотя и проявляли достаточный уровень самостоятельности, показали сниженную способность к обобщению, неоптимальность способов работы при отказе от прямой помощи, а также плохой самоконтроль. При этом возрастных изменений в выявленной регуляторной типологии обнаружено не было.

4.5. Стиль речи: как мы говорим?

Речь — одна из наиболее ярких отличительных индивидуальных особенностей человека. Детская способность использовать язык становится важным фактором регуляции эмоций. Едва научившись говорить, дети гораздо охотнее пользуются речью для выражения своих чувств, чем мимикой и жестами. Анализ становления языка в детском возрасте является такой же увлекательной задачей, как и анализ когнитивного развития. Воззрения психологов на эту проблему группируются вокруг трех основных установок на природу вербального способа самовыражения, который:

— образуется в результате структурных изменений в процессе индивидуального развития, так как очевидно, что все дети проходят одинаковые стадии становления речи;

— обладает выраженной специфичностью в результате установленных различий в скорости созревания индивидов;

— проявляется лишь в виде небольших нюансов качества детской речи (имеет различную стилевую окраску).

Очевиден и житейский факт — разные родители, говоря о своих детях, не преминут отметить отличия в их вербальных способностях. Исследования на тему: “В чем причины различий в детской речи”, как всегда, идут во встречном направлении — со стороны поиска доказательств генетического влияния на исследуемый феномен, и со стороны выявления подтверждений средового воздействия.

Используя стандартный тест языковых навыков, Гарри Мюнзингер и Артур Дугласс (*Munsinger & Douglass*, 1976) протестировали группы моно- и дизиготных близнецов, а также группу неблизнецовых сибсов. Возраст тестируемых был от трех до семнадцати лет, так что в этом случае речь шла о достаточно сформированном уровне языковых навыков, а не о развитии. Была подтверждена гипотеза о включенности генетической компоненты в индивидуальный уровень развития вербальных способностей — корреляции между языковыми оценками монозиготных близнецов были значительно выше (.83), чем у дизиготных (.44). Исследование с помощью генеалогического метода также обнаружило генетическое влияние (*Hardy-Brown et al.*, 1981). На первом году жизни интенсивность и понятность детской речи можно было лучше предсказать, зная когнитивные способности генетических родителей, чем на основе знания языковых навыков приемных родителей.

В пользу гипотезы о средовом влиянии говорит неоднократно упоминавшийся в литературе факт — если родители больше говорят со своими детьми, то развитие языковых способностей малышей идет намного быстрее. Но это не противоречит и генетической гипотезе — ведь родители с лучшими языковыми навыками, имеющие соответственно больший объем общения, могли передать ген “говорения” по наследству своим детям. Однако Карен Харди-Бра-

ун (*Hardy-Brown et al.*, 1981) обнаружила, что особенности вокализации приемных матерей (имитирующих вокальные реакции малышей) связаны с особенностями развития языка детей в возрасте до года.

По мнению Кэтрин Нельсон (*Nelson*, 1981), дети различаются также в способах, то есть стилях, использования языка. Проявляющие экспрессивный стиль языка больше сфокусированны на собственно коммуникативном, социально-окрашенном аспекте речи и обучаются скорее с помощью подражания. Их первые высказывания часто имеют вид слитных наборов звуков без пауз и интонаций, как бы в свернутом виде воспроизводящих сказанную взрослыми фразу. Экспрессивные используют большее количество местоимений и имеющих личностно-социальную окраску слов. В противоположность им, предпочитающие символический стиль склонны чаще использовать имена собственные, их предложения более коротки и, кажется, они не очень стремятся использовать речь для социального взаимодействия со взрослыми. К.Нельсон обнаружила проявление этих различий уже в раннем детстве. Она также установила, что матери детей с символическим стилем склонны чаще использовать существительные по сравнению с местоимениями. Так что вполне возможно, что детские стили речи формируются как подражание взрослым. Но, с другой стороны (*Bee*, *Mitchell*, 1984), они могут отражать более фундаментальные различия в детской ориентации на взаимодействие с предметами (миром предметов) или на развитие взаимоотношений (миром людей).

В только что описанном разделении еще раз находит подтверждение удивительный факт функционирования в структуре стиля человека (рассматриваемого в данном случае в качестве Сложной Сбалансированной Системы, регулирующей взаимодействие человека со средой — см. Libin, in preparation, а) трех автономных, хотя и взаимозависимых подсистем — предметно-ориентированной структуры, ответственной за взаимодействие субъекта с миром вещей; коммуникативно-ориентированной структуры, регулирующей индивидуальное взаимодействие с миром людей, а

также Я-ориентированной структуры, отвечающей за поддержание оптимального уровня индивидуальной самоидентификации. Механизмы формирования предметно-ориентированной, коммуникативно-ориентированной и Я-ориентированной структур индивидуальности уходят корнями в недра темперамента (см. *Kagan*, 1994; *Палей*, 1972; *Русалов*, 1988, 1990, 1995) и предпочтений в формировании поведенческих стратегий (*Bee*, 1978; 1998), а вершиной касаются высших уровней личностной иерархии, проявляясь в виде направленности — на себя, на предмет или на других (*Мясищев*, 1995; *Neymark*, 1976; *Божович*, 1968). Уместность этой обширной ремарки именно в разделе, посвященном изучению индивидуальных различий в языке, очевидна. Однако мы сможем проследить закономерности описанного деления и при анализе другим проблем дифференциальной психологии.

4.6. Стилевые особенности сознания

Сравнительный анализ уникальных миров человеческого сознания с позиций формального подхода кажется, на первый взгляд, неразрешимой задачей. Однако детальное исследование содержания субъективного сознания — феномена, ментального по своей природе и социального по своим проявлениям — обнаруживает устойчивые различия между людьми в способах организации своего внутреннего мира, своеобразие которого существенно зависит от сложившейся системы предпочтений (*Либин*, *Парилис*, 1998). Для целей дифференциально-психологического исследования важно отметить, что сознание человека определяется семантикой множества полярных шкал, задающих координаты индивидуальности в потоке разнообразных событий, запечатлевающихся в психике. В данный момент мы не будем останавливаться на подробной характеристике способов функционирования сознания, которые проанализированы в соответствующих главах в зависимости от выделенного аспекта рассмотрения как образы и представления

(см. главу 3), полоролевые стереотипы (см. главу 12), этнические стереотипы (см. главу 14), способы оценки и интерпретации событий, а также различия в картинах жизни и образах мира (глава 19).

Ключевые термины главы: активация, воля, импульсивность, негативные эмоции, предметная эмоциональность, предпочтения, "привязанность", позитивные эмоции, развитие языка, рефлексивность, "сердечность", социальная эмоциональность, стиль речи, фактор саморегуляции, эмоциональные реакции.

Часть III. КООРДИНАТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Глава 5. Темперамент — психобиологическая основа личности

Темперамент — хороший конь,
но плохой наездник.

Гофмиллер

Совсем не случайно именно с изучения темпераментальных признаков начинается история систематического познания природы человеческой индивидуальности. Телесные, или конституциональные, особенности человека привлекали внимание врачей и ученых, мыслителей и художников. С понятием телесности связаны самые сокровенные вопросы психологии. Как соотносятся телесные и душевные функции в поведении человека? Подчиняются ли законы человеческой жизни логике тела как эволюционно-биологического феномена? Почему темперамент считают основой характера и что общего между темпераментом и стилем? Все эти и многие другие вопросы мы рассмотрим в этой главе, посвященной первой, исходной координате личности.

5.1. Интерпретации понятия "темперамент": историко-психологический анализ

За две тысячи лет со времени "открытия" Гиппократом темпераменту приписывались самые различные функции и давалось весьма разностороннее толкование природы этого важнейшего свойства человеческой индивидуальности. Понятие "темперамент", означающее "смешение частей" (от греческого "красис", то есть "смесь", переведенного позднее на латынь как "temperamentum"), возникло в группе древнегреческих врачей как результат наблюдений и размышлений над тем, почему одни

больные обладают большой силой сопротивления, а другие легко подвергаются заболеваниям; почему некоторые выздоравливают быстро, иные же — очень медленно; отчего одна и та же болезнь по-разному протекает в зависимости от типа человека? Родоначальник врачебного искусства Гиппократ (ок. 460—377 гг. до Р.Х.) применил философское учение о материальных стихиях, образующих Вселенную, к познанию природы человека. Он пришел к заключению, что в живом существе в том или ином соотношении смешиваются четыре "влаги", или сока: кровь, соответствующая теплому началу; слизь, то есть холодное начало; черная и желтая желчь, соответствующие влажному и сухому началам. В зависимости от преобладания какого-либо начала слагаются и особенности человека — поэтому то, что полезно одному, может оказаться вредным для другого. Через пятьсот лет еще один выдающийся врач древности Клавдий Галлен (131—200 гг.), несколько видоизменив первоначальное учение, сделал его основой своего профессионального искусства. Благодаря ему эта теория, ставшая первым значительным мифом психологической науки, сохраняет свое воздействие на умы многих современных исследователей и через двадцать пять столетий. Самая популярная типология темпераментов, впервые описанная именно Галленом, берет свое название от греко-латинских корней: флегматик от "флегма" (слизь), холерик от "хойле" (желчь), меланхолик — "мелане хойле" (черная желчь) и сангвиник (уже от латинского sangvis — кровь). Надо сказать, что влияния этой традиции прослеживаются и в современном языке. При описании индивидуальных особенностей своих знакомых мы используем выражение "сухой, желчный человек", в английском языке "жизнерадостное настроение" передается оборотом "сангвинический юмор". Да и само слово "юмор" произошло от латинского humor (т.е. влага, жидкость), что отражает древнегреческий стереотип, будто "sangva humor" ("кровяная влага") обеспечивает оживленность и веселость нрава.

Итак, в предыстории развития учения о темпераменте выделяются три очень существенных момента:

1. Темперамент есть первичный, телесный признак индивидуальности, отражающий в себе, в то же время, универсальные природные закономерности.

2. Определяющим оказывается понятие "красиса" или соотношения исходных признаков, причин, элементов, которые и лежат в основе темперамента.

3. Свойства темперамента находятся в зависимости от желез внутренней секреции, как следует из гуморальной концепции Гиппократа—Галлена.

Позднее мы увидим, как эти три фундаментальных следствия реализовались в современных концепциях о природе темперамента. Пока же над умами мыслителей властвовали те представления, о которых Франсуа де Ларошфуко (1675/1990) сказал:

> "Соки нашего тела, совершая свой обычный и неизменный круговорот, тайно приводят в действие и направляют нашу волю; сливаясь в единый поток, они незаметно властвуют над нами, воздействуя на все наши поступки" (*Ларошфуко*, 1990).

5.1.1. Темперамент как физиологический фактор поведения

Развитие взглядов на природу темперамента вплоть до середины двадцатого века шло по двум направлениям. Согласно первому, в основе темперамента лежат физиологические факторы. Согласно второму — темперамент проявляется прежде всего в организации душевной жизни.

Наивное объяснение темперамента через соотношение "соков" не удовлетворило уже Аристотеля (382—322 гг. до Р.Х.), который в своих объяснениях ставит во главу угла состав крови, например, скорость свертывания и плотность. Так, предрасположенность к гневу вызывается "наклонностью крови к свертыванию" и преобладанием в ней твердых частиц. А "хладнокровный" человек (словесная характеристика, сохранившаяся до настоящего времени!) отличается жидкой, более холодной кровью и, соответственно, более спокойным нравом.

Новую гипотезу сформулировал швейцарский ученый Альбрехт Галлер (1757), предположивший, что главную

роль в различии темпераментов играет плотность тканей и различная степень их раздражимости. Это был качественный сдвиг в анализе проблемы, и недаром знаменитую работу Галлера "Основы физиологии" оценивают как "разграничительную линию между современной физиологией и всем, что происходило прежде" (*Garrison*, 1914, цит. по *Ярошевский*, 1985).

И, наконец, главную причину индивидуальных различий в темпераменте ученые усмотрели в нервной системе, правда, пока не в отправлениях ее, а, опять же, в особенностях строения (см. *Самсонов*, 1922). Меланхоликам были приписаны "тонкие нервы" (отсюда, наверное, и выражение "тонкой души человек"), а флегматикам — "толстые, крепкие нервы" (мы говорим: "У него нервы толстые, как канаты"). В 70-х годах прошлого века врачи уже активно употребляли понятие "тонус", то есть степень напряжения, свойственная нервной системе. Каждый человек характеризуется своим тонусом — чем сильнее напряжение в теле, тем выше тонус, тем легче возбуждается данный человек, и тем меньше он нуждается в "добавочном раздражении". Само возбуждение также приписывается различным системам человека (по традиции, идущей от И.Канта) — чувствованиям или действиям. Итак, что же представляли собой определения темперамента начального этапа становления психологической науки, конца прошлого — начала нынешнего века?

Наиболее удачное определение темперамента в контексте конституционального подхода дал С.Фуллье (1896):

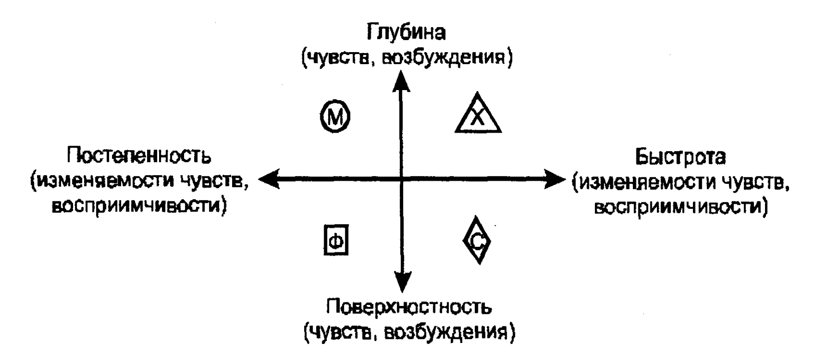
> "Темперамент это характерное различие в прирожденной телесной конституции людей, выражающееся в различной степени их восприимчивости, быстроты мыслительного процесса и силы активности. На основе темперамента вырабатывается характер, причем темперамент придает характеру определенную окраску, подобно тому, как тембр придает окраску голосу" (с.89).

Традиционные четыре типа темперамента определяются, согласно С.Фуллье, путем сочетания быстроты—медленности восприимчивости и силы—слабости активности. Профессор Хосе Инженьерос (1922), сторонник биологической психологии, определял темперамент как "прирож-

денную способность чувствовать и реагировать определенным образом под влиянием бесчисленных физических и социальных причин, воздействующих на индивидуума" (с.162). Преобладание же аффективных или двигательных тенденций в индивидуальном развитии считалось простейшей причиной, по которой различаются темпераменты эмоциональные и активные. Таким образом, почти общепринятой становится следующая схема:

наследственность — темперамент — тенденции в поведении.

Обобщение исторических концепций темперамента XVI—XIX веков, изложенное в работах И.Канта (1799/1900), В.Вундта (1889), С.Фуллье (1896), Э.Титченера (1914) и других, позволяет нам представить следующую двухкоординатную систему темперамента:

Если говорить об элементах комбинации свойств, называемых темпераментом, то анализ теоретических конструкций позволяет привести следующий перечень темпераментальных признаков:

— сила и скорость протекания эмоций, преобладающий аффективный тон и настроение (*Кант*, 1900);

— бурность или сдержанность эмоций с одной стороны, и предрасположенность к оптимистическоу или пессимистическому настроению, с другой (*Эббингауз*, 1890);

— сила и быстрота жизненных проявлений, а также светлый или мрачный характер жизненного чувства (*Геффдинг*, 1896);

— сила и скорость протекания аффектов (*Вундт*, 1880);

— соотношение эмоциональных и волевых особенностей (*Klages*, 1926).

Представляется также интересным бросить беглый взгляд на список организмических элементов, которые считались причинами темпераментальных проявлений:

состав жидкости, циркулирующей в организме;

строение кровеносных сосудов;

нервная сила, зависящая от обмена веществ;

соотношение интеграции и дезинтеграции в обмене веществ;

особенности строения тела (его форма, длина, развитость мышц);

преобладание различных органов (грудных, брюшных и т.д.);

плотность тканей и их раздражимость;

строение нервных тканей.

Как справедливо заметил В.С.Мерлин (1973), большинство теорий темперамента были физиологическими, а психологическим в этих теориях было лишь описание свойств темперамента и заложенные Кантом принципы классификации типов. Уильям Шелдон (1921), анализирующий темперамент на основе типа телосложения, также полагал, что теория темперамента занимает промежуточное положение между физиологическим и психологическим уровнями объяснения поведения (см. *Sheldon*, *Stevens*, 1942). Впрочем проблема соотношения телосложения и темперамента заслуживает особого внимания.

5.1.2. ТЕЛЕСНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕМПЕРАМЕНТА

Особое место среди рассматриваемых теорий занимают те, согласно которым темперамент, являясь наследственным и врожденным свойством, связывается с индивидуальными различиями в телосложении — формой тела, его пропорциями, ростом, весом, величиной жировых отложений. В 20-е годы выходит ставшая впоследствии знаменитой книга Эрнста Кречмера (*Kretschmer*, 1925) "Строение тела и характер" (*Кречмер*, 1995). Как и многие эффективные психологические интерпретации, эта концепция возникла в результате клинических исследований, посвя-

щенных анализу психических нарушений. Мы еще не раз встретимся с проявлениями этой знаменитой и крайне важной для психологии дихотомией "норма—патология". В первую очередь Э.Кречмера интересовала проблема предрасположенности людей к различного типа психозам. Наблюдая за пациентами, страдающими маниакально-депрессивными расстройствами и шизофренией, исследователь обратил внимание, в числе других признаков, на особенности строения тела этих людей. После многочисленных измерений было выделено три типа конституции (названия которых были производными от соответствующих греческих слов):

лептосоматический (leptos — хрупкий, soma — тело) — хрупкое телосложение, высокий рост, плоская грудная клетка, вытянутое лицо;

пикнический (pyknos — плотный, толстый) — значительные жировые отложения, тучность, малый или средний рост, расплывшиеся формы туловища, большой живот, круглая голова на короткой шее;

атлетический (athlon — борьба, схватка) — крепкое тело с хорошо развитой мускулатурой, высокий или средний рост, широкий плечевой пояс и узкие бедра, выпуклые лицевые кости (*Кречмер*, 1995).

Наблюдая за поведением людей с различным телосложением в условиях клиники, Э.Кречмер (1995) обратил внимание на четыре группы психических качеств, связанных, по его мнению, с темпераментом (под последним, кстати говоря, ученый подразумевал лишь "эвристический термин, который должен стать отправным пунктом для главной дифференцировки биологической психологии" (*там же*). Вот краткий перечень этих качеств:

психастезия — чрезмерная чувствительность или нечувствительность по отношению к психическим раздражениям;

фон настроения — оттенок удовольствия или неудовольствия в психических переживаниях, отмечаемый на шкале веселый—печальный;

психический темп — ускорение или задержка психических процессов вообще и их специального ритма;

общий двигательный темп или психомоторная сфера — подвижность или заторможенность, специальный характер движений (быстрый, мягкий, закругленный и т.д.).

Таким образом, связав понятие темперамента, в основном, с аффективностью и общим психическим темпом, Э.Кречмер описал три типа темперамента, соответствующие конституциональным типам:

шизотимический (характерный для лептосоматического или астенического телосложения) — замкнутость вплоть до аутизма, колебания эмоций от раздражения до сухости, упрямство, малоподатливость убеждению и изменению установок, сложности в приспособлении к окружению, склонность к абстракции. При расстройствах психики обнаруживается предрасположенность к шизофрении;

циклотимический (соответствующий пикническому телосложению) — противоположность шизотимику, легко контактирует с окружением, эмоции колеблются между радостью и печалью, веселостью и мрачностью. У одних циклоидов центр этих колебаний направлен к гипоманиакальному полюсу, у других — к депрессивному. При психических расстройствах обнаруживается склонность к циркулярному или маниакально-депрессивному психозу;

иксотимический (греч. ixos — тягучий) — характерен для атлетического телосложения. Иксотимик спокоен, маловпечатлителен, обладает сдержанными жестами и мимикой, невысокой гибкостью мышления, трудно приспосабливается к перемене обстановки. При психических расстройствах проявляет предрасположенность к эпилепсии.

Связь между телосложением и темпераментом Э.Кречмер видел, как и многие до него, в обусловленности этих параметров химическим составом крови, влияющим на особенности гормональной системы.

Концепция Э.Кречмера оказала очень сильное влияние не только на развитие дифференциальной психиатрии (см. главу 15), но и на типологические исследования в самых разных областях психологии. В России, как и в других странах Европы, учение о конституциональном факторе индивидуальности было встречено с одобрением. В Московском Психологическом институте разрабатывается поведенческая типология, в которой помимо некоторых консти-

туциональных координат учитывается также темп реагирования (быстрый и медленный), и момент силы или динамичности (*Корнилов*, 1926). Выделенные типы описываются так: мускульно-активный, с природной склонностью к быстрому и сильному способу реагирования; мускульно-пассивный, с природной склонностью к быстрому и слабому типу реагирования; сенсорно-активный, с природной склонностью к медленному и сильному способу реагирования и сенсорно-пассивный, с природной склонностью к медленному и слабому способу реагирования. Затрагивая вопрос о возможном изменении типа темперамента, что важно учитывать в процессе воспитания и обучения, Л.С.Выготский (1926) отмечал, что человек легко может перейти от ослабленного к усиленному типу реакции, от пассивного к активному способу реагирования, и от замедленного к ускоренному. Зато обратный переход — от быстрого к медленному, и от сильного к ослабленному оказывается чрезвычайно затруднительным. Следовательно, легче всего поддается изменениям сенсорно-пассивный тип, то есть флегматик, легко усваивающий форму поведения активных натур. Труднее же всего поддается изменению холерический темперамент (мускульно-активный тип).

Обзор конституционально-типологических теорий темперамента был бы неполным без имени еще одного исследователя — американского психолога Уильяма Шелдона (см. *Sheldon, Stevens & Tucker*, 1940), сформулировавшего соматотипическую концепцию темперамента. Важно отметить, что эта теория зародилась не в клинике и не в психиатрической практике. Кроме того, в основе классификации лежали не дискретные "типы", а непрерывно распределенные "компоненты" телосложения. У.Шелдон писал:

> "Концепция типов сыграла свою положительную роль, но сами типы при этом, пожалуй, больше всего напоминали шесты, поддерживающие бельевую веревку, иными словами, что-то такое, к чему можно было "подвесить" всю классификацию. По мере того, как "веревка" заполнялась, представление о типах отходило на задний план и, наконец, исчезло совсем, уступив место представлению о непрерывном распределении. Развитие шло от представлений о дихотомии

до концепции изменчивости по различным пространственным осям" (цит.по *Харрисон и др.*, 1968).

Эти компоненты получили названия в соответствии с принятыми в эмбриологии обозначениями зародышевых листков плода: эндодермы, из которой развиваются преимущественно внутренние органы; мезодермы, образующей впоследствии мышечную ткань, и эктодермы, из которой развивается кожа и нервная ткань. Проанализировав 4000 фотографий студентов колледжа, У.Шелдон выделил три крайних варианта телосложения, а затем составил описания соответствующих им темпераментов, используя наборы характеристик. Выделенные пятьдесят поведенческих признаков, после проведения обследования, разделились на три категории, положенные в основу трех компонентов темперамента. Каждый компонент характеризовался двадцатью признаками, а каждый признак оценивался по семибалльной шкале. Средний балл по двадцати признакам определял соответствующий компонент. Таким образом, соматотип описывался с помощью трех цифр. Предположив, что люди с разными типами телосложения выбирают различные способы действий, У.Шелдон провел сопоставление данных по выраженности компонентов темперамента с данными по соматотипам и получил коэффициент корреляции порядка 0.80 между компонентами соматотипа и темперамента (см. таблицу 6).

Более поздние исследования подтвердили, в частности, выводы Шелдона, касающиеся соотношения между доминирующей церебротонией и доминирующей эктоморфией (*Child*, 1950).

Оценивая период развития конституциональных типологий, известный специалист в области темперамента, нынешний президент Международного общества по изучению индивидуальных различий, польский психолог Ян Стреляу (1986) приводит несколько основных критических замечаний:

1. Большинство конституциональных типологий игнорирует роль социальных условий в формировании психических свойств человека. В лучшем случае среде отводится роль фактора, вызывающего проявление заранее запрограммированных состояний.

Таблица 6

Темперамент и соматотип

телосложение	*темперамент*
эндоморфия преобладание шарообразных форм, вялые руки и ноги, большое количество жира на плечах и бедрах, но тонкие запястья и лодыжки	висцеротония (лат. viscera — внутренности) преобладание дружелюбия; жажда похвалы; любовь к комфорту, приветливость со всеми; расслабленность в осанке и движениях; легкость в выражении чувств; тяга к людям в тяжелую минуту; мягкость при опьянении
мезоморфия хорошо развита мускульная система, широкие плечи и грудная клетка; кубическая массивная голова	соматотония (лат. soma — тело) уверенность в осанке и движениях; любовь к приключениям; скрытность в чувствах и эмоциях; тяга к действиям в тяжелую минуту; агрессивность и настойчивость при опьянении
эктоморфия слабое развитие внутренних органов и телосложения; долговязый человек с худым вытянутым лицом; узкая грудная клетка и живот; тонкие длинные руки и ноги	церебротония (лат. cerebrum — мозг) скованность в осанке; необщительность, социальная заторможенность; скрытность; устойчивость к действию алкоголя; тяга к одиночеству в тяжелую минуту; ориентация к поздним периодам жизни

2. Отождествление личностных черт с признаками темперамента, в частности, обусловленными конституцией. Такие черты личности как любовь к компаниям, терпимость или отсутствие сострадания считаются наследственными свойствами того же порядка, что и телосложение.

3. Необоснованным является часто встречающееся утверждение, будто здоровые люди носят в себе зародыш психического заболевания. Неправомерно также полностью переносить закономерности, установленные для группы больных людей, на всю популяцию.

“Что было бы, если Санчо Панса и Дон Кихот поменялись бы телами? Сохранили бы они при этом свою личность?” — многие авторы, задавая себе этот вопрос, бывают вынуждены признать обоснованность некоторых достижений в области сопоставления конституциональных и психологических параметров человека. Дело не в том, чтобы избавиться от стереотипного образа, сочетающего в себе воедино черты телесного и психологического портрета, конституции и поведения. Проблема заключается в умении исследователя проанализировать отдельные части кон-

ституционально-поведенческого гештальта, не разрушая целого.

5.1.3. Психологическая интерпретация "магических типов"

Что же в это время происходило с уже привычным для многих психологов традиционным четырехмерным описанием темперамента? Вне всякого сомнения, традиционная теория постоянно остается в поле зрения исследователей. Наиболее четкое психологическое звучание интерпретация магических четырех типов темперамента начинает приобретать в 20—30-х годах нашего столетия. В несколько измененном виде Гиппократо-Галлено-Кантовские формулировки, дополненные данными наблюдения и лабораторного эксперимента, по-прежнему звучат убедительно. Приведем портреты, составленные профессором К.Н.Корниловым (1921), создателем реактологии — учения, согласно которому единицей человеческого поведения является реакция, — применительно к детям:

> "Вот ребенок сангвинического темперамента: он худощав, строен, изящен. В движениях слишком быстр и подвижен, даже суетлив; он хватается с горячностью за всякое новое предприятие, но, не имея настойчивости довести его до конца, быстро к нему охладевает. Ум его — живой и острый, но недостаточно глубокий и вдумчивый. Чувства быстро нарастают, но захватывают его слишком поверхностно; он жизнерадостен, любит наслаждения и стремится к ним...
>
> Несколько иного склада ребенок флегматического темперамента. Физически упитанный, он медлителен в своих движениях, даже инертен и ленив. Его ум последовательный, вдумчивый и наблюдательный...Его чувства не горячи, но постоянны..
>
> Вот ребенок холерического типа. Он слишком решителен и быстр, а потому часто и опрометчив в своих движениях. Он настойчив и резок в осуществлении своих замыслов. Его острый и насмешливый ум слишком категоричен в своих выводах. Чувства слишком страстны и резки в проявлении симпатий и антипатий. Он склонен ко всякого рода борьбе...
>
> Иного склада ребенок меланхолического темперамента: сумрачный и не по летам серьезный, он медлителен и осно-

вателен в проявлении своей воли. С глубоким и вдумчивым умом, он непреклонен и настойчив до фанатизма в своих излюбленных взглядах. Крайне впечатлительный и замкнутый, он редко проявляет свои чувства" (с.125).

В объяснении природы темперамента продолжают давлеть те же традиции. Связывая темперамент с типом реакции, Л.С.Выготский (1926) отмечает, что

"в конечном счете мы определяем темперамент по типу движения, которое производится нашими органами, или иначе — по возможности или готовности движений, которые мы угадываем в чертах тела".

Внешне наблюдаемые признаки по-прежнему отождествляются с внутренними причинами, производящими темпераментальные различия. В лучшем случае авторы довольно эффективно реинтерпретируют "устоявшиеся" положения, например, гуморальной концепции, отмечая, что установить корреляцию между строением тела и темпераментом (который часто, надо отметить, подменялся и нередко продолжает подменяться понятием "характер") возможно, так как существует общая "породившая" их причина — работа секреторного аппарата, объединяющего функционирование головного мозга, эндокринных желез и нервной системы (*Выготский*, 1926).

5.2. Новый этап в изучении темперамента

Хотя психология, в том числе и дифференциальная, существует как наука лишь немногим более столетия, можно отметить большие достижения в анализе природы психики и в объяснении причин человеческого поведения. Конечно, исследования темперамента во второй половине двадцатого века и теоретически, и экспериментально несопоставимы по уровню оснащенности с исследованиями предыдущих поколений ученых. Тем не менее, основные подходы к изучению темперамента, порой трудноузнаваемые в контексте современной терминологии, продолжают свое существование.

5.2.1. Исследования структуры темперамента

Уильям Шелдон был не первым, кто предложил "свернуть в сторону" с проторенной дороги типологического подхода и рассматривать черты темперамента как диспозициональные переменные, имеющие непрерывное нормальное распределение. Подробнее мы говорили об этом во второй главе, сейчас же важно отметить, что в соответствии с открытым немецким исследователем Гауссом математическим законом, графически представленным в виде одновершинной плавной кривой, большинство психологических характеристик редко проявляются в виде своих экстремальных значений (то есть находятся на концах кривой Гаусса), а гораздо чаще имеют среднее значение. Это правило применили к изучению темперамента в 1906 году голландские психологи Г.Хейманс и Е.Вирсма (*Heymans, Wiersma*, 1912). Обследовав свыше двух тысяч детей и взрослых с помощью разработанного вопросника из 90 пунктов и обработав результаты с помощью доступных в то время статистических средств, авторы выделили три характеристики темперамента, имеющие два полюса, соответствующие крайним значениям:

активность — пассивность: проявления деятельности во всех сферах жизни (на работе, в школе, дома, во время отдыха), а также манера выполнять задания немедленно или откладывать их выполнение;

эмоциональность — безэмоциональность: частота и сила эмоциональных реакций в ответ на ситуации-стимулы;

первичная (П) — вторичная (В) функция: темпорально-энергетическая характеристика реакций человека. Люди с развитой ПФ сильно и импульсивно реагируют на события, но эффект или след реакции быстро угасает. Преобладание ВФ означает, что первая реакция будет слабой, но затем сила реагирования нарастает и эффект сохраняется более длительное время.

Исследователи выделили восемь основных типов темперамента на основе комбинаций трех базовых параметров или общих факторов (подобных общему фактору, выде-

ленному Ч.Спирменом при исследовании интеллекта — см. главу 6), то есть измерений, к которым сводится большое количество наблюдаемых явлений. Типология Хейманса—Вирсмы практически не реализована в современных исследованиях, однако она послужила толчком к созданию непрекращающейся и поныне "череды" факторных теорий темперамента, содержание которых сводится, в основном, к поиску новых или реинтерпретации известных данных, а процедура — к отлаженному психометрическому анализу переменных, из которых затем путем вычисления корреляций и интеркорреляций, а также с помощью различных моделей факторного и кластерного методов статистической обработки, выделяется n-е число первичных, вторичных, третичных и т.д. факторов.

Вполне возможно, что после открытия десятков темпераментальных факторов должен наступить этап концептуального осмысления результатов и сведения разнообразных характеристик к некоторому числу метапараметров, выделение которых становится возможным благодаря изучению механизмов функционирования формальной сферы психики и строения соответствующих психофизиологических и психологических структур.

Для того, чтобы сделать дальнейшее представление данных очередного этапа изучения темперамента, связанного с появлением факторных моделей и анализом темпераментальной структуры, более компактным, воспользуемся структурным описанием находок различных авторов. В качестве основания для простейшей классификации возьмем четыре двухполюсных метапараметра (*Либин*, 1994), позволяющих в общих чертах описать взаимодействие человека с физической и социальной (то есть коммуникативной) средой с точки зрения формального подхода. Отметим, что деление индивидуальных проявлений на две категории, соответствующие "физической" (то есть имеющие отношение к предметной, или субъект-объектной стороне жизни) и "социальной" (относящиеся к коммуникативной, или субъект-субъектной форме взаимодействия) формам достаточно эффективно, что отмечалось рядом исследователей темперамента (*Небылицын*, 1978; *Lerner*, 1984; *Бодунов*, 1988; *Русалов*, 1990), способностей

(*Лейтес*, 1960) и личности (*Magnusson & Endler*, 1977; *Анцыферова*, 1996). Поддерживая эту точку зрения, мы сохраняем такое же разделение в нашей классификации (см. таблицу 6) современных концепций структуры темперамента, присваивая индекс П (проявляется в предметной сфере в виде объектно-ориентированных стратегий) или С (проявляется в социальной сфере в виде коммуникативно-ориентированных стратегий) в зависимости от авторской интерпретации выделенного параметра.

Разумеется, большое количество довольно известных показателей не вошли в таблицу, так как либо не могут — даже условно — быть отнесены лишь к одному мета-параметру (например, адаптивность или доминантность), либо не относятся к темпераменту, описывая другие подструктуры личности, такие как стиль или характер. В число "фальсифицированно"-темпераментальных признаков входят, например, объективность, дружелюбие, отношение к людям, мужественность (*Guilford, Zimmermann & Guilford*, 1976); агрессивность, подозрительность, чувство вины (*Schalling, Asberg, Edman & Klinteberg*, 1989; *Magnusson*, 1986). Отмеченные черты, по нашему мнению, не удовлетворяют критериям выделения темпераментальных свойств (*Buss, Plomin*, 1984; *Strelau*, 1991; *Русалов*, 1991), важнейшими из которых являются проявление в раннем детстве, наследуемость, кросс-ситуативная устойчивость, проявление выделенных признаков как у людей, так и животных.

5.2.2. Свойства нервной системы как предпосылка темперамента

Однако, с помощью любого, даже самого полного перечня факторов, невозможно решить фундаментальную задачу дифференциально-психологического исследования — познание природы выявленных индивидуальных различий. Сущность темперамента раскрывают не факторы, а механизмы, лежащие в их основе. Именно поэтому одной из наиболее перспективных концепций, объясняющих темперамент с позиций современной науки, является функциональная типология высшей нервной деятельности, разработанная И.П.Павловым (1926/1952), который

Таблица 7

Метаизмерения темпераментальных проявлений

Интенсивность		***Умеренность***	
предметная	***социальная***	***предметная***	***социальная***
общая активность		избегание активности	
Guilford & Zimmerman; McDevitt & Carey; Strelau; Buss & Plomin; Windle & Lerner;		*Wilson, Barrett & Gray*	
активность П *Thomas, Chess;*			интроверсия С *Eysenk;*
активность П энергичность П *Thurstone;* напряженность *McDevitt & Carey;* *Feij; Kuiper;*	социабельность *Thurstone;* напряженность С *Cattell;* социализация *Magnusson;*		расслабленность С *Cattell;*
самодостаточность *Cattell;*	социабельность *Cattell;*		
реактивность П *Strelau;* эргичность П *Русалов.*	приближение С *Martin;* эргичность С *Русалов;*		
	общительность *Guilford & Zimmerman;* экстраверсия С *Eysenk.*		
Устойчивость		***Изменчивость***	
предметная	***социальная***	***предметная***	***социальная***
ритмичность П *Thomas, Chess;* *McDevitt & Carey;* *Windle & Lerner.*	стабильность С *Thurstone;*	импульсивность П *Thurstone; Barrett;*	импульсивность С *Feij; Kuiper; Barrett;* *Азаров*
уравновешенность П *Guilford & Zimmerman*		темп П *Русалов* отвлекаемость П *Thomas, Chess;* *McDevitt & Carey;* *Martin; Windle & Lerner.*	темп С *Русалов*
		избегание монотонии *Magnusson;*	
Включенность*		***Дистантность***	
предметная	***социальная***	***предметная***	***социальная***
тревожность общая		эмоциональная устойчивость П	
Taylor; Spielberger; нейротицизм общий		*Guilford & Zimmerman;* эм. устойчивость П	
Eysenk; эмоциональность общая *Feij, Kuiper;*		*Cattell;* рефлексивность П *Thurstone;*	рефлексивность С *Guilford & Zimmerman.*
чувствительность П		дистантность П *McDevitt & Carey;*	дистанция С *Thomas, Chess; Windle & Lerner;*
Thomas, Chess; *McDevitt & Carey;*			отрешенность С *Magnusson;*
	эмоциональная неустойчивость С *Cattell;*		
	раздражительность С		
эмоциональность П	*Magnusson;* эмоциональность С		
Русалов;	*Русалов;*		

Таблица 7 (продолжение)

Широта диапазона		***Узость диапазона***	
предметная пластичность П	***социальная*** пластичность С	***предметная*** ригидность П	***социальная***
Русалов;	*Windle & Lerner;*	*Залевский;*	
подвижность П *Strelau*	гибкость С *Cattell*		ригидность С *Cattell*

* К сожалению, характеристики этого полюса метапараметра представляют лишь проявления отрицательных эмоций. Такова печальная традиция, согласно которой описание эмоциональности дается в негативно окрашенных тонах (подробнее см. *Либина*, 1995). Однако есть надежда, что в ближайшем будущем в этот раздел таблицы будут вписаны также достойные внимания исследователей характеристики положительных эмоций.

хотел объяснить индивидуальные различия в темпераменте, опираясь на концепцию свойств нервной системы.

Первые попытки применения теории типов нервной системы, разработанной И.П.Павловым, к изучению человека были предприняты двумя его учениками — Н.И.Красногорским и А.Г.Ивановым-Смоленским. Исследуя в 1917 году тормозные реакции у детей, Н.И.Красногорский (1953) выделил два типа нервной организации — нормальный и инертный тип высшей нервной деятельности (ВНД). Позднее, на основе результатов исследования безусловных и условных рефлексов (чаще всего анализировалась реакция слюноотделения), а также учитывая вербальные реакции и все поведение ребенка, было выделено четыре основных типа нервной системы, которые соотносились с четырьмя классическими названиями типов темперамента. Основным классификационным признаком в типологии Н.И.Красногорского (1958) стала уравновешенность нервных процессов, которая понималась автором концепции (в отличие от И.П.Павлова, соотносившего уравновешенность с процессами возбуждения и торможения) как соотношение силы процесса возбуждения в корковых участках мозга с силой этого же процесса в его подкорковых участках. Вот как выглядела, например, характеристика темперамента "классического" сангвиника:

"сильный тип, в оптимальной степени возбудимый, уравновешенный, подвижный. Все отделы мозга функционируют

в полном согласии, в гармоническом единстве; как положительные, так и тормозные условные рефлексы образуются быстро и устойчивые. Сила реакции соответствует силе раздражителей. Сильные клетки коры и нормальная возбудимость участков подкорки обеспечивает хорошее приспособление к требованиям среды. Деятельность коры характеризуется большой подвижностью. Это темперамент "живой", его обладатель не доставляет воспитателю особых хлопот. Образование вербальных реакций протекает быстро и соответствует возрастным нормам. Речь у сангвиника громкая, быстрая, выразительная, с правильной расстановкой акцентов и интонированная, плавная. Речь сопровождается оживленной жестикуляцией, выразительными мимическими движениями и эмоциональным возбуждением" (*там же*, с.156).

Н.И.Красногорский отмечает, что типы ВНД не являются неизменными. Представляя собой характеристику безусловных и условных реакций, а также вербального поведения, они могут модифицироваться тем или иным образом под влиянием питания, научения, событий в социальном окружении, воспитания. Следует отметить, что последующие исследователи темперамента подвергли сомнению основные положения подхода Н.И.Красногорского, в частности тот факт, что скорость образования и продолжительность условных реакций напрямую зависят от силы нервной системы по отношению к возбуждению и торможению. Также отмечалось (*Strelau*, 1983), что однозначное соотнесение с типами нервной системы ребенка соответствующих характеристик вербального поведения не имеет обоснования в авторской логике.

Почти в то же время в лаборатории А.Г.Иванова-Смоленского проводятся многочисленные исследования, посвященные анализу свойств нервной системы детей дошкольного и школьного возраста. Используя двигательную методику в сочетании с регистрацией частоты дыхания и сердечных сокращений и принимая во внимание легкость и скорость образования как положительных, так и отрицательных временных связей, исследователь выделил следующие четыре типа: 1) подвижный тип: как положительные, так и тормозные временные связи образуются легко и быстро; 2) инертный тип: как положительные, так и тормозные связи образуются медленно; 3) возбудимый тип:

положительные связи образуются легко и быстро, а тормозные наоборот — медленно и с трудом; 4) тормозный тип: положительные связи образуются медленно, а тормозные — легко и быстро. В отличие от И.П.Павлова, А.Г.Иванов-Смоленский (1953) говорит о "типах образования временных связей", лежащих в основе темперамента. Эта типология не претендует на характеристику так называемых общих типов нервной системы и сводится лишь к характеристике образования условных рефлексов. Автор использует только два признака ВНД — подвижность и уравновешенность нервных процессов, тогда как И.П.Павлов первостепенное значение придавал именно силе процессов возбуждения и торможения.

Используя в качестве основы традиционную Павловскую схему сопоставления свойств нервной системы и особенностей реакций с темпераментом (см. также *Платонов*, 1984, с.149), можно представить следующую таблицу 8:

Таблица 8

Сопоставление параметров нервной системы, темперамента и типа реакций

Тип нервной системы	Характеристики нервных процессов			Характеристики реакций		Тип темперамента
	сила	уравновешенность	подвижность	интенсивность	скорость	
Безудержный	+	–	+	чрезмерная	+	Холерик
Живой	+	+	+	умеренная	+	Сангвиник
Инертный	+	+	–	сильная	–	Флегматик
Слабый	–	–	±	слабая	–	Меланхолик

Примечание

"+" — выраженность силы, уравновешенности, подвижности, быстроты;

"–" — выраженность слабости, неуравновешенности, инертности, медленности.

Каковы были достижения этого этапа изучения свойств нервной системы как физиологического субстрата темперамента? Как отмечает В.Д.Небылицын (1976):

"...классификация А.Г.Иванова-Смоленского является одной из первых, основывающихся на результатах экспери-

ментальных исследований, попыток введения принципа динамичности нервных процессов в изучение человека".

Также принципиальным достижением этого подхода является вывод о том, что "диагноз отдельных свойств нервной системы зависит от характера раздражителей, используемых в эксперименте"(*Strelau*, 1983).

5.2.3. Дифференциальная психофизиология — новый раздел науки об индивидуально-типологических различиях

Многие отечественные и зарубежные авторы указывают, что качественно новый этап в изучении типологии ВНД, в том числе и применительно к темпераменту человека, начинается с середины 1950-х годов, с работ московской группы исследователей под руководством Б.М.Теплова, а затем его ближайшего ученика В.Д.Небылицына. Темперамент начинает определяться как "характеристика индивида со стороны динамических особенностей его психической деятельности, то есть темпа, быстроты, ритма, интенсивности, составляющих эту деятельность психических процессов и состояний" (*Небылицын*, 1976). Благодаря работам Б.М.Теплова и его учеников, развивавших учение о свойствах нервной системы применительно к человеку, возникло новое направление в изучении индивидуально-типологических различий — дифференциальная психофизиология (см. *Небылицын*, 1996).

Важнейшим вкладом школы Теплова—Небылицына в изучение темперамента является исследование нейрофизиологических механизмов основных темпераментальных компонентов — общей активности (характеризующейся степенью энергичности, параметрами моторики, например, быстротой, ритмом) и эмоциональности (в которой выделяются чувствительность и эмоциональная лабильность). Однако, если сами основатели направления подчеркивали, что главная задача состоит в изучении отдельных свойств нервной системы, а выделение основанных на сочетании этих свойств типов играет второстепенную роль, их последователи, в частности, В.С.Мерлин и его ученики, заняли иную позицию. Темперамент, согласно этой

точке зрения, формируется на основе типа нервной системы и включает такие черты как тревожность, экстраверсию—интроверсию, ригидность, импульсивность, эмоциональную возбудимость и эмоциональную стабильность (*Мерлин*, 1973; *Белоус*, 1968, 1982; *Вяткин*, 1992). Каждое свойство входит в определенное сочетание с другими свойствами, образуя таким образом типы темперамента. Поэтому "при изучении темперамента следует избегать исследования отдельных свойств, не относящихся к определенному типу" (*Мерлин*, 1964). Корреляционный подход к выделению типов темперамента, основывающийся на положении о существовании прямолинейной зависимости, явился отправным моментом для формулирования концепции темперамента, основанной на модели инварианта. Под инвариантом понимаются такие математические зависимости между переменными, которые являются устойчивыми и не зависимыми от изменений, происходящих в самих переменных (*Белоус*, 1982). Инвариант выражает причинно-следственные связи между переменными, что объясняет процесс образования целостных систем различной степени сложности. Тип темперамента, как и любая саморегулирующаяся система, характеризуется с помощью указания на константные отношения между отдельными свойствами.

5.2.3.1. Регулятивная теория темперамента

Павловская идея о том, что темперамент играет важную роль в адаптации индивидуума к окружающей среде, а также понятие оптимального уровня возбуждения, разработанное Д.Хеббом (*Hebb*, 1955, 1959) побудили Яна Стреляу (1993) разработать Регулятивную Теорию Темперамента (РТТ), согласно которой в структуре темперамента выделяются реактивность (чувствительность индивида и его выносливость, или способность к работе) и активность, которая обнаруживается в объеме и охвате предпринимаемых действий (целенаправленных поведенческих акций) при данной величине стимуляции.

Автор выделяет несколько исходных постулатов РТТ, например:

— существуют относительно стабильные индивидуальные различия по отношению к формальным характеристикам поведения, заключающиеся в двух основных категориях: интенсивности (энергетический аспект поведения) и времени (темпоральный аспект поведения);

— сколь бы не были специфичны типы поведения человека и животных, все млекопитающие характеризуются качествами, относящимися к категории интенсивности и времени. Таким образом темперамент имеет место как у животных, так и у человека;

— темпераментальные характеристики есть продукт биологической эволюции и должен существовать генетический базис, который, наряду с психологическими характеристиками, определяет индивидуальные различия в темпераменте.

Также отмечается, что, будучи первично обусловленным врожденными физиологическими механизмами, темперамент может изменяться в связи со взрослением и под воздействием некоторых факторов среды.

5.2.3.2. Концепция структуры темперамента

Особое значение в связи с исследуемой тематикой приобретают теории интегрирующего типа, например, гипотеза об особом статусе темперамента в структуре индивидуальности, получившая название "специальная теория индивидуальности" (*Русалов*, 1986; 1996). Данная концепция позволяет объединить достижения различных направлений в определенную систему взглядов на природные основы индивидуальности. Методологическая сторона специальной теории заключается в следующем положении. Содержательные характеристики психики в процессе развития попадают под действие социально-обусловленных законов самого содержания, в то время как биологические механизмы формальных характеристик индивидуальности подчинены эволюционно-генетическим законам. Таким образом, темперамент человека реализуется в двух аспектах — предметном (объектно-ориентированном) и социальном, или коммуникативном (субъектно-ориенти-

рованном). Развивая представления В.Д.Небылицына о выделении трех главных компонентов в структуре темперамента — интенсивности, темпа и вариативности, — характеризующих общую активность индивидуума, а также рассматривая эмоциональность через призму теории функциональных систем П.К.Анохина (1975), автор выделяет четыре основных темпераментальных блока — эргичность (от греч. ergos — работа), темп, пластичность и эмоциональность, каждый из которых оценивается с двух сторон: предметной и социальной. Такое разделение темпераментальных функций представляется вполне оправданным и перспективным.

С позиции теорий, основанных на интеракционном анализе, очевидно, что темпераментальные характеристики играют важную роль в разграничении реакций индивида на социальное и физическое окружение, а также в различных ситуациях выбора, перцептивных ситуациях, в развитии стратегий предпочтения (*Lerner*, 1984; *Thomas*, *Chess*, 1977; *Rothbart*, 1991; *Buss*, 1995). С этой точки зрения человек характеризуется как активный, адаптирующийся в окружающей среде субъект. Важно отметить, что адаптивные возможности индивида различные авторы связывают с реализацией его биологических программ, зафиксированных, прежде всего, в системе темпераментальных свойств. При этом темперамент маскирует процесс и результативность деятельности (в том числе совместной) и определяет стиль и организацию свободного общения (*Белоус*, 1989). Проблема определения специфики соотношения стилевой и темпераментальной подструктур индивидуальности особенно отчетливо проявляется при выборе стратегий обучения и обобщения, организации профессиональной, спортивной и совместной деятельности (*Белозерова*, 1988; *Либин*, 1991; *Мастволискер*, 1989; *Шарцев*, 1988, *Тергалинский*, 1988; *Русалов, Парилис*, 1991).

Еще одним важным отличием концепции структуры темперамента в специальной теории индивидуальности является то, что в качестве механизма формирования темперамента предлагается рассматривать действие общей конституции (включающей биохимический, анатомо-морфологический и нейрофизиологический уровни), благо-

даря чему происходит “системное обобщение” всех биологических характеристик, включенных в реализацию всех видов деятельности и общения, независимо от конкретных мотивов, целей и способов поведения. В соответствии с этим, выделяется три этапа в формировании темперамента (*Русалов*, 1991). Первый этап характеризуется слитностью предметного “содержания” и “формальных” особенностей индивидуального поведения и соответствует самым ранним стадиям онтогенеза человека, когда решающая роль в поведении принадлежит врожденным программам. Второй этап связан с приобретением новых мотивов, планов, схем и способов поведения. Здесь происходит лишь частичное “разделение” содержательных и формальных компонентов поведения, так как темперамент, как совокупность формальных аспектов поведения, еще неустойчив и определяется в существенной мере темпами биологического созревания организма. Третий этап характеризуется отчетливым расхождением “содержания” поведения от “формальных” особенностей, когда завершается обобщение и стабилизация формальной подструктуры индивидуальности.

Одной из ближайших задач специальной теории индивидуальности в анализе структуры формальной динамики поведения является поиск генетически детерминированных параметров. В ряде работ получены убедительные доказательства генетической детерминированности пластичности (*Бирюков*, 1992), а также наследуемости нейрофизиологических коррелятов темперамента (*Анохин*, 1987).

5.3. Развитие темперамента в контексте психогенетических и лонгитюдных исследований

Если в России современный этап изучения темперамента начался с работ Б.М.Теплова, В.С.Мерлина и их учеников, применивших учение И.П.Павлова о свойствах нервной системы к типологическим исследованиям человека, то в США современная теория изучения темперамента началась в конце 1950-х годов с Нью-Йоркского лонгитюдного исследования, инициированного Алексан-

дром Томасом, Стеллой Чесс (*Thomas*, *Chess*, 1977) и их коллегами (*Plomin*, 1986). Как указывает Стреляу (*Strelau*, 1991), приоритет американских психологов заключается прежде всего в междисциплинарном подходе к анализу темперамента и его развития у детей, изучаемого с помощью лонгитюдного метода. Можно отметить два общих признака для российского и американского подходов, которые и оказались дифференцирующими критериями современного этапа в изучении темперамента человека. Это касается представлений о природе темперамента и определении самого конструкта. Во-первых, подавляющее большинство исследователей считает темперамент "относительно устойчивой, врожденной базовой диспозицией, которая определяет вариативность многих поведенческих черт" (*McCall*, 1979), и, во-вторых, с точки зрения психологии развития, темперамент оказывается первой координатой, характеризующей формирующуюся специфику индивидуального поведения.

5.3.1. Первые проявления человеческой индивидуальности

Представьте, что вы вдруг оказались в покоях для новорожденных младенцев в современном Доме матери и ребенка. Случайный взгляд, брошенный на ровные ряды угукающих, орущих или мирно посапывающих в своих кроватках младенцев, вызывает странное ощущение, похожее на панику. Почему-то кажется, что все новорожденные похожи друг на друга. Однако мать, увидев хотя бы раз своего ребенка, почти безошибочно узнает его среди остальных. И дело здесь не только в "шестом чувстве" или сверхъестественной материнской интуиции. Психологи выделяют шесть основных различий в поведении новорожденных:

1. Диапазон реакции — одни младенцы энергично реагируют на широкий спектр стимулов, другие относятся ко многим стимулам безразлично.

2. Степень общей активности — с самого рождения некоторые младенцы гораздо чаще остальных совершают движения телом, делают больше поворотов головой и т.п.

3. Возбужденность младенцев проявляется в том, много или мало они кричат и плачут.

4. Беспокойство во время сна — одни младенцы спят крепко, другие двигаются всю ночь напролет.

5. Привыкание — некоторые младенцы очень быстро привыкают ко всему новому и непривычному.

6. Стремление вырваться из рук — одни малыши любят, чтобы их обнимали и подольше держали на руках, другие не очень это "приветствуют".

По мнению многих авторов (см. *Bee*, 1978; *Fries*, 1954; *Schaffer* & *Emerson*, 1964), эти поведенческие признаки обусловлены темпераментом, который начинает проявляться с самого раннего возраста. В поведенческой картине младенца уже проступают контуры инструментальной стороны поведения будущей взрослой личности.

5.3.2. Устойчивость темпераментальных показателей

Александр Томас и Стелла Чесс с сотрудниками (*Thomas*, *Chess*, *Birsh*, 1970) обследовали 141 ребенка с целью изучения темперамента, который они определяли по степени выраженности моторной активности, чувствительности к стимулам и характеру реакций на новые объекты. В первую очередь были отобраны малыши с "легким" и "трудным" темпераментом. Первые с готовностью адаптируются к новым ситуациям, реагируют с низкой или средней интенсивностью, пребывают, в основном, в хорошем настроении и отличаются ритмичностью телесных проявлений. "Трудные" же младенцы характеризуются противоположными признаками. Некоторых малышей назвали "неторопливыми", имея в виду склонность не сразу обнаруживать интерес к чему-либо, а "воодушевляться постепенно". И, наконец, остались те, кого нельзя было отнести к какой-нибудь определенной группе. Их назвали "непостоянными", характеризующимися смешанными чертами поведения. При анализе распределения выделенных типов обнаружилось, что 40% малышей относятся к категории "легких", 15% оказались "неторопливыми", 35% "непостоянными" и только 10% "трудными". Однако самым примечательным оказался факт устойчивости опи-

санных признаков во времени. "Легкие" дети сохраняли типичные поведенческие черты при обследовании в пятилетнем и в десятилетнем возрасте.

Указанные в лонгитюдном исследовании темпераментальные признаки, конечно же, не единственные. К особенностям темперамента, как мы уже отмечали, относят активность и эмоциональность, темп и скорость, пластичность и устойчивость к стрессу. Несмотря на огромное многообразие, признаки темперамента могут быть сведены к некоторым базовым характеристикам или метапараметрам, таковы, например, нейротицизм или экстраверсия. Принято считать, что эти черты остаются довольно устойчивыми на протяжении долгого периода времени, а иногда и в течении всей жизни.

5.4. Темперамент, стиль, характер: о статусе темперамента в структуре индивидуальных свойств

Вокруг темперамента, как вокруг основного фактора, определяющего систему предпочтений и специфику реакций человека на стимулы, группируются приобретенные навыки и выработанные в процессе воспитания и обучения индивидуальные черты. Проблема соотношения темперамента и характера, а также различения темперамента и стиля, относится к одной из наиболее запутанных тем в психологии. Вместе с тем, объяснение этого соотношения очень важно для понимания природы и сущности человеческой личности. Именно на этом перекрестке души встречаются "Биологическое" и "Социальное", "Врожденное" и "Приобретенное", многие другие персонажи дифференциальной психологии. В большинстве психологических работ сопоставление темперамента с другими личностными свойствами проводится по принципу "или—или", то есть ближайшим партнером темперамента оказывается либо характер, либо стиль, но практически никогда сочетание "темперамент—стиль—характер" не встречается в "гармоничном созвучии". Однако шаги в этом направлении уже сделаны. Достаточно рассмотреть лишь несколько наиболее удачных определений.

К.К.Платонов (1984) понимает темперамент как "качество личности, сформировавшееся в личном опыте человека на основе генетически обусловленного типа нервной системы, и в значительной мере определяющее стиль его деятельности" (с.148). Изучение соотношения темперамента и характера в отечественной психологии развивалось под влиянием идей И.П.Павлова (1951а), который определял характер как сплав нервной системы и жизненных влияний — обучения и воспитания, — закрепившихся в структуре индивидуальности в виде тех или иных способов реагирования. Л.С.Выготский (1926) считал темперамент наличной предпосылкой, а характер — конечным результатом воспитательного процесса.

Может сложиться впечатление, что для большинства современных психологов различение анализируемых свойств личности очевидно. Однако, если проблеме темперамента и стиля (в данном случае неважно, поведенческого или когнитивного) на протяжении рассматриваемого периода уделялось достаточно внимания, то работ по изучению характера, посвященных его сопоставлению с другими свойствами личности, практически нет как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Таким образом, в исследовании вопроса о соотношении понятий "темперамент", "стиль", "характер" можно отметить две закономерности.

Во-первых, довольно часто понятия "темперамент" и "стиль", "темперамент" и "характер" (и даже "темперамент" и "личность") объединяются в рамках одной концептуальной плоскости. При этом наиболее характерными "ходами" при анализе понятий являются следующие.

А. Отождествление понятий "стиль" и "темперамент". При этом вся стилевая сфера индивидуальности может сузиться до отдельных темпераментальных проявлений, например, тревожности или психотизма. Г.Оллпорт (*Allport*, 1961), связывая стиль с формой, а не с содержанием поведения, отождествлял его с темпераментом, т.е. восприимчивостью к эмоциональным стимулам, типичной силой и скоростью реакций, фоном преобладающего настроения и интенсивностью его колебаний. Интересно, что в основе темпераментальных проявлений Г.Оллпорт предполагал

обнаружить общий конституциональный фактор, указывая на важнейший признак темпераментальных черт — наследуемость. Дальнейшее развитие такая трактовка темперамента как стиля получила в работах А.Басса и Р.Пломина (*Buss*, *Plomin*, 1975), определяющих темперамент как характеристику, больше связанную со стилем способами, чем с содержанием поведения. В этой концепции темпераменту ставится в соответствие экспрессивный, а стилю — инструментальный аспект поведения. Концепция А.Томаса и С.Чесс (*Thomas* & *Chess*, 1991), имеющая значительное влияние на представления о природе темперамента американских исследователей, также основана на понимании темперамента как поведенческого стиля. Ян Стреляу (1993) также во многих своих работах специально отмечает, что темперамент образует стилевой аспект поведения, а личность — содержательный.

Б. Разделение стилевых и темпераментальных проявлений как отдельных психологических признаков индивидуальности, производных, однако, от общего, психодинамического фактора. Вопрос: "Как?", относящийся, по общему мнению, к формальной стороне поведения и деятельности, имеет существенную роль для определения самих формальных характеристик и поэтому оказывается не столь важным, какие конструкты объясняют анализируемую феноменологию поведения.

В. Стиль, также как и темперамент, понимается как подкласс психологических свойств личности и имеет ряд отличительных признаков, в соответствии с которыми занимает промежуточное положение между темпераментальными (конституциональными) факторами и другими личностными образованиями, такими как темперамент, характер, способности (*Либин*, 1993).

Г. В некоторых концепциях стилю, в отличие от темперамента, приписывается важнейшая, иногда и определяющая роль по отношению к остальным психологическим подструктурам. Так, по мнению Дж.Ройса (*Royce*, 1973), стиль — это ядро личности. В.С.Мерлин (1986), вслед за А.Адлером (*Adler*, 1927), также считал стиль важнейшим интегрирующим механизмом в структуре человеческой индивидуальности.

Во-вторых, некоторые исследователи предпочитают говорить о мета-параметрах личности, подразумевая под последними некие глобальные измерения, недифференцированные качества, одновременно объединяющие и темпераментальные, и характерологические, и общеличностные признаки. Так, представление о темпераменте как важнейшей эмоциональной характеристике личности занимает значительное место среди темпераментальных теорий и концепций. По мнению Пола Экмана (*Ekman*, 1984), темперамент — это устойчивая и наболее характерная черта эмоциональной жизни. Темперамент выражает предрасположенность к определенным эмоциональным реакциям в типичных ситуациях. К наиболее известным концепциям "темперамента—личности" относятся: трехфакторная модель Г.Айзенка (*Eysenck*, 1992); трехкомпонентная концепция темперамента А.Басса и Р.Пломина (см. *Buss*, 1991), выделяющих активность, эмоциональность и социабельность; а также получившие бурное развитие за последние двадцать лет пятифакторные модели личности (см. главу 9), в которые наряду с такими чертами как "открытость новому опыту" и "дружелюбность" включены (как рядоположенные!) темпераментальные факторы "эмоциональная стабильность" и "нейротицизм" (*McCrae, Costa*, 1996).

Завершая главу, хотелось бы отметить, что развитие наиболее адекватных представлений о природе темперамента — психобиологической базы человеческой индивидуальности — является существенной предпосылкой формирования теории и методологии исследований стиля человека, его характера и интеллекта, а также личности и индивидуальности в целом.

Ключевые термины главы: активность, динамика психических процессов, дифференциальная психиатрия, дифференциальная психофизиология, конституциональный фактор, конституциональные типологии, коммуникативно-ориентированные стратегии, объектно-ориентированные стратегии, саморегуляция, свойства нервной системы, соматотип, стиль поведения, телосложение, темперамент, тип ВНД, тип реакций, типология темперамента.

Глава 6. Способности и интеллект

Исследования способностей и интеллекта занимают одно из центральных мест в дифференциальной психологии. Как уже указывалось (см. главу 3), попытки связать измерение общего интеллекта с диагносцируемыми особенностями сенсомоторной и перцептивной сфер психики были закономерны и привели к ряду важнейших открытий, среди которых важное место занимает введенное Жаном Пиаже (1969) понятие сенсомоторного интеллекта.

Однако задача по измерению человеческого интеллекта и общих — а затем и специальных — способностей была продиктована, в первую очередь, нарастающими запросами специалистов-практиков: учителей, воспитателей, клиницистов, консультантов, руководителей больших коллективов. Впрочем, неразрывная связь фундаментальных и прикладных исследований всегда была отличительной чертой дифференциальной психологии, многие области которой формировались по схеме: потребности практиков — фундаментальные и прикладные исследования — внедрение результатов научных изысканий в практическую работу.

6.1. Что измеряет IQ?

Решение начать главу с обсуждения этого вопроса продиктовано самой логикой развития психологии способностей, имеющей явно выраженный дифференциальный оттенок. В той или иной степени, еще задолго до появления определения интеллектуального коэффициента (intelligence quotient — IQ), понятие способностей было связано с установлением человеческих различий. Российский мыслитель XVIII века А.Н.Радищев (1792/1952) в трактате "О человеке, его смертности и бессмертии" высказывал следующую точку зрения на проблему способностей (кстати, весьма близкую к взглядам французского писателя и исследователя Дидро):

> "... нет никого, кто бы не был убежден, что находится в способностях каждого великое различие от другого. А кто об-

ращается с детьми, тот ясно понимает, что поелику различны в людях темпераменты,... то и силы умственные должны разнствовать в каждом человеке неминуемо” (с.65—66).

Для измерения искомой “человеческой разности” А.Бине и Т.Симон (*Binet*, *Simon*, 1905) создают в 1905 году первую шкалу измерения интеллекта, баллы которой означали характерный для определенного возраста (от двух до двенадцати лет) уровень развития одной из тридцати отмеченных способностей (от сенсомоторной координации до конструирования предложений). Далее, в 1911 году В.Штерн предлагает термин “психический возраст”, связав эту переменную с хронологическим возрастом через коэффициент интеллекта (*Lamiell*, 1996). Если шестилетний ребенок успешно выполнял тесты соответствующие его возрасту, его коэффициент был равен 7/7=1.00. Чуть позже, в 1916 году, американский психолог Л.Термэн (*Terman*, 1916), сотрудник Стэнфордского университета, предлагает аббревиатуру IQ и шкалу измерения от нуля до ста, и используемая с того времени в США версия теста получила название Стэнфорд—Бине. Классическая формула, ставшая уже достоянием истории, приобретает свой окончательный вид:

$$IQ = \frac{\text{Психический возраст (ПВ)}}{\text{Хронологический возраст (ХВ)}} \times 100$$

Став почти мифом, концепция IQ, как представление о некоем суммарном коэффициенте, отражающем уровень развития общих способностей человека, прошла через всю психологию XX века, отражая в своих интерпретациях не только новые веяния в психологической науке, но и тенденции в общественно-политической жизни эпохи.

Надо отметить, что содержание используемых и по сей день показателей IQ существенно отличается от интерпретаций, производных от первоначального замысла. Так, возраст давно уже перестал быть основой для вычисления суммарного коэффициента. Количество лет сменилось вычислением пропорции полученных экзаменующимся результатов по сравнению с общим результатом в соответст-

вующей группе. Структура, например, теста Стэнфорд—Бине в четвертой редакции 1986 года базируется уже на иерархической модели интеллекта (см. ниже). На верху пирамиды, как и прежде, остается генеральный фактор интеллекта g. Следующий уровень обозначается тремя основными группами тестируемых факторов, а два последующих за ним уровня включают описание конкретно измеряемых способностей и соответствующих тестовых заданий.(*Thorndike, Hagen* & *Sattler*, 1986):

1. "Выкристаллизовывающиеся" (связанные, сопряженные) способности, определяющиеся, по Р.Кэттеллу (*Cattell*, 1971), совокупностью знаний и интеллектуальных навыков человека, приобретенных в ходе социализации. Сюда относятся, например, способность к вербальной логике (словарный запас, понимание, соотношение значений) и к количественной (невербальной) логике — операции с числами и сериями чисел, работа с уравнениями. Это общий интеллект, связанный с обучением в школе и вовлеченностью в другие виды культурно обусловленной активности.

2. "Подвижно-аналитические" (текучие, свободные) способности, определяющиеся (*Cattell*, 1971) той стороной онтогенетического развития, которая менее подвержена влиянию культуры (то есть биологические, природные способности). Здесь выделяется группа заданий на абстрактно/визуальную логику — анализ образов, копирование и пр.

3. Характеристики кратковременной памяти — запоминание предложений, изображений или названий объектов, цифр, наборов букв и т.д.

Новая измеряющая уровень IQ батарея отличается не только по структуре, но и по процедуре проведения. Осуществляется многоэтапное тестирование, означающее, что вначале экзаменатор дает пробные задания, чтобы обозначить тот уровень в каждом субтесте, с которого будет проводиться тестирование данного испытуемого.

Вместе с тем многие авторы отмечают в качестве одного из основных недостатков IQ то, что его измерения не являются предикторами способности личности обучаться навыкам, необходимым для повседневной жизни (*Baumeister*, 1987; *Howe*, 1988).

6.2. IQ и способность к обучению

Исследование с помощью батареи интеллектуальных тестов студентов, попавших по результатам выполнения вербального субтеста SAT (тест, используемый в США для оценки общего уровня подготовки абитуриента) в верхнюю часть шкалы, выявило у них тенденцию к более быстрому сканированию и извлечению сведений из памяти. Если в чем и обнаруживается единодушие у исследователей IQ, так это в том, что этот показатель особенно предсказателен в отношении успехов в обучении, как в школе, так и в университете; он выступает предиктором профессиональных успехов у "синих" и "белых воротничков" (так называют производственников и служащих); коэффициент интеллекта является также показателем успешности работы военных, полицейских и государственных служащих (*Vernon*, 1979; *Barrett & Depinet*, 1991; *Eysenck*, 1979). Кроме того, каждый дополнительный год обучения (по данным американских исследователей) прибавляет 16% к уровню общего материального дохода индивидуума, и, естественно, корреляция между продолжительностью обучения и успешностью последующей профессиональной деятельности также очень высока (*Ashenfelter & Kreuger*, 1992).

6.3. Формальный анализ интеллекта: от общего фактора к иерархическим моделям

Для специалиста-психодиагноста, научного исследователя очень важно представлять, что же именно мы пытаемся измерять, рассуждая об интеллекте. Различные определения, хорошо известные дилетанту, приобретают в стенах академической лаборатории довольно расплывчатые очертания. Становится очевидным, что создание и применение отдельных тестов, измеряющих те или иные интеллектуальные черты, все же малоэффективно без соответствующей теоретической концепции. Поэтому большое значение имеют модели интеллекта, лежащие в основе интерпретации полученных данных.

Построить целостное представление об интеллекте на основе результатов, накопленных от измерения множества

отдельных способностей, не легко. Многие исследователи находят требуемую четкость определений, обращаясь к математическим, факторно-аналитическим моделям. Английские психологи были первыми, кто в начале двадцатого столетия инициировал эту линию исследований.

Чарлз Спирмен (*Spearmen*, 1927), психолог с математическим образованием, сконцентрировал свои усилия, а также активность своих учеников и коллег вокруг главной идеи — все ментальные тесты, в действительности, измеряют одну, базовую интеллектуальную способность. Ч.Спирмен был убежден в том, что многочисленные диагносцируемые способности есть проявление некоего общего фактора “g”, отражающего уровень ментальной энергии, присущей данному индивиду. Сопутствующий же специфический фактор “s” отображает, через различные измеряемые с помощью тестов параметры, инструментальные средства, или engine (от лат. ingenium — естественная предрасположенность, талант), индивида, благодаря которым ментальная энергия может быть приложена к конкретным формам взаимодействия. Современные исследования того, что Ч.Спирмен понимал под фактором “g”, обнаруживают недостаточность в качестве глобальной характеристики интеллекта, которая в данном случае ограничивается логическими интеллектуальными особенностями.

Однако дальнейшее развитие представлений о структуре интеллекта пошло по естественному для дифференциальной психологии (как, впрочем, и для развития самой человеческой индивидуальности) пути дифференциации. Сам Спирмен представил выделенные им общие и специальные способности как двухфакторную модель, построенную на основе иерархии общности, в которую включаются групповые факторы арифметических, вербальных и механических способностей. В 1926 году появляется модель классика американского бихевиоризма Торндайка (*Thorndike et al.*, 1926), согласно которой общая основа интеллектуальных действий растворялась во взаимодействии множества отдельных факторов. Его последователь Терстоун (*Thurstone*, 1938) выделил двенадцать факторов (среди них — пространственный, числовой, словесное понимание, речевая беглость, скорость восприятия и ас-

социативная память etc.), а также предложил метод многофакторного анализа матриц интеркорреляций. Популярными стали также иерархические модели интеллекта, которые разрабатывали П.Вернон (*Vernon*, 1979), Ч.Барт (*Burt*, 1949) и Р.Кэттел (*Cattell*, 1971). Общим для них является выделение первичных и производных от них вторичных и третичных факторов.

Несколько иной подход — основанный не на факторах, а на выделении особых измерений интеллекта, объединяемых затем в единую модель — развивался в теории Дж.Гилфорда (*Guilford*, 1967), предложившего три измерения интеллекта — операции (что субъект делает), содержание (материал или информация, на базе которой осуществляются операции), продукт или результат (форма, в которую информация организуется). Роберт Стернберг (*Sternberg*, 1985; 1988; 1995), профессор Йельского университета, предложил триединую теорию, согласно которой на интеллект влияют три типа психических процессов или компонентов:

метакомпоненты, регулирующие процесс решения проблемы и включающие ее определение, выделение этапов в процессе решения, заключение об окончательном решении;

исполнительные компоненты, то есть процессы, имеющие дело с актуальным решением конкретной проблемы, в том числе путем ее трансформации;

компоненты приобретенных знаний, связанные со спецификой обучения и хранением полезных на будущее сведений.

Термин "триединый" подчеркивает связь интеллекта с тремя аспектами нашей жизни — внутренними информационными процессами, опытом и внешним миром. Р.Стернберг (*Sternberg*, 1995) критикует другие концепции интеллекта за то, что в них основной акцент ставится на исполнительные компоненты, то есть на анализ полученных прежде знаний, и недостаточно внимания уделяется опыту и метакомпонентам, учет которых позволил бы распространить измерения на область социального интеллекта, практического (повседневное решение проблем) и эмоционального интеллекта (см. *Goleman*, 1995).

6.4. Устойчивость интеллектуальных измерений

Если придерживаться точки зрения на IQ как на общий показатель интеллектуального развития, в той или иной мере отражающий структуру имеющегося интеллектуального потенциала, то возникает закономерный вопрос об устойчивости полученных тестовых оценок во времени.

Одна из самых плодотворных попыток в этом направлении была предпринята американскими психологами (*Bayley*, 1949; *Honzik*, *Macfarlane* & *Allen*, 1948), которые обобщили собственные данные и результаты других исследований, представив их в виде нескольких выводов:

1. Тестовые показатели, полученные в результате обследования младенцев в возрасте двенадцати—восемнадцати месяцев, оказались бесполезными для предсказания последующего интеллектуального статуса. Другими словами, показатели скорости развития младенцев не позволяют сделать какой-либо прогноз в отношении уровня IQ (факты о развитии детей с врожденными органическими дефектами мы специально рассмотрим в главе 15).

2. Степень взаимосвязи (измеряемая величиной коэффициента корреляции) между показателями тестов интеллекта, выполненных в различные возрастные периоды, оказалась в зависимости как от возраста, в котором проводилось первое тестирование, так и от величины временного интервала между проводимыми измерениями. Возраст в шесть лет оказался наиболее удачным для последующего прогноза уровня IQ в следующих возрастных группах школьного периода.

3. Даже корреляция на очень высоком уровне (.80) оставляет достаточно места для значительных колебаний в каждом индивидуальном случае. Так, в течении только школьного периода возможно изменение уровня IQ в пределах 50 баллов. В 9% случаях наблюдаются изменения в пределах 30 баллов, а в 58% — изменения в пределах 15 баллов являются обычным делом. И хотя, как отмечают авторы исследования, 15 или 20 баллов еще недостаточно для зачисления субъекта в группу "гениев" или "тупиц", этого достаточно, чтобы сделать выводы о значительных

различиях в оценке интеллектуального потенциала ученика и связанного с этой оценкой прогноза об успешности обучения.

Однако корреляция школьных оценок, которые при всех известных оговорках могут рассматриваться в качестве внешнего критерия уровня интеллектуальной оснащенности ученика, с показателями общего интеллекта оказывается довольно устойчивой в целом ряде учебных ситуаций и обычно находится в пределах .40—.60 (*Cook*, 1947). При этом показатели вербального интеллекта имеют более высокие корреляции, чем оценки выполнения невербальных заданий.

Оценка детского интеллекта также оказывается довольно прогностичной относительно будущих школьных отметок. Коэффициент корреляции равен, по последним данным, .50—.60 (*Neisser et al.*,1996). То есть дети с высокими или низкими показателями IQ оказываются, соответственно, в группах успевающих или неуспевающих учеников в дальнейшем.

6.5. Наследственность и среда в детерминации интеллектуальных различий

Анализируя специфику взаимовлияния индивидуальности и внешнего мира, Т.Райс с коллегами (*Rice*, *Fulker*, *Defries*, *Plomin*, 1988) обнаружили связь между уровнем общего интеллекта семилетних детей и аспектами домашней среды, которая окружала их в возрасте одного—двух лет. Важное место в изучении источников детерминации интеллекта занимает гипотеза о диапазоне реакций. Основная идея заключается в том, что гены определяют величину диапазона, в котором может изменяться данный признак у индивидуума. Для IQ этот диапазон определяется в размерах 20—25 пунктов (*Weinberg*, 1989). Имея определенную генетическую обусловленность, интеллектуальные способности у конкретного ребенка колеблются в указанных пределах в зависимости от насыщенности—бедности среды, в которой он растет. Как только качество среды улучшается, уровень IQ возрастает до верхней границы диапазона, и наоборот.

Учет средовых влияний в детерминации индивидуальных признаков не противоречит той роли, которую играют в обусловленности психологических свойств наследственные факторы. Конструкт "наследственность" определяется той пропорцией в общей вариативности признака, которая обусловлена генетическим влиянием.

$$\text{вариативность IQ} = \frac{\text{вариативность, детерминированная генетически}}{\text{общая вариативность.}}$$

Если наследственность (h^2) есть переменная, обусловленная как генетически детерминированной (потенциальной) частью интеллектуального поведения, так и его актуально регистрируемым уровнем, то квадратный корень из показателя наследственности будет представлять собой величину корреляции между генотипом интеллекта и его проявлением (интеллектом как таковым). Эти положения общеприняты в психогенетических исследованиях и исходят из одного общего допущения — степень различий признака есть результат различий в генотипе. Однако, как отмечает С.Цеси (научный псевдоним профессора психологии Эллен Кэрр Корнельского университета), наследственность не эквивалент подтверждения того, что проявление признака — это прямой результат генетического влияния; скорее это отображение генетически обусловленной вариативности признака (*Ceci*, 1996). В контексте основной для дифференциальной психологии проблемы "наследственность—среда" вышеуказанное означает, что если наследственность, например, IQ равна 0.80, то 80% различий между людьми в уровне интеллекта обусловлены генами, но это не означает, что их уровень интеллекта, измеряемый соответствующими баллами, на 80% обусловлен генетически. Еще более важен факт, что величина оценки влияния наследственности непосредственно связана с диапазоном средовой (фенотипической) вариативности.

Весьма распространенным является также представление о том, что наследственность связана с фиксированным уровнем интеллекта — если величина h^2 значительна,

то степень развития интеллекта зафиксирована генетически и остается неизменной на фенотипическом уровне. Этот миф игнорирует тот факт, что переменная h^2 есть популяционная статистическая величина, связанная с данным набором средовых условий в данный момент времени. Поэтому ни интеллект, ни величина h^2 не являются фиксированными (*Scarr*, 1981), а биологическое влияние в данный момент времени может порождать различия в психологических чертах, которых в другой момент не существовало бы, и наоборот (*Ceci*, 1996). Домашняя атмосфера в течение первого года жизни адаптированных детей в приемной семье оказывает гораздо большее влияние на их дальнейшее интеллектуальное развитие, чем во время второго, третьего и четвертого года их жизни в новой семье (*Rice et al.*, 1988). Есть подтверждение для этой гипотезы — условно назовем ее гипотезой о "данной области пространства—времени" или ДОПВ-гипотезой (см. *Либин*, *Либин*, 1995) и с другой стороны. Домашняя среда, оказывается, не является значимым предиктором для уровня интеллекта двухлетних детей, но оказывается таковым для оценки развития их интеллекта в возрасте трех и четырех лет (*Yeates et al.*, 1983). К парадоксу-ДОПВ, определяющему специфику взаимовлияния индивидуальности человека с окружающей предметной и социальной средой, мы еще вернемся в главе о социоэкономическом статусе и его влиянии на индивидуальность, а сейчас перейдем к анализу взаимосвязей интеллекта с другими свойствами индивидуальности.

6.6. Интеллект в структуре индивидуальных свойств

Связь интеллекта с другими индивидуальными параметрами всегда в центре острых дискуссий. Здесь выделяется две проблемы, последовательно сменяющие друг друга в ходе научного обсуждения. Первую часть дискуссии, посвященную взаимовлиянию интеллекта и личности, начали еще Л.Тернстоун и Р.Кэттел, обнаружившие тесное переплетение некоторых личностных свойств с интеллектуальными особенностями. Вторая проблема носит, ско-

рее, идеографический характер и связана с изучением интраиндивидуальных условий развития интеллекта.

Сегодня среди когнитивных психологов существует довольно четкая общая позиция в определении того, какая психологическая реальность скрывается за конструктом “интеллект”. Опрос шестисот экспертов (*Snyderman & Rothman*, 1987) показал, что 99.3% из них согласны в том, что интеллект связан с абстрактным мышлением или логикой, 97.7% считают очевидной связь интеллекта с решением проблем, 96.0% полагают, что интеллект связан со способностью приобретения знаний. Однако менее очевидной и требующей тщательной проверки является связь интеллекта с другими, не-когнитивными, характеристиками индивидуальности.

Энергетические и информационные параметры

Тревожность (нейротицизм) и интеллект. Эти два показателя отражают соответственно энергетический и информационный аспекты активности субъекта. В тревожности, как одном из проявлений важнейшей черты темперамента — эмоциональной нестабильности — отображается также интенсивность эмоционально-волевых процессов. Представляет интерес сопоставление показателей тревожности с показателями умственной продуктивности (определяющейся в рассматриваемом исследовании по тесту Р.Кэттелла). Результаты факторного анализа обнаруживают интересную коллизию — в одних случаях соотношение показателей интеллекта и тревожности тяготеет к реципрокности (т.е. проявлению разнонаправленных тенденций — “чем больше одного, тем меньше другого”), а в других — к синергичности (однонаправленные изменения, отражающиеся в положительном знаке коэффициента корреляции). В соответствии с гипотезой о криволинейной (инвертированной V-образной) зависимости, по мере повышения значений энергетического фактора (к которому относится, в частности, уровень активации и связанная с этим степень тревожности, нейротицизма) интеллектуальная продуктивность повышается, а затем, после достижения определенного оптимума, начинает снижаться (*Палей*,

1974). Другими словами, "одинаковость знаков факторных нагрузок у двух показателей в одном факторе и противоположность их в другом может быть симптомом криволинейной связи между этими показателями" (*Жамкочьян, Палей*,1977). Содержательная интерпретация обнаруженной противоречивости, по мнению авторов исследования, связана с личностными свойствами более высокого уровня и отражает явление, известное как столкновение мотивов.

Темперамент и интеллект. Развиваемая в рамках формального подхода к изучению индивидуальности гипотеза о существовании единого базового механизма формирования темперамента и общих способностей проверялась в сравнительном исследовании взаимосвязей темпераментальных и интеллектуальных показателей у детей и взрослых (*Русалов, Дудин*, 1995). В основу проверяемой гипотезы было положено представление о существовании первичных задатков — генетически фиксированного сочетания всех природных свойств человека, изначально формирующих свойства темперамента, выступающие, в свою очередь, в качестве задатков второго уровня, детерминирующих развитие общих способностей. Различие в механизмах формирования темперамента и свойств общих способностей заключается в более содержательном характере последних, что связано с динамическими возможностями когнитивной сферы, обусловленными объемом усвоенных знаний, умственными навыками и операциями. Полученные данные свидетельствуют о взаимодействии темперамента и способностей прежде всего через характеристики активности — эргичность, пластичность и темп. В то же время плотность связей между двумя изучаемыми подструктурами индивидуальности оказалась в зависимости от двух параметров — возраста (у подростков связь темпераментальных и интеллектуальных показателей оказалась более значимой) и уровня умственного развития (чем выше интеллект, тем слабее связи между изучаемыми признаками индивидуальности).

Личность и интеллект. В последние два десятилетия обнаруживается тенденция ко все более расширенному толкованию концепта "интеллект", содержание которого начинает выходить за границы только когнитивной сферы.

Говард Гарднер определяет интеллект в терминах многочисленных способностей, каждая из которых является важной для достижения адекватности и успешности в определенной сфере жизнедеятельности. Ценность каждого компонента интеллекта определяется конкретными общественными нормативами, которые поощряют или не поощряют развитие следующих интеллектуальных способностей (*Gardner*, 1983):

* лингвистических
* логико-математических
* пространственных (ориентация в пространстве на основе психических образов)
* музыкальных
* телесно-кинестетических
* интер(или меж-) личностных (понимание других)
* интраличностных (понимание себя).

Эти семь интеллектуальных компонентов отражают все аспекты человеческого потенциала, обеспечивая адаптацию и развитие. Помещенные в культурный контекст, они выявляют имплицитные общественные установки. Г.Гарднер полагает, что развитие первых двух способностей из списка характеризует западное общество в целом, а для изолированных небольших социумов (например, жителей маленьких островов) специфична ориентация на развитие межличностной компетентности.

В другой интерпретации интеллекта указывается, что его традиционные определения слишком узки и не вмещают таких аспектов как счастье, личностный успех или гармония с обществом. Эти компоненты были учтены в базовой модели эмоционального интеллекта (*Mayer & Salovey*, 1990), которая акцентировала внимание на пяти типах способностей — знание об эмоциях, управление эмоциями, распознавание эмоций у других, умение мотивировать себя, совладание с социальными отношениями. Более полная концепция, по мнению Д.Голмэна (*Goleman*, 1995), книга которого на эту тему стала бестселлером в США, формулируется в терминах эмоционального интеллекта, который включает набор не связанных с IQ (intelligence quotient) признаков, существенных, однако, для успешности в профессиональных, межличностных и

близких отношениях. Согласно этой концепции, EQ (emotion quotient) вычисляется как сумма показателей семи способностей: самоосознанности, самомотивированности, устойчивости к фрустрации, контролем за импульсами, регуляцией настроения, эмпатией, оптимизмом. Также как IQ является предиктором академической успеваемости, уровень EQ позволяет говорить о вероятности жизненного успеха.

Ключевые термины главы: абстрактное мышление, вариативность IQ, вербальный интеллект, домашняя атмосфера, коэффициент интеллекта (IQ), наследственность, нейротицизм, сенсомоторный интеллект, способности, шкала измерения интеллекта, факторно-аналитические модели, эмоциональный интеллект (EQ).

Глава 7. Стиль человека: способы взаимодействия с миром

В данной главе рассматриваются результаты применения конструкта “стиль” в психологии. На основе обобщения теоретических и экспериментальных данных дается определение стиля человека как интегральной формально-динамической характеристики, а также описывается экспериментально выявленная фреймовая структура стилевой сферы индивидуальности. Излагаются основные положения разрабатываемой автором единой концепции стиля человека (ЕКС), объединяющей позиции когнитивистского, деятельностного и личностного подходов к исследованию стилевого феномена на основе методологии интеракционизма. Обосновывается целесообразность применения дифференциально-психологических закономерностей, обнаруженных при изучении стиля человека, к широкому кругу междисциплинарных исследований, использующих понятие “стиль”.

7.1. Весь мир — контекст

История изучения стиля начинается, наверное, с того самого момента, когда человек задумался о причинах индивидуального своеобразия собственного бытия. Мыслители, ученые, художники на протяжении многих столетий были смущены “четвертой загадкой” Сфинкса — где берет начало источник стилевой уникальности: в самой природе человека или же в объективных закономерностях тех условий, из которых слагается действительность?

Сфера применения категории “стиль” так широка, что в различных областях знания стиль (впрочем, также как характер) считается понятием междисциплинарным, входящим в категориальный аппарат философии, психологии, литературы, искусствоведения, лингвистики, биологии. Несмотря на это, практически отсутствуют работы по систематизации накопленных теоретических и экспериментальных результатов, обобщению методологических изыс-

каний в сфере исследований стиля. Одна из возможных причин такого положения дел — неоднозначность, полисемантичность самого термина, привлекающая всех тех, кто ставит своей задачей проникновение в тайну взаимодействия человека, его психики, с физической и социальной реальностью.

Говоря о "стиле эпохи", "стиле жизни", "архитектурном стиле" или "стиле руководства", мы имеем в виду нечто абстрактное, и, в то же время, — конкретные дифференцирующие признаки, являющиеся следствием предпочтений людей, реализующих все эти типы стилей. Надо сказать, что именно психологи впервые применили методы научного анализа для изучения стилевых проявлений, отражающих различия в способах взаимодействия людей с окружающим миром и друг с другом. Как бы ни хотелось соблюсти приличия в разговоре о "приоритете" в разработке стилевой проблематики, приходится признать, что первостепенное значение имеет анализ закономерностей психологической природы феномена стиля как свойства человеческой индивидуальности. Конечно, целесообразность выделения психологической составляющей в качестве системообразующего начала общей теории стиля ни в коей мере не исключает влияния на процесс стилеобразования эволюционно-генетических и социокультурных факторов.

7.2. Соприкосновение с действительностью

В многочисленных определениях стиля отражается, прежде всего, установка самих исследователей на понимание проблемы индивидуальности, а также их взгляды на характер взаимодействия человека с миром. Довольно распространенной является точка зрения, согласно которой стиль — это и есть индивидуальность, личность. При этом подчеркивается превалирующая роль личностного фактора в процессе формирования стиля и его структуры. Наиболее образным является определение Вольфганга Гете (1858/1938), считающего стиль "проявлением высших свойств индивидуальности человека". Это общее представление нашло отражение и в представлениях современных

психологов о существовании “эффективных” и “неэффективных” стилей, рассматриваемых вне контекста конкретных видов поведения и деятельности.

Как уже отмечалось, взаимопроникновение концепций, сформулированных в разных областях знания, всегда было замечательной чертой развития учения о стиле. Например, постулат о тождественности личности и ее поведения, еще в XVIII веке получивший выражение в знаменитой формуле французского натуралиста Г. де Бюффона (1888; см. *Гей*, 1964): “Стиль — это человек!”, из области литературо- и искусствоведения трансформировался в ряд психологических теорий — среди авторов которых выдающиеся ученые-психологи Альфред Адлер, Гордон Оллпорт, Генрих Роршах. Однако во всех этих теориях фактически отождествляются такие разные понятия как индивидуальность, стиль, жизнедеятельность.

Представлению о стиле как способе самопроявления творческой спонтанной индивидуальности противостоит понимание стиля как формальной характеристики (то есть придающей только форму поведению или деятельности человека), никак не связанной с содержанием, сущностью личности. В отличие от глобалистов или объективистов, так называемые формалисты считали недопустимым наличие связи между проявлениями стиля, понимаемого как некое самодовлеющее образование, и качественным своеобразием индивидуальности. Таким образом, “личностно-привнесенное” исключалось в угоду “объективно-определяющему”.

Остается только добавить, что очевидная асимметричность декларируемых тождеств и формулируемых концепций сохраняется, несмотря ни на что, и в работах современных авторов.

7.3. Пространство стилевых проявлений: перцепция, когниция, личность

В психологическом контексте исследования стиля в XX веке стали проводиться в трех направлениях, использующих различные начальные системы координат:

— личностные диспозиции (*Adler*, 1927; *Allport*, 1937; *Royce*, *Powell*, 1983);

— характеристики когнитивных процессов (*Gardner et al.*, 1959; *Witkin*, 1974; *Nosal*, 1990);

— параметры поведения (*Thomas*, *Chess*, 1977; *Lazarus*, *Folkman*, 1984) и деятельности (*Мерлин*, 1964; *Климов*, 1969).

В работах персонолога Альфреда Адлера, ученика Зигмунда Фрейда (Sigmund Freud), концепция стиля оформлялась одновременно с развитием представлений ученого о социальных интересах. Последние понимались как непроизвольный импульс индивида, выражающийся в стремлении находиться рядом с другими людьми, адаптироваться к социуму. Несовершенство индивидуальной организации и наличие угрозы со стороны ближайшего социального окружения заставляют человека с детства вырабатывать защитные и компенсаторные стратегии. Таким образом стиль индивида формируется в первые три—пять лет жизни, под влиянием различных свойств организма и условий воспитания. Всю жизнедеятельность человека пронизывает единая линия активности, лежащая в основе стиля. Люди, как считал А.Адлер, стараются поддерживать свой сформировавшийся стиль, защищаясь от сознания собственной неполноценности и стремясь, в то же время, достичь доминирования в отношениях с другими (*Adler*, 1927). Стиль в адлеровской концепции, утрирующей влияние процесса социализации на развитие индивида, выступал характеристикой иерархии жизненных целей и способов, предпочитаемых субъектом для их достижения. При этом А.Адлер отождествлял понятия "стиль жизни", "характер", "личность". Такая недифференцированность представлений была, возможно, неизбежной на ранних этапах формирования теории стиля. Однако она выглядит архаизмом в работах современных психологов.

Более последовательную психологическую трактовку стиля обосновал Г.Оллпорт, предположивший, что некоторые черты личности могут иметь инструментальное значение, репрезентируя стиль или экспрессию поведения, но не обязательно являясь частью базовой личностной структуры. Стиль определялся как характеристика системы

операций, к которой личность предрасположена в силу своих индивидуальных свойств (*Allport*, 1937). В этой концепции также еще не разграничиваются формально-динамические и содержательные компоненты психики. Черты личности инструментального порядка или диспозиции вооруженности (*Stern*, 1900), каковыми терминами были обозначены стилевые параметры, отождествляются в равной степени с функциональными признаками восприятия, к примеру, точностью, объемом или чертами характера, такими как решительность, вежливость, разговорчивость.

В 1930—1940-х годах понятие "стиль" довольно активно стало использоваться в психологии личности. Во-первых, как метафорически-описательный конструкт, объясняющий интегральные характеристики своеобразия жизнедеятельности человека. И, во-вторых, как термин из арсенала проективных психодиагностических средств. Г.Роршах (*Rorschach*, 1921), а затем Р.Вартегг (*Vartegg*, 1939) полагали, что определенные формальные характеристики, каково бы ни было их происхождение, должны проявляться в самых различных действиях субъекта. Именно для обозначения этих проявлений использовался термин "индивидуальный стиль".

В последующие десятилетия и вплоть до настоящего времени стилевые характеристики становятся предметом теоретических изысканий и многочисленных экспериментальных исследований, ведущихся в зарубежной, преимущественно американской, психологии на методологической основе когнитивистского (Дж.Брунер; Г.Уиткин; С.Клейн; Ч.Нозал) и персонологического (А.Адлер; Дж.Ройс) подходов. В отечественной психологии стиль рассматривается в контексте изучения индивидуально-типологических различий и теории деятельности (В.С.Мерлин; Е.А.Климов; И.П.Ильин). В результате такого "разделения" (специфика которого более очевидна для зарубежных исследований) были сформулированы два исходных определения: когнитивного стиля и индивидуального стиля деятельности (см. Тезаурус).

Рассмотрим более подробно исходные положения зарождающейся теории стиля в хронологическом порядке.

Итак, наряду с распространенным пониманием стиля как операциональной характеристики способов реализации индивидом своих мотивов и источника экспрессии поведения, в когнитивной психологии возникает объяснение стилевого феномена в контексте изучения особенностей переработки информации человеком. Идею о существовании устойчивых различий в способах восприятия и мышления сформулировал в 1951 году Дж.Клейн (*Klein*, 1951), а термин "когнитивный стиль" предложил американский психолог Р.Гарднер (*Gardner*, 1953). Качественное изменение знаний о когнитивном стиле начинается с работ психолога Принстонского университета (США) Генри Уиткина (*Witkin*, 1964), основной заслугой которого считают обогащение гештальтистских представлений о поле и полевом поведении идеей индивидуальных различий. Когнитивный стиль, отражая различные аспекты функционирования познавательной сферы, является стабильной индивидуальной характеристикой способов взаимодействия человека с информационным полем (*Witkin et al.*,1974). Наиболее пристальное внимание уделялось таким поведенческим параметрам как зависимость—независимость от поля (*Witkin*, 1949), импульсивность—рефлексивность (*Kagan*, 1966), аналитичность—синтетичность или концептуальная дифференцированность (*Gardner et al.*, 1959), узость—широта категоризации (*Pettigrew*, 1958), когнитивная сложность—простота (*Bieri*, 1955). Так, в 1986 году только в области изучения полезависимости/поленезависимости насчитывалось свыше трех тысяч работ. Однако уже первые результаты в этом направлении ясно показали, что исследователи имеют дело с психологической реальностью, изучение природы которой не может быть ограничено пониманием стиля только как когнитивной переменной. И все же "зазеркальное" мышление, по образному выражению одного из первых отечественных исследователей когнитивного стиля Вольдемара Колги (1986), заразило умы многих психологов, которые даже природу таких параметров социального поведения как фашизм и консерватизм пытались объяснить в терминах познавательных процессов. Распространение когнитивной интерпретации на все многообразие стилевых проявлений является таким

же типичным случаем отождествления части и целого, как и уравнивание понятий: “стиль = человек”. Определение “когнитивный”, безусловно, указывает лишь на один класс проявлений стиля человека, а именно — специфику функционирования когнитивных процессов. Равнодушие исследователей к этому очевидному противоречию также порождает значительные сложности в разработке общего подхода к изучению стилевого своеобразия индивидуальности.

7.4. Феноменология когнитивного стиля

Экспериментально выявленные связи индивидуальных различий в когнитивной сфере с особенностями личности позволили рассматривать когнитивный стиль как глобальное образование, проявляющееся сходным образом в познании, поведении, общении, обучении и профессиональной деятельности. Самым привлекательным выглядит феноменологическое определение стилевых особенностей как субъективной реальности, пронизывающей все уровни индивидуальности — от особенностей мозгового аппарата до неосознанных механизмов защиты, специфики характера и общения (*Колга*, 1976). Однако надо отметить, что увлечение эмпирическими исследованиями привело к выделению нескольких десятков стилевых параметров, не объединенных не только единой теорией, но даже единой экспериментальной методологией. В этом можно легко убедиться, рассмотрев короткий обзор исследований стиля, включающий лишь наиболее известные факты:

— Полезависимость/поленезависимость или глобальность/артикулированность означает умение сопротивляться разрушающему влиянию конфликтующих фоновых признаков при восприятии зрительных форм и связей (*Witkin*, 1964).

— Аналитичность/синтетичность (концептуальная дифференцированность) или узость/широта диапазона когнитивной эквивалентности — характеризует индивида в зависимости от количества понятий, которые он использует для классификации набора предметов, решения проблемы, формирования категорий в процессе обобщения (*Gardner*, 1953).

— Категориальная широта/узость выявляет представления людей о пределах вариативности событий или процессов в отношении к максимально допустимому и минимально возможному значениям (*Pettigrew*, 1958). Чтобы понять значение этой характеристики, достаточно ответить на несколько приведенных ниже вопросов, выбрав лишь один из указанных вариантов (альтернатив) ответа:

1. Средний вес, который может поднять человек равен ста килограммам.

Самый большой вес, который может поднять человек:

а) 300 кг; б) 500 кг; в) 600 кг; г) 1 тонна.

Самый маленький вес, который может различить человек:

а) 1 г; б) 0,01 г; в) 0,001 г; г) 0,0001 г.

2. Средняя цена бокала "Бордо" в ресторане "У Максима" равна десяти долларам. Какой может быть максимальная цена бокала вина:

а) $100; б) $500; в) $700; г) $1000.

Какой может быть минимальная цена бокала вина:

а) 90 центов; б) 50 центов; в) 30 центов; г) 10 центов

Люди, которые чаще отмечают пункты в) и особенно г), независимо от правильности ответов, характеризуются большей широтой мышления, допуская значительный предел вариативности даже неизвестных им явлений. Эти исследования включают также изучение полярности суждений, каковая выражается в склонности некоторых людей использовать крайние альтернативы чаще, чем средние (*Gamilton*, 1968 – см. *Либин*, *Парилис*, 1998).

— Детализированность/целостность понимается как гиперсензитивность к небольшим нюансам и незначительным особенностям, преувеличение любых изменений, сопротивление и даже смещение исходных стимулов (*Klein*, 1951).

— Толерантность/неустойчивость к нереальному опыту определяет степень восприимчивости индивида к информации, противоречащей его картине мира, знаниям о действительности. Проявляется в быстроте возникновения иллюзий (*Klein*, *Gardner*, *Schlesinger*, 1962).

— Когнитивная сложность/простота или степень дифференцированности концептуальных систем (*Bieri*, 1955)

отражает способность более многоаспектно воспринимать и оценивать окружающую действительность. В основе этого измерения стиля лежит процедура оценивания людей и явлений путем сходства и различия с использованием биполярных шкал (*Kelly*, 1955).

— Импульсивность/рефлексивность выявляет тенденцию индивида к более или менее развернутому и детальному анализу ситуации перед принятием решения (*Kagan*, 1966).

— Ригидность/гибкость познавательного контроля оценивается как эффективность преодоления стереотипа, оцениваемая по скорости и точности выполнения критического задания (*Gardner et al.*, 1959). Характеризуется также помехоустойчивостью индивида в процессе переключения на другие виды и способы деятельности в соответствии с объективными требованиями (*Залевский*, 1976).

— Интернальность/экстернальность как проявление локуса контроля в виде обобщенных ожиданий индивида по поводу того, что последствия его действий зависят преимущественно от собственных усилий (или же внешних сил) (*Rotter*, 1966).

7.5. Объяснительные концепции и интерпретация стилевых параметров

Самый известный параметр стиля — полезависимость/поленезависимость — основан на одной из самых привлекательных теорий. Для объяснения конструкта полезависимости Г.Уиткин (*Witkin et al.*, 1962) использовал гипотезу о психологической дифференциации, которая более подробно рассматривается в десятой главе.

В общих чертах данная гипотеза описывается с помощью двух основных положений (*Witkin*, *Goodenough*, 1982). Во-первых, дифференциация в одной психологической системе обязательно сопряжена с такими же процессами во взаимосвязанных системах. Поэтому, отражаясь, например, в степени артикулированности восприятия, психологическая дифференциация может быть измерена эмпирически с помощью перцептивных тестов. Самый известный из них — Тест Скрытых (или Вложенных) Фигур —

построен на основе применения принципов гештальтизма, а диагностика проводится на основе оценки умения испытуемого найти в сложной цветной фигуре замаскированную простую геометрическую форму.

Второе важное основание гипотезы — скорость дифференциации во время всего периода развития человека лишь частично зависит от конституциональных факторов. Жизненный опыт индивида может существенно модернизировать этот процесс и является поэтому первоочередным объектом эмпирического исследования. Одним из основных признаков психологической дифференциации у личности является разделение в сфере сознания на "мое" и "не-мое". В данном случае различение "Я" и "не-Я" свидетельствует о сформированности границы между внутренним и внешним. Различия в степени артикулированности "Я" приводят к различиям в сущности того, что используется в качестве средства разрешения неопределенности: поле (т.е. среда) или собственное "Я". Тенденция полагаться на себя или поле как источник получения необходимой информации и есть проявление параметра "зависимость/независимость от поля".

Полезависимые и поленезависимые

Интернальные, внутренние, или экстернальные, внешние, сигналы действуют на индивидуальную ориентацию, направленную к главному источнику социальной информации — другим людям. Многочисленные данные свидетельствуют, что полезависимые более эффективно используют полученную от других информацию, находясь в ситуации неопределенности, что позволяет им избежать рассогласования между действием и результатом. Поленезависимые действуют с большей степенью самостоятельности, игнорируя мнения или подсказки других (о проявлении полезависимости в групповом взаимодействии см. главу 17). Однако, когда ситуация хорошо структурирована и включенные в нее другие люди не являются источником значимой для принятия решения информации, полезависимые и поленезависимые субъекты не различаются по их реакциям на внешние социальные стимулы (*Goodenough*, 1978).

В соответствии с гипотезой психолога из Санкт-Петербургского университета И.М.Палея (1974) общим знаменателем для ряда индивидуально-психологических особенностей, в том числе полезависимости, является масштаб (цена деления) субъективных шкал, отражающийся в мягкости—жесткости критерия принятия решения. Полезависимые, отличающиеся мягкостью критерия, допускают некоторую неопределенность в оценках. Поленезависимые обладают устойчивостью в оценке признаков, более определенной субъективной оценкой.

Проверяя надежность показателя полезависимости, М.Кепнер и И.Неймарк (*Kepner & Neimark,* 1984) провели повторное тестирование одних и тех же испытуемых в интервалах между решением познавательных задач. Было выявлено четыре типа изменения показателей при повторном тестировании: устойчивая полезависимость, устойчивая поленезависимость, смешанный тип, латентная полезависимость (переход при ретестовом обследовании от полезависимости к поленезависимости). По мнению исследователей, эти изменения отражают наиболее типичные индивидуальные различия в артикулированности восприятия.

Аналитичные и синтетичные

Очередной, не менее известный, стилевой параметр "аналитичность/синтетичность" связан с понятиями "диапазон когнитивной эквивалентности" и "сортировка объектов". Выделенный Р.Гарднером (*Gardner,* 1953) параметр величины диапазона когнитивной эквивалентности (ДКЭ) дифференцирует людей по тому, на что они больше ориентированы в процессе познания: на различие или на сходство, на специфическое в наблюдаемых явлениях или на общее. Эта величина не строго фиксирована и рассматривается как тенденция испытуемого искать в предложенном стимульном материале единообразие или многообразие. В качестве диагностического инструмента применяется процедура сортировки предложенных объектов (обычно это набор карточек со словами или изображениями) на группы по самостоятельно выделяемым самим

субъектом критериям. Измеряется величина диапазона когнитивной эквивалентности как ранговое место субъекта в выборке. Эта стилевая характеристика также имеет два полюса — аналитичные, то есть выделяющие много групп, ориентирующиеся на различие и обладающие узким диапазоном когнитивной эквивалентности, и синтетичные субъекты, выделяющие мало групп и обладающие широким диапазоном когнитивной эквивалентности (то есть ориентирующиеся на сходство).

Обобщающий анализ большого количества сопоставлений, выполненных различными авторами, позволяет сделать следующие типовые портреты.

"Аналитики" — ориентируются на специфическое в объектах; пользуются меньшей субъективной единицей измерения, что приводит к переоценке физического интервала времени; целостным воспринимают набор несущественных, второстепенных признаков; акцентируют внимание на эмоциогенных свойствах объекта, что соответствует реакции дистресса; выражена степень левополушарного преобладания активации в затылочных областях (по данным ЭЭГ); выражена тревожность и высокая конфликтность по категориям "жизненные цели" и "страхи и опасения". От уровня тревожности зависит, например, наличие или отсутствие связи между аналитичностью и результативностью перцептивной деятельности (*Fine & Kobrick*, 1976).

"Синтетики" — отдельные стимулы воспринимают как целое; недооценивают физический интервал времени; защитные механизмы актуализируются по типу вытеснения, отрицания; выражена ориентированность временного контекста из настоящего в прошлое, что, возможно, связано с деятельностью правополушарных механизмов обработки информации.

Обнаружена связь параметра аналитичность/синтетичность со стратегиями обучения (*Гербачевский*, 1984; *Тараканов*, 1984). Так, аналитичные легче обучаются по следующей программе — низкий темп предъявления учебной информации, большое число повторений, малая вариативность заданий, акцент на произвольное запоминание. У синтетиков выделяют такие успешные профессиональ-

ные функции как конструкторская, а также умение систематизировать и компоновать имеющиеся данные.

Импульсивные и рефлексивные

Впервые предложенные Дж.Каганом (*Kagan*, 1966), эти параметры стиля считаются предикторами особенностей решения человеком задач, содержащих альтернативы. Конструкт импульсивность/рефлексивность описывает тенденцию размышлять и ставить под сомнение критерии, выдвигаемые в качестве основы принятия решения в условиях выбора из нескольких вероятных альтернатив, а также степень неуверенности по поводу того, какая из них окажется более верной.

Самым распространенным тестом для измерения импульсивности/рефлексивности является Тест Подобных Фигур (*Kagan*, 1966), в котором нужно из имеющихся очень похожих изображений—альтернатив выбрать одну, в точности повторяющую картинку-эталон. Импульсивные при выполнении задания делают много ошибок, отвечают быстро и характеризуются очень маленьким латентным периодом (то есть отрезком времени между первым предъявлением и первым ответом). В противоположность им рефлексивные более активно проводят оценку стимула (например, более часто обращаются к эталону-примеру); чаще просматривают имеющиеся варианты, стараясь собрать больше информации, на которой базируется их ответ; делают паузы, размышляя над выбором альтернатив, что приводит их, в конце концов, к более правильным ответам. Определение импульсивности включает в себя, как правило, среднее время ответа и количество допущенных при ответах ошибок.

Собственные исследования (*Либин*, 1993) обнаружили факт нарушения обратной связи у импульсивных испытуемых между полученными результатами и самим процессом деятельности, а также снижения у них способности к анализу собственных ошибок. Темперамент импульсивных отличается гораздо более высокими значениями эмоциональности, по сравнению с рефлексивными (*там же*, с.116). Можно предположить, что граничащая с тревож-

ностью высокая чувствительность к возможному несовпадению полученных результатов с ожидаемыми выступает предпосылкой дезорганизации поведения импульсивных, что проявляется в более хаотичной манере выполнения задания.

Важным для проведения коррекции поведения импульсивных индивидуумов в процессе, например, обучения является более точная диагностика этих стилевых признаков. Одновременный анализ двух переменных — количество ошибок + время ответа — позволяет выделить уже не два, а четыре параметра классификации:

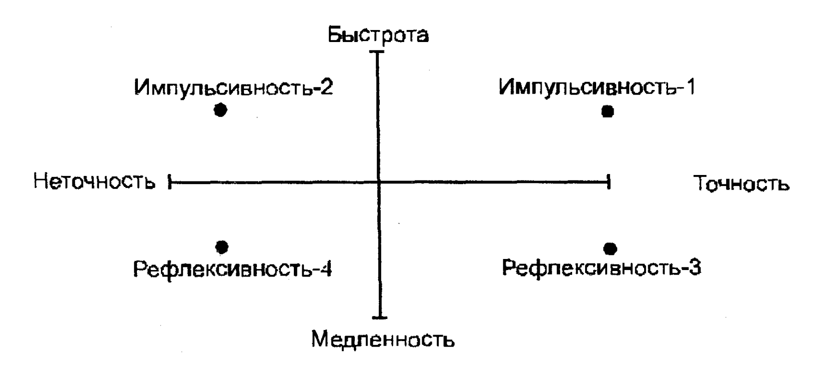

Рис. 9. Импульсивность/рефлексивность в контексте соотношения показателей скорости и точности

Правомерность выделения четырех типов стилей по параметру импульсивность/рефлексивность подтверждается и рядом других исследований. Так, есть данные о некоторой социальной дезадаптации определенного типа рефлексивных личностей (*Конев*, 1991), попадающих, очевидно, в четвертую группу на вышеприведенной схеме.

Когнитивная простота—сложность

Понятие "сложности—простоты", разработанное в рамках теории личностных конструктов Дж.Келли, ввел Дж.Бьери (*Bieri*, 1955). Понимая это качество как степень дифференцированности концептуальных систем,

Дж.Бьери использовал стандартную репертуарную решетку для его диагностики. Испытуемые называли двенадцать знакомых, соответствующих ролевым определениям теста ("приятный знакомый", "деловой партнер" и т.д.), а затем ранжировали этих людей по двенадцати выявленным дихотомиям. При обработке сравнивались между собой ряды результирующей матрицы или конструкты. Чем меньше было число совпадений — тем выше индекс когнитивной сложности, свидетельствующий об относительной степени дифференциации понятийной системы личности. Другими словами, когнитивная сложность—простота — это набор конструктов различной степени дифференцированности, то есть отличающихся друг от друга при оценке разных людей, а также событий. Теоретическая модель этого стилевого параметра интерпретируется так. Сложная система состоит из большего числа структур, благодаря чему с ее помощью легче обрабатывается, воспринимается, усваивается нестандартная информация, и субъективно-оригинальный опыт логично "вписывается" в сложившуюся концептуальную систему (см. *Парилис*, 1988; *Либин*, *Парилис*, 1998).

Бьери предположил, что "когнитивная сложность" связана со способностью предвидеть события, а также с точностью анализа поведения других людей. Результаты многочисленных исследований этой стилевой характеристики показывают следующее. "Когнитивно сложные" субъекты более дифференцированно относятся к людям, делают более точные выводы о системе представлений человека после краткой беседы с ним, умеют посмотреть на происходящее с различных точек зрения. Отмечается связь "когнитивной сложности" с социальной эффективностью, под которой понимается способность видеть события так, как их видят другие, с умением улаживать жизненные ситуации и социальной адаптивностью (*Olson & Partington*, 1977). Интересные результаты получил Н.Лэмон (*Lemon*, 1975), который обнаружил, что накопление опыта в какой-либо сфере деятельности ведет к увеличению сопряженности, то есть к нарастанию "когнитивной простоты", между ранее различающимися конструктами, используемыми для оценки данной профессиональной области.

На этом мы закончим обзор наиболее известных параметров когнитивного стиля и перейдем к следующему, не менее увлекательному, разделу.

7.6. Компоненты индивидуального стиля деятельности

Психологи, изучающие закономерности человеческого поведения и деятельности, также не обошли вниманием стилевые характеристики. В приоритетной области отечественной психологии — дифференциальной психофизиологии — была разработана концепция индивидуального стиля деятельности, понимаемого как обусловленная типологическими особенностями нервной системы устойчивая система способов оптимального осуществления деятельности. Отличительная особенность этой концепции — акцент на адаптивной функции стиля, в структуре которого выделяются два компонента: психофизиологический и психологический. Многочисленные эксперименты показали, что природным основанием исследованных стилевых характеристик деятельности являются свойства нервной системы инертность—подвижность, соотнесенные с ориентировочно-исполнительными и контрольными фазами действий (*Климов,* 1969). В русле этого направления изучаются стили алиментарной и моторной активности, стили эмоционального поведения, общения и руководства, стили волевой активности и саморегуляции. Плодотворность подхода очень вдохновляет, однако — опять это вездесущее "однако"! — каких-либо гипотез, рассматривающих стиль как целостную структуру индивидуальности, до последнего времени практически не возникало.

7.7. Контуры общей теории стиля

Так или иначе, сторонники определенной линии исследований утверждали свою точку зрения, опираясь на исходные теоретические конструкты, порожденные основоположниками данного направления. Ученые, объединенные одной исходной гипотезой о природе стиля, стали понимать друг друга гораздо лучше, чем приверженцев

другой точки зрения, и зачастую просто игнорировать иные подходы к исследованию "своей" части проблемы стиля. Об этом же убедительно свидетельствует, например, отсутствие ссылок на работы, посвященные изучению когнитивного стиля в статьях, рассматривающих стили руководства или стили совладания (coping styles). Вместе с тем, за полувековой период изучения проблемы стиля в психологии стала очевидной необходимость если не пересмотра исходных гипотез о природе и механизмах стилеобразования, то, по крайней мере, уточнения используемых понятий и поиска предпосылок для построения интерпретационных моделей, скорректированных с учетом накопившихся данных. С этой целью будет небезынтересно указать на основные универсальные признаки Стиля как Комплексной Развивающейся Системы (этой проблеме, "Human Style as a Complex Developing System", посвящена отдельная работа: см. *Libin*, in preparation,a).

Действие общего механизма, обусловливающего проявление стилевых характеристик в любом акте "субъект—объектного" и "субъект—субъектного" взаимодействия, выражается через определение стилевого единства как универсального признака стиля. Этот признак характеризует не только конечный результат поведения или деятельности, но и весь процесс в целом: предпочтение стимула, объекта и типа ситуации, средств и способов достижения цели, "формы" результата. Инвариантность является следующей характеристикой стиля, описывающей типы конкретных взаимодействий, и предполагающей, что на всех уровнях системы интеграл системообразующих компонентов должен быть представлен единым результатом. Принцип инвариантности в том или ином виде присутствует во многих теоретических и экспериментальных гипотезах, например, в положении об инструментальном единстве личности (*Палей, Магун*, 1979), согласно которому в структуре индивидуальности выделяются механизмы, отвечающие за реализацию внутренних потенций человека во внешних взаимодействиях с другими людьми и предметным миром.

Существует еще одна область пересечения рассматриваемых подходов, когда стиль объясняется через понятие

предпочтения. Эта тема имеет в психологии особое звучание. Метафорически механизм предпочтения можно описать как “схождение луча внутренней жизни с тем, что излучает из себя внешний мир” (цит. по: *Гей*, 1964). Скорее всего, такая позиция и есть некая золотая середина в дискуссии о том, что является преобладающим в детерминации стиля — врожденное или приобретенное, субъективное или объективное, формальное или содержательное. Переплетение индивидуальных свойств содержательного плана с динамическими (формообразующими) тенденциями лишний раз свидетельствует о статусе предпочитаемых способов взаимодействия со средой как условий, облегчающих или затрудняющих формирование определенных отношений человека с миром. Возможно также, что использование структурно-функционального анализа для целей психологического исследования природы стиля позволит раскрыть механизмы, обусловливающие своеобразие стилевой сферы человека как со стороны его индивидуально-типологических особенностей, так и со стороны объективной, средовой детерминации. При этом структурные компоненты, включающие устойчивые признаки индивидуальности, оказываются фактором, ограничивающим число степеней свободы при формировании различных функциональных систем. Конечно, важно не только констатировать недизъюнктивность, неотделимость формальных и содержательных, структурных и функциональных аспектов психики, но и исследовать специфику соотношения между разными подсистемами индивидуальности, используя, например, понятие “вторичного носителя” (*Веккер*, 1998).

Объединение на концептуальной и эмпирической основе анализа общепсихологических закономерностей с изучением специфики индивидуальных проявлений представляется возможным выходом из того тупика, в котором оказываются исследователи, пытающиеся проанализировать природу стилевых проявлений, исходя “из них самих”.

7.7.1. Единая концепция стиля человека

Серьезные затруднения при исследовании источников стилевого своеобразия и взаимозависимости стиля с дру-

гими психологическими образованиями вызывает отсутствие необходимого методологического обоснования при большом количестве полученных в разных областях психологии данных о проявлении стилевых особенностей в поведении и деятельности человека. Теоретической задачей рассматриваемого подхода, реализованного в лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии Института психологии Российской Академии наук, стал поиск единого концептуального начала при изучении стилевых характеристик индивидуальности и определение роли индивидуального стиля как опосредующего звена при взаимодействии биологического и социального факторов в функционировании индивидуальности. Специфика этого исследования заключается в разработке концепции стиля как целостной характеристики человека, выражающей соотношение различных подструктур индивидуальности между собой и с параметрами конкретных ситуаций с точки зрения компенсаторности, оптимальности, адаптивности и результативности (*Либин*, 1993; 1998а).

Если “новый взгляд-I”, сформировавшийся в 1950-х годах на стыке психологии восприятия и индивидуальных различий выражался в положении о необходимости учета при анализе процессов восприятия и познания личностных переменных, то “новый взгляд-II”, формирующийся в конце 90-х годов текущего столетия, отражает стремление исследователей стиля выйти за рамки парадигмы индивидуальных различий и рассматривать эту проблему через призму более общих подходов.

Современный анализ природы стилевого своеобразия человека именно сейчас начинает приобретать черты целостной и непротиворечивой теории. Существование десятков параметров индивидуальности, называемых стилевыми проявлениями, представляет собой отображение одной и той же психологической реальности, обозначаемой различными терминами. В то же время, устойчивость этих проявлений заставляет думать о существовании общих факторов, латентных переменных, с помощью которых возможно создание адекватных объяснительных моделей. Кажется своевременным ввести и новый термин для изучаемого феномена — стиль человека. Тем самым под-

черкивается целостность этой уникальной характеристики взаимодействия субъекта с окружающим миром.

Как может выглядеть определение стиля человека, отражающее соединение общепсихологического — непривычно звучащего в этом контексте — и традиционного дифференциально-психологического подходов? Например, так. Стиль человека — это устойчивый целостный паттерн индивидуальных проявлений, выражающийся в предпочтении конкретной формы взаимодействия субъекта с физической и социальной средой. Структура стиля представляет собой определенный тип связей между разными параметрами индивидуальности, с одной стороны, и между этими параметрами и ситуативными переменными — с другой.

Конечно, куда приятнее было бы следовать устоявшимся канонам — это экономит и время, и энергию — если бы ...удалось забыть о непримиримом противоречии между движением и стагнацией, прогрессом и регрессом, развитием и редукцией. Может быть поэтому, отдавая должное знаменитому афоризму де Бюффона, более предпочтительной и более адекватной для психологии конца XX века оказывается формула: "Стиль — это способ взаимодействия человека с миром". В каких формах реализуется это взаимодействие и что его определяет — субъективные предпочтения, общие закономерности психики или объективные условия? Есть ли общее между когнитивным и индивидуальным стилями деятельности? Что может считаться основой типологии стилей жизни? Эти вопросы определяют угол зрения, под которым будут рассматриваться следующие разделы.

7.7.2. Стилевые метаморфозы

Само словосочетание "стиль человека" подразумевает существование некоего единого контура, объединяющего все разнообразие и многовариативность стилевых проявлений в целостную структурно-функциональную модель. Наличие структуры предполагает выделение в модели устойчивых, сквозных характеристик, позволяющих проанализировать стилевой признак, оказавшийся в поле зрения

исследователя. Функциональность модели создает возможности для формирования различных способов организации поведения и деятельности на основе конечного набора исходных параметров.

Спору нет, переход от достаточно четко очерченных определений, описывающих отдельные признаки стиля человека, такие как импульсивность—рефлексивность, инертность—подвижность, интернальность—экстернальность, к модели, объединяющей эти признаки в единое пространство стилевых проявлений, чрезвычайно затруднен в силу сложившихся традиций и стереотипов. Но этот переход неизбежен. Стиль человека как универсальная характеристика его индивидуальности нуждается в объяснении с позиций целостного подхода.

С самого начала психологические интерпретации стиля как жизненного феномена и теоретического конструкта отличались крайней противоречивостью. Сформулированная в лучших — и, к слову сказать, пока еще перспективных — традициях психоанализа, концепция стиля стремительно трансформируется в предмет исследований когнитивистов. Прерывистая нить первоначальных психоаналитических трактовок стилевого поведения практически полностью обрывается в новейших гипотезах о когнитивном контроле, психологической дифференциации и диапазоне когнитивной эквивалентности. Но и широкое русло когнитивной психологии не может удержать бурного потока разнообразнейших фактов и "открытий" в исследовании стиля. Это становится очевидным, когда эффективное в сфере "первоначального применения" понятие "когнитивный стиль" используется как способ истолкования совершенно различных психических проявлений — биохимических, сенсомоторных, темпераментальных, личностных. Совершенно неоправданный перенос когнитивных интерпретаций стилевого своеобразия на все остальные характеристики стиля является типичным и распространенным в науке отождествлением части и целого при создании объяснительных гипотез.

В нашем случае это ведет к двум не очень приятным следствиям. Во-первых, специфика стиля человека как многокомпонентной интегральной системы сужается до

размеров только одного, хотя и важнейшего, уровня психических явлений — когнитивного. Во-вторых, попытки познать природу "хотя бы" когнитивно-стилевых параметров ни к чему не приводят, если они основаны на твердом убеждении, подкрепляемом к тому же авторитетом великого Канта, о самоценности "вещи в себе". Конечно, наиболее плодотворные концепции, такие как, например, гипотеза Г.Уиткина (*Witkin et al.*, 1962) о психологической дифференциации или гипотеза Дж.Келли (*Kelly*, 1963) о "простоте—сложности", позволили достигнуть существенных результатов в преодолении второго "неприятного" следствия. Однако первой ловушки, скрывающейся за жесткой когнитивистской установкой, ни авторы этих концепций, ни их многочисленные последователи избежать, к сожалению, не смогли.

Как же обстояло дело в "параллельных мирах", где исследования в области стиля развивались совсем в другом контексте? Не менее, но и не более успешно. В России изучение отдельных сторон проявления стиля человека активно ведется, как уже отмечалось выше, начиная с 1970-х годов, на методологической основе, включающей элементы деятельностной парадигмы А.Н.Леонтьева (1977), концепции интегральной индивидуальности В.С.Мерлина (1986) и типологического подхода к анализу свойств нервной системы, разрабатываемого в школе Б.М.Теплова—В.Д.Небылицына. Основные результаты этих исследований впечатляют своим разнообразием — выявлены природные формирующие факторы стиля (свойства нервной системы и темперамент), разработаны представления о статусе стиля в структуре свойств индивидуальности и специфике объективных условий его проявления, дополнен новыми параметрами список изучаемых стилевых характеристик. Однако практически все эти ценнейшие факты остаются до сих пор неизвестными зарубежным психологам. А потому крайне важным представляется поиск оснований для создания непротиворечивой теории стиля человека, интегрирующей в себе достижения отечественных и зарубежных психологов. С этой целью эстонским психологом В.А. Колга в 1986 году в Таллинне была организована конференция "Когнитивные стили", увенчавшаяся сбор-

ником работ ее участников. Обозначая координаты возможных миров когнитивных стилей, В.Колга (1986) очень точно заметил:

> "...область исследований когнитивных стилей и контролей относительно полно представляет микрокосм разнонаправленных тенденций... [отражающих] извечные противоречия между обобщенностью и конкретностью, сохранением и изменчивостью, неадаптивностью и адаптивностью... " (с.61).

Многие исследователи поставили своей задачей поиск путей разрешения хотя бы некоторых противоречий в области изучения стиля, рассматривая, например, проблемы соотношения мобильности и устойчивости стилевых показателей или понятий "когнитивный стиль" и "индивидуальный стиль деятельности" (*Скотникова*, 1988). Становилось все более очевидным, что дальнейшее продвижение вперед, от дифференциации к интеграции данных и концепций, является уже не просто данью моде, а насущной необходимостью.

7.7.3. Интерпретация гипотезы о внутреннем и внешнем статусе стиля

Взгляд на стилевую сферу как особое психологическое образование в структуре индивидуальности, имеющее свои специфические функции, дает возможность сформулировать гипотезу о статусе стиля человека, реализующегося в двух аспектах, внутреннем — через систему сопряженности индивидуально-психологических параметров, и внешнем, в форме различных типов взаимодействия индивидуума со средой.

Сначала исследуем внутренний статус. Стилевые свойства выступают как механизм сопряжения "формальных" и "содержательных" характеристик индивидуальности, образуя особую инвариантную психологическую структуру. Природа стиля, в этом случае, определяется спецификой соотношения психологических параметров близлежащих подструктур индивидуальности. Стиль — с точки зрения прагматика — такое же условное наименование как и темперамент, интеллект или личность. На современном этапе развития научного психологического знания эти понятия не включают и не исключают друг друга. И все же

опасности подстерегают здесь на каждом шагу. Исследователь должен избежать редукционизма как в сведении друг к другу разноуровневых понятий, например, психологических к физиологическим, так и отождествления имеющих различное происхождение признаков, расположенных в одной онтологической плоскости.

Как показывают литературные и собственные экспериментальные данные, функционирование стиля обеспечивается действием механизмов, опосредующих взаимосвязь параметров разных психологических образований: темперамента—интеллекта, характера—способностей, способностей—темперамента, темперамента—характера. Специфика сопряженности проявляется на разных уровнях организации индивидуальности — от биохимического до межличностного. Можно сказать, что изучение статуса стиля в структуре индивидуальности показало его промежуточное положение между вышеназванными психологическими образованиями. Этот пункт интерпретации оказывается неизбежно связан с рассмотрением формального подхода в психологии. Отдельные черты формального подхода свойственны практически всем исследованиям в области стиля человека.

Стиль в структуре индивидуальности

Для проверки гипотезы о сопрягающей и компенсирующей функции стиля в системе индивидуальных свойств нами было организовано специальное исследование (см. главу 8). Свыше пятисот человек были обследованы с помощью батареи методик, включающей традиционные тесты диагностики свойств нервной системы; опросники, диагносцирующие темпераментальные и характерологические свойства; экспериментальные методики диагностики стилевых параметров. Результаты корреляционного, факторного и регрессионного анализа были интерпретированы в рамках задачи определения статуса стилевого симптомокомплекса в структуре индивидуальности.

Выяснилось, что ряд стилевых показателей связан со свойствами нервной системы. Теоретическое предположение о высокой чувствительности зрительного анализатора у поленезависимых индивидуумов (связанной с их склон-

ностью к различению замаскированных фигур в сложном геометрическом рисунке) подтвердилось выявленной связью между степенью поленезависимости и слабостью нервной системы в зрительном анализаторе. Обнаруженная инертность зрительного анализатора (низкие показатели лабильности нервной системы) у аналитичных индивидов создает предпосылку для проявления у них излишней застреваемости на деталях в процессе сортировки графического материала (что приводит к выделению аналитиками большого количества групп). Этот факт согласуется с данными В.Колги (1976), А.Палея (1983) о ригидности аналитичных субъектов. Показатель слабости нервной системы в слуховом анализаторе образовал устойчивый фактор с показателем предпочтения семантики округлых форм при составлении конструктивных рисунков (по тесту ТиГР, *Либин*, 1989; 1993), который является индикатором психастенического характера реакций. Из литературы известно, что психастеники отличаются неустойчивостью к воздействию шума (*Павлов*, 1951а).

Положение об опосредующей функции стиля проверялось путем сопоставления стилевых параметров с темпераментальными и характерологическими свойствами, а также на основе выявления плотности связей между этими составляющими индивидуальности (см. рисунок 10).

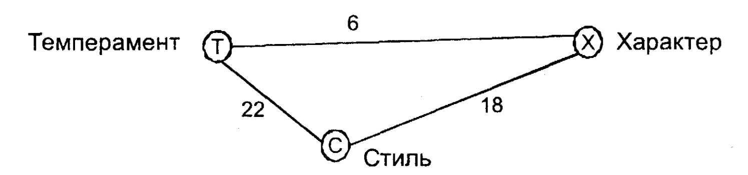

Рис. 10. Плотность связей стилевых, темпераментальных и характерологических свойств в структуре индивидуальности:

Т — шкалы Опросника структуры темперамента (*Русалов*, 1990) и EPI (*Eysenck*, 1978); С — стилевые индексы; Х — характерологические шкалы теста Самоотношения (*Столин, Пантилеев*, 1990). Для сопоставления были взяты по 10 показателей каждого свойства; учитывались только значимые коэффициенты корреляции ($p<0.05$ и $p<0.01$).

Стилевые признаки образуют со шкалами темперамента и характера приблизительно равное количество связей, в то же время между показателями темперамента и характера обнаружено лишь шесть значимых корреляций, что является свидетельством различий в мере “близости—удаленности” исследуемых свойств, с одной стороны, и подтверждает положение об опосредующей функции стиля, с другой. Изучение факторной структуры анализируемых признаков показало, что паттерны “стиль—характер” и “стиль—темперамент” являются более устойчивыми комбинациями, чем “темперамент—характер”. Из выделенной восьмифакторной модели два фактора объединяли стилевые и темпераментальные признаки, три фактора включали параметры стиля и характера, остальные факторы были образованы признаками какой-либо одной подструктуры. Не было выделено ни одного устойчивого симптомокомплекса, основанного на общем факторе, включающем в себя показатели всех трех анализируемых сфер индивидуальности.

Выявленная опосредующая функция стиля, сопрягающая характеристики различных подструктур индивидуальности, обусловлена самой природой стилевого симптомокомплекса.

Стиль человека: структура и функции

В соответствии с разрабатываемой концепцией стиля человека, содержание паттерна стилевых признаков определяется, в первую очередь, качеством (типом) связей между характеристиками различной детерминации. При этом центральным звеном стилевого симптомокомплекса являются стратегии предпочтения.

Для проверки некоторых положений исходной гипотезы было предпринято экспериментальное исследование различных компонентов индивидуальности: свойств нервной системы, темперамента, установок, когнитивных и эмоциональных параметров, черт характера (*Либин*, 1993). Одновременно изучались особенности стилевой сферы, традиционно обозначаемые как “когнитивные стили”, “стратегии семантических предпочтений”, “стили личности”, “стили решения конфликтных ситуаций”. Установ-

лено, что сопряжение стилевых характеристик между собой приводит к появлению фреймов, образующих иерархическую структуру (рис. 11). Анализ этой структуры позволяет понять эволюционное назначение стиля как особого свойства индивидуальности, характеризующего специфику формы взаимодействия человека с действительностью с учетом эффектов компенсаторности, оптимальности, адаптивности и результативности.

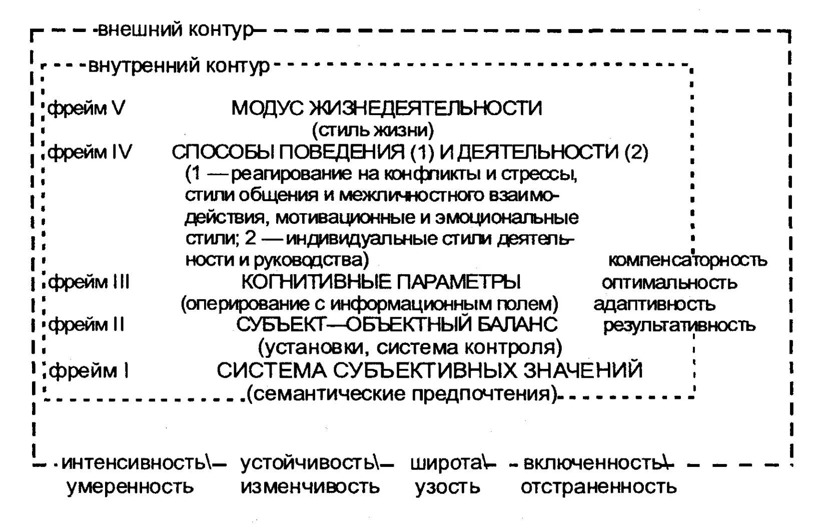

Рис. 11. Иерархическая структура стиля человека

Каждый стилевой фрейм — то есть минимальный набор взаимосвязанных признаков, обладающий отличительной спецификой, — представляет собой совокупность параметров, полученных после обработки матрицы интеркорреляций. Иерархизированная структура стилевой сферы индивидуальности показывает значение каждого стилевого паттерна, позволяющее сгруппировать их по определенной внутренней логике в виде структурно-функциональных фреймов.

Следует отметить, что полученные результаты можно рассматривать лишь как первый шаг на пути создания единой теории стиля человека как целостной характеристики индивидуальности.

Стилевая сфера: внутренний контур

Экспериментальное исследование статуса стилевых параметров в структуре индивидуально-психологических свойств показало наличие существенного влияния на процесс стилеобразования конституциональных компонентов — свойств нервной системы и темперамента. Это согласуется с положением специальной теории индивидуальности В.М.Русалова (1991) о существовании особого класса формально-программных свойств психики, охватывающего общие звенья наиболее сложных, в том числе и социально-групповых, программ поведения. Этот кластер включает такие признаки как тип стратегии снятия неопределенности, предпочтение ранга доминирования, а также предпочтения, связанные с относительным преобладанием той или иной сигнальной системы. Анализ корреляционных связей выявил существование устойчивой взаимозависимости между определенными стилевыми параметрами и признаками темперамента. Об этом же свидетельствует и наличие общих факторов, лежащих в основании формальной подструктуры личности. Тем не менее, стилевые характеристики, в отличие от темпераментальных, оказались в значительно большей зависимости от содержательных аспектов психики. Поэтому дальнейшей проверке подверглось положение о том, что по мере продвижения в иерархии стилевых фреймов от семантических предпочтений к характеристикам стиля жизни, связь между конституциональными факторами и стилевыми признаками "верхних" фреймов будет ослабевать. Так, была выявлена различная мера интенсивности связей между важнейшими стилевыми параметрами, такими как семантические стратегии предпочтений, перцептивная полезависимость, локус контроля, стиль реагирования в конфликтной ситуации, с одной стороны, и темпераментальными и характерологическими признаками, с другой.

Ожидалась большая интенсивность связей между параметрами, имеющими общие механизмы функционирования. В соответствии с импликативной логикой отношений между подструктурами индивидуальности, мера "близости—удаленности" одних образований от других определяется степенью их обобщенности по отношению друг к другу.

Как уже отмечалось, интенсивность связей между параметрами темперамента и стиля оказалась выше, чем между показателями темперамента и характера. С другой стороны, стилевые признаки "верхних" фреймов (IV—V) образуют более устойчивые комбинации с характерологическими параметрами, чем, например, с темпераментальными.

Завершая анализ внутреннего статуса стилевых характеристик, хотелось бы привести некоторые предварительные выводы, которые можно рассматривать также в качестве оснований общей теории стиля:

1. Природные, психофизиологические компоненты стилевых свойств, как показывает анализ экспериментальных данных, возможно, обусловлены эволюционно, что также подтверждается существованием "компенсирующего", "сопрягающего" и "интегрирующего" эффектов, сопровождающих процесс жизнедеятельности человека.

2. Продуктивным является представление о стиле человека как устойчивом, инвариантном симптомокомплексе характеристик, относящихся к различным уровням проявления индивидуальности. Стилевой симптомокомплекс формируется под влиянием разных типов сопряжения индивидуума со средой, и в меньшей степени зависит от конкретных целей или смыслов, включенных в процесс жизнедеятельности.

3. Существенными для описания специфики функционирования стилевой сферы индивидуальности являются отражающие интегративные эффекты стилеобразования параметры компенсаторности, оптимальности, адаптивности и результативности, которые служат мерой конструктивной—деструктивной активности человека. При этом под оптимальностью понимается возможность достижения субъектом максимального объема информации в данных условиях при минимальных энергетических и временных затратах. Оптимальное взаимодействие со средой предполагает сохранение устойчивого функционального компенсаторного состояния. В свою очередь компенсация или декомпенсация отражается в сохранении баланса или, соответственно, в возникновении дисбаланса личностных свойств. Адаптивность проявляется в виде регулятивных

механизмов, позволяющих человеку синхронно перестраиваться в соответствии с требованиями изменяющейся среды, и выступает как мера соответствия поведения индивидуума требованиям ситуации. Все три описанных параметра тесно связаны с результативностью взаимодействия субъект—мир, понимаемой как характеристика меры соотнесенности субъективных интенций и объективных трансформаций.

4. Весьма перспективным представляется сопоставление дифференциального и общепсихологического подходов, данных формального и содержательного анализа с целью выявления механизмов, функционирующих в "зоне пересечения" различных индивидуальных, в том числе стилевых, свойств.

5. Внутреннюю структуру стиля человека необходимо соотнести со структурой внешней среды, представленной, например, в виде списков различных по содержанию фрагментов или ситуаций (*Buss*, 1991). Особенно важно сближение психологии ситуаций (*Forgas & Van Heck*, 1992) с исследованиями стилевого поведения на начальных этапах формирования целостного взгляда на проблему стиля человека.

Стилевая сфера: внешний контур

Проявление статуса стиля человека во внешней реальности лучше всего описывается в терминах психологического интеракционизма, центральной темой которого является тема "Личность и Ситуация" (см. *Magnusson & Endler*, 1977; *Ross & Nisbett*, 1991). Данные многих экспериментальных работ подтверждают, что стилевые характеристики, наряду с темпераментальными, играют важную роль в разграничении реакций человека на физическое и социальное окружение (*Lerner*, 1984; *Thomas & Chess*, 1977; *Rothbart*, 1991; *Bass*, 1984). Положение о том, что стиль является одним из важнейших механизмов сопряжения индивидуума с любым видом деятельности, тесно связано с вопросом о существовании неэффективных типов стиля поведения в конкретно-специфической среде, что подтверждают исследования результатов профессиональной успешности работников с большим стажем или успеваемости

учащихся с более высокими достижениями, а также анализ большого числа профессиограмм (*Клаус*, 1984; *Ильин*, 1988).

В той или иной мере многие авторы пытались ответить на вопрос о том, возможно ли на основании данных о взаимосвязи стилевых параметров между собой и с внешними элементами среды построить типологическую модель, дающую представление о механизмах явления. Думается, используя только списки — хотя бы даже достаточно полные — стилевых параметров и их комбинаций с фрагментами действительности, достаточно сложно сделать выводы о природе изучаемого феномена.

Вряд ли кто-то будет оспаривать утверждение, что охарактеризовать типичную картину, рисунок поведения человека в целом можно только с помощью стилевых признаков. Однако как же обозначить уникальное пространство стилевых проявлений, канва которого образована универсальными закономерностями?

Проведенный сравнительный анализ типологических моделей и классификационных схем позволяет в контексте формального подхода говорить о существовании метапараметров, являющихся интегральными измерениями стиля человека. Факторно-аналитическое исследование различных индивидуально-психологических особенностей дает возможность выделить следующие базовые метаизмерения, отражающие специфику формы взаимодействия, то есть стиля, человека с физической и социальной реальностью (см. компоненты внешнего контура на рисунке 11):

интенсивность—умеренность характеризует частоту интеракций, отражающую готовность человека к энергозатратам, проявляющимся в его адаптационных и конструктивных возможностях;

устойчивость—изменчивость связана с временными параметрами взаимодействия человека со средой;

широта—узость характеризует масштаб субъективных шкал, а также меру сложности в структуре внутренних и внешних связей стилевых компонентов;

включенность—отстраненность субъекта при взаимодействии со средой выступает как проявление меры дистант-

ности между ними. Предполагается, что "включенный в среду субъект" опирается на внешний источник побуждения и учитывает, в первую очередь, семантику рельефных признаков среды. "Отстраненный" субъект характеризуется дистантностью по отношению к внешним референтным стимулам.

Метапараметры представлены в виде двухполюсных факторов, однако это не означает существования между параметрами каждой дихотомии только линейных зависимостей. Важным является то обстоятельство, что выделенные измерения интерпретируются нами с позиций структурно-функционального анализа и используются для описания специфики формальной динамики в целом, а также формообразующих компонентов отдельных психологических образований — от темперамента до Я-концепции.

Выделенные метапараметры стиля создают систему координат как для изучения инструментальной стороны индивидуального поведения и деятельности в целом (см. главу 10), так и для исследования типологических особенностей людей (см. главу 19). Надо заметить, что первоначально к таким метаизмерениям, описывающим особенности стилевого взаимодействия человека со средой, были отнесены три параметра: интенсивность—умеренность, включенность—отстраненность и устойчивость—изменчивость. Дальнейшие исследования показали необходимость включения в первоначальную схему еще одного метаизмерения: широта—узость диапазона взаимодействия (*Либин*, 1994). Семантическое поле метапараметра стиля человека "широта—узость" интегрирует в себе также элементы таких понятий как "сложность—простота" (*Bieri*, 1955), "целостность—детализированность" (*Klein*, 1951), широта сканирования (*Holzman*, 1966) и некоторых других. Как и остальные метахарактеристики стиля, "широта—узость" проявляется в различных способах взаимодействия субъекта с фрагментами реальности, например, при сканировании перцептивного поля или при использовании концептуальных систем в процессе оценивания других людей.

7.8. Типология стилей человека

Как известно, теория предполагает возможность создавать на ее основе практические приложения. Примером может послужить типология, которая выглядит следующим образом (см. рисунки 12 и 13).

Рис. 12. Структурно-функциональная модель индивидуальности человека

Интерпретация биполярных шкал:

А (+) адаптивность = "синхронность", соответствие требованиям среды;

А (–) дезадаптивность = несоответствие требованиям среды;

К (+) сбалансированность структуры индивидуальности = позитивный компенсаторный эффект;

К (–) дисбаланс в структуре индивидуально-психологических свойств = наличие гипер- или гипокомпенсации;

О (+) оптимальность = адекватная стоимость затрат (физиологических, психологических и т.д.) на достижение цели;

О (–) хаотичность = стоимость затрат не упорядочена и не соответствует значимости достигнутой цели

На первом этапе выделяются восемь базовых типов стиля человека, каждый из которых может быть проанализирован с помощью трех биполярных конструктов — адаптивность\дезадаптивность; сбалансированность\дисбаланс; оптимальность\неупорядоченность — описывающих внутреннюю структуру стиля, и четырех метаизмерений, характеризующих внешние аспекты взаимодействия человека с миром (в приведенном ниже примере они не рассматриваются). Проведем также сопоставление возможных стилей жизни и ти-

пов личности (на рис. 13 приводится фрагмент такого сопоставления). Если стиль жизни метафорически представить в виде реки жизни, а тип личности определять по качествам пловца, вошедшего в эту реку, то образные обозначения этих параметров стиля будут отражать специфику взаимодействия человека с миром, выявляемую также с помощью приведенных шкал.

Тип	Шкалы			Компоненты стиля человека	
	К	О	А	Стиль жизни	Социальный характер
1	–	–	–	"идущий ко дну"	неудачник
2	–	–	+	"плывущий по течению"	безропотный исполнитель
3	+	–	–	"покачивающийся на волнах"	себялюбец
4	–	+	–	"любитель теплого течения"	деятель
5	–	+	+	"соревнующийся с течением"	соперничающий
6	+	–	+	"вовлекающийся в водоворот"	работяга
7	+	+	–	"наперекор течению"	непризнанный гений
8	+	+	+	"плывущий вольным стилем"	самоактуализирующийся

Рис. 13. Типология стилевого поведения (фрагмент)

Краткая интерпретация типов:

1 — никогда не знает, чего именно хочет, тратит много сил впустую, неадекватно оценивает себя и окружающих;

2 — добивается признаваемых другими результатов, которые при этом совсем не обязательно соответствуют собственным желаниям; к тому же физиологическая стоимость результатов слишком высока и не оправдывается;

3 — стремится найти себе тихое место, озабочен только исполнением своих желаний, следит за тем, чтобы не потратить лишних сил, не стремится к успеху ("Главное — чтобы меня не трогали"), равнодушен к порицанию или одобрению;

4 — готов использовать любые средства, чтобы добиться выполнения своих желаний, пусть даже идущих вразрез с имеющимися способностями;

5 — делает все по-своему, даже назло своим желаниям, однако умеет находить оптимальные пути для достижения успеха;

6 — не вступает в противоречие с групповыми нормами, выбирает сферу деятельности в соответствии с собственными желаниями, но, как правило, не достигает успеха и тратит впустую много сил;

7 — выраженная форма социальной дезадаптации сочетается с умением правильно расходовать свои силы, верно определять цели (но не находить адекватных способов их достижения);

8 — отличается гармоничной структурой стиля, сочетающейся с адекватной самооценкой и постоянным стремлением к изменениям, поиску новых, более оптимальных способов достижения намеченных целей.

Признаки, свидетельствующие о формировании дисгармоничного стиля, в контексте конкретной человеческой жизни обозначаются как “дискомфортное состояние”, “неудобные действия и поступки”, “неподходящая среда”. Механизм этих нарушений выражается в несоответствии, например, между эффективностью стиля (то есть внешней оценкой) и его оптимальностью для субъекта (то есть внутренней оценкой). Разумеется, существует тесная взаимосвязь между стилевыми компонентами, отражающими специфику сопряжения человека с предметной и социальной средой, и установками, атрибутивными предпочтениями, умозаключениями, другими регуляторами индивидуального поведения. Стиль оказывается своеобразной мембраной между сознательными и внесознательными действиями, внутренней готовностью и внешней “удобностью”, субъективной возможностью и объективной данностью. Можно говорить о том, что стиль — это дело вкуса или предпочтений. Но нужно говорить и том, что некоторые ситуации просто “требуют” проявления определенного стиля (см. часть VII).

Ключевые термины главы: адаптивность, единая концепция стиля человека, жизнедеятельность, инвариантность, индивидуальный стиль деятельности, когнитивный стиль, компенсаторность, метапараметры стиля, носитель психического, оптимальность, плотность корреляционных связей, предрасположенность, простота—сложность, результативность, система предпочтений, субъект—объектный баланс, стиль человека, структурно-функциональный анализ.

Глава 8. Базовые компоненты характера

Слово “характер” первоначально обозначало специальный штамп (маркировку), который ставился древними мастерами на изготовленный предмет с целью обозначения его отличия от других (*Reber*, 1995). Хотя само слово не исчезло из обихода за прошедшие две тысячи лет, большинство психологов предпочитают употреблять более узкий термин “характеристика”, или “черта”.

Печальным образом характерология, послужившая источником и началом дифференциальной психологии, на современном этапе развития человекознания оказалась “не у дел”. Характер как одна из основных структур индивидуальности, фиксирующая в себе специфику перехода от психобиологических и общепсихологических закономерностей к социо-психическим, личностным процессам, не принят психологической общественностью в качестве важнейшего дифференциально-психологического измерения. Но сама жизненно-зафиксированная реальность характера как психологического носителя социо-психических свойств субъекта поведения и деятельности не исчезла под давлением игнорирующей ее научной мысли, проявляясь в фундаментальных характеристиках человеческого Я, которые и будут рассмотрены ниже.

8.1. Структура характера

В широком смысле характером называют некую целостную совокупность, обозначающую скрытую за различными проявлениями человеческого Я природу личности. Теофраст, предложивший использовать этот термин в психологии для обозначения комплекса признаков, отличающих поведение одного человека от другого, предложил и первую классификацию характеров, описав большое количество содержащихся в обыденном сознании типов личности — лживый или честный, хитрый или простодушный, жадный или щедрый etc. Долгое время характер определялся через простую комбина-

цию признаков, не дифференцированных между собой. Попытки вычленения структуры характера связаны с появлением и развитием в психологии понятия "воля", а также более отчетливой разработкой дихотомии "разум—чувства". Фактически вокруг этих основных измерений, образующих знаменитую джеймсовскую триаду "разум—воля—чувства", и развиваются представления о структуре характера. Рассматривая характер как относящуюся к личностному уровню подструктуру, его считают концептом, который в основном "относится к силе характера, как свойству, связанному с усилиями по преодолению обстоятельств" (*Hilgard*, 1987, p.491).

Вместе с тем, как показывают исследования последних сорока лет (см., например, *Хекхаузен*, 1987), понятие воли или настойчивости в достижении своих целей тесно связано с такими характеристиками как мотивы, личностные ориентации, Я-концепция (включая самооценку как центральный компонент). Российский психолог С.Л.Рубинштейн (1946) очень удачно определял характер как совокупность генерализованных (то есть обобщенных, устойчивых и преобладающих) мотивов в структуре личности.

В этой главе с позиций излагаемой в книге формальной (иерархической) теории индивидуальности будут рассмотрены основные измерения характера, образующие его структуру — Я-концепция, Я как симптомокомплекс черт и Я как система генерализованных ориентаций (см. рисунок 14).

Рис. 14. Структура характера

8.2. Характер и другие свойства индивидуальности

Влияние характера на личность человека практически не изучено в академической психологии, в первую очередь, в силу традиции апеллировать к слитности этих двух конструктов, на деле соотносящихся между собой как "часть—целое". Зато в наивной психологии проблема характера и его связи с личностью является одной из центральных. Хорошим примером является предложенная Б.С.Братусем (1977) юмористическая интерпретация четырех типов людей, которую мы представим в традиционной системе координат:

Многообразие субъективных оценок, с помощью которых мы характеризуем наших знакомых, вполне описывается с помощью двух координат. Разумеется, себя подавляющее большинство трезво мыслящих людей отнесет к I типу ("хороший человек с хорошим характером"). Дифференциальная — не житейская, а научная — психология не может опираться на размытые оценочные категории или социально создаваемые конструкты типа "хороший—плохой" в оценке человека, хотя доля самоиронии нередко способствует адекватности научных выводов.

В отличие от того, что конструкты "личность" и "характер" практически не дифференцированы в традиции научного анализа, многие авторы указывают на необходимость различения "темперамента" и "характера". Как правило, говорят о воздействии характера на темперамент, суть которого в великолепной формулировке выразил И.Кант (1797/1900):

> "темперамент указывает на то, что можно сделать из человека, а характер на то, что сам он хочет сделать из себя" (с.71).

Говоря о характере, подчеркивают, что он не есть что-то готовое, сразу данное от природы, но определяется совокупностью воздействующих на индивидуума в процессе развития внешних факторов, и, в конечном счете, сознательными усилиями человека по формированию у себя нужных свойств. И.П.Павлов (1951а) уделял важное значение разграничению понятий "тип нервной системы", "темперамент" и "характер":

> "тип есть прирожденный конституциональный вид нервной деятельности — генотип... характер же есть смесь прирожденных наклонностей, влечений с привитыми в течение жизни под влиянием жизненных впечатлений" (с.198).

Система условных связей, образующихся в процессе структурирования жизненного опыта, составляет природную основу характера, его формально-динамическую составляющую, тогда как система ориентаций возникает уже как результат сплава предрасположенности субъекта с формирующими влияниями среды. Устойчивая система связей, получившая название "динамического стереотипа", лежит в основе стержневого свойства личности — направленности, относящегося к одной из важнейших содержательных характеристик индивидуальности. Воля, как важнейший системообразующий компонент характера, проявляется в дифференцированной системе произвольной регуляции, связанной как с эмоциональными паттернами, так и с уровнем развития ряда способностей. Многие исследователи отмечают, что настойчивость в достижении своих целей заметно выражена в структуре характера людей с высоким уровнем интеллекта и образования.

Существует большое количество данных, подтверждающих влияние характера на предпочтение субъектом тех или иных способов взаимодействия, с одной стороны, и на взаимосвязь характера с темпераментом — с другой. В уже упоминавшемся исследовании, предпринятом нами для изучения соотношения между собой структурных компонентов индивидуальности (см. 7.7.3), характер, представленный различными параметрами самоотношения (*Пан-*

тилеев, 1994), сопоставлялся с темпераментальными и стилевыми свойствами. Мера интенсивности связей между исследуемыми показателями темперамента, стиля и характера оказалась различной. Интенсивность связей характера со стилем, который является более "близко расположенным" образованием в пространстве индивидуальных свойств, оказалась плотнее (с высоким уровнем значимости — $p<0.001$), чем интенсивность связей характера с темпераментом, занимающем более "удаленное" место в иерархической структуре индивидуальности. Задачей ближайших исследований является изучение меры "близости—удаленности" темперамента, стиля, характера и способностей в очерченном формально-динамическими закономерностями поле интраиндивидуальных взаимодействий.

8.3. Я-концепция

Понятие "Я", впервые сформулированное в психологии Уильямом Джеймсом (*James*, 1996), является центральным образованием характера. Джеймс выделял две базовые составляющие, одна из которых фиксировала содержание жизненного опыта (Я-как-объект), а другая обозначала процесс осознания человеком этого опыта (Я-сознающее). В структуре Я-концепции объединяются две тенденции: "я-каким-меня-видят-другие" и "я-каким-я-сам-себя-вижу" (*Burns*, 1975). Карл Роджерс (*Rogers*, 1951), создатель центрированной-на-клиенте психотерапии, дает такое определение Я-концепции:

> "представления о собственных характеристиках и способностях индивида, о возможностях его взаимодействия с другими людьми и окружающим миром; представления о целях и идеях, имеющих позитивную или негативную направленность" (р.86).

Формирование Я-концепции является результатом физического развития, влияющего на формирование образа тела (физическое Я), когнитивного и эмоционального развития (психическое Я), а также формирования навыков социального взаимодействия, возникающих в результате проигрывания субъектом ряда социальных ролей (социальное Я).

Физический образ Я отражает влияние конституционального фактора на формирование системы представлений о себе, специфику характера и даже личности. Особенности телосложения влияют на все психические процессы, включая самосознание. Для анализа этой взаимосвязи школьникам предъявлялись мужские силуэты, характеризующие различные типы телосложения, выделенные по системе Кречмера—Шелдона — мезоморфный (атлетический, мускулистый), эндоморфный (полный, невысокий) и эктоморфный (высокий, худой). Первый тип неизменно получал устойчивые положительные оценки, второй в большинстве случаев характеризовался негативно, а третий занимал нейтральную позицию (*Brodsky*, 1954). В реальной ситуации дети также реже выбирают ребенка эндоморфного типа в качестве товарища. У эндоморфных детей чаще наблюдается негативное отношение к своему телу, неприятие своего физического Я. Скорее всего фактором, влияющим на эти различия, могут служить эволюционные стратегии предпочтения, основанные на важности таких характеристик как сила и активность для обеспечения жизненной адаптации индивида. Я-концепция, как центральная подструктура характера, складывается в период 6—11 лет, приобретая более абстрактный (обобщенный) оттенок, не связанный прямо с физическими чертами. Глобальное чувство самоценности появляется как черта характера в возрасте 6—7 лет (*Bee*, 1998).

Характер является своеобразной мембраной между внутренним миром личности и окружающей действительностью. Характер связан как со способами самовыражения, так и с механизмами защиты от неблагоприятных для личности воздействий. Одно из важнейших — ощущение независимости (прообраз личностной самостоятельности), связанное с возможностью совершения свободного выбора. Интересно, что влияние этого признака на общее ощущение благополучия проявляется наиболее остро в детстве и старости. Так, пожилые люди чувствуют себя намного счастливее и обладают большей продолжительностью жизни, когда они имеют возможность, даже находясь под опекой, осуществлять личностный выбор в ряде текущих жизненных событий, например, когда вставать утром и ло-

житься вечером, чем питаться и как проводить свободное время (*Timko & Moos*, 1989).

8.4. Стратегии предпочтения, образ-Я и конструктивные рисунки

Образ Я выступает регулятором практически всех личностных, и, в первую очередь, характерологических процессов, проявляясь в самых разнообразных формах поведения. В этом отображается психологический компонент Я-концепции. Зафиксированные в психологическом образе-Я осознанные и неосознанные представления человека о самом себе можно выявить с помощью разных методов, в том числе — используя технику рисования. Рисунки в наиболее наглядной форме дают психологу информацию как об особенностях психических процессов, так и о специфике личностных характеристик. Соединение процесса изображения с процессом конструирования, реализованное нами в методе конструктивных рисунков, позволяет производить формализованную оценку исследуемых индивидуально-типологических различий (*Либин*, 1989). Формализация снимает высокую неопределенность, присущую проективным тестам, использующим рисунки в качестве основного метода, и дает возможность стандартизованной оценки полученных изображений. Для исследования образа-Я, зафиксированного во внесознательной сфере психики, был разработан Тест Предпочтения Геометрических Форм (ТиГР) (*Либин, Либин*, 1988; 1994), основанный на процедуре изображения и анализа конструктивных рисунков фигуры человека, получаемых путем построения изображения с помощью треугольников, кругов и квадратов. Изображения этих форм, являющихся основными элементами тактильно-кинестетических гештальтов (*Sheets-Johnstone*, 1990), представляют собой семантически-символический инвариант, отображающий специфику зафиксированных во внесознательной сфере субъекта предпочтений, в том числе отражающихся в построении проективного изображения самого себя. На основе анализа более 10 000 рисунков, полученных от разных испытуемых в течении 1984—1996 годов, был экспериментально изу-

чен феномен семантического инварианта, суть которого заключается в том, что индивидуумы с определенными стратегиями предпочтения (выявляемыми по соотношению используемых в конструктивных рисунках геометрических форм: соответственно треугольных, квадратных и округлых) выбирали типичные изображения фигуры человека. Ниже представлены типовые рисунки с соответствующими индексами стратегий предпочтения:

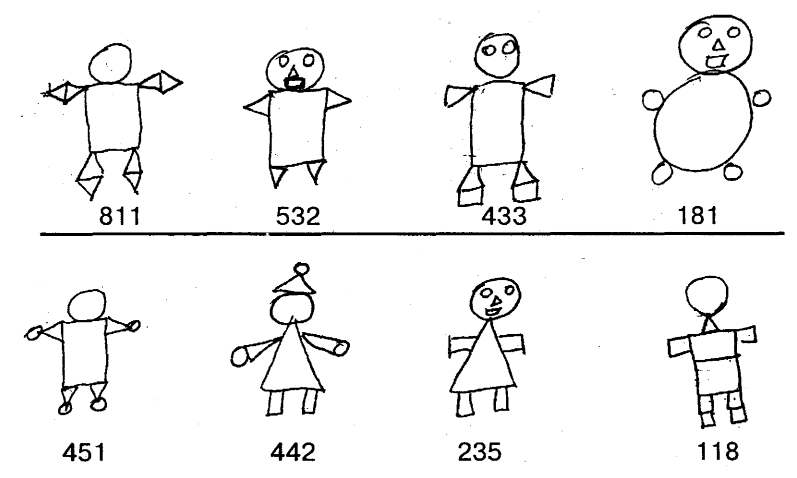

Рис. 15. Предпочтение геометрических форм в конструктивных рисунках фигуры человека в тесте ТиГР (*Либин, Либин*, 1994)

Примечательно, что из имеющихся в распоряжении субъекта 36 стратегий предпочтения (количество которых ограничено стандартной инструкцией) и огромного числа вариантов возможного конструирования изображения фигуры человека, наибольшей частотой использования характеризуются лишь одна треть стратегий, а характеристики изображений в большинстве случаев легко типизируются. Изучение психологических различий, в частности, отображенных в словесном самопортрете, показало связь индивидуальных особенностей графически переданного образа-Я с вербальным самоописанием:

811: активный, ведущий, властный, деятельный, организующий;

532: дипломатичный, исполнительный, пунктуальный, сдержанный;

433: увлеченный, воодушевленный, порывистый, упрямый;

181: впечатлительный, осторожный, располагающий, душевный;

451: критичный, мнительный, прямодушный, естественный;

442: настойчивый, независимый, резкий, возбудимый;

235: хитрый, напористый, переменчивый, бойцовский;

118: выдержанный, размышляющий, стабильный, уравновешенный.

Возможно, семантический инвариант образа-Я формируется благодаря наличию единого механизма интеграции и координации психологических свойств разных уровней индивидуальности, подобно тому, как это происходит, к примеру, на уровне первичных психических процессов — ощущений и восприятий, — объединенных механизмом синестезии (см. *Osgood, Soci & Tannenbaum*, 1959).

8.5. Самооценка

Самооценка преимущественно связана с третьей, социальной ипостасью Я, отражая в системе субъективных значений воплощение личности в людях. В то же время, самооценку можно рассматривать как интегратор всех трех основных компонентов Я-образа: физического, психологического и социального.

Происходящее в процессе дифференциации индивидуальности разведение и последующее соотнесение между собой параметров различных уровней охватывает все основные составляющие характера. Экспериментально показано, что самооценка с возрастом становится все более дифференцированной (*Mullener & Laird*, 1971). Школьникам седьмого класса, старшеклассникам и студентам вечерних курсов в возрасте около тридцати лет предложили оценить себя по сорока характеристикам, используя шестибалльную шкалу от “совершенно верно”, что оценивалось в шесть баллов, до “совершенно неверно” (1 балл). Утверждения охватывали пять областей — физические ка-

чества, уровень достижений, интеллектуальное развитие, межличностное общение и социальную ответственность. Анализ индивидуальных вариаций выявил тенденцию к их увеличению с возрастом. То есть младшие оценивали свою компетентность во всех пяти областях более ровно. Возможно, что дифференциация самооценки связана с увеличением у старших (см. главу 19) когнитивной сложности, то есть, в данном случае, способности оценивать разные стороны своего Я, используя более разнообразные стратегии.

8.6. Саморегуляция—настойчивость—воля

Структура Я, как основной элемент характера, выполняет главные регулятивно-интеграционные функции, среди которых можно выделить два основных типа: интроцентрические (ориентированные на осуществление личных задач и целей) и экстероцентрические (ориентированные на осуществление задач и целей, не связанных напрямую с собственными). Регулирующая роль структуры Я заключается в том, что она "составляет источник мотивации к действиям, направленным на защиту, поддержание и развитие собственной личности" (*Якубик*, 1981). В соответствии с описанной ролью Я выделяются четыре типа регуляции поведения (*там же*, с.217):

* эгоцентрический

* аллоцентрический (направленность на удовлетворение потребностей, защиту интересов и развитие других людей);

* социоцентрический (предпочтение целей социальных групп, общественных учреждений);

* альтруистический (отказ от собственных целей и задач ради выполнения чужих).

Анализ концепции характера в контексте иерархического подхода неизбежно связан с исследованиями саморегуляции как психофизиологического компонента воли (см. главу 4), настойчивости как черты, лежащей в основе волевых действий и, наконец, собственно воли как "категории, используемой при исследовании тех жизненных процессов, которые движут нами в определенном направлении или к

конкретной цели в данное время" (*Farber*, 1966). Остановимся на кратком описании двух последних характеристик: настойчивости и воли (см. также материалы тематического литературного обзора — *Макарушкина, Эйдман, Иванникова*, 1988).

Прежде всего разграничим понятия "свободы воли" (имеющего, скорее, философско-мировоззренческий оттенок), "воли личности" (включающего также настойчивость) как характеристики жизненной активности, и "волевого поведения" как обусловленного ситуативными факторами действий человека. После этого сосредоточим свое внимание на диспозициональном аспекте проблемы.

Изучение настойчивости показало сложный характер этой переменной. Е.Вэбб (*Webb*, 1915), применив факторный анализ, выявил связанный паттерн признаков, куда вошли надежность, тактичность и настойчивость, понимаемая как устойчивость мотивов. Г.Айзенк (*Eysenck*, 1970) обнаружил отрицательную корреляцию с высоким уровнем значимости между вебовским фактором и уровнем нейротицизма. В дальнейших исследованиях характеристики настойчивости, измеряемой обычно экспериментальным путем (общее время решения задачи, или временная настойчивость, и количество попыток решения, или "устойчивость к угасанию"), сопоставлялись с тестами интеллекта, школьными оценками, самооценками учеников и экспертными оценками (*MacArthur*, 1955). Выделенный симптомокомплекс значимых факторов совпадал в своей содержательной интерпретации с независимо составленными описаниями настойчивости, включающими: физическую выносливость, соответствующую "стремлению и способности переносить дискомфорт" (*Rethlingschafer*, 1942); "сопротивляемость дискомфорту ради достижения цели" и стабильность характера (*Thorton*, 1939); а также престижную ориентацию. Целостный фактор настойчивости, как следует из его содержания, распадается, таким образом, на два подизмерения — физическую и интеллектуальную настойчивость (*Eysenck*, 1970). Изучение валидности общего фактора настойчивости ($r = 0.90$) показало обоснованность как теоретического конструкта, так и адекватность измерительных процедур. Можно ожидать, что

настойчивость как диспозициональная переменная будет содержательно связана с таким темпераментальным показателем как предметная эргичность, характеризующаяся жаждой деятельности, постоянным стремлением к напряженному умственному и физическому труду, высокой работоспособностью. Настойчивость выступает в этом случае более обобщенным признаком по сравнению с высоким уровнем саморегуляции, с одной стороны, и оказывается предпосылкой воли как более интегральной характеристики, — с другой.

К сожалению, в работах по изучению настойчивости (persistence) отсутствуют попытки построения шкал специфических трудностей, в совладании с которыми человек может проявить силу воли. Нам также неизвестны работы с использованием шкалы оценки стрессовых событий (*Holmes & Rahe*, 1967) для этих целей, что было бы продуктивно в качестве первого шага в этом направлении.

Работы в области изучения воли с позиций дифференциально-психологического анализа практически отсутствуют. Тем не менее укажем на несколько положений, имеющих важное значение в этой связи. В классических исследованиях волевые проявления интерпретировались как динамические (сейчас бы мы сказали — формально-динамические) параметры, например:

* детерминирующая тенденция, необходимая для разрыва ассоциативной связи (*Ach*, 1910);

* преодоление тенденций поля, как следствие нарушения равновесия "индивид—среда" (*Lewin*, 1935);

* система образов потребностей и осознаваемая схема мотивов, лежащие в основе представлений человека о собственных динамических силах (*Nuttin*, 1984);

* тенденция организовывать свое Я (Self) таким образом, чтобы совершалось движение к заданной цели, в заданном направлении (*May*, 1974).

Отметим также, что понятие воли всегда связано с понятием осознанного выбора, тогда как настойчивость больше определяется через параметры предпочтений, а саморегуляция рассматривается в связи со стратегиями снятия неопределенности. Различия в интенсивности волевых ус-

тремлений отражают как различия в способности человека делать самостоятельный выбор, так и специфику “направляющей и регуляторной функции”, балансирующей, координирующей и конструктивно использующей “остальные виды активности и энергии человека, не подавляя ни одной из них” (*Assagioli*, 1974).

8.7. Система базовых ориентаций: на себя, на предмет деятельности, на других людей

Понятие ориентации (часто встречающееся с прилагательным личностная) относится к системе стабильных доминирующих тенденций субъекта — склонностей, установок, мотивов. Выделенные типы ориентации изучаются, в основном, в рамках дифференциальной психологии и психологии личности.

Ориентации, рассматриваемые как доминирующие мотивы, связаны с более интегральным понятием направленности личности, понимаемой как обобщенное отношение личности к различным аспектам внешнего мира (*Мясищев*, 1995), или как устойчиво доминирующий мотив (*Божович*, 1968; *Неймарк*, 1972). Можно предположить, что формирующаяся уже в первые годы жизни субъекта система базовых ориентаций (СБО) является системообразующим фактором не только формирования характера, но и личности в целом. Рассмотрим основные параметры этой системы.

Ориентация на себя — связана с выраженной центрацией субъекта на собственных мыслях и переживаниях, и характеризуется (по показателям шестнадцатифакторного личностного опросника Кеттелла) такими признаками как тревожность, забота о физическом благополучии, высокая мнительность, эгоцентризм, детерминированность поведения своим самочувствием и настроением (см. *Жамкочьян*, *Палей*, 1977).

Преобладающим мотивом поведения является собственное благополучие, личные достижения, стремление к самоутверждению (*Неймарк*, 1972).

Ориентация на предметные аспекты активности (на объект, на дело) — характеризуется выраженными потреб-

ностями в познании, а также в освоении предметной (не коммуникативной) среды. Возможно, этот тип ориентации проявляется с самого раннего возраста. Так, уже на уровне формально-программных характеристик, детерминированных преимущественно темпераментальными структурами, выделяются предметный и коммуникативный аспекты (см. главу 5).

Ориентация на других (на группу) — прежде всего проявляется в позитивном отношении к общению. Преобладающие мотивы поведения определяются, в основном, интересами и потребностями других людей.

В результате исследования советских школьников, Мария Неймарк (1972) обнаружила значимые различия в психологических особенностях, которыми характеризовались дети с разными типами мотивационной структуры. Сразу нужно отметить, что описанные ниже закономерности свойственны не только данной возрастной группе, а носят более общий характер (см. *Smith*, 1977). Школьники, разбитые на три группы в соответствии с доминированием в структуре их мотивов одной из трех вышеописанных ориентацией, отличались как по степени выраженности у них определенных признаков, так и спецификой комбинации этих признаков между собой. Ориентация-на-себя оказалась связана с нереалистично завышенной переоценкой детьми своих способностей и социального положения, сильном желании в достижении более высокого социального статуса, защитной реакцией на неудачу и предъявлением нереалистичных требований к другим. Доминирующая ориентация-на-предмет оказалась слабо связана с особенностями образа-Я, с одной стороны, и с более адаптивными реакциями на неудачу, с другой. М.Неймарк также делает важный общепсихологический вывод о том, что "развиваясь, мотивы организуются в иерархическую структуру; на различных этапах жизни определенные мотивы начинают доминировать над другими" (*Neimark*, 1976, p.3). Также изучалось соотношение направленности личности младших подростков с характеристиками аффективной сферы, в частности, аффектом неадекватности — переживанием, возникающим у детей в тех случаях, когда их притязания, обусловленные привычной

самооценкой, терпели неудачу. Наибольший показатель частоты появления аффекта неадекватности был в группе подростков с выраженной ориентацией-на-себя.

Данные этих и других исследований позволяют сделать вывод о том, что система базовых ориентаций оказывается связанным со многими психологическими параметрами фактором, структурирующим личность в целом.

Ключевые термины главы: внесознательные процессы, волевая регуляция, генотип, жизненный опыт, конструктивные рисунки фигуры человека, направленность, настойчивость, непроизвольная регуляция, образ-Я, самооценка, семантический инвариант, система базовых ориентаций, стратегии предпочтений, структура характера, тактильно-кинестетический гештальт, тест предпочтения геометрических форм (ТиГР), условные связи, фенотип, целеполагание, Я-концепция.

Глава 9. Личностные различия

Что такое личность, каждый знает;
но никто не может сказать.

Burnham

О взаимосвязи проблем психологии личности и дифференциальной психологии следует написать отдельную книгу. Большинство современных исследователей склоняются сегодня к тому, чтобы рассматривать эти два центральных аспекта человекознания скорее в их взаимосвязи, чем через противопоставление. Так, наиболее известный журнал ISSID (Международное Общество по Изучению Индивидуальных Различий), основанный Г.Айзенком, носит название "Личность и индивидуальные различия". Условная граница между этими пересекающимися областями психологического знания может быть обозначена, исходя из сложившейся традиции. Акцент в большинстве личностных теорий делается на изучении интраиндивидуальных закономерностей (идеографический аспект), в то время как для дифференциально-психологических концепций более характерным является акцент на изучении феноменологии и механизмов общих закономерностей интериндивидуальных различий (номотетический аспект). Однако и в том, и в другом случае прогрессивно-ориентированные исследователи исходят из представлений о целостности личностной структуры и необходимости изучения динамики и механизмов рассматриваемых психологических образований.

9.1. Личность: дифференциально-психологический аспект

Современная психология личности выкристаллизовывалась в лоне дифференциальной психологии и, что естественно для начальной стадии развития, сразу же заявила о своем критическом отношении к дифференциально-психологическим методам изучения личности. Однако уже из наиболее известного определения личности, сформулиро-

ванного основоположником персонологии Г.Оллпортом видно, что отмежеваться от "источника" было совсем не просто:

"личность есть такая динамическая организация психофизических систем индивидуума, которая определяет его уникальный способ адаптации к среде" (*Allport*, 1937).

Критика Г.Оллпортом дифференциальной психологии (вполне справедливая, отметим, для своего времени) базировалась на противопоставлении элементарное vs целостное (организмическое) и отдельная часть vs паттерн, из которого вытекали насущные задачи персонологии, направленные на поиск объединяющих оснований изучаемых явлений. С этого момента начинается неоправданное противопоставление двух подходов, изучающих с разных сторон и на основе различных принципов одно и то же явление. Достаточно привести несколько не совпадающих между собой определений личности (см. *Pervin*, 1990):

"Концепция личности есть результат наблюдения индивидуальных различий в человеческом поведении... которые (с другой стороны. — *А.Л.*) могут рассматриваться как непосредственный предмет исследований личности" (*Jensen*, 1958, p.295, 302).

"В индивидуальных различиях мы находим логический ключ к личности. Личность человека есть уникальный набор его черт" (*Guilford*, 1959, p.5).

"Наука о личности формируется вокруг изучения относящихся к индивидуальным различиям переменных и поведенческих предиспозиций, которые лежат в основе кросс-ситуативной устойчивости поведения" (*Sarason & Smith*, 1971, p.433),

или же:

"Как подчеркивал Вергеймер, сущность личности не в ценности отдельного тона или одной мелодической линии, но в целостности музыкальной концепции" (*Murphy*, 1949, p.646).

"Личность как особый предмет изучения связана с природой и целями интраиндивидуальной интеграции" (*Klein et al.*, 1967, p.469).

Как всегда, наиболее перспективной оказывается "третья точка зрения", основанная на взаимовыгодной комбинации основных отличительных признаков обоих подходов. С этой позиции определение личности должно учитывать как акцентирование индивидуальных различий, так

и организацию отдельных частей в единое интегрированное целое.

9.2. Корни человеческой личности

Вряд ли кто-либо из современных исследователей всерьез будет говорить о том, что "личностью рождаются". Нет и такого раздела в дифференциальной психологии развития: "Личность младенца". Однако весьма заманчиво обнаружить некую природную канву, на которой впоследствии — под влиянием многообразных средовых воздействий — произрастают те или иные личностные черты. Хотя в работах такого плана существует отчетливая тенденция называть выявленные различия темпераментальными, сами авторы склонны давать определения и интерпретировать обозначенные явления с довольно явно выраженным "личностным уклоном". Известный американский психолог, профессор Гарвардского университета (Harvard University, USA) Джером Каган со своими сотрудниками (*Kagan, Arcus, Snidman, Feng, Hendler & Green*, 1994b; *Reznik et al.*,1986) выявили, что некоторые новорожденные обладают тенденцией, которую можно назвать уязвимостью или "робостью", проявляющейся при встрече с незнакомыми предметами, людьми или ситуациями. Эта тенденция сохраняется в поведении субъекта и впоследствии. Во время своего первого школьного дня "уязвимые", стоя в стороне, сосредоточенно наблюдают за играми своих более раскрепощенных сверстников. Эти психологические особенности постепенно трансформируются в устойчивую черту у взрослых людей, которые зачастую остаются застенчивыми на протяжении всей своей жизни (*Zimbardo*, 1990).

Несмотря на очевидность жизненных фактов, практически неразработанной остается проблема взаимосвязи психических процессов и личностных черт, или общей психологии и психологии личности, если говорить о более широком контексте. Однако уже в работах первых современных персонологов имплицитно существовала тенденция рассматривать формирование личностных свойств в контексте функционирования более общих по своей природе ментальных явлений.

9.3. Концепции личностных черт

Различные личностные теории оперируют разными конструктами, имеющими неодинаковый уровень как теоретических обобщений, так и степени абстракции. Но наиболее распространенным является понятие черты, описываемой, как правило, каким-либо существительным или прилагательным, а также рассматриваемой в качестве предиктора поведения личности.

Понятие личностной черты, впервые предложенное Г.Оллпортом, было достаточно всеобъемлющим:

> "Генерализованная и сфокусированная нейропсихическая система (характерная для индивидуума), обладающая способностью воспроизводить функциональный эквивалент, релевантный множеству стимулов, а также инициировать и регулировать устойчивые (эквивалентные) формы адаптивного и экспрессивного поведения" (*Allport*, 1937).

Исходя из этого определения можно предположить, что множество признаков, характеризующих форму взаимодействия субъекта с миром, упорядочивается за счет введения двух начальных координат, относящихся к адаптивному и экспрессивному типам поведения.

В современных теориях (*Phares & Chaplin*, 1997) выделяется несколько базовых признаков черты как психологического конструкта:

* черта не есть состояние и поэтому обозначает некую общую тенденцию поведения и ожиданий (*McAdams*, 1995). "Я впечатлительный" означает устойчивую характеристику, тогда как "меня впечатляют твои успехи" описывает лишь временное состояние эмоционального реагирования;

* черта является количественным измерением, позволяющим сравнивать степень выраженности конкретной характеристики у разных людей;

* черта может иметь иерархическую организацию, то есть более широкая черта включает в себя несколько специфических черт. Дескриптивные системы, базирующиеся на анализе черт, позволяют описывать личность через множество уровней;

* черта как конструкт создает основу для общего языка не только между различными формальными теориями личности, но между формальными теориями и неформаль-

ными описаниями человеческой личности в повседневной жизни.

Устойчивость многих личностных черт во времени подтверждена экспериментально. Различия между детьми в агрессивности, доминировании, зависимости, социабельности и застенчивости сохраняются на протяжении всего периода, начиная со среднего и позднего детства через подростковые годы вплоть до взрослости (*Huesman et al.*, 1984). В дополнение к этому, клинические наблюдения показывают, что детям, имеющим в возрасте десяти лет поведенческие проблемы, довольно сложно избавиться от них во взрослой жизни (*Patterson*, 1982).

Психологическая черта кроме описательного аспекта поведения включает в себя и каузальный. Поэтому теории черт ставят своей целью анализ индивидуальной психодинамики с точки зрения поиска причинных механизмов:

> "В своей наиболее простой форме диспозиции и их поведенческие проявления связаны, по определению, непосредственно — чем более выражена у личности черта добросовестности, тем более добросовестно его (субъекта. — *А.Л.*) поведение" (*Mishel & Shoda*, 1995).

Эти два аспекта, дескриптивный и каузальный, присутствуют во всех наиболее развитых концепциях личностных черт. Мы рассмотрим в качестве примера только немногие из десятков развиваемых на сегодняшний лень концепций.

Экстраверсия/нейротицизм/психотицизм

Понятие экстраверсии—интроверсии было сформулировано для описания наиболее фундаментальных различий в человеческом поведении швейцарским психологом Карлом Юнгом, недолгим последователем Зигмунда Фрейда. Как димензиональная черта эта характеристика личности, впервые представленная так Г.Айзенком (*Eysenk*, 1947), в последнее время изучается в самых различных контекстах (см. *Zuckerman & Como*, 1983). Наиболее общие характеристики этой черты выглядят следующим образом:

Интроверсия	Экстраверсия
Ориентация на внутренние стимулы; заторможенность поведения; низкий уровень вовлеченности в различные формы активности.	Стремление к стимуляции извне; расторможенность поведения; интенсивное вовлечение в разные формы активности.

Активность/социабельность/эмоциональность

Концептуально эти личностные свойства связаны с соответствующими темпераментальными параметрами. Называя эти черты "личностными", авторы трехкомпонентной концепции личности (*Buss*, *Plomin*, 1984) фактически отождествили уровни темперамента и личности. Неудивительно, что все три параметра, как показывают многочисленные исследования, удовлетворяют критериям выделения психобиологических черт — наследственности, стабильности и эволюционной значимости. Проявляясь уже у младенцев, эти черты сохраняются и в личности взрослых.

Тревожность

Тревожность (выступающая также под названиями "нейротицизм" и "эмоциональная нестабильность") считается одним из важнейших измерений личности, связанным со спецификой индивидуальных реакций на стресс. С одной стороны, тревожность сопряжена с возбуждением нервной системы, проявляющимся в сердечно-сосудистых и дыхательных ритмах, гастроэнтерологических симптомах, уровне кровяного давления. С другой стороны, показана тесная связь тревожности с оценочными процессами, с тем, воспринимает ли человек для себя данную ситуацию как угрожающую (*Spielberger*, 1966). В этой связи известный американский психолог (Калифорнийский университет, Беркли) Рихард Лазарус (*Lazarus*, 1993) обращает внимание на различие между тревожностью как димензиональной переменной и стрессом как ситуативной переменной. В зависимости от общей концепции личности,

которой придерживается исследователь, определение тревожности и порождающего ее механизма рассматриваются под различными углами зрения. Зигмунд Фрейд (*Freud*, 1936) различал тревожность как эмоциональное состояние или как состояние, сопровождающееся специфично-неприятным переживанием, а также как некую моторную разрядку. В любом случае тревожность, по Фрейду, есть результат подавления со стороны Эго (Я) идущих из темноты внесознательной сферы психики импульсов. Многие персонологи рассматривали тревожность как отражение "разрыва между сильно выраженными потребностями субъекта и ожиданиями малой вероятностью их удовлетворения" (*Rotter*, 1966).

Как стабильная черта — а не вызванное ситуативным влиянием состояние — тревожность впервые начала изучаться Тэйлор (*Taylor*, 1953), на основе разработанной клинической шкалы измерения хронической тревожности. Концептуальная модель развивается ведущим специалистом в этой области Чарльзом Спилбергером (Флоридский университет, США) обосновавшим рассмотрение тревожности как черты, A(anxiety)-trait, и состояния, A-state. По определению, тревожность-как-черта есть проявление в поведении индивидуума тенденции воспринимать большинство ситуаций, объективно ничем не угрожающих, как опасные (*Spielberger*, 1983). Тревожность-как-состояние есть проявление эмоционального возбуждения, варьирующее в интенсивности и во времени. Измеряющий оба вида тревожности опросник (STAI) состоит из двадцати пунктов, оцениваемых по четырехбалльной шкале Ликерта (никогда/редко/часто/всегда). Факторизация шкал показала наличие четырех субизмерений тревожности (*Spielberger*, *Sydeman*, 1994), воспроизводимых, как подтвердили и наши исследования, на данных русскоязычной выборки. Результаты кросс-культурной валидности для отдельных пунктов опросника совпадают с более ранними исследованиями STAI (*Hanin & Spielberger*, 1983).

Гнев

Выделившись в качестве одного из подизмерений тревожности в экспериментах Чарлза Спилбергера (*Spielberger*, 1988; 1994), гнев как устойчивая черта личности стал предметом самостоятельных исследований. Автор концепции определяет гнев как "эмоциональную характеристику, описывающую ощущения, интенсивность которых варьирует от средне выраженного раздражения или досады до ярости и бешенства, что сопровождается активацией автономной нервной системы (*там же*, с. 6). В руководстве к опроснику, измеряющему гнев-как-черту и гнев-как-состояние (STAXI), указывается, что гнев является более элементарным состоянием по сравнению с враждебностью или агрессией. Модель гнева-как-черты имеет несколько примечательных характеристик:

* гнев рассматривается как предиспозиция или тенденция воспринимать широкий спектр ситуаций как провоцирующие;

* различается гнев как характеристика темперамента (гневливость без связи с провоцирующий ситуацией) и как реакция (вызванная, например, критикой, неприятным обращением и пр.);

* пункты шкалы сконструированы таким образом, чтобы оценить степень выраженности стремления подавлять гнев (Anger-In), проявлять гнев вовне (Anger-Out), а также контролировать гнев (Anger-Control).

Исследование описанной модели на русскоязычной выборке (*Eckhard*, *Kassinove*, *Tsytsarev & Sukhodolsky*, 1995) показало высокую консистентность адаптированных субшкал и выявило средние значения, совпадающие с данными американской выборки. При этом в российской выборке (исследование было проведено в Санкт-Петербурге) мужчины характеризовались более высоким уровнем проявления гнева (Anger-Out), чем женщины.

Застенчивость

По мнению профессора Стэнфордского университета (Stanford University, USA) Ф.Зимбардо, застенчивость — не личностное расстройство, а, скорее всего, определен-

ный паттерн или черта, связанная со стремлением избегать общения или уклоняться от социальных контактов (*Zimbardo, Weber*, 1997). Вполне возможно, что застенчивость есть проявление своего рода социальной фобии, но, независимо от интерпретации, остается главный вопрос — где скрываются корни этого явления? В главе 18 мы будем более подробно рассматривать этот вопрос, здесь же отметим связь застенчивости с одной из темпераментальных тенденций, обнаруживающихся уже у младенцев, которую Дж.Каган (*Kagan et al.*, 1994) назвал "сдерживанием". Предрасположенность к такому типу поведения может затем развиваться в форму социальной тревожности, рассматриваемой как "выученные реакции". Влияние широкого культурного контекста становится решающим фактором в развитии имеющейся предрасположенности, а также в формировании "выученной застенчивости". В последнее десятилетие число американцев, считающих себя застенчивыми, возросло с 40% до 50% (*Carducci & Zimbardo*, 1995). Среди наиболее влиятельных факторов, определяющих этот сдвиг показателей, Зимбардо выделяет:

* компьютерные технологии и информационную действенность интеракций, позволяющих людям, сохраняя дистанцию, поддерживать контакты с другими без непосредственного личного общения;

* автоматизация работы, уменьшающая процесс живого общения;

* влияние бесконтрольной криминализации общества, воспитывающее в людях страх, удерживающий их от контактов;

* необратимые изменения в семейных структурах, отражающие в несколько раз возросшее число разводов, семей с одним родителем или отсутствием родителей дома из-за чрезмерной занятости. Все это обучает детей стереотипам взаимодействия, которое они позднее переносят в свою жизнь;

* снижение ценности совместного отдыха, благодаря развитой индустрии развлечений.

Вполне возможно, что культурологические предпосылки развития застенчивости будут разными в других странах, но это не исключает перспективы исследования застенчи-

вости как феномена, наиболее ярко отображающего взаимодействие социальных и биологических факторов в формировании личностных черт.

9.4. Теории личностных факторов: три, шестнадцать, пять

В отличие от Г.Оллпорта, который ставил акцент на изучении уникальных, идеографических аспектов личности, дифференциально-ориентированные психологи используют мультивариативный статистический анализ для определения важнейших факторов, образующих личность.

Ганс Айзенк одним из первых применил факторный анализ к исследованию личности. При этом он полагал, что вначале нужно сформулировать гипотезу о соотношении измеряемых переменных, которая затем должна тестироваться с помощью факторного анализа. Эта стратегия получила название критериального анализа (*Eysenck*, 1950). Свои базовые факторы — интроверсию, экстраверсию, нейротицизм и, позднее, психотицизм, Айзенк назвал "типами", подчеркивая тем самым отличие диспозиций, находящихся наверху иерархической структуры и имеющих более широкий диапазон проявлений, от специфических черт, образующих нижний уровень личностной иерархии. Например, за общим фактором "психотицизм" следуют образующие его компоненты второго уровня — агрессивность, эмоциональная холодность, эгоцентризм, безличность, импульсивность. Третий уровень психотицизма как личностной диспозиции образован такими параметрами как антисоциальность, неэмпатийность, креативность, "безумие" ("тронутость"). Несмотря на столь широкий спектр поведенческих проявлений, свойственных этим трем базовым измерениям, сам автор называет их "биологическими диспозициями личности" (*Eysenck*, 1990), не будучи, однако, всегда последовательным в построении интерпретационных схем.

Центральная роль E (экстраверсия—интроверсия), N (нейротицизм—эмоциональная стабильность) и P (психопатия или эмоциональная независимость) факторов в организации личности подтверждалась результатами об-

следования десятков тысяч людей в разных странах. Хотя достаточных оснований для отнесения этих измеряемых с помощью опросников черт к биологически детерменированным переменным еще недостаточно, Айзенк аргументированно обосновывает связь E с биологической системой возбуждения (arosal system), N с системой активации (activating system), а P с генетически детерминированной тенденцией "импульсивность vs контроль".

Другой подход в использовании факторного анализа в изучении личности развивает один из лидеров американской психологии Раймонд Кэттелл. По его мнению, базовое измерение личности невозможно заранее предсказать, его нужно открыть в результате обработки данных, полученных путем измерения разных черт у большого множества людей. Р.Кеттэл (*Cattell*, 1971; 1990) формулирует два важных положения для теории личностных черт, выделяя среди последних поверхностные (вторичные) и порождающие (первичные), которые в свою очередь разделяются на конституциональные, имеющие генетическую обусловленность, и характерологические (mold), развивающиеся под влиянием опыта и обучения. В своей концепции Кэттелл различает также

* темпераментальные (конституциональные порождающие) черты, детерминирующие стиль индивидуального реагирования, включающий эмоциональную реактивность, скорость и энергию реакций личности на средовую стимуляцию;

* черты-способности, определяющие эффективность реагирования;

* динамические черты, относящиеся к движущим силам реакций и образующие два класса признаков — эрги, врожденные черты, мотивирующие поведение субъекта (направленность на "борьбу", "стадное чувство", автономия), и "сентименты", формирующиеся под влиянием социокультурных норм; а также аттитюды, являющиеся проявлением интереса к чему-либо.

Все эти черты образуют взаимосвязанную систему, наполняющуюся содержанием в зависимости от конкретного аспекта анализа человеческого поведения. В качестве базовой Кэттелл принял шестнадцатифакторную модель,

описывающую наиболее важные с его точки зрения измерения личности (см., например, *Мельников, Ямпольский*, 1985).

Столь существенная разница в определении базовых измерений личности — от трех в концепции Айзенка до шестнадцати в концепции Кэттела — объясняется отсутствием консенсуса между психологами относительно общепринятой дескриптивной модели личности. Еще одна важная попытка в этом направлении, предпринятая в последние десятилетия, связана с разработкой теоретической и экспериментальной базы для подтверждения универсальности пяти связанных между собой измерений личности, получивших название Большой Пятерки (Big—Five—Model).

Начиная с 1980-х годов, пятифакторная модель многими психологами признается одной из наиболее удачных для идентификации и структурирования личностных свойств (*Wiggins*, 1996). Существует два основных подхода к анализу пяти, считающихся базовыми, измерений личности — модель Большой Пятерки, разрабатываемая в рамках лексикографической традиции, и Пятифакторная модель (FFM — five factor model), основанная на психометрическом подходе.

Большая Пятерка: лексическая модель

Первоначально в список английских слов, так или иначе описывающих личность, вошло 18 000 пунктов (*Allport & Odbert*, 1936). Наиболее удачно идею имплицитного присутствия в языке психологических описаний личности сформулировал Р.Кэттел:

> "Все аспекты человеческой личности, которые имеют значение и вызывают интерес или же являются полезными, уже получили запись в субстанции языка" (*Cattell*, 1943, p.483).

Некоторые исследователи склонны обозначать явление, о котором пишет Кэтелл, термином "языковая личность" (см. *Караулов*, 1981). Применение в этом разделе данного термина представляется допустимым. Следующим этапом в анализе "языковой личности" стало выделение из пер-

воначального списка наиболее общеупотребительных слов, составленного Оллпортом и Одбергом, двух тысяч восьмиста прилагательных, характеризующих личностные черты (*Norman*, 1967). Дальнейшая работа над структурированием описаний с применением современных методов факторного анализа привела Льюиса Голдберга к выделению пяти измерений, базирующихся на лексической гипотезе (*Saucier & Goldberg*, 1996). В соответствии с основной идеей лексической гипотезы,

> "наиболее важные индивидуальные различия во взаимодействии между людьми кодируются в виде отдельных терминов в некоторых или даже во всех языках мира" (*Goldberg*, 1993).

Еще в 1938 году Л.Тёрстоун, используя факторный анализ для структурирования описаний, с помощью которых человек характеризует себя и других, после обработки 1300 оценок шестидесяти важнейших личностных черт выделил пять независимых факторов. Р.Кэттелл, используя лексический подход, обнаружил двенадцать факторов, из которых только пять характеризуются стабильной воспроизводимостью (*John*, 1990). Приведем краткие характеристики этих наиболее исследуемых на сегодняшний день пяти факторов (по *Goldberg*, 1993):

I. Экстраверсия или Вовлеченность: общительность, напористость, высокая активность vs спокойствие, пассивность и сдержанность.

II. Доброжелательность или Приятность: доброта, доверчивость и теплота vs враждебность, эгоизм и недоверчивость.

III. Добросовестность или Надежность: организованность, основательность и надежность vs беззаботность, небрежность, ненадежность.

IV. Эмоциональная стабильность vs Нейротицизм: расслабленность, уравновешенность, устойчивость vs нервозность, удрученность, раздражительность.

V. Культурность, интеллектуальность или Открытость к опыту: вдохновленность, любознательность, креативность vs узость интересов, заурядность, ограниченность.

Описанные измерения представляют собой часть иерархической структуры личностных свойств, образуя, по мне-

нию исследователей, наиболее абстрактный, то есть базовый, уровень. Остальные, более частные характеристики, каковых насчитываются десятки, образуют нижний уровень иерархии (*John, Hampson & Goldberg*, 1991). Однако практически все исследователи обходят стороной вопрос об иерархической соотнесенности факторов внутри самой модели Большой Пятерки. Между тем, I-й и IV-й факторы относятся, как свидетельствуют данные этих же авторов (см. к примеру, *Eysenck*, 1990) к биологически обусловленным подструктурам, тогда как остальные три фактора входят в личностные структуры, обусловленные влиянием преимущественно содержательно интерпретируемых поведенческих тенденций, в том числе, как следует из контекста, направленностью личности. Возможно указанная трудность связана и с тем, что существуют большие сложности в определении иерархической структуры понятий в самом языке, хотя эта задача уже формулируется в последних работах следующим образом:

> "Целостная таксономия личностных свойств должна включать как горизонтальные, так и вертикальные черты и соответствующие им признаки значений. Горизонтальный аспект относится к степени схожести среди свойств одного и того же иерархического уровня (например, скромность включает компоненты застенчивости и кооперативности). Вертикальный аспект относится к иерархическим соотношениям между свойствами (например, надежность является более абстрактным и общим концептом, чем пунктуальность)" (*Saucier & Goldberg*, 1996, p.41).

Для создания целостной модели личности, безусловно, необходимо объединение обеих тенденций — "вертикальной" и "горизонтальной". Использование иерархической шкалы для измерения черт в данном контексте очень эффективно, но необходимо учитывать и горизонтальные тенденции, обозначающие базовые источники таксономии. Следующая особенность заключается в том, что вертикальные отношения между свойствами легко различимы лишь в некоторых случаях анализа личностных свойств, закодированных в естественном человеческом языке (*Goldberg*, 1993; *Hampson et al.*, 1986; *John et al.*, 1991), тогда как горизонтальные отношения очевидны для многих

(*Hofstee et al.*, 1992). Поэтому делом будущего является определение в описании личности граней, относящихся к более частным, чем пять базовых факторов, иерархическим уровням.

В завершении психолингвистической темы в исследованиях личности отметим, что пересечение части факторов Большой Пятерки с измерениями других моделей (в частности, Г.Айзенка и Р.Кэттелла) служит, к сожалению, поводом для противопоставления исходных точек зрения, но не для поиска объединяющих различные концепции аргументов.

Пять Факторов: психометрическая модель

В отличие от акцента на проекции поведенческих особенностей в лексических закономерностях, в FFM учитывается, что личностные шкалы разрабатывались для измерения наиболее важных индивидуальных различий, выявленных в личностных теориях (*McCrae & Costa*, 1996). Авторы психометрического подхода приводят большое количество данных, характеризующих взаимосвязи измерений FFM с важнейшими параметрами, общими для многих личностных шкал, описывающих темпераментальные, эволюционные, психопатологические, мотивационные, межличностные характеристики на основе факторно-аналитических, типологических и кросс-культурных моделей. Результаты исследований позволили сформулировать постулаты Пятифакторной Теории Личности (*там же*, р.72), характеризующие основные тенденции проявления универсальных черт с учетом следующих позиций:

(1) *Индивидуальность.* Все взрослые люди могут быть охарактеризованы специфической комбинацией личностных черт, влияющих на паттерны мыслей, чувств и поведения.

(2) *Происхождение.* Изучаемые личностные черты есть эндогенные базовые тенденции.

(3) *Развитие.* Черты развиваются в детстве, достигая своей сформированности во взрослом возрасте субъекта и сохраняясь неизменными у адаптированных индивидуумов.

(4) *Структура.* Черты организованы иерархически — от узких и специфичных до широких, более общих диспозиций. Исследуемые пять факторов образуют высший уровень личностной иерархии.

Отмечается также три важных вывода по результатам психометрического изучения пяти базовых личностных факторов:

* Несмотря на различные теоретические предпосылки все исследуемые факторы обладают высокой конвергентной валидностью, подтвержденной на большом количестве экспериментальных данных.

* Каждый из пяти факторов имеет глубокие концептуальные корни в различных психологических концепциях.

* Дальнейшее изучение этих факторов предполагает, что обозначаемые ими черты весьма перспективны для анализа личности.

9.5. Нейропсихологическая интерпретация личностных параметров

Заложенная И.П.Павловым традиция поиска нейрофизиологических механизмов психологических особенностей индивидуальных различий прочно укоренилась в современной психологии личности (возможно, даже вопреки первоначальному замыслу самого И.П.Павлова, подчеркивающего, что его эксперименты касаются "лишь" закономерностей высшей нервной деятельности, т.е. уровня темперамента). В этом подразделе мы не будем подробно останавливаться на проблеме слитности, недифференцированности — следующей из неразличения уровней в онтологической иерархии субъекта (организм, индивид, личность, индивидуальность) — таких широко используемых в исследованиях личности конструктов как экстраверсия—интроверсия, сила нервной системы, уровень активации, поиск ощущений, импульсивность и др. Оставим эту интересную тему для другой книги, а сейчас обратим внимание на исследования, затрагивающие самый глубинный пласт механизмов функционирования личности.

Одной из наиболее влиятельных нейропсихологических концепций в объяснении природы личностных черт оста-

ется, наряду с концепцией о возбужении—торможении как базовом параметре нервной системы, гипотеза об роли ретикулярной формации (одной из важнейших структур мозга) в уровне активации/возбужения индивида (*Moruzzi, Magoun*, 1949). Также в среде биологически ориентированных исследователей личности принято считать, что существует множество анатомо-физиологических механизмов, ответственных за организмический уровень активации/возбуждения — эндокринная система, периферическая нервная система, наконец, нервная система в целом, со всеми ее структурами и уровнями (см. *Strelau, Eysenk*, 1987). Таким образом, соотношение между нейрофизиологическими и психологическими проявлениями личности (правильнее сказать — индивидуальности) человека, проанализированное в контексте изучения ее биологических основ, можно представить в виде схемы (рис. 16).

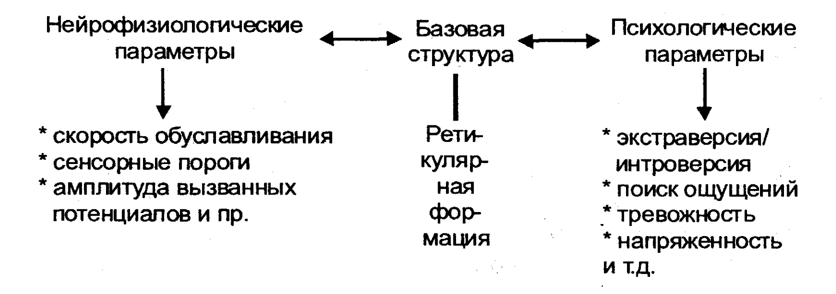

Рис. 16. Нейрофизиологическая интерпретация психологических параметров

Нет единого мнения по поводу того, какая именно из исследуемых психологических черт описывается фактором более высокого порядка. По мнению Г.Ю.Айзенка (1993), это, безусловно, экстраверсия/интроверсия, в то время как импульсивность является лишь подизмерением глобальной характеристики. У.Ревель с коллегами (*Revelle, Anderson & Humphreys*, 1987), ссылаясь на собственные данные, считают, напротив, импульсивность фактором более высокого порядка, связанным с индивидуальными различиями в уровне возбуждения/активации.

Майкл Айзенк (*Eysenk*, 1987) приводит серьезные аргументы в пользу той точки зрения, что индивидуальные различия в уровне тревожности (нейротицизма) могут быть поняты лишь при одновременном учете как биологических механизмов (возбуждения, вызванного функционированием лимбической системы), так и специфики когнитивной системы человека. П.В.Симонов (1984) (также см. — *Simonov*, 1987) предположил, что причину нейротицизма (эмоциональной нестабильности) нужно искать во взаимодействии двух локализованных во фронтальных структурах мозга механизмов — неокортекса—гипоталамуса и гипокампа—амигдаллы.

Согласно Теории Энергетической Регуляции Э.Гэйла (*Gale*, 1987), проявление одного из полюсов шкалы экстраверсия—интроверсия зависит от специфики взаимодействия в структуре личности четырех автономных подсистем — системы "входа" (приема), хранения и проявления (expression) энергии, а также системы контроля или мониторинга, осуществляющей регуляцию и интеграцию остальных трех. Таким образом экстраверт (или низкореактивный, по Айзенку, субъект) обладает развитой системой приема, а интроверт вовлечен в менее интенсивное взаимодействие и обладает системой приема с более жестким "фильтром". Слишком большой приток энергии и информации извне раздражает интроверта, поэтому он значительное внимание уделяет источникам стимуляции. Хотя моторная экспрессия экстраверта обильна, она имеет значительную энергетическую стоимость, поэтому его регулятивная система скорее нацелена на контроль за расходованием энергии, в то время как у интроверта регуляция связана с контролем "входа".

Несмотря на разнообразие и плодотворность психофизиологических изысканий в области изучения личности, сами исследователи продолжают весьма критично оценивать собственные результаты. Нередко в научной литературе можно встретить заявления типа: "Психофизиологический подход к анализу личности обречен на неудачу!" или "Изучение биологических основ личности — бессмысленное занятие для любителей абсурда". На одиннадцатой ежегодной конференции Британского Психофизиологичес-

кого Общества один из наиболее влиятельных ученых-психофизиологов Джеффри Грэй (*Gray*, 1983) объявил, что психофизиологии индивидуальных различий просто не существует. Э.Гэйл и Дж.Эдвардс (*Gale & Edwards*, 1983) “смягчили” ситуацию, отметив, наряду с бесспорными достижениями, “семь смертных грехов” своей науки, среди которых — теоретическая нелепость, одержимость исследованием корреляций в ущерб самим процессам, недостаточность психометрических и физиологических знаний, тривиальность экспериментирования, процедурная нечувствительность, а также низкий уровень обработки данных и интерпретации. Однако завершить краткий разговор о природных детерминантах индивидуальности и личности хотелось бы в позитивном ключе (как это сделали, в конце концов, практически все из перечисленных выше авторов). Возможно, в разработке психобиологических теорий индивидуальных различий необходимо больше внимания уделять анализу иерархической организации индивидуально-средового взаимодействия, учитывая связь многих личностных компонентов с высшими уровнями регуляции поведения.

9.6. Иерархическая организация личности

В приведенных выше (см. 9.1) двух типах определений понятия “личность”, скрываются две фундаментальные ошибки, проявляющиеся независимо от позиций авторов. Первая драматическая ошибка, которую можно определить как “уплощение структуры”, заключается в понимании личности всего лишь как совокупности (см. *Веккер*, 1998) образующих ее свойств (черт, диспозиций, переменных etc.), а не как определенным образом организованной саморазвивающейся системы. Эта ошибка приводит к исключению из поля зрения исследователя важнейшего вопроса о механизмах формирования как отдельных личностных черт, так и личностных структур в целом.

Второе, не менее трагическое, заблуждение связано с акцентированием внимания на абстрактно понимаемой “целостности” личности, без апелляции к механизмам интеграции и координации, эффектом функционирова-

ния которых и является целостность личности как, в первую очередь, ментального феномена, хотя и порожденного взаимодействием субъекта с социальной средой. Находясь в плену установки "абстрактной целостности" личности, ученый, завороженный магией полисемантических терминов, упускает из виду те "мелочи", которые образуют необходимую для любой продуктивной концепции конкретно-ориентированную систему координат.

Иерархический подход к анализу личностных феноменов позволяет избежать этих ошибок, акцентируя внимание исследователей на механизмах формирования свойств, образующих упорядоченную систему взаимодействий, одним из эффектов функционирования которой является целостность личности. Мы уже затрагивали эту тему в разделе о Большой Пятерке (см. 9.4).

Разведение уровней внутри личностной организации позволяет говорить о существовании прототипических черт и базовых функциональных состояний, а также о наличии черт (факторов) n-го порядка. Одним из первых обратил внимание исследователей на феномен иерархичности Г.Ю.Айзенк, положивший принцип иерархической организации структуры личности в основу анализа рассматриваемых им интегральных свойств — экстраверсии, нейротицизма и психотицизма (*Eysenck*, 1947; 1997). Однако, на наш взгляд, в этой фундаментально обоснованной концепции кроется та же ошибка неразведения уровней в структурной организации каждого свойства. Так, рядоположенными прототипическими компонентами нейротицизма оказываются тревожность, депрессивность (их можно отнести к уровню темпераментальных, биологически детерминированных признаков) и низкая самооценка и чувство вины, являющиеся признаками Я-концепции как одной из подструктур характера (соответственно имеющего другой тип детерминации по сравнению с темпераментом). В определении производных, более сложных, чем прототипические признаки, черт существует еще большая путаница. Кроме того, Айзенк, как и многие другие исследователи, не рассматривал анализируемую им иерархическую организацию в контексте взаимодействия трех основных детерминирующих факторов — наследственных

программ, социокультурных норм и жизненного опыта субъекта (см. рисунок 17).

Опираясь на данные многих исследователей, изучающих факторную структуру отдельных личностных свойств, а также соотношение между первичными и вторичными признаками в общей структуре личности, представим имеющиеся на сегодня факты в виде предварительной схемы. Примеры для каждого из выделяемых уровней, включающего в себя как прототипические, так и производные компоненты, приведем лишь выборочно, указывая один полюс признака. Существенно отметить, что производные компоненты или факторы объединяют несколько прототипических признаков. При этом выделяемые уровни лишь указывают на необходимость дифференциации признаков, но не показывают преемственности между включенными в схему характеристиками.

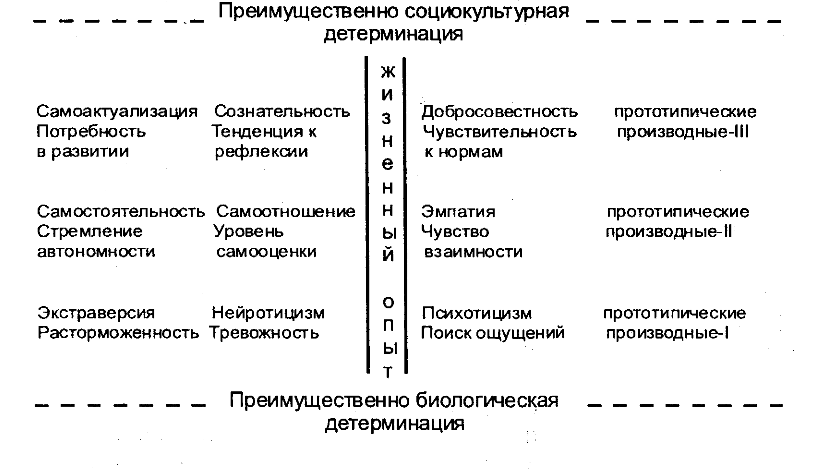

Рис. 17. Иерархическая организация личности (фрагмент): I, II, III — уровни проявления черт, отображающие стадии их формирования в процессе развития системы личности

9.7. Формально-динамическая модель личности

С точки зрения формального подхода структура личности включает в себя четыре базовых интегральных параметра:

темперамент, стиль, способности (включая интеллект) и характер. Каждый параметр не является исключительно автономным образованием, функционирующим независимо от остальных, а находится в общем поле взаимодействия, характеризующемся паттерном индивидуальных проявлений. Темперамент (*Небылицын*, 1976; *Русалов*, 1986; *Бодунов*, 1977) включает два основных компонента — активность (эргичность, темп, пластичность) и эмоциональность, реализующиеся в физической и коммуникативной среде. Стиль мы рассматриваем как механизм, интегрирующий параметры биологических программ и характеристики процесса социализации. Способности определяют продуктивность функционирования всей системы индивидуальности в конкретных ситуациях. Характер определяется устойчивыми мотивационными тенденциями, типом самооценки и балансом позитивного vs негативного жизненного опыта. Описанные структуры можно представить в виде единой формально-динамической модели личности (*Libin*, 1995):

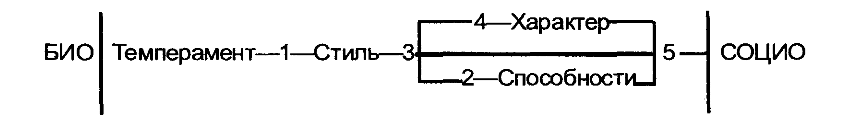

Рис. 18. Формально-динамическая модель личности:
1 Моторные стили, перцептивные стили;
2 Стили операций и действий;
3 Когнитивные стили, стили мышления;
4 Эмоциональные стили, мотивационные стили, аттрибутивные стили, защитные стили, стили совладания, стили поведения и деятельности;
5 Стили жизни

Важным положением формально-динамической теории личности (ФДЛ) является экспериментально и концептуально обоснованный вывод о связующей роли стиля в структуре личности (см. также *Мерлин*, 1986; *Royce*,

Powell, 1983). Стилевой механизм выполняет сопрягающую и компенсаторную функцию в структуре личности и выражается в оптимизирующем и адаптационном эффектах. Предложенная диспозициональная модель личности, включающая в себя симптомокомплекс стилевых свойств, является иллюстрацией не только дифференциации, но и интеграции используемых объяснительных конструктов с позиций теории об иерархической природе целостной индивидуальности. Важно также отметить, что форма взаимодействия индивидуума с миром детерминируется как свойствами его индивидуальности, так и семантикой фрагментов среды, включенных в сферу взаимодействия.

9.8. Функционирующая личность: постоянство vs изменчивость

Уже один из основателей персонологии Генри Мюррей, подытоживая результаты первых исследований, в качестве одного из основных выводов отмечал:

> "Для индивидуума характерно проявление тенденции реагировать одинаковым способом в одинаковых ситуациях, каковая тенденция увеличивается с возрастом. Здесь обнаруживается, таким образом, как схожесть (постоянство), так и изменчивость (вариативность)" (*Murray*, 1938).

В большинстве личностных теорий проблема постоянства—изменчивости рассматривается в терминах влияния раннего опыта или в терминах потенциальной возможности изменения в фиксированный период времени. Анализ этой проблемы предполагает использование данных личностных измерений, которые существуют в нескольких формах. L-данные (Life record — жизненные записи) включают сведения об особенностях семьи, образования, профессии, брака; О-данные (Observers — наблюдатели) представляют собой рэйтинги или описания личности, сделанные родителями или другими наблюдателями; S-данные (Self-observation — самонаблюдение) являются результатом самоописания, включая ответы на личностные опросники и интервью; Т-данные (test — тест, измерение)

есть результат выполнения экспериментальных тестов, поведенческих заданий, объективных лабораторных измерений (*Block*, 1977).

Наиболее устойчивыми во времени являются О- и S-данные, коррелирующие также между собой и являющиеся предикторами реальных жизненных показателей (L-данных). Так, оценка родителями агрессивности детей оказалась предиктором устойчивого проявления этого параметра на протяжении последующих двадцати двух лет (*Huesman*, *Eron & Yarmel*, 1987). Т-данные показывают меньшую стабильность. Изучая взаимодействие матери и младенца, психологи собрали два вида данных — временные показатели (частота проявления) различных видов активности, таких как взгляды, улыбки, звуковые сигналы, прикосновения взрослых, и оценки, сделанные наблюдателями, представившими заключение о стремлении младенцев к близости и поддержанию контактов. Глобальные выводы наблюдателей показали большую устойчивость во времени, чем тестовые оценки (*Waters*, 1978). Хотя Т-данные образуют лишь низкозначимые корреляции с О- и S-данными, они могут являться предикторами в хорошо организованных с психометрической точки зрения лонгитюдных исследованиях. Например, полученная в лабораторном эксперименте оценка (характеризующая специфику всего дошкольного периода) способности детей отказываться от вознаграждения оказалась связанной с проявлением в подростковом возрасте высокой степени активности, умения планировать и успешно справляться со стрессом и фрустрацией (*Mishel & Shoda*, *Peak*, 1988).

Стабильность личностных свойств во времени связана с важнейшей дифференциально-психологической дихотомией "наследственное—приобретенное". Личностные переменные, коррелирующие с генотипически детерминированными диспозициями, являются более предпочтительным объектом исследования, чем культурно-сформированные установки (такие как "правдивость—нечестность") или стереотипы (например, маскулинность—фемининность) (*Caspi*, *Bem*, 1990).

Индивидуальные различия оказывают влияние и на устойчивость личностных проявлений во времени. Дж.Блок (*Block*, 1971), анализируя участников двух лонгитюдных программ в университетах Беркли (Berkeley Giudance) и Окланда (Oakland Growth Studies), отмечает психологические различия между теми субъектами, чьи личностные показатели оставались устойчивыми в период от подростковости до взрослости (Постоянные), и группой, в которой отмечались значительные флуктуации (Переменчивые). "Постоянные" обоего пола отличались более высокими показателями интеллекта, эмоциональности, социальной успешности и адаптивности в юности, чем Переменчивые. В качестве возможных факторов, продуцирующих эти изменения, можно выделить процесс психобиологического созревания, а также давление социальных норм, включая полоролевые ориентации (*Caspi*, *Bem*, 1990). На момент проведения первого обследования Переменчивые обнаруживали меньшую степень созревания. Однако это объяснение может быть принято лишь частично, так как мужчины из этой группы не отличались по уровню зрелости, оживленности и адаптивности от своих собственных показателей в юности. Что касается влияния социального фактора, то Дж.Блок обнаружил, что женщины из группы Постоянных проявляли большую консервативность, подчиняемость и лучшую адаптивность, чем их сверстницы из группы Переменчивых, которые частично характеризовались "мятежным духом". В другом лонгитюдном исследовании (*Kagan & Moss*, 1962) также был сделан вывод, что мужчины и женщины, проявляющие неконформность по отношению к культурным нормам, вероятнее всего будут демонстрировать изменения в личности, связанные с воздействием этих норм.

Интересна гипотеза, согласно которой ранний жизненный опыт имеет столь продолжительное во времени влияние благодаря неразвитому самосознанию у ребенка до второго года жизни (*Kagan*, 1981; 1984). Появление довольно стабильных индивидуальных различий в период среднего

и позднего детства, возможно, связано с формированием субъективной системы убеждений и ожиданий, которая находит ответный резонанс (или диссонанс) во все расширяющемся социальном взаимодействии.

9.9. Интра- и интериндивидуальный статус личности

При всем многообразии личностных проявлений, саму личность можно рассматривать скорее как центральную подсистему (тогда как в качестве "периферических" индивидуальных подсистем выступают сенсорно-перцептивные процессы), как главный регулятор взаимодействия субъективного мира психической реальности с объективной социальной и предметной средой. (Немаловажным является положение о том, что все три аспекта — субъективный мир психики, социальная и предметная среда — являются специфически-человеческими измерениями физической реальности и могут быть описаны с помощью универсальных понятий пространства—времени и энергии—информации — см. *Веккер, Либин*, готовится к печати.)

Однако существует целый ряд процессов, относящихся к системе человека, но не считающихся личностными. Это оказывается первым основанием для представления личности как подсистемы (еще раз подчеркнем — центральной) человеческой индивидуальности. Еще одним существенным признаком, разделяющим "личность" и "индивидуальность" в смысловом поле дифференциально-психологических понятий, становится акцент в анализе личности на социопсихических компонентах процесса взаимодействия "человек—среда", тогда как исследование индивидуальности в равной степени включает в себя все уровни иерархической организации упомянутого выше взаимодействия — от реакций на физические стимулы до предпочтения семантики социальных знаков и культурных символов.

Ключевые термины главы: агрессивность, вторичные факторы, гнев, доброжелательность, добросовестность, застенчивость, иерархическая структура личности, интровертированность, концепция личности, лексический подход, личностная черта, нейрофизиологические механизмы, открытость к опыту, психотицизм, психометрика, пятифакторные модели личности, тип экспериментальных данных, тревожность, формально-динамическая модель личности, экстравертированность, эмоциональная стабильность.

Глава 10. Иерархическая модель индивидуальности человека

В этой главе, целиком посвященной центральной теме дифференциальной психологии — структуре и механизмам функционирования человеческой Индивидуальности, сам термин — "Индивидуальность" — будет писаться с заглавной буквы. Это небольшое добавление указывает на угол зрения, под которым необходимо рассматривать изложенные ниже материалы. Для обозначения специфики отдельных подструктур Индивидуальности используется понятие "фактор", а не "уровень", так как в этом случае, кроме указания на автономность данной подсистемы в общей иерархии, отмечается ее координирующее начало в организации взаимодействия как собственных (внутренних), так и внешних (принадлежащих другим подсистемам) свойств.

10.1. Конституциональный (телесный) фактор Индивидуальности

В широком смысле слова конституциональный фактор Индивидуальности определяется следующими закономерностями (см. рис. 19).

Говоря о конституции, важно различать соотношение исследуемого свойства и его носителя, которым, в данном случае, всегда является организм, а не психика индивида. Иерархическая организация конституционального фактора экспериментально подтверждалась многими исследованиями и в наиболее общем виде включает в себя следующие симптомокомплексы:

* хромосомный
* соматотипический
* биохимический
* физиологический
* нейродинамический.

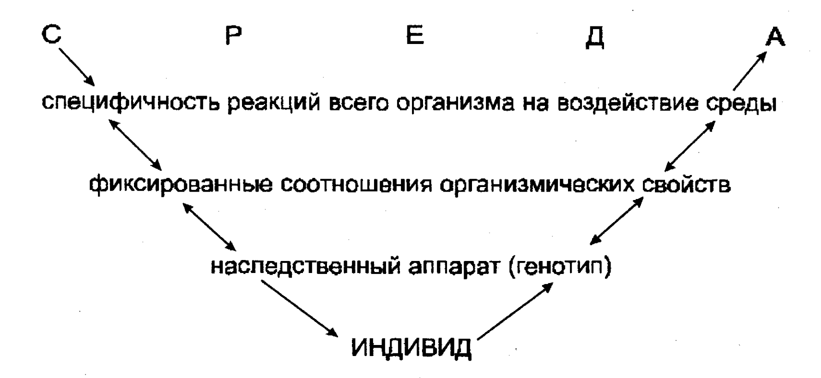

Рис. 19. Структура конституционального фактора индивидуальности

Первые два компонента В.М.Русалов (1979) относит к морфологическим, а следующие три — к функциональным компонентам конституции, определяя последнюю как "функциональное единство всех физических и физиологических свойств человеческой индивидуальности" (*там же*). Конституциональный класс свойств, таким образом, включает в себя все признаки, названные Б.Г.Ананьевым (1968) "индивидуально-типическими": телосложение и биохимическая индивидуальность, нейродинамические свойства мозга, особенности симметрии—асимметрии функционирования парных рецепторов и эффекторов. Все эти свойства

> "являются первичными и существуют на всех уровнях... определяя динамику психофизиологических функций (сенсорных, мнемических, вербально-логических и т.д.) и структуру органических потребностей" (*Ананьев*, 1996, с.218).

Одной из наиболее интересных для дифференциально-психологического анализа является сквозная закономерность билатеральной организации человеческих функций.

10.1.1. Морфофункциональные асимметрии

В исследованиях роли конституционального фактора в организации индивидуального поведения важное место

занимает конструкт “морфофункциональной асимметрии”, включающий в себя понятие специализации мозговых полушарий и связанных с этой специализацией различий. В работах по психопатологии показана зависимость психических функций от повреждений определенных звеньев мозговой системы. Так, повреждение правого полушария вызывает нарушения в перцепции и внимании, что также связано с затруднениями в пространственной ориентации. Соответственно, повреждения левого полушария связаны с нарушениями контроля за вербальной активностью (*Springer & Deutsch*, 1993). Тестирование способностей страдающих от эпилепсии пациентов с “расщепленным мозгом” (то есть временным угнетением одного из полушарий в результате необходимого для проведения лечения фармакологического воздействия) выявило следующие основные различия между “левополушарными” и “правополушарными” индивидами (*Sperry*, 1968; *Gazzaniga*, 1970):

«стиль правого полушария»	«стиль левого полушария»
* спонтанное письмо и речь	* повторение, неспонтанная речь
* память на слова и числа	* память на формы и музыку
* распознавание слов	* распознавание лиц
* центр позитивных эмоций	* центр негативных эмоций
* преимущество в решении проблем с использованием речи или логики на основе аналитического анализа	* преимущество в решении проблем с использованием невербальной коммуникации на основе образного синтетического анализа

Изучение здоровых людей также обнаруживает возможные различия в способах переработки информации и организации поведения, являющиеся следствием преобладания активности одного из полушарий. Однако вопрос о существовании “двухпарламентного” мозга продолжает оставаться открытым.

10.1.2. Нейрофизиологические гипотезы

Существует большое количество и других гипотез о роли различных компонентов конституционального фак-

тора в детерминации межиндивидуальных различий. Одной из наиболее плодотворных гипотез для объяснения природы индивидуальных различий продолжает оставаться, как отмечалось выше, концепция активации/возбуждения (arousal), которая трактуется как "состояние нервной системы, характеризующее уровень ее возбуждения и реактивности" и определяется влиянием лимбической системы, а также структур неспецифической (ретикулярной) системы мозга (*Петровский, Ярошевский,* 1994, с.13). Отметим также, что "понятие оптимального уровня активации означает максимальное соответствие состояния нервной системы поведенческому акту" (*там же*, с.14). Термин "активация" используется в самых различных контекстах (*Gale*, 1981) и оказывается связан с индивидуальными чертами (экстраверсией—интроверсией, первичной—вторичной функциями, тревожностью); с патологией (психопатия и шизофрения); с внутрииндивидуальными флуктуациями (циркадные ритмы, менструальные циклы); с результатами влияния лекарств или пищи (кофеина, никотина, алкоголя, стимуляторов и пр.); с социально-психологическими коррелятами (социальным принятием, личностным пространством, оценкой понимания); с особенностями выполнения экспериментальных заданий при изучении памяти, времени реакции, монотонии и т.д. Некоторые авторы — очевидно поддавшись очарованию этого "полисемантического монстра" — считают даже понятие "интеллект" концептуальным аналогом активации. В то же время исследователи отмечают (*Venables*, 1984), что результаты факторного анализа обнаруживают незначительные корреляции между измеряемыми показателями активации и поэтому нет оснований для выделения некоего общего фактора, такого как, например, G-фактор в интеллекте. Кроме того, понятие интеллекта используется, как правило, для описания интериндивидуальных различий, а активация рассматривается как черта и как состояние, выступая также в виде интраиндивидуального измерения.

10.2. Индивидные свойства Индивидуальности

Целесообразность выделения особого класса индивидных свойств, характеризующих общепсихологические, предличностные (по определению *А.Г.Асмолова*, 1990) качества, обоснована огромным экспериментальным и теоретическим материалом. Однако положение об индивидных свойствах, столь широко развиваемое отечественными исследователями, практически не представлено в работах западных авторов (*Anastasi*, 1958; *Tyler*, 1974; *Cooper*, 1998). В монографиях по общим проблемам индивидуальных различий, относящиеся к индивидному фактору признаки — психодинамические (называемые также формально-динамическими) и поло-возрастные — рассматриваются как рядоположенные в совокупности с остальными структурами, такими как интеллект и личность. Неразведенность уровней в иерархической модели Индивидуальности ведет к искажению интерпретации выявленных закономерностей и усложняет определение реальных механизмов, участвующих в формировании человеческих различий.

10.3. Личность и Индивидуальность

Нужно отдавать себе отчет в том, что Индивидуальность — такое же условное наименование, как и организм, индивид или личность. На современном этапе необходимой дифференциации научного знания, разведение этих абстрактных концептов не противоречит общей тенденции к интеграции усилий в исследовании различных особенностей человека. Довольно коварная ловушка заключается как в опасности сведения друг к другу разноуровневых понятий, например, психологических к физиологическим, так и сведения друг к другу категорий, расположенных в одной онтологической плоскости (*Юркевич*, 1992). Последнее замечание особенно актуально в связи с анализом статуса личностных свойств (см. главу 9), выступающих основным катализатором процессов координации и интеграции в системе целостной индивидуальности. Именно личностные структуры, синтезирующие в себе влияние

онтогенетических и филогенетических тенденций, становятся основным фактором индивидуальной изменчивости, что, с одной стороны, "связано с активным воздействием социальных свойств личности на структурно-динамические особенности индивида, являющиеся их генетическими источниками" (*Ананьев*, 1996), и, с другой стороны, обеспечивает функционирование индивидуальности как Сложной Саморазвивающейся Системы, характеризующейся балансом основных эффектов внутреннего и внешнего взаимодействия — оптимальностью, компенсаторностью, адаптивностью и результативностью (см. *Libin*, in preparation, a).

10.4. Структура Индивидуальности человека

Наиболее изученной в отечественной психологии является проблема связей между свойствами Индивидуальности, изложенная в работах В.С.Мерлина и его последователей. Согласно концепции интегральной индивидуальности, между различными психологическими подструктурами существуют многозначные связи, обеспечивающие автономность функционирования психологических образований. Однако, такое понимание межуровневой сопряженности вызывает затруднения в объяснении как процесса формирования устойчивых предпочтений (индивидуальных стратегий поведения и способов деятельности) в определенной среде, так и особенностей функционирования Индивидуальности как целого. Необходимость такого подхода на определенном этапе развития представлений об индивидуальности человека была оправдана. Вместе с тем, исследователями, работающими в рамках данной школы, описываются лишь наиболее общие характеристики интраиндивидуального сопряжения, опосредованные деятельностью (*Белоус*, 1982).

Весьма продуктивная гипотеза В.С.Мерлина (1986) о стиле как системообразующем компоненте, проявляющемся в виде механизма внутреннего и внешнего сопряжения индивидуальных свойств, должна быть дополнена положением о существовании основы, ограничивающей мно-

гообразие стилевых проявлений индивидуальности. В качестве таковой может выступить темперамент, понимаемый в широком смысле как базовая формально-динамическая характеристика. Отметим, что такой подход к пониманию роли природно-детерминированных свойств человека вступает в некоторое противоречие с представлениями В.С.Мерлина о механизмах межуровневых связей в структуре психологических качеств. В то же время весьма ценным остается положение о том, что анализ взаимодействия биологических, психологических и социальных уровней индивидуальности связан с пониманием ее интегральной природы и развитием представлений о взаимовлиянии психологических образований в ее структуре.

10.5. Метапараметры функционирования Индивидуальности

Многие согласятся с тем, что представить типичную картину поведения человека в целом трудно без помощи интегральных характеристик. В противном случае мы будем обречены на безуспешные попытки проанализировать хаотичный набор несвязанных друг с другом отдельных поведенческих реакций — незавершенных элементов, не желающих соединяться в гештальт. Но как обозначить уникальное пространство индивидуальных проявлений, канва которого образована универсальными закономерностями? В той или иной мере многие авторы пытались ответить на вопрос о том, возможно ли на основании данных о взаимосвязи параметров индивидуальности между собой и с внешними элементами среды, построить типологическую модель, дающую представление о механизмах изучаемого явления (*Мерлин*, 1986; *Royce & Powel*, 1983). Думается, используя только списки — хотя бы даже достаточно полные — однопорядковых параметров Индивидуальности или же перечни их комбинаций с фрагментами действительности, достаточно сложно сделать вывод о природе изучаемого феномена.

Сравнительный анализ типологических моделей и классификационных схем позволяет в контексте формального подхода говорить о существовании метапараметров, являющихся интегральными измерениями индивидуальности человека. Факторно-аналитическое исследование различных индивидуально-психологических особенностей, описанное в работах многих авторов, дает нам возможность выделить следующие базовые метаизмерения, отражающие специфику формы взаимодействия человека с физической и социальной реальностью:

* интенсивность—умеренность характеризует частоту интеракций, отражающую готовность человека к энергозатратам, проявляющимся в его адаптационных и конструктивных возможностях;

* устойчивость—изменчивость связана с временными параметрами взаимодействия человека со средой;

* широта—узость характеризует масштаб субъективных шкал, а также меру сложности в структуре внутренних и внешних связей индивидуальности;

* включенность—дистантность субъекта при взаимодействии со средой выступает как проявление меры дистантности между ними. Предполагается, что "включенный в среду субъект" опирается на внешний источник побуждения и учитывает, в первую очередь, семантику рельефных признаков среды. "Отстраненный" субъект характеризуется дистантностью по отношению к внешним референтным стимулам.

Метапараметры представлены в виде двухполюсных факторов, однако это не означает существования между параметрами каждой дихотомии только линейных зависимостей. Важным является то обстоятельство, что выделенные измерения интерпретируются нами с позиций структурно-функционального анализа и используются для описания специфики формальной динамики поведения в целом, а также формообразующих компонентов отдельных психологических образований — от темперамента до Я-концепции.

Описанные в единой концепции стиля (см. главу 7) параметры компенсаторности, оптимальности, результа-

тивности и адаптивности служат также мерой конструктивной—деструктивной активности человека. Компенсаторность рассматривается как потенциальная возможность интрасубъективной системы сохранять сбалансированное функционирование (гомеостаз), несмотря на наличие деструктивной тенденции. Под оптимальностью понимается возможность достижения субъектом максимального объема информации в данных условиях при минимальных энергетических и временных затратах. Оптимальное взаимодействие со средой предполагает сохранение устойчивого функционального состояния компенсации (основанной на взаимозаменяемости элементов системы) — то есть возможности поддерживать заданный уровень активности, несмотря на "локальные сбои" в работе всей системы индивидуальности. Адаптивность проявляется в виде способности субъекта синхронно перестраиваться в соответствии с требованиями изменяющей среды. Результативность выступает в виде меры соответствия поведения субъекта условиям поставленной задачи.

10.6. Механизмы формирования и развития Индивидуальности

Функционирование Индивидуальности как саморазвивающейся системы обеспечивается действием механизмов, опосредующих взаимосвязь характеристик различных психологических образований: темперамента—интеллекта, характера—способностей и т.д. Специфика развития субъекта проявляется на разных уровнях организации индивидуальности — от биохимического до межличностного; в различных точках сопряжения человека со средой, фиксирующих способы выполнения моторных операций и отдельных действий, типы принятия решений, выбор стратегии поведения в неопределенной ситуации (то есть тип предпочтения), уровень реагирования на эмоциональные стимулы, тип снятия конфликта в момент фрустрации или воздействия стрессовых факторов, степень восприимчивости к ортогональным моделям образа жизни (организация

жизнедеятельности в целом). Сам же феномен целостности Индивидуальности определяется, как мы увидим ниже, взаимодействием четырех базовых принципов:

* дифференцированности,
* иерархичности,
* координированности,
* интегрированности.

Рассмотрим эти принципы организации целостности Индивидуальности человека несколько подробнее.

10.6.1. Общепсихологическая концепция дифференциации

Весьма продуктивной гипотезой, объясняющей генезис индивидуальности, можно считать положение о дифференциации, согласно которому уровень индивидуального развития проявляется в степени дифференцированности структуры индивидуальности — межуровневого разведения подсистем различной детерминации (см. ниже). Эта концепция сформировалась в психологии развития, куда была перенесена, в свою очередь. из области эмбриологии и нейрологии. Хайнц Вернер (*Werner*, 1948) в работах на эту тему представил индивидуальное развитие как постепенное увеличение дифференциации (что означает "расхождение", "разведение") поведения. Например, первоначально младенец обнаруживает две эмоциональные реакции — радости и дистресса. В процессе развития реакция дистресса дифференцируется на эмоции страха и гнева. Х.Вернер рассматривал развитие как континуум движения от синкретических процессов к дискретным.

Диффузность, слитность восприятия на первых этапах развития уступает место артикулированности. Ребенок, например, пытаясь нарисовать копию предмета, делает обозначения смешанных отдельных частей и лишь потом начинает координировать детали, представляя артикулированный рисунок. Как показали исследования, развитие сложных моторных навыков у детей базируется на процессах дифференциации, лежащих в основе последующей иерархической интеграции. Однажды возник-

нув, специфическая регуляция отдельных областей моторного поведения проявляет тенденцию к интеграции. Все больше и больше научаясь контролировать движения рук, ног и шеи (процесс дифференциации), ребенок приобретает способность интегрировать эти дифференцированные относительно простые действия в более сложный акт (иерархическая интеграция), например, садиться из положения лежа без поддержки. В конечном итоге поведенческие паттерны развиваются от синкретичных, диффузных, ригидных и неустойчивых к дискретным, специфичным, артикулированным и стабильным, что позволяет личности адаптироваться к конкретным жизненным ситуациям.

В психологии индивидуальных различий гипотеза дифференциации разрабатывалась Г.Уиткин (*Witkin*, *Dyk*, 1974) в связи с исследованиями перцептивной, а затем поведенческой полезависимости—поленезависимости. Новая, дифференциально-психологическая интерпретация, в основных своих чертах походила на прежнюю, дифференциально-нейрофизиологическую. Начиная с рождения, биологические, психологические и социальные системы индивидуальности, развиваясь, приобретают все более прогрессивную дифференциацию, или, другими словами, все более структурируются и упорядочиваются. Этот процесс продолжается на протяжении всей жизни. Например, когнитивная дифференциация, базируясь на артикулированности восприятия, формирует способность человека анализировать свой жизненный опыт как в целом, так и в конкретных ситуациях (*Goodenough*, 1978). При этом выделяется два важных основания (*Witkin*, *Goodenough*, *Oltman*, 1979):

* дифференциация в одной психологической системе обязательно сопряжена с такими же процессами во взаимосвязанных системах. Поэтому, например, перцептивная поленезависимость оказывается связанной с независимостью позиции в межличностном взаимодействии;

* скорость дифференциации во время всего периода развития человека лишь частично зависит от конституциональ-

ных факторов. Жизненный опыт индивида может существенно модернизировать этот процесс и является, поэтому, первоочередным объектом эмпирического исследования.

Довольно сложным оказывается вопрос о механизмах генотип-средовой детерминации процесса дифференциации. С одной стороны, развитие опосредования у детей ведет к снижению вклада генетически детерминированных программ в индивидуальные различия по познавательным процессам. В период “от дошкольного к подростковому возрасту наблюдается смена детерминации (переход от генотипической к средовой обусловленности) у опосредованных форм памяти, у более сложных форм внимания” (см. *Егорова, Марютина,* 1990), несмотря на сохранение генотипической обусловленности более элементарных форм познавательных процессов — зрительной памяти и устойчивости внимания. С другой стороны, как отмечают авторы, не всегда оправдывается ожидание, что “дифференциация, происходящая в процессе онтогенеза так же, как и развитие опосредования, приведет к уменьшению роли генотипа” в индивидуально-психологических различиях.

Ряд экспериментальных исследований показывает связь степени дифференцированности с развитием высших уровней ментальной иерархии. Уровень умственного развития влияет, как показали исследования взаимосвязи темперамента и интеллекта (*Русалов, Дудин,* 1995), на степень дифференциации темпераментального и интеллектуального уровней регуляции поведения, которые наиболее тесно связаны у подростков, менее успешных в выполнении интеллектуальных тестов. Средневзвешенный коэффициент корреляции для десяти значимых случаев равен 0.49 ($p<0,01$). В то же время у подростков с более высоким уровнем диагносцируемого интеллекта обнаружена только одна корреляция между темпераментальными шкалами и показателями общих способностей. Схожие закономерности обнаружены и на взрослой выборке. Авторы интерпретируют полученные данные следующим образом. Отсутствие статистически значимых связей между темпераментом и интеллектом в структуре индивидуальности у субъектов с

высоким уровнем умственного развития связано с формированием таких динамических характеристик интеллекта, которые в большей мере обусловлены наличными знаниями и умственными навыками, чем биологически детерминированными стратегиями переработки информации.

10.6.2. Законы дифференциации, координации и интеграции в формировании структурно-функциональной целостности Индивидуальности

Б.Г.Ананьев (1968) полагал необходимым в изучении целостной индивидуальности учитывать одновременно два принципа:

* субординационный, или иерархический, при котором более сложные и более общие социальные свойства личности подчиняют себе более элементарные и частные психологические и психофизиологические свойства;

* координационный, при котором взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих род степеней свободы для коррелируемых свойств, то есть относительную автономию каждого из них.

В.С.Мерлин (1986) для выражения идеи целостности предложил концепцию интегральной индивидуальности, основное содержание которой связано с поиском интегрирующих механизмов, устанавливающих внутриуровневое и межуровневое опосредование в иерархической саморегулирующейся системе индивидуальных свойств. Наконец, рассмотренный выше принцип дифференцированности обозначает ведущую закономерность формирования Индивидуальности в процессе онтогенеза.

Операционализация понятия "индивидуальность" в терминах конкретных измерений, безусловно, важная задача. Настолько же существенным представляется создание теоретических установок, которые могли бы составить основу целостного подхода к изучению индивидуальности человека. Для разрабатываемой Иерархической Теории Индивидуальности исходными являются следующие положения:

1. Природные, психофизиологические компоненты индивидуальных свойств, как показывает анализ эксперименталь-

ных данных, скорее всего обусловлены эволюционно, что также подтверждается существованием "компенсирующего", "сопрягающего" и "интегрирующего" эффектов, сопровождающих процесс жизнедеятельности человека.

2. Продуктивным является представление о находящихся в структуре индивидуальности различных симптомокомплексах, паттернах характеристик, относящихся к различным подструктурам индивидуальности. Симптомокомплексы формируются под влиянием разных типов сопряжения индивидуума со средой, при этом одни из них в большей, другие — в меньшей степени подвержены влиянию конкретных целей или смыслов (в том числе производных от системы ценностных ориентаций), включенных в процесс жизнедеятельности.

3. Существенными для описания специфики функционирования индивидуальности являются функциональные характеристики компенсаторности, оптимальности, адаптивности и результативности, определяющие меру конструктивных и деструктивных тенденций в развитии индивидуальности. Оптимальное взаимодействие со средой предполагает сохранение устойчивого функционального компенсаторного состояния. В свою очередь компенсация или декомпенсация отражается в сохранении баланса или, соответственно, в возникновении дисбаланса индивидуальных свойств, что связано с результативностью поведения и деятельности. Адаптивность проявляется как эффект регулятивных механизмов, позволяющих человеку синхронно перестраиваться в соответствии с требованиями изменяющейся среды, и выступает как мера соответствия поведения индивидуума требованиям ситуации.

4. Весьма перспективным представляется сопоставление теоретических конструктов, лежащих в основе дифференциального и общепсихологического подходов, а также данных формального и содержательного анализа поведения с целью выявления механизмов, функционирующих в "зоне пересечения" различных индивидуальных свойств и подсистем.

5. Практически все современные авторы, занимающиеся проблемой анализа индивидуальных структур, отмеча-

ют иерархизованность составляющих их признаков. Так, У.Мишель (*Mischel,* 1986) обращает внимание на вторичность когнитивно-стилевых переменных по сравнению с интеллектуальными способностями в отношении проявления временной и кросс-ситуативной устойчивости. Дж.Ройс и Э.Пауэл (*Royce & Powel,* 1983) исследуют иерархическую организацию аффективных стилей. Психологи, исследующие личность (*Eysenck,* 1947; 1997; *Cattell,* 1961; 1990; *Guilford,* 1974), интеллект (*Spearmen,* 1927; *Burt,* 1949; *Vernon,* 1979) и индивидуальность (*Ананьев,* 1968; *Мерлин,* 1986; *Broudy,* 1989) обращают внимание на основополагающую роль иерархической организации индивидуальных структур, обеспечивающую возможность следующих процессов координации и интеграции поведения. В связи с этим, фундаментальным является положение о понимании целостности индивидуальности как эффекте действия взаимосвязанных принципов иерархичности (механизмом которой выступает процесс дифференциации), координации (основанной на работе регулятивных механизмов) и интеграции (где в качестве механизма выступает процесс сопряжения свойств).

6. Внутреннюю структуру индивидуальности человека необходимо соотносить со структурой внешней среды, представленной, например, в виде моделей, включающих, наряду с психологическими параметрами, различные по содержанию фрагменты среды или ситуации (*Buss,* 991). Особенно важно сближение психологии ситуаций (*Forgas & Van Heck,* 1992) с исследованиями индивидуального поведения на начальных этапах формирования целостного взгляда на проблему природы человека.

10.7. Системный анализ иерархии индивидуальных различий

Принципы, заложенные основоположником системного подхода Л.Берталанфи (*Von Bertalanffy,* 1968) и используемые первоначально лишь для анализа биологических феноменов, вскоре стали эффективным средством

познания для психологов (*Ломов*, 1984; *Мерлин*, 1986; *Morowitz*, *Singer*, 1995). В контексте исследования биологических основ индивидуально-типологических различий фундаментальные положения системного подхода были проанализированы англичанином Энтони Гэйлом (*Gale*, 1987). Опираясь на эти труды, можно сформулировать следующие положения о реализации принципов системного анализа в дифференциально-психологическом исследовании.

Наличие иерархических предпочтений. Некоторые характеристики в системе индивидуальности имеют более высокий приоритет, что в некоторой степени, отражает иерархически организованную структуру всей психики (подробнее см. *Веккер*, *Либин*, готовится к печати). Почти общепризнано, что темперамент — обусловленный преимущественно врожденными факторами — является более первичной характеристикой по сравнению с другими личностными чертами (*Strelau*, 1983; *Rusalov*, *Birukov*, 1991; *Buss*, 1991; *Мерлин*, 1986). В изучении уровней расположения индивидуальных характеристик в иерархической структуре существенно исследование корреляций тех факторов, которые имеют "схожее звучание" в различных теориях (как, например, интроверсия, избегание, низкий уровень активации или поиска ощущений).

Идентификация факторов более высокого порядка. Функционирование любой системы основано на процессах регуляции, и поэтому нелегко на базе простых физиологических или поведенческих индексов — связанных с унифицированной зависимой переменной — объяснить факторы высших уровней организации. Э.Гэйл (*Gale*, 1987) предлагает использовать следующие стратегии в психологическом исследовании природы этих факторов, которые позволяют избежать маскирующего влияния процессов регуляции:

— изучать процессы развития (когда регуляторные паттерны еще не сформированы окончательно);

— фокусировать внимание на адаптационных процессах, а не продуктивных;

— изучать организм во время стрессового воздействия, вынуждающего запускать в действие адаптационные механизмы;

— наконец, изучать адаптационные процессы в естественных условиях, таких, например, как давление среды или продолжающийся шум.

Отметим еще раз, что предлагаемые стратегии эффективны в исследовании первичных, "нижележащих" факторов индивидуальности с целью более адекватного понимания природы их механизмов.

Выделение симптомокомплексов отдельных подсистем. Многие авторы — и это особенно характерно для исследований в области биологических основ индивидуальных различий — неоправданно распространяют закономерности, выявленные на одном уровне, в отдельной подсистеме индивидуальности, на всю систему в целом. В этой ловушке отождествления уровней оказались многочисленные сторонники концепции возбуждения/активации. Чтобы избежать этого, необходимо:

— определить границы активного функционирования субсистем (например, вегетативно-сосудистого баланса, циркадных ритмов, уровня оптимальной активации и пр.);

— выявить значение каждой субсистемы для обеспечения гомеостаза всей индивидуальности;

— обозначить зоны взаимодействия между подсистемами;

— принять во внимание, что результаты изучения трех обозначенных только что проблем могут оказаться различными для людей, принадлежащих к разным условным группам.

Потребность в высоком уровне регуляции. Большинство дифференциальных психологов отдают предпочтение регулирующей функции внимания, в зависимости от авторской концепции выступающего как когнитивная

ориентация и избирательность (*Eliasz*, 1985), самоконтроль либо вторая сигнальная система в роли медиатора регуляторных процессов (*Либина*, *Либин*, 1998). Очевидно, эти характеристики могут быть связаны с концепцией энергетического обеспечения уровня возбуждения (*Gale*, 1987), с одной стороны, и с ролью интеллекта как фактора высшего порядка в организации регуляторных механизмов, с другой (*Веккер*, *Либин*, готовится к печати).

Существование относительной инвариантности симптомокомплексов. Некоторые паттерны признаков обладают устойчивой во времени инвариантностью; другие формируются в результате повторяющейся регуляторной активности; существуют и временные (неустойчивые, флуктуирующие) симптомокомплексы, производные от систем верхних уровней, формирующихся под воздействием требований социо-культурной среды. Во многих теориях подчеркивается необходимость анализа инвариантности исследуемых паттернов. Ян Стреляу (*Strelau*, 1983) в своей модели индивидуальных различий связывает коэффициент интенсивности стимуляции с первичным уровнем поведенческого паттерна, помещая стиль деятельности (style of action) на второй, а представления об идеальном Я — на третий уровни. Э.Гэйл (*Gale*, 1986, 1987) отмечает, что необходимо различать между собой оптимальный уровень активации и оптимальный уровень стимуляции, так как эти концепты относятся к разным уровням системного функционирования. В то же время система ценностей субъекта (формируемая культурой) может служить примером неустойчивого во многих отношениях симптомокомплекса, отражая роль подверженных влиянию общественного мнения поведенческих моделей и шаблонов, которые индивидуальность использует в качестве системы координат.

Обозначение причинных соотношений. Это одно из наиболее трудных положений. Сделать определенные выво-

ды о происхождении отдельных поведенческих паттернов непросто по разным причинам. Сложные адаптивные системы (см. *Morovitz*, *Singer*, 1995) имеют тенденцию быть замкнутыми и нелинейными, а различные подсистемы отличаются разной степенью активности—пассивности в процессе общего взаимодействия. Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать утверждение, что назрела необходимость в разработке чрезвычайно сложной общей модели индивидуальности, позволяющей предсказывать результат многостороннего взаимодействия подсистем различных уровней. Например, стилевой параметр независимости от перцептивного поля оказывается связан, с одной стороны, с уровнем гормонального баланса, влияющего на степень пространственной ориентации, и, с другой стороны — с характеристиками общения и образа-Я, являясь, одновременно, индикатором процесса психологической дифференциации субсистем в структуре развивающегося субъекта.

В качестве перспективы в разработке иерархических моделей, используемых при исследовании Индивидуальности человека, можно наметить следующие задачи:

1) упорядочить накопленные экспериментальные и теоретические данные в соответствии с изучаемыми уровнями индивидуальной организации человека;

2) обозначить зоны наибольшего и наименьшего влияния тех или иных индивидуальных подсистем на различные формы человеческой активности;

3) выявить специфику проявления универсальных закономерностей (информационного и энергообмена, процесса дифференциации и регулятивных процессов и др.) в различных подсистемах;

4) исследовать динамику взаимодействия наиболее устойчивых (инвариантных) интра- и интериндивидуальных симптомокомплексов.

Этими радужными ожиданиями завершается очередной раздел дифференциальной психологии, в последнем пункте (4) которого намечается долгожданный переход из

области индивидуальных и типологических различий в сферу групповых влияний, точнее, к анализу группового статуса Индивидуальности.

Ключевые термины главы: асимметрия мозга, генетически детерминированные программы, дифференциация, индивидные свойства, интегральная индивидуальность, Иерархическая Теория Индивидуальности, координация и интеграция функций, оптимальный уровень активации, симптомокомплекс свойств, соотношение свойство/носитель, морфофункциональная асимметрия.

Часть IV. ЧЕЛОВЕК В ГРУППЕ

Каждый из нас стремится быть уникальным, подчеркивая при малейшем удобном случае свою неповторимую индивидуальность, и, в то же время, человек не может существовать без того, чтобы не ощущать свою принадлежность к определенной группе. Характеризуя себя или других, мы почти всегда в числе первых выделяем именно групповые характеристики — пол, возраст, национальность или раса, принадлежность к культурной традиции, социальному классу и др.

E PLURIBUS UNUM — ГРУППОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТА

Итак, в измерение индивидуальности добавляется еще одна очень важная координата — групповой статус, который складывается из многих компонентов, образуя иерархическую структуру (см. рисунок 20).

Таким образом выделяется несколько демаркационных линий, условно разграничивающих сферу индивидуальности, определяя ту или иную индивидуальную характеристику через принадлежность субъекта к группе — "Я" как представитель определенной расы и национальности (этот уровень группового статуса характеризуется высокой степенью дифференцированности Dk и, соответственно, узким S), "Я" как мужчина или женщина, ребенок, подросток или взрослый, имеющий или не имеющий отклонения от условной нормы (в физическом, психическом или личностном развитии) и т.д. Можно проследить влияние выделенной нами ранее парадигмальной конструкции на групповой статус. Так, критерии расы, пола и возраста соответствуют биологическому уровню (организм), различия в психическом развитии — индивидному, социокультурные, классовые особенности сильнее всего проявляются на уровне личности, наконец, различия в стилях жизни

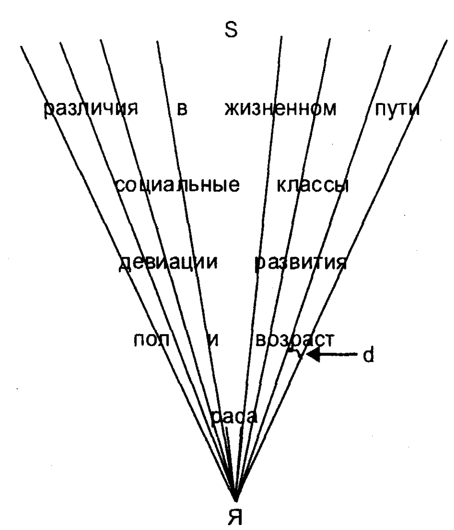

Рис. 20. Групповой статус субъекта:

S — спектр переходов между демаркационными критериями (Dk);
d — степень дифференцированности самого демаркационного критерия (Dk).
Формула S = 1/d отмечает отношения обратной зависимости между двумя переменными группового статуса индивидуальности — чем выше степень дифференцированности между исследуемыми группами (например, расовые и национальные признаки), тем у́же спектр взаимопереходов, означающий возможность миграции из одной группы в другую.

характеризуют индивидуальность человека в целом. Конечно, приведенная схема не лишена внутренних противоречий. Отметим самое существенное из них.

Содержание следующих глав, посвященное особенностям групповых различий между людьми, неизбежно связано с противоречием — или, скорее, спецификой взаимодействия — между индивидуальным и групповым в анализе человеческих различий. Рассматривая в контексте предыдущих глав особенности Homo Collective — Человека Группового, мы, с одной стороны, осуществляем “де-индивидуализацию индивидуальности”, вычленяя, с другой стороны, новые дополнительные характеристики, без которых портрет любой индивидуальности оказался бы не-

полным. Как пишет известный испанский социобиолог Хосе Хауреги (*Jauregui*, 1995),

> "...бывает очень интересно обнаружить, как часто и в каких обстоятельствах человеческие существа думают, чувствуют или действуют не как отдельные, уникальные индивидуальности, а как члены определенных социальных групп: как англичане, марксисты, католики и так далее" (p.51).

Оговоримся, что в этом разделе мы не будем касаться так называемых общественных проявлений психики — эмоциональных законов социального взаимодействия, особенностей группового мышления или коллективной памяти. Об этом написано немало интересных и полезных книг. Нас же интересуют групповые различия как явление, исследуемое с позиций дифференциальной психологии. В основном речь в этой и последующих главах будет идти об условных группах, то есть объединенных по определенному признаку (полу, возрасту, национальности, уровню образования, характеру деятельности) общностях людей (см. *Петровский, Ярошевский*, 1994).

Глава 11. Развивающаяся индивидуальность: возрастное измерение жизненного пространства

Раздел, посвященный изучению возрастных различий, открывает эту часть книги, посвященную анализу группового статуса. Чтобы избежать излишней схематизации, главы, посвященные половым, расовым и национальным, а также социоэкономическим и культурным групповым различиям, будут идти далее в порядке, удобном для изложения основных фактов и гипотез. В начале данной главы приводится несколько общих для всей части замечаний, касающихся методологии и методики изучения человека в группе.

11.1. Групповые различия: методология и методы исследования

В основе классификации (и последовательности) рассматриваемых в каждой из глав групповых признаков ин-

дивидуальности лежит вычленение разных типов носителей этих различий:

* биологического, проявляющегося в процессе созревания организма;

* психического, выступающего в виде различий в сенсомоторных, когнитивных, эмоциональных, регуляционных характеристиках;

* личностного, определяющего различия в самооценке, образе-Я, сфере высших эмоций и мотивов, интересов и представлений;

* интегративно-индивидуального, влияющего на предпочтение разных жизненных модусов и выбор стиля самореализации.

Для проведения исследований в любом из этих направлений используется определенный набор методов.

Например, суть анализа возрастного аспекта индивидуальности заключается в изучении изменчивости или устойчивости определенных характеристик по мере взросления. В основном для этих целей используется три подхода:

* метод срезов (cross-sectional) используется при изучении разных групп людей различного возраста;

* лонгитюдный метод применяется для изучения одной и той же группы людей в течение определенного периода времени;

* последовательный (sequential) метод объединяет элементы предшествующих двух.

Еще одним не менее важным методом, позволяющим установить, сохраняются ли выделенные паттерны признаков в разных контекстах или культурах, является

* кросс-культурный анализ, в котором один или несколько из перечисленных выше методов используется более чем в одном контексте.

11.2. Биологические часы — генетически детерминированные паттерны индивидуального развития

Многие параметры, по которым одни люди отличаются от других, детерминированы разными генетическими

программами. Арнольд Гезелл (*Gesell*, 1925) для определения последовательности смены паттернов в развитии, детерминированной генетическими программами, предложил термин “созревание”. Содержанием процесса созревания является дифференциация систем организма, обеспечивающая расширение диапазона реакций на воздействия окружающей среды. Благодаря функционированию в организме человека специального нейроэндокринного аппарата регуляции генетической программы развития (см. *Лопатина, Пономаренко*, 1987; *Акинщикова*, 1977), любая функция реализуется в пределах нормы реакции, а конкретная форма ее проявления зависит от внешних воздействий.

Согласно современным представлениям об онтогенетике индивидуальности, возрастные психогенетические исследования строятся с учетом следующих положений (*Егорова, Марютина*, 1990):

* генотип выполняет двоякую функцию в онтогенезе, одновременно типизируя и индивидуализируя развитие; фенотип любого психологического признака может являться результатом и уникальной генетической конституции, и уникального жизненного опыта;

* организация контролирующих развитие генетических систем подчинена временному принципу, то есть “гены в ходе развития "включаются и выключаются"” (*Goldsmith*, 1984); наследуемость одного и того же признака фенотипа с возрастом может меняться, или, не меняясь по величине, может определяться влиянием разных генетических факторов;

* разница между генетической обусловленностью и стабильностью признаков заключается в том, что “психологические характеристики, демонстрирующие высокую стабильность в процессе развития, не обязательно связаны с генотипом и, наоборот, генетически обусловленные характеристики отнюдь не являются неизменными” (*там же*, с.11).

Насколько обширна сфера влияния генетических программ, регулирующих, к примеру, процесс созревания? Данные, которые можно метафорически представить в виде отметок на циферблате биологических часов, показыва-

ют, что это влияние затрагивает широкий спектр индивидуальных проявлений. Мальчики с более ранним созреванием, кроме наличия превосходящей по сравнению со сверстниками физической силы, связанной с конструктом маскулинности (*Carron & Bailey*, 1974), имеют преимущество в привилегиях, степени ответственности и характере заданий, типичных для более старших по возрасту (*Eichorn*, 1963). Что же касается девушек, последствия разницы в созревании здесь менее очевидны. Данные Калифорнийского Исследования Развития показывают, что девушки с более поздним созреванием занимали более ведущие позиции в школе и оценивались как более уравновешенные, социабельные, дружелюбные, лидирующие и экспрессивные (*Weatherley*, 1964).

Еще одним показателем, включенным в качестве неотъемлемого компонента в эволюционно-конституциональный фактор, является физическая привлекательность. Во многих исследованиях выявлена закономерность — вполне согласующаяся с традициями социобиологических теорий — в предпочтении мужчин с мезоморфным типом телосложения, отличающимся развитыми мускулами, широкими плечами, узкими бедрами (*Lerner & Korn*, 1972). Красивые, физически привлекательные люди более популярны среди сверстников, которые приписывают им более позитивные личностные характеристики, а красивых детей взрослые считают менее склонными к агрессивности (*Dion*, 1972).

Помимо созревания, выделяют еще очень важную временную линию в функционировании биологических систем организма. Когда человек достигает тридцатилетнего возраста, многие функции начинают проявлять тенденцию к снижению (разумеется, с известными допущениями). Однако различия между индивидами и здесь играют определяющую роль. В одном из исследований сравнили группу мужчин в возрасте семидесяти одного года с более молодыми мужчинами (*Birren*, *Schaie*, 1996). Оказалось, что различия практически отсутствуют в двух выделенных подгруппах — очень здоровых старших и более молодых, просто здоровых для своего возраста, мужчин. Известны также экспериментальные факты (*Friedman*, *Rosenman*, 1974)

о том, что мужчины в возрасте сорока—пятидесяти лет представляют собой своеобразную группу риска, проявляя именно в этом возрасте большую подверженность сердечным приступам, связанным со стрессом и соревновательным поведением. Вполне возможно, что этот тип поведения связан с формально-программной характеристикой предпочтения ранга доминирования, детерминированной эволюционной, генетически закрепленной стратегией.

Немаловажное измерение биологического времени связано с интимнейшей функцией поведения — сексуальной активностью. Изучение группы людей в период с шестидесяти семи до семидесяти семи лет выявило отсутствие у них снижения интереса к сексуальной стороне жизни (*Pfeifer, Verwoerd, Wang*, 1969). Однако, как интерес к сексу в поздний период жизни, так и физическая способность реализовать этот интерес, зависят от регулярности в осуществлении сексуальной активности в течение жизни, а также коррелируют с ее уровнем в более молодые годы (*Masters & Johnson*, 1966).

11.3. Ментальные часы — возрастная динамика психических функций

Нельзя сказать, чтобы психологические часы, отмечающие время изменений в психической сфере, шли своим независимым ходом. Но все же течение ментального времени определяется закономерностями несколько иного, нежели генетические программы, плана. Запаздывая, ментальные часы индивида указывают на задержку в психическом развитии, отмечая, например, более низкий уровень его IQ (см. главу 6). Опережая биологический возраст, ментальное время субъекта показывает, что перед нами, возможно, будущий Моцарт или Ландау. В то же время психическое развитие отражает основные закономерности поступательного процесса, характеризующего движение человека по жизни.

Модель общего механизма формирования иерархизованной структуры ментального мира находится пока еще в стадии теоретической и экспериментальной проверки

(*Веккер*, 1998). Ряд интересных данных получен в дифференциально-психофизиологических исследованиях. Есть экспериментальное подтверждение того, что "свойства темперамента и общих способностей на ранних этапах онтогенеза обнаруживают весьма тесное взаимодействие" (*Русалов*, *Дудин*, 1995). Однако анализ плотности корреляционных связей в структуре индивидуальности детей и взрослых показывает, что с возрастом усиливается влияние специальных факторов и происходит дифференциация темпераментального и интеллектуального уровней регуляции поведения. У подростков число значимых коэффициентов корреляции между исследуемыми признаками не только больше, но и выше по уровню значимости.

Сенсорно-перцептивная сфера

Кажется очевидным, что с возрастом в психомоторном поведении происходят изменения — движения становятся как бы замедленными и менее координированными. Однако изучение одного из основных психомоторных показателей — времени реакции — не позволяет сделать такой однозначной интерпретации. Влияние тренировки оказывается очень сильным и более старшие спортсмены не только превосходят своих сверстников-неспортсменов в быстроте реагирования, но и опережают в выполнении ряда заданий молодых неспортсменов (*Spirduso*, 1975). Ухудшение же времени реакции скорее связано с общей физической несостоятельностью (гипертония и сердечно-сосудистые нарушения), чем с возрастом. Более того, этот показатель (речь идет о снижении времени реакции) оказывается предиктором сердечно-сосудистых повреждений (*Abrahams & Birren*, 1973).

Когнитивная сфера

Дж.Блок (*Block et al.*, 1981) со своими коллегами изучал в лонгитюдном исследовании устойчивость стилевой характеристики "узость—широта категоризации" на одной и той же группе детей, тестируемых периодически с четырех- до одиннадцатилетнего возраста. Показатели узости—широты, выявленные у четырехлетних детей, оказались

слабо связанными с результатами их тестирования по тому же методу в 11 лет (это было характерно только для мальчиков, так как у девочек стабильность связей между показателями оказалась нарушенной из-за вариации компонентов задания). Результаты интерпретировались двояко — либо исследуемая стилевая характеристика является фундаментально нестабильной в течение этого возрастного периода, либо ее психологическое значение подвергается трансформации в процессе развития ребенка за семилетний период.

Степень интеллектуального развития обнаруживает связь с характеристиками образа Я. Самоописание школьников с более низкими показателями интеллекта было более поверхностным и конкретным. Образ-Я старшего, но менее развитого в интеллектуальном отношении ребенка оказывается сходным с образом-Я младшего, но интеллектуально развитого для своей возрастной группы ребенка (*Livesley & Bromley*, 1973). Этот вывод подтверждает гипотезу Жана Пиаже (1969), предполагающего взаимное влияние социальных факторов и индивидуальных переменных на когнитивное развитие, в частности, способность к децентрации.

Когнитивное развитие включает также активное конструирование мира ментальной реальности. Согласно Пиаже (1969) возрастная группа детей одиннадцати—двенадцати лет обладает яркой спецификой, заключающейся в овладении ими формальными операциями, которые обычно характеризуются (*Smart & Smart*, 1978):

* свободным, мобильным и гибким характером как следствием развития способности к абстрактному мышлению;

* учетом всех возможностей;

* контролем, который заключается в принятии в расчет всех релевантных и иррелевантных предпосылок и информации;

* объяснением, а не только описанием воспринимаемых феноменов.

Отметим, что хотя этап формирования формальных операций является экспериментально подтвержденным фактом, многие индивидуумы, включая взрослых людей,

не всегда могут похвастаться демонстрацией подобного типа мышления.

Наиболее типичны в дифференциальной психологии исследования, рассматривающие ухудшение с возрастом таких когнитивных функций, как внимание и память. Хотя механизм этого процесса не совсем понятен, ясно, что он связан с двумя переменными — возможностями сенсорных регистрирующих систем и процессом передачи полученной информации в хранилище кратковременной памяти. Однако время, необходимое для передачи информации из сенсорной системы (анализатора) в распоряжение кратковременной памяти, уменьшается в течение детства и увеличивается в поздний период взрослости (*Baltes, Reese & Lipsitt,* 1980). Это означает, что очень маленькие дети и пожилые люди "теряют" много информации до того, как она попадает в кратковременную память.

Интересные данные были получены при исследовании вторичных образов—представлений, в частности, грез. Обследовав 240 взрослых людей в возрасте от 19 до 50 лет, Зингер (*Singer*, 1966) выявил, что большая часть характеризующих человека грез появляется в период с 19 до 29 лет, а плотность их потока уменьшается в интервале 40—49 лет. Для объяснения обнаружившейся границы были выдвинуты два предположения: увеличение ответственности и объема времени, связанного с работой и обязательствами; а также уменьшение жизненной перспективы, вызванное тем, что человек среднего возраста достиг определенной устойчивости в определении своей жизненной роли в контексте собственного будущего.

11.4. Социальные часы — этапы освоения действительности

Эти часы также отмеряют время по своим стандартам. В каждой культуре или жизненном контексте социальные часы (*Helson, Mitchell & Moane*, 1984) определяют время для поступления детей в школу, приблизительное время женитьбы и рождения ребенка, время увольнения на пенсию и пр. Хотя основной нашей темой является изучение различий, интересно отметить факт редкой согласованно-

сти во мнениях среди представителей очень разных возрастных групп по поводу “подходящего возраста” для осуществления важных социализированных форм выбора (*Neugarten*, *Moore & Lowe*, 1965):

* наилучший возраст для заключения брака для мужчины — 20—25 лет,

* наилучший возраст для заключения брака для женщины — 19—24 года,

* когда лучше всего мужчине начинать карьеру — 24—26 лет,

* когда большинство мужчин достигает вершины карьеры — 45—50 лет,

* возраст наивысших достижений для женщины — 30—45 лет.

Конечно, ни генетически-детерминированные программы поведения, ни продолжительное социальное воздействие определенного рода не определяют окончательно устойчивость паттернов во времени. Особенности трудного детства не предопределяют фатально ужасную жизнь взрослого, также как и счастливое детство не гарантирует удовлетворенности жизнью в будущем. Слишком велик объем жизненного пространства, подверженного воздействию колоссального количества факторов. Однако вероятность точного прогноза и в этом случае остается высокой, так как далеко не все факторы сопряжены со случайностью — многие из них имеют в своей основе закономерные процессы.

Интересно, что предикторы, основанные на сравнении показателей различных периодов взрослой жизни, оказываются достаточно предсказательными по сравнению с предикторами, основанными на анализе факторов “детство—взрослость”. Например, лонгитюдные данные показывают, что лучшим предсказателем удовлетворенности социальной (также как, кстати, и сексуальной) активности в период поздней взрослости является уровень личностной удовлетворенности этими же проявлениями активности в среднем возрасте (*Palmor*, 1981).

Мотивация как одна из основных движущих жизненных сил человека в немалой степени подвержена изменениям. Изучение групп молодых работников и профессионалов в возрасте выявило следующую тенденцию в их от-

ношении к своей основной работе. Молодые видели источник мотивации прежде всего во внутренних сторонах работы, связанных с возможностью изменения установок, потребностью в креативности, возможности использования ее для личностного роста и обучения. Старшие, напротив, были мотивированы внешними условиями, такими как деньги, продвижение по службе и надежность позиции (*Donovan*, 1984).

Не все решаются изменить устоявшийся уклад жизни в определенном возрасте. Например, сменить работу в возрасте сорока пяти лет, не говоря уже об изменениях в профессиональной ориентации. Исследования показывают, что стабильность профессиональной занятости увеличивается с возрастом. Чем больше обусловлено изменение в ходе намеченной раньше профессиональной карьеры — обстоятельствами или определенными личностными особенностями? Сравнивая группу сорокапятилетних мужчин, сменивших профессию, с их сверстниками, не сделавшими этого, исследователи (*Wiener & Vaitenas*, 1977) обнаружили, что первые характеризуются меньшими значениями по результатам личностных тестов, измеряющих стремление к власти и уровень доминирования. В то же время высокие показатели по этим параметрам характеризуют наиболее успешных профессионалов в области предпринимательства, к которой относились испытуемые.

11.5. Время личности — "Я" в прошлом, настоящем и будущем

Личностное время является, пожалуй, самым важным показателем уровня развития индивидуальности, выступающим в роли интегратора, соотносящего в субъективном временном континууме показатели всех "часов". Речь идет сейчас не о субъективно-личностном ощущении времени, скажем, хода своей жизни, жизни всего человечества или безостановочного движения Вселенной. Мы выделяем формальные показатели, позволяющие характеризовать особенности личностных структур в развитии.

Внесознательно складывающая, аморфоподобная Я-концепция маленького ребенка еще не выходит за грани-

цы сенсомоторной сферы. Взаимодействуя случайным и манипулятивным образом с предметами, а также развивая способы коммуникации, ребенок начинает приобретать смутное "валовое чувство" (по выражению И.М.Сеченова, 1947), что он является активным началом в этом процессе взаимодействия. Девяти-двенадцатимесячные младенцы, помещенные перед зеркалом, пытаются играть с зеркальным отражением, которое пока еще воспринимается ими как "Некто". Психологи помечали нос младенцев пятнышком, и ни один из них, глядя в зеркало, не пытался притронутся к собственному носу. Этот тест на выявление уровня осознанности Я был сделан и в отношении младенцев другой возрастной группы. Среди тех, чей жизненный опыт измерялся периодом в двадцать один месяц, три четверти продемонстрировали появление первичного уровня проявления осознанности, дотрагиваясь до своего носа, глядя на зеркальное отражение (*Lewis & Brooks*, 1978).

Так возникает начальная координата самого важного, наряду с биологическим и социальным, вектора в детерминации индивидуальности, который можно назвать вектором жизненного опыта или самодетерминации. Идущее вначале вне фокуса сознания Время, все больше начинает осознаваться как критерий происходящих интраиндивидуальных изменений. Однако независимо от степени осознания, возрастные изменения затрагивают все сферы личности.

Интересные различия обнаруживаются в изменении структуры Я-концепции в период с семи до четырнадцати лет (*Livesley, Bromley*, 1973). Анализ сочинений на тему "Я", полученных от 320 детей, показал уменьшение одних и возрастание других категорий самоописания по мере взросления (список приводится не полностью):

Относительное значение уменьшалось	Относительное значение увеличивалось
Внешность	Направленность
Половая и расовая идентичность	Интересы и увлечения
Друзья и приятели	Отношение к себе
Семья и родственники	Значение лиц другого пола
Личные вещи	Сравнение себя с другими

Дети младшего возраста скорее описывают себя с помощью акцентирования физических данных и указания на внешние характеристики, а для старших важнее оказывается подчеркивание своих специфических психологических особенностей и характера взаимоотношений с другими людьми (*Jersild*, 1951).

Феномен связи хронологического возраста и личностного ощущения этого возраста получил название "психологического возраста", который считается интегральным показателем отношения человека ко времени своей жизни и определяется как самооценка человеком себя на шкале собственного жизненного времени (*Кроник*, 1994). Соответствие хронологического и психологического (личностно окрашенного) возраста свидетельствует об умении человека найти приемлемый для себя темп жизни, соотнести свои притязания и возможности. Таким людям присущ многомерный и целостный образ мира, готовность воспринимать новое во всей его полноте и противоречивости (*Парилис*, 1988). Завышенный психологический возраст (когда двадцатипятилетний человек склонен считать себя сорокалетним) связан с пессимистичной и обедненной жизненной перспективой. Данные, полученные в результате обследования пострадавших во время Чернобыльской аварии атомного реактора, показали, что у оказавшихся психологически старшими респондентов индексы самочувствия, активности и фона настроения были значительно ниже, чем в остальных группах. Лица, не выявившие различия между хронологическим и психологическим возрастом, обладали самым низким уровнем тревожности, и их показатели индекса тревожности даже в такой экстремальной ситуации не превышали верхней нормы. Завышенный психологический возраст выявлен также у подростков, находящихся в интернате или колонии. Эта тенденция сопровождалась снижением адекватности самооценки и выраженными потребительскими ориентациями (*Кроник, Хомик*, 1988).

Анализ ставшего хрестоматийным примера подросткового эгоцентризма проделали Д.Элкинд и Р.Боуэн (*Elkind & Bowen*, 1979) в связи с изучением в разных возрастных группах уровня развития самосознания, под которым по-

нималась склонность или нежелание отчитываться перед воображаемой аудиторией. Выяснилось, что средняя возрастная группа подростков (тринадцать лет плюс-минус девять месяцев) отличается наиболее развитым самосознанием (по сравнению как с младшей, так и со старшей возрастными группами). При этом девушки показали более высокий уровень развития самосознания, чем юноши. Этот результат, как мы видим, подтверждает гипотезу о "трудном возрасте", основной характеристикой которого является нежелание подчиняться стереотипным требованиям и мнениям, которые считаются авторитетными.

Подростковый возраст считается временем, необходимым для размышлений о себе и жизни, большое влияние на ход которых оказывает культурный контекст (социо-экономическое положение, идеология семьи etc.). Но, независимо от складывающегося контекста, можно различить, КАК организуется мышление личности. Подросткам была предложена гипотетическая ситуация, в которой тысяча людей направлялась на Тихоокеанские Острова с целью создания там некой новой общности (*Adelson*, 1975). Испытуемым было предложено описать, каким должно быть новое правительство и социальный порядок. Одним из наиболее явных отличий в возрастных группах был уровень абстрактности в рассуждениях (что подтвердило данные Пиаже о стадиях когнитивного развития). Более юные были склонны к персонализации всей истории, называя правителя "он" и рассуждая о влиянии государства на жизнь отдельных людей. Группа же пятнадцатилетних высказывала более отвлеченные гипотезы, которые касались регулирования жизни государства с точки зрения всеобщей полезности формулируемых законов, которые могут модифицироваться в зависимости от обстоятельств.

Система личностных ориентаций, измеряемых шкалой "идентификация—ассоциированность", также подвержена возрастным изменениям. К.Бауэрман и Дж.Кинч (*Bowerman & Kinch*, 1969) сравнили четыре возрастных группы подростков по параметрам (суть которых для удобства мы представим в виде задаваемых подросткам вопро-

сов): идентифицированности (вопрос: "Кто лучше тебя понимает — родители или сверстники?"), ассоциированности (вопрос: "С кем тебе приятнее заниматься делами — с семьей или сверстниками?"), нормативности (вопрос: "Кому ты отдашь предпочтение в случае столкновения интересов — семье или сверстникам?"). Результаты показали, что средневзвешенный коэффициент ориентации на семью резко снижается с возрастом — от 87,1% у четырехклассников до 31,6% у девятиклассников; склонность к ассоциированности скорее со сверстниками, чем с семьей возрастает от 8,9% в самой младшей группе до 55,7% в старшей. Однако стремление к идентификации с семьей, вопреки ожиданиям, оказалось не столь подвержено изменениям, сократившись с 81% до 52% в крайних возрастных группах. Поскольку параметр идентификации подразумевает предпочтение того, на кого бы хотелось быть похожим, семья оказывается во многих случаях более влиятельным фактором, чем сверстники.

Сравнительное изучение двух групп взрослых людей, различающихся по семейному положению, показало, что одинокие (вдовы и вдовцы, а также никогда не имевшие семьи) гораздо менее удовлетворены жизнью и менее адаптированы, чем их сверстники, состоящие в браке (*Kastenbaum & Costa*, 1977).

Течение личностного времени, в отличие от течения времени ментального, как правило, необратимо, и образ будущего может предвещать завершение жизненного цикла. Мысли о смерти посещают человека в любом возрасте, но и здесь обнаруживаются свои закономерности. Изучение представлений трех-пятилетних и девяти-десятилетних детей о смерти показало, что для первой возрастной группы отсутствует ее оценка как завершения и конца всего. Смерть представляется как обратимый процесс, связанный с жизнью. На следующей стадии (между пятью и восемью годами) смерть воспринимается как конечный, но не обязательно неизбежный этап жизни — ее можно перехитрить. Только в старшей возрастной группе — девятилетних — начинает возникать понимание того, что чело-

век смертен, и это неизбежно (*Kastenbaum & Costa*, 1977). Тем не менее авторы делают вывод, что когнитивное развитие скорее, чем хронологический возраст, позволяет делает прогноз относительно понимания детьми смысла смерти. Взрослые люди, особенно в более старшем возрасте (после шестидесяти) по-разному реагируют на мысли о смерти. Однако только 10—30% людей старшей возрастной группы проявляют выраженный страх смерти (*Jeffers & Verwoerd*, 1969). Любопытно заметить, что Уильям Шелдон, предложивший конституциональную типологию людей (см. главу 5), полагал, что именно церебротоникам (занимающим приблизительно 15—25% от общей популяции) свойственен выраженный страх смерти. Однако об экспериментальном подтверждении этой гипотезы пока не известно.

Взрослые люди, как правило, больше боятся не смерти, а связанных со старением заболеваний, потери привычной социальной роли и самоопределения, зависимости. Они боятся быть обузой для других. Формирующиеся установки на старение и приближающуюся смерть во многом зависят от выработанных в процессе накопления жизненного опыта аттитюдов. Так, было обнаружено, что уровень страха, проявляемый подростками, значимо коррелирует с уровнем страха, характерным для родителя того же пола (*Templer, Ruff & Franks*, 1971). В то же время значимых корреляций между возрастом и уровнем тревожности по поводу смерти не было выявлено.

Б.Нойгартен (*Neugarten*,1995), изучая людей, находящихся на этапе переоценки жизненных ценностей (период жизни человека от 50 до 65 лет — см. *Либина*, 1995), выявила две крайние группы. Первая включает людей, сумевших оценить все прелести нового этапа жизни — большую свободу и независимость, новое видение причин своих успехов и неудач. Во вторую группу попадают те, кто испытывает горечь и разочарование от бесполезности прожитой (то есть безвозвратно потерянной) жизни. Перешагнув рубеж семидесятилетия, вторые становятся “старыми стариками”, а первые — “молодыми стариками”, кото-

рые, выйдя на пенсию, сохраняют энергию и желание полноценной личной и социальной жизни.

Ключевые термины главы: биологические часы, демаркационный критерий, детство, зрелость, групповой статус субъекта, ментальное время, младенчество, подростковость, поло-возрастные характеристики, психологический возраст, социальные часы, старость, эгоцентризм, юношество.

Глава 12. Половые различия: биологическая эволюция и социальные традиции

Сквозной характер различий, обусловленных полом, подчеркивает вполне естественное разделение всего человечества на два мира — Женский и Мужской. Банальность этого факта, однако, по-другому начинает восприниматься в свете научных данных. Чем в действительности обусловлены темпераментальные, стилевые и характерологические особенности мужчин и женщин? Есть ли специфика в интеллектуальном развитии мальчиков и девочек, детерминированная эволюционно-генетическими программами? Как формируются представления о типично женских и типично мужских образцах поведения? Это только часть вопросов, рассматриваемых в одном из самых интригующих разделов дифференциальной психологии.

12.1. Половые различия и полоролевое поведение

Вопрос о различиях между мужчинами и женщинами также оказывается связан с двойной детерминацией изучаемых признаков. Учет эволюционно-биологического фактора ведет к понятию пола как конституциональной координаты, обусловливающей различия между двумя группами людей мужского и женского пола со стороны несоциальных воздействий. Понимание же человеческого поведения как в большей части социального феномена, испытывающего влияние культурного контекста, приводит к понятию половой или сексуальной роли, которая предписывается субъекту как члену группы. В этом случае различия, о которых идет речь, исследуются как полоролевые стереотипы, обусловливающие женский или мужской тип поведения. Перспективную позицию в вопросе о соотношении половых (в биологическом смысле) и полоролевых (в смысле стереотипов) различий развивает Дэвид Басс в эволюционной теории личности (*Buss*, 1995), которая предсказывает, что мужчины и женщины будут проявлять

личностные различия непосредственно в тех областях жизни, где они сталкиваются с проблемами адаптации, относящимися к их биологическим различиям в сексуальной и репродуктивной функциях. Другими словами, независимо от источника происхождения, личностные различия возникают прежде всего как социальный феномен, который не определяется в такой же степени природными факторами, как, например, физические различия между мужчинами и женщинами (*Phares & Chaplin*, 1997).

12.2. Некоторые аспекты половой дифференциации

В момент оплодотворения возникает генетическая основа того, что люди назвали полом. Одна из двадцати трех пар хромосом — называемая половыми хромосомами — получает либо X хромосому, и возникшая комбинация XX будет означать появление существа женского пола, либо двадцать третья пара будет иметь паттерн XY, ведущий к формированию морфологических особенностей, свойственных мужчине.

Специфика пола в пренатальном развитии

В пренатальный период развития человеческого плода, речь может идти, разумеется, лишь о специфике организмических различий. Выходят ли генетически обусловленные программы развития за рамки этого уровня, мы обсудим ниже. Пока можно сказать, что многие из наблюдаемых в пренатальный период физических различий закладывают основу для особенностей, проявляющихся в течение всей последующей жизни.

Следующим, после получения X или Y хромосомы, решающим фактом в жизни мужского эмбриона становится выделение гормона тестостерон в период с четвертую по восьмую неделю после зачатия мужским эмбрионом. Когда этого не происходит, зародыш “демаскулинизируется”. Если мать во время беременности принимает препараты, стимулирующие появление тестостерона, то тогда имеющийся женский эмбрион может “дефеми-

низироваться", что потом может проявляться в маскулинизации женского поведения (*Collaer & Hines*, 1995).

Некоторые гормоны, в частности, тестостерон, воздействуют на мозговые паттерны, что связано с последующей гормональной стимуляцией в подростковый период, например, с уровнем физической агрессивности, а также со спецификой латерализации — относительным доминированием правого или левого полушарий мозга (*Todd et al.*, 1995). Эти и другие биологические факторы приводят к различиям между полами, заметным уже во внутриутробном "соревновании". У девочек быстрее идет развитие скелета, а после рождения они на одну—две недели опережают мальчиков в формировании костей. Несмотря на это, мальчики при рождении тяжелее и длиннее (*Tanner*, 1978). Младенцы мужского пола более уязвимы со стороны всех пренатальных проблем. Возможно, поэтому при зачатии на 100 женских эмбрионов приходится 120—150 мужских, и на мальчиков падает большее количество спонтанных абортов, а при рождении на 105 мальчиков приходится 100 девочек. При этом мальчики получают больше повреждений во время родов, отчасти из-за большего размера тела (*Zaslow & Hayes*, 1986).

Половая идентификация у малышей

Первым актом самоопределения у пока еще смутно осознающей себя личности становится отнесение субъектом себя к определенному полу. Двухлетние малыши, имеющие до этого довольно расплывчатое представление о своих отличительных чертах, уже могут обозначить себя как мальчиков или девочек. Начиная с этого возраста, их поведение начинает дифференцироваться в довольно определенном направлении, как в смысле биологического развития, так и в отношении формирования полоролевых установок. Наблюдая детей, играющих в комнате со множеством самых разнообразных привлекательных игрушек, можно увидеть, что двух-трехлетние девочки скорее всего начнут играть с куклами или в различные игры с использованием элементов домашнего хозяйства. Мальчики этого же возраста чаще предпочитают играть с игрушечным оружием, грузовичка-

ми, пожарными машинами или маленькими инструментами (*O'Brien*, 1992). Карапузы, едва начавшие ходить, уже характеризуют себя, используя простые дихотомические оценки: большой или маленький, умный или глупый, хороший или плохой. Трехлетние дети уже проявляют предпочтение в выборе для игр партнеров своего пола и обнаруживают большую общительность во взаимодействии с ними (*Maccoby*, 1990).

Мальчики и девочки в период созревания

Влияние генетических факторов на развитие половой самоидентификации продолжается в течение всей жизни. Особенно заметно различия между полами начинают проявляться во время созревания, когда организм выделяет больше гонадотропных гормонов, корректирующих формирование эволюционно-биологических признаков пола. За этот период у мальчиков уровень тестостерона увеличивается в 18 раз, а у девочек уровень эстрадиола — только в восемь раз (*Biro et al.*, 1995). Другие типы гормонов (андрогено-адреналиновые, стероидные стимулирующие и общие гормоны роста), взаимодействуя с половыми гормонами, образуют конституциональный статус формирующейся индивидуальности.

На фоне общих различий в конституции, в период созревания появляются более отчетливые признаки мужского и женского стилей поведения. Проведенное в Канаде с помощью метода срезов обследование свыше двух с половиной тысяч подростков и молодежи обоего пола показало, что увеличение мускульной силы у мальчиков за период с 9 до 17 лет возрастает на 160%, в то время как у девочек — на 37% (*Smoll & Schnutz*, 1990), при этом в возрасте семнадцати лет мальчики становятся в три раза сильнее девочек. Эти различия связаны с особенностями мускульной ткани и общего объема мускулов, который у взрослых мужчин занимает около 40% всей массы тела, а у женщин соответственно 24%. По силе ног подростки мужского и женского пола мало различаются между собой, что проявляется в одинаковых формах моторной активности, но мальчики используют ручные мускулы в более разнообразных, чем девочки, спортивных играх (*Tanner, Hughes & Whitehouse*, 1981).

Наиболее отчетливое преобладание — девочек в вербальной активности, а мальчиков в способности к абстрактной манипуляции — начинает обнаруживаться к 11 годам. Однако многие авторы обращают внимание при анализе этих характеристик на средовой фактор. Чем больше есть возможностей у мальчиков вовлекаться в игры с пространственно-организованными элементами (машинки, футбол etc.), тем сильнее развиваются у них пространственные способности.

Формирование основных подструктур характера, в частности, образа-Я, также имеет отметку пола. Девочки любой возрастной группы проявляют большие признаки зрелости, чем мальчики, в отношении физического (полоопределяющего) статуса и социальной ориентации, а также когнитивных навыков и интересов (*Dixon & Street*, 1975). Образ-Я мальчиков по процентному соотношению включенных в него характеристик сопоставим скорее с образом-Я не сверстниц, а девочек двумя годами младше. Различия проявляются и в структуре самоописания. Мальчики чаще пишут о своих интересах и увлечениях, зато девочки чаще касаются темы взаимоотношений с противоположным полом, проблем семьи и родственников. Вполне возможно, что в этих особенностях проявляется влияние социальных ожиданий (*Livesley*, *Bromley*, 1973).

Юноши и девушки в период молодости

В этот период происходит окончательное закрепление полоролевых стереотипов, а также в целом завершается формирование половой идентификации как процесса, связанного с физиологическими элементами созревания организма. Начинают обнаруживаться наиболее значимые (хотя не более понятные по своей природе) различия.

Во многих исследованиях подчеркивается, что мужчины, начиная с детского возраста, более склонны к агрессии. Также юноши в три раза чаще девушек проявляют девиантное поведение, связанное с серьезной угрозой нарушения взаимодействия с другими людьми, однако у девушек делинквентность обнаруживается в гораздо более острой форме (*Graham*, 1979). Девушки больше склонны к про-

явлению отдельных симптомов тревожности или же к тревожной форме расстройств (*Achenbach et al.*,1991). Они также в два раза больше юношей обнаруживают депрессивные расстройства, и депрессивная тенденция в этой подгруппе девушек увеличивается в последующие годы жизни, в то время как у юношей диагносцируемый уровень депрессии сохраняется (*Angold*, 1991).

На данном этапе жизненного пути эти особенности поведения могут рассматриваться как закрепление выработанных в детские годы реакций. Ведь родители склонны допускать проявление страха и печали у девочек и находить, что проявление сыновьями гнева более приемлемо, по сравнению с агрессивностью дочерей (*Golombok & Fivush*, 1994). Однако роль биологического фактора, детерминирующего эти различия, также подтверждается в ряде кросс-культурных исследований (см. главу 14).

Мужчины и женщины в период взрослости

И в этот период различия, связанные с первичным половым диформизмом мозговых функций, а также гормональным влиянием, оказываются наиболее очевидными. Средняя частота альфа-ритма достоверно выше у женщин, чем у мужчин (*Deakin*, *Exley*, 1979), а оцениваемый по общей тенденции к десинхронизации более высокий уровень активации рассматривается как основа психологической фемининности (*Friedl, Fogel*, 1979).

Довольно непросто одним взглядом охватить любопытную картину половых различий, определяющих красочные оттенки двух главных миров человечества — Мужского и Женского. Попробуем отметить основные тенденции, воспользовавшись данными разных авторов и объединив наиболее важные результаты в таблицу 9 (более расширенный вариант см., например, *Bee*, *Mitchell*, 1984).

12.3. Фактор пола и психика

Этот вопрос, пожалуй, настолько же привлекает, насколько и пугает своей неопределенностью. Трудность в выявлении источников детерминации половых различий, явным образом испытывающих на себе “давление” эволю-

Таблица 9

Половые различия в период взрослости

	Параметры развития	Характер различий
I	Продолжительность жизни	Женщины живут дольше, чем мужчины
	Климакс	Мужчины намного дольше сохраняют способность к репродуктивности
II	Пространственная визуализация	Мужчины продолжают лучше справляться с этими заданиями
	Математическая логика	Мужчины показывают еще более высокие показатели, чем в юности
	Вербальная логика	По большинству показателей выше женщины
III	Агрессивность и доминантность	Мужчины характеризуются более высоким уровнем выраженности этих признаков.
	Дружелюбность и близость	Женщины имеют больше близких друзей, но мужчины проявляют большую склонность к близким отношениям, чем в молодости
	Семейные роли	Женская роль больше связана с заботой о детях и уходом за супругом, даже несмотря, например, на наличие работы
	Профессиональные роли	Отношение мужчин к работе продолжает оставаться более прогностичным и продолжительным, а профессиональный статус играет центральную роль в мужской самоидентификации

Примечание.
I — физическое развитие;
II — когнитивное развитие;
III — социальное развитие.

ционно-генетических программ, усиливается за счет влияния, которое оказывает на выводы исследователей феномен социальной желательности, определяющий акцентирование или сглаживание в зависимости от обстоятельств (то есть поддерживаемой общественным мнением в данный момент точки зрения) характерных особенностей мужчин и женщин. Тем не менее, о некоторых экспериментально проверенных фактах можно говорить со значительной долей уверенности.

Интеллект

Эволюционная теория оказала наибольшее влияние на изучение "естественных различий" между полами. Вполне возможно, что некоторые способности базируются на врожденных чертах, имеющих значение для выживания в древ-

них человеческих сообществах (*Daly & Wilson*, 1983). Хотя большинство достоверных различий, обнаруженных в когнитивной сфере, получено с помощью психогенетических моделей, более продуктивным, по мнению Д.Н.Исаева и В.Е.Кагана (1988), является подход, связанный не со сравнением выраженности отдельных способностей у лиц разного пола, а с изучением организации интеллектуальной активности. Л.Вормэк (*Wormack*, 1980), проанализировав факторные структуры способностей, обнаружил, что у мужчин основные факторы способностей более дифференцированы и автономны, чем у женщин. В структуре способностей мужчин выделилось, по показателям выполненных тестов, три фактора (вербальный, зрительно-пространственный и математический), тогда как у женщин один фактор включил в себя все три выделенных в мужской выборке компонента, а другой интерпретировался как "вербально-зависимый от пола".

Языковые способности

Правда ли, что женщины говорят больше мужчин? Ответу на этот вопрос было посвящено изучение влияния половых различий на развитие речи в разных возрастных группах (*Schahter et al.*, 1978). Авторы учитывали при этом положение об отсутствии различий в скорости структурного развития среди мальчиков и девочек в младенчестве и детском возрасте. Различия в языковых способностях выявились лишь по нескольким показателям (при позитивном сдвиге в "женскую" сторону) — словарном запасе, речевой активности и ясности речи. В подростковой группе также было отмечено незначительное преобладание языковых показателей девушек в артикуляции, то есть четкости произношения звуков. Возможно, отмечают авторы исследования, эти различия объясняются более ранним физическим созреванием девочек, которые, таким образом, раньше становятся "биологически готовы" для развития речевых навыков. Однако возникла и социально-ориентированная интерпретация, основанная на признании влияния стереотипов. Майкл Льюис (*Lewis*, 1972) установил в специальном исследовании, что матери чаще говорят со своими дочерь-

ми, чем с сыновьями. Возможно, что от атмосферы в семье, созданной родителями, также зависит в некоторой степени и уровень сформированности языковых навыков детей.

Реакции на стресс

Стили реагирования мужчин и женщин на вызванный сложными обстоятельствами стресс отчетливее всего проявляются в способах, к которым они прибегают, чтобы справиться со своими негативными переживаниями (*Nolen-Hoeksema*, 1990). Женщина, испытывая подавленность, стремится думать о возможных причинах своего состояния. Мужчина, наоборот, пытается отгородиться от депрессивных эмоций, концентрируясь на чем-либо другом или вовлекаясь в физическую активность, чтобы таким способом вывести себя из текущего негативного состояния. Анализируемая модель также предполагает, что женская реакция “тщательно обдумать”, характеризующаяся тенденцией к навязчивому фокусированию на проблеме, увеличивает женскую уязвимость по отношению к депрессии.

Типичные стили реагирования на стресс вполне могут являться продуктом социализации, обучения в процессе жизни в соответствии с общественными ожиданиями (*Noelen-Hoeksema & Girgus*, 1994). Конструкт “фемининность” включает в качестве основных компонентов пассивность, концентрацию на чувствах, проявление эмоций и стремление разделить их с другими. Мужская же схема поведения, закодированная в конструкте “маскулинность”, включает стремление быть физически и интеллектуально активным, неэмоциональным, не проявлять признаков слабости, например, обсуждая свое плохое настроение с другими.

Личностные переменные

В глобальных личностных переменных, измеряемых в уже рассмотренной нами Пятифакторной модели, различия между мужчинами и женщинами очевидны, несмотря на то, что система в целом обычно их минимизирует. Эволюционный анализ Большой Пятерки (Big Five) (*MacDonald*, 1995) подтверждает, что для всех факторов,

кроме Y (открытость к опыту), существуют половые различия. Экстраверсия (I фактор), рассматривается как параметр, включающий доминантность и поиск ощущений, что отражает личностные аспекты, более типичные для мужчин. Зато дружелюбность (II фактор), акцентируя черты заботливости и любви, проявляется как типично женская черта. Это совпадает с результатами исследований Г.Айзенка (*Eysenk*, 1992), показывающими, что высокие оценки по шкале психотицизма более характерны для мужчин. К тому же психотицизм не подразумевает качеств, ассоциирующихся с заботливостью и любовью.

Выявлены половые различия и в моральном поведении. К.Джиллиган (*Gilligan*, 1982) предположила, что моральное развитие женщин базируется на стандарте "забота о других", в то время как мужчины обосновывают свои рассуждения на стандарте "справедливость". Для объяснения или опровержения этого предположения были выдвинуты подкрепленные некоторыми экспериментальными данными гипотезы о том, что половые различия в предпочтении одного из двух приведенных выше базовых стандартов морального поведения:

* связаны с тем, что мужчины и женщины сталкиваются с разными дилеммами на протяжении своей жизни. Когда же им предстоит столкнуться с моральной проблемой в определенной области, например, с вопросом о родительстве, они не различаются в использовании стратегий "заботы" или "справедливости" (*Clopton & Sorell*, 1993);

* не являются значимыми, так как мужчины и женщины пользуются одними и теми же моральными умозаключениями, но опираясь на различные выборы, связанные с особенностями образования, профессии и межличностных предпочтений (*Boldizar, Perry & Perry*, 1989).

12.4. Социальные стереотипы: настоящие мужчины и женщины

Под стереотипом в социальной психологии понимают "набор устойчивых, упрощенных сверхобобщений о группе людей" (*Reber*, 1995). Полоролевые стереотипы, содержание которых объясняется в немалой степени влиянием

культурного контекста, касаются типичных характеристик, приписываемых мужчинам или женщинам. Воздействие этих штампов на индивидуальное сознание мало с чем может сравниться по своей силе. Дж.Рубин со своими коллегами (*Rubin, Provenzano & Luria*, 1974) проинтервьюировали родителей, имеющих однодневный опыт общения с младенцем в первый день появления на свет своего первого ребенка. Младенцы мужского и женского пола не различались по степени оцениваемой активности и другим поведенческим признакам. Однако девочек описывали как хорошеньких, маленьких, красивеньких, а мальчиков как более настороженных, уверенных и сильных. Разумеется, родительские ожидания лишь усиливаются по мере взросления ребенка, трансформируясь в базовые компоненты формирующейся Я-концепции.

Наиболее интересны исследования по выявлению стереотипов у самих взрослых людей. Студентов обоего пола попросили сформировать список наиболее характерных мужских и женских черт, а затем дали этот список другой группе студентов для оценки личности типичных мужчин и женщин (*Broverman et al.*, 1972). Результаты показали наличие согласия между оценивающими юношами и девушками относительно набора характеристик для описания маскулинности и фемининности. Выделенные показатели, как свидетельствовали и более ранние исследования (*Rosenkratz et al.*, 1968), действительно являются типичными (см. сводную таблицу 10).

Таблица 10

Стереотипы о типичных чертах мужчин и женщин

Типичный мужчина	Типичная женщина
Агрессивный	Тактичная
Предприимчивый	Проявляет расположение
Доминирующий	Нежная
Независимый	Не использует грубых выражений
Скрывающий эмоции	Понимает чувства других
Любит математику и науку	Разговорчивая
Обладает деловыми навыками	Религиозная
Знает, как осваивать мир	Интересуется собственной внешностью
Легко принимает решения	Ценит искусство и литературу
Самодостаточен	Сильно нуждается в защите
Свободно говорит о сексе с другими мужчинами	Аккуратная в привычках
	Спокойная

Интересно, что для всех участников опроса маскулинные черты оказались более социально желательными, а большое количество свойственных типичному мужчине черт оценивалось более позитивно, чем типично женские черты. Первые три показателя в обоих колонках являются наиболее предсказательными.

Дж.Уильямс и Д.Бест (*Williams & Best*, 1990) предприняли глубокий анализ полоролевых стереотипов на основе списка из 300 наиболее употребительных прилагательных, описывающих личностные черты. Выявленные кластеры признаков показали, что мужчины оцениваются как агрессивные, предприимчивые и доминантные, а женщины как сентиментальные, нежные и мягкосердечные. При составлении своего индивидуального самопортрета, 25% женщин употребили прилагательные, более характерные для описания типичных мужчин. Такое же количество мужских самопортретов больше походило на типично-стереотипное описание женщин. В описаниях лучшего друга мужчины и женщины одинаково хотели видеть друга-мужчину более соответствующего мужскому типичному портрету, а женщину-подругу — женскому. Исследование подтвердило влияние полоролевых стереотипов как при составлении самопортрета, так и при описании образа другого.

Мышление профессионалов-психологов подвержено стереотипизации в неменьшей степени, и причина здесь не только во влиянии психоанализа на оценку женской роли в процессе воспитания ребенка. И.Броверман (*Broverman et al.*, 1970) с коллегами изучил описания типичных мужчины, женщины и просто взрослого, характеризуемых как здоровые, зрелые и социально компетентные, выполненные клиническими практиками, психиатрами и социальными работниками. Обнаружилась общая для профессионалов установка, что компетентность больше характеризует здорового мужчину, чем здоровую женщину. В свою очередь женщины, по сравнению с мужчинами, характеризовались как более послушные, менее объективные и подверженные влиянию, менее агрессивные и соревновательные, легко раздражающиеся по поводу незначительных стрессовых событий. Бесспорно, полоролевые стереотипы влияют и на психологические исследования. Анализ исследований

заботливости и агрессивности (*Geis*, 1993) показал, что во многих случаях психологи игнорировали или преуменьшали результаты, свидетельствующие о проявлении агрессивных действий женщинами и заботливости мужчинами.

12.5. Полоролевое поведение личности: маскулинность, фемининность и андрогиния

Существование значительных различий между мужчинами и женщинами как представителями двух самых влиятельных групп человечества не означает, что все рассматриваемые характеристики будут непременно описывать целостную индивидуальность конкретного человека. Мы склонны концептуализировать пол как ярко выраженную дихотомию, используя в качестве демаркационного критерия саму Природу, наделившую нас биологическими половыми признаками. Поэтому наше внимание фокусируется скорее на крайних показателях, нежели на вариативности признаков между мужским и женским полюсом поведения. Между тем, предписанные жесткой дихотомичной моделью половые роли — обычно обозначаемые в терминах маскулинности и фемининности — все больше вступают в противоречие с усилением процесса социализации. Сандра Бэм (*Bem*, 1975) в качестве выхода предлагает понятие андрогинии (andro — мужчина, gyn — женщина) для обозначения сочетания в индивидуальном психологическом профиле высоких показателей маскулинности и фемининности. Андрогиния понимается как согласование тенденций маскулинности и фемининности в одной и той же личности, что можно представить в виде аддитивной пары со множеством возможных индивидуальных вариаций (*Исаев*, *Каган*, 1988). В этом смысле андрогиния связана с избеганием фиксированного на половом факторе самоопределения личности и представляет собой особый тип психологического функционирования со многими позитивными последствиями (*Taylor & Hall*, 1982).

Результаты измерения степени андрогинности с применением специальных опросников (*Bem*, 1974) противоречивы, так как даже опросник фактически не был принят психометрической общественностью из-за недо-

статочно обоснованной надежности измерений (*Myers & Conda*, 1982). Согласно исходной концепции, андрогинные субъекты пользуются "женским" или "мужским" способом поведения в зависимости от параметров ситуации. Возможность гибко реагировать образует значительный личностный потенциал для эффективного решения проблем, психологической адаптации и общей удовлетворенности жизнью (*Wiggins, & Holzmuller*, 1981).

12.6. Какая реальность скрывается за стереотипами?

В этом разделе будут приведены данные, заставляющие посмотреть на проблему половых различий с неожиданной стороны. Возможно, в реальности, очерченной описываемыми ниже тенденциями, скрывается перспектива исследований в области мужской и женской природы.

Мнение о том, что агрессивность является доказанным признаком маскулинности (*Maccoby & Jacklin*, 1980), детерминированным биологически, подверг сомнению Т.Тиигер (*Tieger*, 1980), который на основе обстоятельного анализа данных заключает, что до шести лет нет различий между мальчиками и девочками в уровне агрессивности, а затем агрессивное поведение начинает формироваться под влиянием полоролевых стереотипов. А.Фроди и Дж.Маколэй (*Frodi & Macaulay*, 1977) считают неверным мнение о большей агрессивности мужчин. Дело не в степени агрессивности, а в половой детерминации поведения в различных ситуациях. Женщины, обладая более выраженной эмпатией, тревожностью и чувством вины, подавляют открытую агрессию там, где мужчины ее проявляют. В то же время, женщины агрессивны не менее мужчин, если расценивают свои действия как справедливые или чувствуют себя свободными от ответственности.

Эмпатия как черта, более свойственная женщинам, действительно соответствует их природе. Вероятность случайности такого вывода составляет 1:64000 (*Hoffman*, 1977). Но социализация по-разному влияет на развитие эмпатии. Положительная связь эмпатии с готовностью помочь

другому обнаруживается только у мальчиков (*Eisenberg-Berg & Mussen*, 1978), поэтому возможно, что мужчины обучаются эмпатии в течение жизни. Зато женщины "разучиваются", так как слишком высокий уровень эмпатии затрудняет психологическую адаптацию, обязывая ко многому, и потому эмпатия "не выгодна" в личностном плане (*Blanck et al.*, 1981).

Для объяснения различий в способностях часто привлекается гипотеза о функциональной асимметрии мозга, то есть о более симметричном на нейрофизиологическом уровне функционировании полушарий у женщин, и асимметричном у мужчин. Однако, если более развитые пространственные способности мужчин часто интерпретируются как свидетельство влияния биологического или врожденного фактора, связанного с полом, то превосходящие вербальные способности женщин обычно объясняют в терминах средовых факторов, например, более интенсивным общением с матерью etc. Поэтому все больше укрепляется точка зрения, что, за исключением параметров, обусловленных генетической программой созревания организма, большинство наблюдаемых различий детерминировано влиянием социального контекста (*Unger*, 1979; *Maccoby & Jacklin*, 1974). По данным Р.Пломина и Т.Фокса (*Plomin*, *Fox*, 1981) фактор пола обусловливает не более чем пять процентов от общей дисперсии показателей интеллекта, и только один процент — в параметрах вербальных способностей.

Хотя, как видно, рано утверждать об окончательной ясности в отношении хотя бы одного параметра, связанного с половыми различиями. Будущее дифференциальной психологии пола, как одного из центральных разделов науки о человеческих различиях, кажется более определенным, чем ее прошлое.

Ключевые термины главы: андрогиния, биологическая эволюция, маскулинность, половая дифференциация, половая идентификация, полоролевое поведение, пренатальное развитие, социальная желательность, стереотипы, фемининность, языковые способности.

Глава 13. Социоэкономический статус индивидуальности

Социальные классы или “слои населения” оказываются следующей важной переменной в сфере групповых различий. Разумеется, специалисту в области дифференциальной психологии приходится сталкиваться с гораздо более узким аспектом анализа стратификации, чем, например, социологу или же социальному психологу. В этом разделе наряду с обозначением “социальный класс” будет использоваться понятие “социоэкономический статус”. И дело не только в словах. Переход от одного понятия к другому означает, что от изучения групп, “различающихся по уровню благополучия, образования или политического влияния”, акцент смещается на множество компонентов, образующих социальный класс, как-то: “доход семьи, уровень образования родителей, профессиональный престиж, демографические характеристики ближайшего окружения” (*Ceci*, 1996). Все эти компоненты должны быть учтены и изучены с точки зрения их влияния на интеллект и индивидуальный стиль поведения, ценностные ориентации и мотивы, в конце концов, на индивидуальное своеобразие человека в целом.

13.1. Критерии различий между социальными группами

В большинстве обществ с ярко выраженным многонациональным оттенком, например, в США, процесс стратификации происходит в результате воздействия социальных и экономических факторов. Для обозначения совокупности переменных, которые в дифференциально-психологическом контексте играют роль обладающей устойчивым влиянием ситуативной детерминанты, введено понятие Социоэкономического Статуса (СЭС) (с англ. — socio-economical status — SES), определяемого на основе анализа рода занятий, уровня дохода и образования. Все эти показатели, разумеется, коррелируют между собой, что и дает

основание для их выделения в качестве некоего интегративного критерия, разделяющего любое современное общество на страты. Система стратификации включает в себя и такие переменные, как условия проживания, стили жизни (включая установки и ценностные ориентации), наконец, ожидания как показатель направления развития. Взятые все вместе, эти параметры образуют контекст, на фоне которого происходит важнейший процесс социализации ребенка (*Liebert, Wicks-Nelson*, 1981).

Можно выделить два подхода к анализу различий между людьми, обусловленных феноменом стратификации. Первый связан с выделением континуальной шкалы "снизу—вверх", второй построен на сравнении так называемого среднего класса с неблагополучными группами населения. Исследования, проведенные среди различных групп населения в рамках первого подхода, выделяют пять социально-экономических уровней — "нижний (неблагополучный) класс", рабочий класс ("голубые воротнички"), класс-ниже-среднего ("белые воротнички", служащие), класс-выше-среднего (бизнесмены и независимые профессионалы), "класс-с-высоким-уровнем" (*Coleman & Neugarten*, 1971). Процент населения, приходящийся на каждый выделяемый в популяции класс, оказывается довольно устойчивым и составляет для США соответственно 18, 48, 21, 10 и 3.

13.2. Экология индивидуального развития

Влияние социального класса или страты, в которую включен индивид, часто проявляется на протяжении всего жизненного пути субъекта — от особенностей протекания беременности матери до становления зрелой личности. Д.Картрайт (*Cartwright*, 1974) выделяет два взаимосвязанных кластера признаков, характеризующих эффект влияния на личность особенностей социального статуса. Представим эти данные, а также результаты исследований других авторов, в обобщенном виде (см. таблицу 11).

Примечательно, что практически каждый из представителей различных групп прекрасно осознает наличие социальной иерархии. При этом четкие критерии для оценки своей

Таблица 11

Влияние на личность социоэкономических факторов

Характеристики статуса	Ситуативные и личностные переменные
Социально-экономический уровень жизни родителей	Домашняя обстановка: привычки, установки, особенности брака, готовность к появлению ребенка; ближайшие родственники.
Наследственные признаки	Потенциал и ограничения паттерна врожденных характеристик.
Уход за матерью во время беременности (включая питание)	Воздействие на организм ребенка в пренатальный период.
Питание новорожденного и уход за ним	Влияние на здоровье, жизнеспособность и активность.
Питание, уход и стимуляция в период младенчества	Развитие интеллекта и креативности.
Питание, уход и стимуляция в детстве	Формирование эмоций и характера.
Соседи и ближайшее окружение	Влияние на установки, знакомства.
Школьная среда	Знания, навыки, подготовленность.
Возможности для выбора рода занятий	Поддерживающие или блокирующие тенденции.
Профессия и уровень дохода	Соответствие ожиданиям.
Достижение определенного статуса	Характеристики поставленных целей.

"социальной метки" люди давать затрудняются, указывая лишь на тех своих знакомых, кто находится "ниже" или "выше" их собственного уровня. Однако психологи выявили по меньшей мере восемь компонентов, которые могут служить критериями для определения статусной позиции — ранг профессии мужчины в терминах ее престижности, доход семьи, качество домашнего хозяйства, репутация района проживания, связи с общественными клубами и организациями, посещение церкви, образование мужчины, образование женщины (*Coleman & Neugarten*, 1971). Разумеется, одним из важнейших компонентов, влияющих на проявление индивидуальных различий, оказывается специфика внутрисемейного взаимодействия.

13.3. Семейная среда в зеркале классовых различий

Многие психологические различия между школьниками (в уровне развития способностей, предпочтении

эмоциональных реакций, самооценке и Я-концепции в целом) связаны с различиями в семейной среде, нередко зависящей от СЭС. В семьях, имеющих более высокие показатели СЭС, отцы были склонны чаще бывать дома, родители претендовали на большее участие в школьной жизни детей и в их последующей профессионализации (*Whiteman & Deutsch*, 1968).

Три важнейших показателя СЭС — уровень образования матери и отца и профессиональный статус отца — связаны с измерением оценки родительской заботы о детях (*Baumrind*, 1971). Каждый из отмеченных трех индикаторов положительно коррелировал со степенью их благотворного влияния на семейную среду, а также со степенью проявления отцом стремления к развитию в ребенке независимости и индивидуального своеобразия. При этом матери с высоким образовательным статусом поощряли эти качества в дочерях, в то время как корреляция их статуса с характеристиками сыновей оказалась незначимой. Отвержение ребенком отца негативно коррелировало со степенью выраженности всех трех показателей.

Изучение семейной среды в разных социальных классах в течение тридцати лет позволило сделать два вывода — количественный и качественный. Были выявлены лишь незначительные различия между семьями с разным СЭС по признакам, характеризующим практику ухода за детьми (количественный признак). Однако различия в манере, в которой осуществлялось родительское воспитание, были значительны (качественный аспект). Низкостатусные родители характеризовались как более авторитарные, обвиняющие, принуждающие. Матери трех—пятилетних детей из семей с низким статусом сильнее ограничивали поведение своих детей (*Zigler & Child*, 1969).

Имея тенденцию к усилению с возрастом, частные эффекты социально-классовых различий образуют довольно серьезный фактор, влияющий на такие тонкие сферы индивидуальности, как эмоциональная жизнь и связанные с нею поведенческие паттерны. Представители так называемого среднего класса чаще испытывают чувство вины и склонны возникающую агрессию обращать против себя, что проявляется, например, в количестве суицидов. На-

против, представители "нижних слоев общества" обнаруживают тенденцию к проявлению агрессии в форме физических действий, направленных против других. В то же время для детей из низкостатусных семей характерна высокая соревновательность как возможность непосредственной демонстрации своего превосходства над другими, а для детей из "среднего класса" характерно проявление высокой степени стремления к достижениям (*Zigler & Child*, 1969).

В зависимости от степени дифференциации между семьями из разных слоев общества, включая отличия в ценностных ориентациях, целях и стилях взаимодействия, формируются различия между детьми, а затем уже и между взрослыми. В соответствии с приведенной выше пятизначной шкалой градации социальных классов (см. 13.1) можно охарактеризовать специфику важнейших личностных характеристик, относящихся к особенностям целей и ценностных ориентаций в семейной жизни, в зависимости от СЭС (см. *Duberman*, 1976):

1. "Неблагополучные". Супруги эмоционально и социально изолированы; акцентирование обязанностей женщины; мужчины не могут выполнить свою маскулинную роль в освоении профессионального рынка; прямое деление обязанностей по половой принадлежности; осознание неконтролируемости своей жизни.

2. "Голубые воротнички". По традиции свойственна сильная половая сегрегация; женщины изолированы, пассивны, подчиняемы, привязаны к дому. Современная тенденция проявляется в стремлении к большему, по сравнению с традиционными установками, равенству и разделению обязанностей, принятия решений и сексуальных удовольствий.

3. "Белые воротнички". Акцент делается на респектабельности, что может вести к ригидности поведения; сильные семейные узы; жена является младшим помощником мужа.

4. "Выше среднего". Ориентация на карьеру, особенно среди мужчин; финансовая независимость и стабилизация; социальный престиж; жена часто занимается самосовершенствованием для помощи мужу в его карьере.

5. "Высокий уровень". Беззаботная жизнь, финансовая стабильность, престиж; акцент на традициях и родословной; мужчины должны следовать в профессии семейной традиции; жена должна полностью "идентифицироваться" с мужем.

Разумеется, в соответствии с этими базовыми жизненными установками родители воспитывают детей, закладывая, в немалой степени, прочную основу для обнаруживаемых затем во взрослых взаимоотношениях личностных различий.

13.4. Влияние статусного уровня на интеллект

Интеллект и в этом случае продолжает оставаться наиболее привлекательной моделью изучения различий между людьми. И в этой сфере анализа уже существуют свои устоявшиеся мнения. Никто еще не опроверг результаты исследований Дж.Лоэвингер (*Loevinger*, 1940), показывающие, что уровень образования родителей является гораздо более предсказательным в отношении детского IQ (r=.50), чем доход семьи (r=.30). Не так давно Брэдли, проведя целую серию исследований (*Bradley et al.*, 1989), установил, подтверждая вышеприведенные данные, что глобальные измерения социально-классовых различий являются в целом менее предсказательными для когнитивного развития детей в первые три года жизни, по сравнению со специфическими аспектами домашней обстановки, такими как возможность пользоваться игрушками и отзывчивость родителей.

Уже отходит в прошлое традиция, рассматривающая уровень IQ как единственный показатель, характеризующий качество выявляемых различий. Наиболее перспективным является выделение паттернов признаков, относящихся к разным уровням индивидуальности. Например, низкие показатели IQ наблюдаются среди детей, имеющих при рождении сниженный вес и растущих в бедных семьях, в то время как дети с таким же весом при рождении, но растущие в семьях среднего класса, имеют нормативные показатели интеллекта (*Werner*, 1986). Однако и в низкостатусных семьях с наличием "защищающих" факторов, таких

как постоянное место проживания, меньшая стесненность жизненных условий, большая взаимность, стимуляция и обучение со стороны родителей, — уровень интеллектуального развития детей остается в норме, по сравнению с детьми того же класса, но имеющими менее оптимальные условия жизни (*Bradley et al.*, 1994).

Отчетливое влияние средового компонента на актуальный уровень развития интеллекта выявлено в исследованиях приемных детей. К.Кэпрон и М.Дайм во время Французского Эксперимента изучили группу из тридцати восьми детей, взятых во младенчестве приемными родителями. При этом около половины детей родились в более образованных высокостатусных семьях, а другая часть — в семьях с более низкими социоэкономическими показателями (см. рисунок 21, адаптированный из *Capron*, *Duyme*, 1989). Сравнение показателей IQ между выделенными двумя группами подростков обнаружило превышение в 11—12 пунктов для тех, кто воспитывался в высокостатусных приемных семьях, независимо от отнесенности к какой-либо из групп по факту рождения. С другой стороны, был выявлен и наследственный эффект, который проявился в том, что дети, рожденные в высокостатусных семьях, имели более высокие показатели IQ независимо от того, в какой приемной семье они воспитывались:

Рис. 21. Генетические и средовые эффекты воспитания приемных детей

* — стандартные баллы по IQ

Положение на шкале социально-экономического статуса (низкий, средний и высокий уровни) влияет на

многие связанные с интеллектом характеристики индивидуальности. На основе лонгитюдного исследования детей в низкостатусных семьях И.Шэфер (*Schaefer*, 1987) предположил, что интеллектуальная компетентность опосредуется на каждом этапе индивидуального развития набором родительских установок и ценностей. Родители с низким социально-экономическим статусом вырабатывают менее удачные стратегии решения проблем для своих детей, чем родители, относящиеся к так называемому среднему классу. В низкостатусных семьях родители также проявляют тенденцию скорее решать детские проблемы самим, чем помогать детям в решении их проблем (*McGillicuddy-DeLisi*, 1982). При этом, по полученным в других исследованиях данным, поощряющий независимость в решении проблем стиль родительского воспитания связан с более высокими показателями IQ у детей (*Vaughn, Block and Block*, 1988). Социально-классовые различия взрослых также обнаруживают ряд устойчивых тенденций.

13.5. Качество жизни: образование, наличие и сложность работы, деньги и здоровье

Эти параметры определяют в своей совокупности специфику статусной позиции со стороны социального, средового влияния. Качество окружающей ребенка социально-экономической среды непосредственно сказывается на его физическом, психическом и личностном развитии. Районы проживания с неблагополучной обстановкой становятся наиболее сильным препятствием для формирования у растущих детей адекватного мировосприятия, что неизбежно сказывается на уровне жизненной адаптации. Эксперименты с детенышами животных и наблюдения за человеческими младенцами подтвердили гипотезу о значимости ранней жизненной стимуляции (включая богатое витаминами питание) для дальнейшей адаптации (*Perlman*, 1996). К тому же раннее корректирующее воздействие в первые месяцы жизни ребенка ведет к увеличению в последующем показателей интеллектуальных тестов на 15—30% по сравнению с контрольной группой.

Хорошо образованные взрослые не только имеют более высокий уровень IQ, но и обнаруживают более развитые интеллектуальные и исполнительские навыки в пожилом возрасте. При этом сексуальная активность среди хорошо образованных женщин старшего возраста также более обычна (*Palmore*, 1981). Взрослые с менее высоким уровнем образования имеют более крепкое здоровье и живут дольше, чем образованные люди их класса (*Palmore & Stone*, 1973), а также имеют более стабильные браки и чаще считают их счастливыми (*Campbell*, 1981; *Lewis & Spanier*, 1979). Интересно, что образованные люди и представители среднего класса удовлетворены, в целом, своей жизнью, более счастливы и демонстрируют значительно больший личностный рост (*Harris*, 1975). Однако, хотя исследования показывают, что ощущение удовлетворенности жизнью и счастья среди людей с высоким доходом (как правило, хорошо образованных) намного выше, в целом уровень выраженности этих показателей даже в развитых странах снижается (данные о двадцатилетнем периоде (1957—1976), США).

Показатели обеспеченности отражают потенциальные экономические возможности, которые смягчают или усиливают различные формы стрессового воздействия. Возможно, поэтому хорошо обеспеченные люди отличаются в лучшую сторону показателями здоровья и удовлетворенности жизнью. Высокий уровень дохода связан также с возможностью хорошего ухода за детьми и с более комфортной жизнью на пенсии.

Опыт в выполнении сложной работы и набор освоенных жизненных ролей оказываются еще одним дифференцирующим параметром. Взрослые, отличающиеся по этим показателям, способны к развитию высших уровней Я, позволяющих интегрировать жизненные структуры. Сложность работы (*Giel*, 1982) не только обеспечивает развитие когнитивных навыков и, соответственно, интеллектуальное совершенствование, но и вырабатывает рефлексивность, как качество, ведущее к эмоциональному и личностному росту.

Можно стремиться к освоению более сложной работы или не стремиться, но отсутствие любой работы является одним из важнейших источников жизненного стресса. Не занятые работой мужчины отличаются проявлением большего количества нежелательных симптомов — тревожности, депрессии, беспокойства о своем здоровье, чем работающие (*Liem & Rayman*, 1982). Некоторые показатели здоровья оказываются довольно прочно связанными с уровнем статуса. Долгое время считалось, что высокий уровень кровяного давления у американских африканцев (то есть проживающих в Америке выходцев из Африки) является генетически детерминированным. Однако недавние данные (*Klag et al.*,1991) позволяют интерпретировать этот показатель как следствие хронического стресса, вызванного низкостатусной работой (или же ее отсутствием) и ограниченными возможностями в получении образования. Гипертония развивается в результате фрустрации, вызванной попытками достичь удовлетворения наиболее значимых жизненных целей, что не является — по крайней мере по данным на сегодняшний день — доказательством ее генетической детерминированности.

Социоэкономический статус оказывается наиболее значимым предиктором различий в здоровье для людей среднего возраста. Хотя по данным на момент обследования (*James et al.*,1992), молодые люди кажутся схожими по показателям здоровья, в более зрелом возрасте частота хронических заболеваний связана с профессиональным и образовательным уровнем в молодые годы. В некоторых случаях весьма существенным оказывается также введение дополнительной, этнической переменной. Например, в США связь между здоровьем и уровнем СЭС наиболее значима в исследованной выборке для американских испанцев и африканцев.

В одном из наиболее представительных исследований особенности СЭС изучались в связи с частотой проявления определенных типов психических расстройств. Среди пациентов, относящихся к слоям общества с высоким СЭС, был выявлен высокий процент невротических рас-

стройств, а пациенты с низким СЭС значительно чаще страдали от психопатических расстройств (*Hollingshead & Redlich*, 1958). На этих данных основана теория, условно названная "дрейф". Человеку с психотическим расстройством, к какому бы классу он ни относился, труднее всего подобрать себе работу. Как следствие этого, его способность в достижении удовлетворительного статусного уровня резко ухудшается, что и заставляет его "дрейфовать" ко все более худшим условиям существования.

Интерпретация параметров качества жизни довольно сложна. Например, степень удовлетворенности хорошо образованного работника связана с тем, что он видит в своей работе не только источник повышения своего дохода, но и возможность приложения способностей. В то же время для плохо образованного ценность работы определяется в первую очередь возможностью заработка.

13.6. Стремление к достижениям в контексте социальной стратификации

Экономические (финансовые) ресурсы скрывают в себе важный источник роста социоэкономического статуса для молодежи. Подростки из семей с высоким социоэкономическим положением с большей вероятностью продолжают и завершают образование после окончания высшей школы и проявляют стремление к достижению высокого уровня личных и социальных успехов (*Gustafson & Magnusson*, 1991). Родители, принадлежащие к среднему классу и более высоким социальным слоям общества, поощряют своих детей к проявлению высокой мотивации достижения, прогнозируя больший успех в карьере и предоставляя им экономические ресурсы, часто недоступные для малообеспеченных детей (*Achenbach*, 1982).

Довольно привлекательной кажется гипотеза Р.Лэвайн (*LeVine*, 1974) о соответствии родительских целей в процессе воспитания ребенка определенным эволюционным стратегиям, соответствующим стадиям развития общества. У.Бронфербреннер получил данные о том, что низко-

статусные матери чаще, по сравнению со среднестатусными, наказывают за отсутствие нужного самоконтроля (что проявляется, например, в виде "туалетных" провинностей ребенка), больше полагаются на физические наказания, озабочены внешним видом детей и ожидают от них меньшей независимой активности (*Bronferbrenner*, 1958). Такая стратегия, детерминирующая соответствующий уровень достижений, характерна для обществ, где экономическое самообеспечение является первостепенной задачей; в таких обществах послушание становится необходимым для выживания признаком. Легко проследить параллель между спецификой обществ, до сих пор еще существующих в некоторых регионах Земли, и низкостатусными классами в большинстве наиболее развитых стран мира.

Стремление к достижениям связано как с самооценкой, так и со структурой наиболее устойчивых мотивов индивида. Однако необходимо учитывать и влияние такой важной средовой детерминанты, как ожидания со стороны окружающих. Воздействие этого фактора, обнаруживающего себя уже в формировании поведения школьников, опосредовано уровнем СЭС. Учителя по-разному строят свои взаимоотношения с детьми, от которых они ожидают большего или меньшего успеха в обучении (*Brophy & Good*, 1970). После опроса учителей, проранжировавших обучающихся у них первоклассников по уровню достижений, психологи отобрали для наблюдения две группы ребят, образовывающих верхнюю и нижнюю части шкалы достижений. Типы взаимодействия "учитель—ученик" выделялись на основе таких показателей, как частота поднятия руки во время урока, определение правильности ответа, похвала или критика. Учеников, поведение которых соответствовало высоким ожиданиям, учителя чаще хвалили за правильный ответ, реже критиковали за неправильный, гораздо чаще сопровождали неправильные ответы комментариями, давая ученику второй шанс, — другими словами, строили свое взаимодействие на основе обратной связи после каждого

ответа. Кажется вполне очевидным, что такой тип взаимодействия формировал стремление к более высоким достижениям в будущем у “соответствующих-высоким-ожиданиям”, подчеркивая несущественность тех же качеств у “несоответствующих”.

Описанная выше интеракционистская модель человеческих различий предполагает равноценное участие в детерминации индивидуальных особенностей таких факторов, как наследственная предрасположенность (см. 13.4) и экологические влияния, проявляющиеся прежде всего в специфике внутрисемейного взаимодействия, обусловленной параметрами СЭС (см. 13.3). Становится все более очевидным и учет субъективной детерминации рассматриваемых явлений, отображающейся в характеристиках жизненного опыта как системообразующего фактора в формировании каждой отдельной человеческой индивидуальности.

Ключевые термины главы: высокостатусные семьи, карьера, качество жизни, концепция “среднего класса”, низкостатусные семьи, приемные дети, профессиональная позиция, респектабельность, семейная среда, социализация, социоэкономический статус, супружество, теория “дрейфа”, уровень достижений, уровень образования, феномен субъективной детерминации индивидуального развития, теория стратификации, финансовая независимость семьи.

Глава 14. Разные полюса вида Homo Sapiens: расы и этносы

Заключительная глава раздела посвящена наиболее мощному фактору в детерминации групповых различий — этнически-культурному. Довольно парадоксальным образом, вследствие неразличения связности эволюций рас и соответствующих им культур, в этом факторе слились в неразрывное единство генетически-расовые и социокультурные компоненты. При этом влияние вторых признается безусловно определяющим на нынешнем этапе развития человеческой истории. Главным персонажем в представляемом разделе является Культура, которая — при отсутствии общепринятого определения — интерпретируется как система знаний и обычаев, традиций, включающих предпочтение ценностных ориентаций, моральные и этические нормы, убеждения и предрассудки, некоторые физические параметры среды (тип организации пространства и интерьер помещений и пр.). Помимо этого важно учитывать еще ряд существенных признаков — чтобы называться Культурой, система значений и традиций должна быть принята соответствующей идентификационной группой (при этом не важно, является ли группа лишь частью популяции или же большим сообществом), а также передаваться от одного поколения к другому (*Cole*, 1992; 1997; *Betancourt & Lopez*, 1993). Как заметил И.Сэпир, “миры, в которых живут различные общества, есть различные миры, а не один и тот же мир, обозначаемый разными словами” (Sapir, 1929, p.209). Важно и еще одно утверждение, получающее все большее распространение среди психологов — каждый субъект имеет весь спектр психологических черт, но разные культуры способствуют развитию одних и не способствуют развитию других индивидуальных черт.

14.1. Социокультурная координата индивидуальности

Влияние культурного контекста на формирование человеческих различий переоценить невозможно. Являясь на-

столько же очевидным, насколько и трудноуловимым — в смысле научной верификации — процесс социокультурной детерминации большинства индивидуальных и групповых переменных привлекает специалистов многих областей человекознания. Психологи же, по мнению Майкла Коула (*Cole*, 1997), более всего озадачены в этой связи двумя вопросами:

1. Почему нам, психологам, так трудно удерживать в сознании факт влияния культуры на психику?

2. Если я отношусь к числу психологов, убежденных в том, что культура является фундаментальной составляющей человеческих мыслей и поступков, как я могу сделать это убеждение научно приемлемым?

Важность ответа на второй вопрос продолжает оставаться жизненно необходимым условием на протяжении уже многих столетий человеческой истории, в течение которых расовые и национальные предрассудки разделяли людей на "наших" и "не-наших", "своих" и "чужих", "правоверных" и "варваров". Чужаки при этом наделялись чертами, определяющими их положение где-то посередине между дикарями и животными. В своей "Системе Природы" Карл Линней (*Linnaeus*, 1735/1801) выделил два вида людей — Homo Sapiens и Homo Monstrous, отнеся к последним больших и неуклюжих патагонцев, китайцев с коническими головами, маленьких робких горцев и пр. При всей предвзятости, эта наивная классификация, включающая описания американцев, европейциев, азиатов и африканцев, послужила прообразом будущего научно обоснованного деления человечества на расы.

С момента своего рождения психология как наука, по замыслу В.Вундта (1913), разделялась на две самостоятельные области — экспериментальную (общую) психологию и культурную, то есть психологию народов. Первые классические исследования расовых и этнических различий были предприняты антропологами. Бронислав Малиновский (*Malinowski*, 1927) проверял гипотезу Зигмунда Фрейда (*Freud*, 1905) о роли Эдипова комплекса в формировании характера на популяции жителей Тробриандских (Папуа Новая Гвинея) островов и обнаружил, что в культурах, где дядя (как самый близкий родственник)

играет важную роль, у мальчиков не возникает конфликта с отцом, как предсказывал психоанализ. Исследуя влияние культурного контекста на характер, Маргарет Мид (*Mead*, 1928) выявила, что в юношеские годы самоанцы гораздо более выдержаны, чем американцы.

14.2. Кросс-культурные исследования физического развития, психических процессов и личности

На современном этапе развития человекознания, начиная с работ Герберта Спенсера и Вильгельма Вундта, вопрос о различиях между людьми, детерминированных своеобразием культурной среды, занимает почетное центральное место. Систематические исследования этих различий, обусловленных влиянием этнических факторов, ведут отсчет с работы сотрудников Института Человеческих Отношений Йельского университета (США) Джона Уайтинга и Ирвина Чайлда (*Whiting & Child*, 1953). Поскольку нас интересует определенный, дифференциально-психологический аспект проблемы, остановимся на некоторых примечательных выводах и фактах.

Раннее физическое развитие

Представляют большой интерес данные сравнительного анализа физического развития младенцев, относящихся к разным расам.

Черные младенцы — независимо от того, родились ли они в Африке или в любой другой стране — развиваются быстрее не только после рождения, но уже в пренатальный период. Они также опережают своих белых сверстников в развитии моторных навыков, начиная раньше ходить, и имеют явные отличительные физические особенности, обладая более тяжелыми костями, более длинными ногами и более развитыми мускулами (*Smith*, 1978; *Tanner*, 1978).

В противоположность только что рассмотренной группе, младенцы из азиатских стран оказываются более медлительными по ряду основных моторных показателей. Эти различия могут быть обусловлены как фактором биоло-

гического созревания, так и этническими факторами, влияющими на уровень активности или спокойствия (*Freedman*, 1979). Данные этого же автора, проведшего сравнительный анализ поведения младенцев из четырех этнических групп — кавказской, китайской, навахо и японской, — показали, что кавказские младенцы более активны и возбуждены, труднее поддаются успокоению; навахо и китайские младенцы более спокойны, в то время как японские младенцы реагируют более энергично, но легче успокаиваются, чем их кавказские сверстники.

Недавние исследования Джерома Кагана и его коллег были направлены на сравнение поведения четырехмесячных младенцев из Китая, Ирландии и Евро-Американской группы. Китайские младенцы были значительно менее активны, менее возбудимы и менее голосисты, по сравнению с двумя другими группами. Белые младенцы из Америки демонстрировали наиболее сильные реакции на новые стимулы — звуки, свет и запахи (*Kagan et al.*, 1994b).

Поскольку эти различия были обнаружены у младенцев, они не могут быть прямо обусловлены родительским влиянием, тем более пока еще слишком незначительным жизненным опытом. Вместе с тем, Д.Фридман (*Freedman*, 1979) и другие исследователи отмечают, что китайские и японские матери намного меньше разговаривают с младенцами, чем кавказские женщины. Так как эти различия обнаруживаются с первого момента появления ребенка на свет, они не могут быть следствием реакции матерей на более спокойное поведение собственных детей. Хотя, разумеется, схожесть темпераментальных паттернов в диаде "мать—ребенок" значительно усиливает обнаруживаемые впоследствии этнические различия.

Познавательные процессы

Если говорить о базовых психических процессах — восприятии, памяти, внимании и допонятийном мышлении, — то нужно отметить, что большинство специалистов считает маловероятным существование межкультурных различий в отдельных основных познавательных процессах (*Коул, Скрибнер*, 1977). Роберт Серпелл, анализируя ре-

зультаты одного из самых значительных кросс-культурных исследований в этой области, предпринятого в шестидесятых и семидесятых годах по инициативе Г.Уиткина (*Witkin*, 1967) группой специалистов под руководством Дж.Бэрри (*Berry et al.*, 1986), отмечает три важнейшие причины, по которым полученные данные не удовлетворяют ожиданиям специалистов:

* корреляции между тестовыми показателями, относящимися к измеряемому когнитивному стилю (в данном случае речь идет о полезависимости—поленезависимости) в целом оказались низкими; а измерения социального поведения не коррелировали с показателями перцептивных тестов;

* отсутствие корреляции между характеристиками обусловленной родительским воспитанием социализации (независимая переменная) и индивидуальными различиями в когнитивном стиле (зависимая переменная) интерпретировалось как недостаток исследовательских процедур, а не эффект связи феномена социализации и результатов тестирования;

* несмотря на стремление сконструировать независимый-от-культуры-тест, применяемые методики оказались достаточно чужеродными для тестируемых представителей культур (племена пигмеев Центральной Африки и австралийские аборигены) (*Serpell*, 1990).

Казалось, что различия в высших психических функциях, таких как мышление и интеллект, будут более очевидными. Однако использование генетических маркеров в исследованиях интеллекта у представителей разных рас показало, что различия между сравниваемыми группами меньше, чем различия в оценках уровня интеллекта между индивидами в одной объединенной по расовому признаку группе (*Loehlin et al.*, 1975). Экспериментальные данные подтверждают эту общую закономерность для большинства характеристик человека — различия между генетическими пулами рас меньше по сравнению с генетически обусловленными различиями между членами одной расы (*Gould*, 1981). Интересно, что сами люди предпочитают говорить скорее о приоритете наследственнос-

ти в детерминации различий, чем о каких-либо иных, более сложных причинах. Интерпретируя факт более высоких показателей математических способностей у японских и китайских школьников по сравнению с американскими, психологи провели опрос среди самих детей (*Stevenson et al.*, 1993). Оказалось, что американские школьники склонны интерпретировать эти показатели как следствие "врожденных способностей", тогда как школьники из азиатских стран сделали акцент на "упорном изучении". Другие исследователи также считают различия в математических способностях между азиатскими и американскими детьми не результатом генотипических влияний, а различиями в культурном акценте на важности академических достижений и в качестве преподавания математики в школе (*Chang & Murray*, 1995). На общих же различиях в интеллекте, выявляемых, к примеру, между черными и белыми американцами, мы остановимся подробнее в специальном подразделе.

Интеллектуальная раса?

Опубликованная почти тридцать лет назад в Harvard Educational Review статья Артура Дженсена (*Jensen*, 1969) об этнических различиях в уровне IQ вначале вызвала шок. Автор, базируясь на обстоятельном анализе семейных, близнецовых и др. психогенетических исследований, сделал вывод о 80% наследуемости вариаций измеряемых разными субтестами интеллектуальных показателей. Он даже пошел дальше, утверждая, что отмечаемая многими разница в 15 баллов между показателями в выполнении тестов IQ между белыми и черными учениками (в пользу первых) также обусловлена генетическими различиями между расовыми группами. Реакции на статью в большинстве своем были негативными, и не только по политическим мотивам, связанным с проблемой расовой дискриминации.

Аргументы "против" базировались на утверждении (*Kamin*, 1974), что измеряемый тестами уровень индивидуального интеллекта опосредован как генетически, так и социально, либо комбинацией этих двух факторов. Наблюдаемая же

устойчивая разница в баллах между тестовыми оценками в двух группах во многом связана с различиями в социоэкономическом статусе (*Plomin, De Fries*, 1979).

Культурные особенности речи

Уильям Лабов (*Labov*, 1972) был первым, кто опроверг утверждение, будто у черных американцев способность к обучению стандартному (принятому варианту) английского языка ниже, чем у белых. Лабов предположил, что черные дети учат специальный диалект языка, так называемый "черный английский". Другими словами, речь идет о разнице в стилях речи, а не о различиях в структурных особенностях вербальных способностей. Отличительной чертой "черного английского" является специфическое обращение с временными формами глаголов. Исследования также показали, что эта версия английского языка — продукт субкультуры, сформированной среди населения с темным цветом кожи, и что этот диалект не менее сложен (то есть не является упрощенной версией), чем стандартный английский (*Dale*, 1976).

Личность сквозь культуру

Практически во всех культурах существуют общие закономерности для периода детства — стремление к дружбе, разделение игр по признаку пола, овладение этапом конкретных операций (по Ж.Пиаже), выработка навыков, необходимых для последующей взрослой жизни. Однако личностные ориентации сильно зависят от окружающих ребенка традиций. Обычно сравнивают западные культуры с восточными сообществами, где жизнь семьи более связана с влиянием агрокультуры, а школьное обучение не является определяющим фактором в детской жизни. В таких культурах дети в возрасте 6—7 лет уже получают статус "разумных" и ответственных, приобретая одновременно право играть взрослые роли (*Weisner*, 1984). В странах Западной Африки и Полинезии детям этого возраста уже поручают заботиться о своих меньших братьях и сестрах, их также обучают навыкам сельскохозяйственной или иной взрослой работы. Ребенку нет необходимости учиться тому, как заводить дружбу и развивать отношения с незнако-

мыми людьми. Вместо этого у него или у нее формируется представление о своем месте в существующей системе ролей и взаимоотношений.

Хотя основным предметом кросс-культурных исследований можно считать выявление различий, сходство содержания базовых черт личности в разных культурах также имеет важное значение для той части дифференциальной психологии, которая связана с кросс-культурной валидизацией тестовых методов. Изучение воспроизводимости пяти основных личностных факторов FFM показало, что во всех охваченных исследованием странах личность может характеризоваться этими базовыми измерениями (*Fritz, Angleitner*, 1993; *Бодунов*, 1995).

14.3. Воспитание в контексте культуры

Выполненное в Йельском университете (США) исследование, обобщающее данные изучения семидесяти пяти культур, было посвящено изучению практики воспитания детей относительно пяти систем поведения — оральной, анальной и сексуальной (связанных, опять же, с теорией Зигмунда Фрейда о пяти стадиях последовательного развития характера), а также зависимости и агрессивности. Основные результаты показали широкий диапазон традиций, обусловливающих отношение родителей к воспитанию у детей базовых навыков и реакций.

Марк Борнштейн с коллегами (*Bornstein et al.*, 1991) проанализировал сделанные ими видеозаписи обращения со своими пятимесячными младенцами 24 матерей из Франции, Японии и США. Было замечено, что все младенцы ведут себя одинаково, что исключало объяснение наблюдаемых различий в поведении матерей спецификой младенческих реакций. Оказалось, что американские матери больше остальных уделяют внимание стимуляции ребенка. Они привлекали внимание, говорили с младенцем, прикасались к нему и поворачивали. Используемые типы стимуляции также отличались по своему характеру. Американки и француженки уделяли больше внимания тому, как их младенцы взаимодействуют с объектами, и меньше — их обращению с самой мамой. Японки проявляли одинаковую ак-

тивность по отношению ко всем элементам стимуляции. Американские матери больше, чем французские и японские, использовали в своей речи высокотоновые звуки ("гуления") при общении с ребенком, а не взрослую речь с обычным набором тонов, как их "коллеги". Вполне возможно, что формирование того, что называют национальным характером (см. ниже), начинается с тонких различий в культурном контексте, проявляющихся уже на первых этапах взаимодействия матери и ребенка.

Черные матери со своими детьми и белые матери, имеющие приемных черных детей, по-разному воспитывают своих чад. Белые матери больше ориентированы на самостоятельное решение их детьми своих проблем (*Moore*, 1986). Вообще опыт ранней социализации, связанный с семьей, в разных этнических группах (здесь можно сослаться на данные Dornbush, включающие анализ восьми тысяч примеров), оказывает большое влияние на последующий уровень развития интеллекта, хотя эта закономерность больше подтверждается для мальчиков, чем для девочек (*Yarrow et al.*, 1971).

Ури Бронфербреннер (*Bronferbrenner*, 1970) в течение семи лет руководил проектом по кросс-культурному исследованию особенностей воспитания детей в СССР и США. Согласно результатам этого уникального проекта, специфика воспитания в обоих культурах имеет явные различия. Российские младенцы получают больше проявлений любви и физических контактов — объятий, поцелуев, покачиваний и прижиманий — чем американские. Однако они также получают меньше свободы движений и ограничены в инициативе, что вызвано как неблагоприятными факторами окружающей среды (например, низкая температура воздуха в доме), так и опасениями по поводу возможности нанесения ребенком себе вреда. Материнская ответственность, отмечает У.Бронфербреннер, распространяется на родственников и даже случайных знакомых. Несмотря на такую заботу и любовь, акцент в воспитании делается на развитие послушания и самодисциплины. И в школе, задачей которой является формирование характера, воспитывается компетентность в предметной активности и чувство товарищества. Таким образом, советские дети оказались

мотивированы к проявлению "хорошего поведения", в основе которого лежит сильное стремление к обучению и служению своему обществу.

14.4. Этническое самосознание и этнические предпочтения

Переменные, образующие самосознание целого народа, трудно поддаются классификации. Вряд ли можно с полной уверенностью говорить и о сложившейся концептуальной системе в современной дифференциальной этнопсихологии. Мы рассмотрим лишь несколько аспектов этнопсихологических различий между людьми, оформленных в виде небольших подразделов.

Субъективно-нравственное понимание лжи

Межкультурное сравнение понимания справедливости и прав личности, отношения к законам и мотивировки к законопослушанию представляют особенный интерес. Владимир Лефевр (1993) аргументированно отстаивает гипотезу о существовании двух этических систем, характеризующих соответственно представления американцев и русских (в период существования советского государства) о справедливости. Эти представления кратко изображаются в виде двух формул:

Зло + Добро = Добро (I этическая система)
Зло + Добро = Зло (II этическая система)

Особенность русского этнического самосознания проявляется в склонности полагать, что добро всегда побеждает зло, поэтому ради доброго и важного дела всегда можно допустить совершение небольшого (по субъективным критериям, разумеется) зла (I этическая система). Предпочитающие эту этическую систему одобрительно относятся к лозунгу: "Цель оправдывает средства". Эти установки, как показывает недавняя история, определяли поступки многих людей в конкретных обстоятельствах. Придерживающиеся второй этической системы негативно относятся к смешению понятий добра и зла, считая, что ложь не может быть средством достижения гуманной цели.

Результаты исследования В.В.Знаковым (1995) причин лжи у американцев (по данным Пола Экмана, 1993) и русских показали наличие многих общих мотивов поведения: лжи из корыстных побуждений, страха унижения, желания избежать наказания или повысить свой авторитет. Однако основное различие было в отношении американских и русских к вмешательству в личную жизнь — первые во многих случаях стремились сохранить в неприкосновенности внутренний мир, тогда как для вторых было намного естественнее отвечать на вопросы, касающиеся личной жизни. Эти психологические особенности были интерпретированы автором как проявление "двух различных типов понимания лжи", соответственно названных "морально-правовым и субъективно-нравственным" (*Znakov*, 1997).

Морально-правовые суждения

Сравнение готовности к компромиссу среди американцев, выросших в США, эмигрантов из бывшего СССР и россиян — граждан бывшего Советского Союза показало крайнюю нетерпимость последних, "не идущих ни на какие компромиссы" (см. *Темнова*, 1991). Исследование среди жителей Москвы выявило также их готовность давать ложные показания в суде (63%), если это оправдывается причинами нравственного порядка (*Знаков*, 1993). Сравнительный анализ данных изучения морально-правовых установок американских (*Тарр*, 1987) и российских граждан, проведенный О.П.Николаевой (1995), показал, что в сознании россиян существует изначальное разделение понятий "закон" и "мораль". Результатом этого является смешение понятия о справедливости с областью нравственности, вследствие чего законы не воспринимаются как рациональные и справедливые. Также у российских граждан отмечается повышенная, по сравнению с западными студентами, ориентация на авторитетное лицо (40% vs 3%), под которым понимаются государственные институты. Выявленная противоречивость приводит автора исследования к выводу о том, что "ориентация на моральные нормы стано-

вится компенсаторным механизмом законопослушности при недостаточно эффективной работе правового аппарата" (*там же*, с.88).

Отношение к работе

Вынесенный в название подраздела вопрос является одним из наиболее важных по сравнению с другими сферами жизнедеятельности. Проведенный в рамках Всемирного исследования трудовых ценностей, охватившего более тридцати стран, сравнительный анализ выявил ряд особенностей российского общественного самосознания (*Магун*, 1996). Как и во многих других странах, у россиян первое место по значимости занимает семья, а работа рассматривается в качестве второй по важности сферы жизни. Однако разрыв между субъективной значимостью работы и семьи в мировоззрении российских граждан наиболее заметен и является одним из самых больших в мире. Объясняется этот разрыв, по мнению автора указанной выше работы, низкими оценками значимости своего труда, характерными для российского населения.

Второе важное отличие России от средних ранговых оценок в других тридцати двух странах заключается в приоритете ценности высокого заработка, что отражает реальное противоречие социалистическому канону предыдущих семи десятилетий, выражающемуся в лозунге "приоритета духовных ценностей над материальными". Анализ ранговых значений ценностей на основе индекса "усиления ценностей бескорыстной самоотдачи и ослабления материальных ценностей" выявил низкие значения этого индекса у россиян, предпочитающих "ценности максимизации надежного заработка и сокращения трудовых затрат при безразличии к активной самоотдаче, направленной на социально значимые ситуации" (*там же*, с.56). Приведенные результаты вполне соответствуют содержательной интерпретации двухмерной системы координат (*Магун*, 1996), долгое время формировавшей установки на отношение к работе в рамках универсальных противопоставлений:

* общественная польза vs личный интерес
* "духовные ценности" vs "материальные блага".

Декларативный упор на левые полюса указанных дихотомий вызвал известное противоречие в структуре мотивов, что, в конечном счете, вызвало негативную окраску понятия "общественная польза" и привело к дискредитации тех духовных ценностей, которые связаны "с удовлетворением потребностей человека в самореализации, новизне, достижениях и в признании его как творческой личности" (*там же*, с.47).

Такое своеобразное положение россиян на общей шкале измеряемых ценностей свидетельствует, скорее всего, о "власти ситуации" (*Ross*, *Nisbett*, 1991), усиливающейся в эпоху перемен. Хотя нельзя сбрасывать со счетов и выработанные в течение многих десятилетий общественные установки, нередко определяющие базовые компоненты как массового, так и индивидуального этнического сознания.

Мечты о будущем

Социокультурное влияние затрагивает самые интимные стороны человеческой души. Обследование 400 студентов Нью-Йоркского городского университета (*Singer*, 1966) позволило проранжировать культурно-этнические группы по частоте и содержанию посещаемых студентов в течение дня грез о своем возможном будущем. Группы распределились в следующем порядке (от большей частоты — к меньшей) — итальянцы, негры, евреи, ирландцы, англо-саксы и немцы. При этом показатели первых трех групп значительно превышали показатели последних трех. Данные подтвердили также гипотезу о связи личностного статуса с социальной мобильностью — последние три группы уже имели устойчивый иммиграционный статус, в то время как первые три — пока нет. Отличия в содержании грез также имели место. Представители первых трех групп меньше идентифицировали себя со своими отцами, предпочитая ориентироваться на самостоятельно созданные образцы поведения. Однако осталось неясным, является ли содержание грез англо-саксов и немцев проявлением тенденции к большей конформности и стилю самоограничения (как отражение черт наци-

онального характера) или же отражением общей тревожности как следствия глубокой ассимиляции в американскую культуру.

14.5. Национальный характер

Понятие национального характера, без сомнения, является центральным для дифференциальной этнопсихологии, и, в то же время, оно практически не разработано, оставаясь на периферии обыденного (даже не научного!) сознания. Поэтому данный раздел можно считать скорее эскизом будущего.

Определенная часть человеческой личности связана с ее отношением к неким разделяемым совместно с другими носителями данной культуры формам самовыражения, проявляющимся в привычках, предпочтениях в реагировании и производимых оценках. В метафорической форме национальный характер представляется как “общество внутри нас” (см. *Касьянова*, 1994), в виде научных абстракций он определяется “частотой обнаружения определенных типов личности в данном обществе” (*Duijker*, *Frejda*, 1960) или же как “соответствие сравнительно прочно сохраняющимся чертам и типам личности, являющимся модальными для членов данного общества” (*Inkeles & Levinson*, 1954).

Культурные различия в обсуждении научных проблем

Психолог из Стэнфордского университета Роберт Зайонц (*Zajonz*, 1989) проанализировал материалы Г.Гальтунг (*Galtung*, 1981), касающиеся национальных особенностей, проявляющихся в стиле ведения научных дискуссий. Представим наиболее существенные в интересующем нас контексте моменты (воспользовавшись материалами в переводе Л.Ф.Вольфсон). Сравнению подверглись четыре подхода: саксонский, тевтонский, галльский и японский, демонстрирующих “как делается наука” в интеллектуальных центрах Британии и США, Германии, Франции, Японии. Основные характеристики этих подходов выглядят следующим образом:

Саксонский. Наибольшее поощрение споров и дискуссий. Интеллектуалы образуют команду, где должно со-

храняться содружество. Существует джентльменское соглашение: "Мы должны держаться вместе и продолжать наш спор, несмотря на все разногласия". Первый из начинающих обсуждение предваряет свою речь словами: "Я с большим удовольствием прослушал выступление X и потрясен его умением владеть фактами, но...". В Великобритании это "но" может иметь далеко идущие последствия, занимая в несколько раз больше времени, чем вводная часть. В США (особенно в западных штатах), наоборот — даже в самой средней студенческой работе профессор постарается найти тот критический самородок, который засияет при надлежащей шлифовке.

Тевтонский и Галльский (в общей характеристике рассматриваются вместе). Тут не будет комплиментарного вступления и никто не захочет искать маленький самородок. Напротив, участники обсуждения прямо укажут на слабое место в рассуждениях оппонента, а в конце дискуссии и вовсе не будет смягчающих замечаний, чтобы "по-человечески поддержать" критикуемого. Взгляды будут холодны, лица напряжены, и легкий оттенок презрения и насмешки появится в уголках глаз. Автор же работы, отчаянно защищающий свое детище, окажется в положении жертвы.

Японский. Главное в обсуждении — не испортить сложившихся отношений. Здесь существует уважение "по вертикали": к авторитету, к учителю, кто бы он ни был. Присутствующих объединяет чувство коллективизма и ограниченной солидарности. Главным оказывается вопрос о том, к какой школе ты принадлежишь, откуда взял свою идею и кто ее высказал первым. Спор здесь скорее социальный, чем интеллектуальный, акт. Г.Гальтунг также анализирует вопросы, которые задают автору гипотезы:

* саксонский стиль (американский вариант): "Как Вы операционализируете свою гипотезу?";

* саксонский стиль (британский вариант):"Как Вы ее документируете?";

* тевтонский стиль: "Как Вы можете вывести ее из Вашей аксиомы?";

* галльский стиль: “Можете ли Вы выразить гипотезу на хорошем французском языке?”.

Различия существуют и в практике научной работы. Британское увлечение документацией, как и американская любовь к статистике, вошли в поговорки. Эти характеристики образуют резкий контраст с национальными особенностями тевтонских и галльских интеллектуалов, которые “могут даже не осознавать, что им не хватает документации для обоснования того, что они говорят. Для них суть интеллектуальной деятельности заключается в создании теорий. Эмпирические данные имеют скорее иллюстративную, чем демонстративную функцию. Расхождение между теорией и данными устраняется за счет данных” (*Galtung*, 1981, с. 828).

Безусловно, многие из приведенных характеристик могут вызывать сомнения, хотя автор представил весьма тонкую, обусловленную национально-культурными диспозициями, классификацию социальных исследователей в рамках каждой культуры.

Вполне вероятно, отмечает далее Роберт Зайонц, что расхождения между учеными внутри одной культурной традиции могут оказаться более значительными, чем между учеными разных стран.

Этим повторением общего для всей главы вывода завершается очередной раздел.

Ключевые термины главы: генетические маркеры, кросс-культурные исследования, культурный контекст, материнская ответственность, национальный характер, нравственные ценности, отношение к работе, расовые признаки, специфика воспитания, социокультурная детерминация, традиции, этическая система, этнические различия, этническое самосознание.

Часть V. “ИНЫЕ”: ЗА ГРАНИЦЕЙ ОБЫЧНОГО

Иногда бывает очень нелегко ощутить и тяжело признать, что “я какой-то... особенный”, “непохожий на других”, “не такой, как все”. Иногда наоборот, хочется, чтобы все узнали, какой я... “гениальный и уникальный”, “выдающийся и неповторимый”, “талантливый и исключительный”. Качественные различия двух приведенных самоописаний личности достаточно очевидны и связаны с разными проявлениями индивидуальности : аномалией и творчеством. Объединяет их один формальный признак — отступление от “нормы”, от “средней линии”. Но природа этого отступления в каждом случае своя. И хотя мы продолжаем разговор о различиях между людьми, затрагиваемые в этой части проблемы касаются любого отдельного человека. В личности каждого из нас находит свое место и “доктор Джекиль”, и “мистер Хайд”.

Глава 15. Правила без исключений?

> Очень часто гораздо важнее знать, какая личность подверглась заболеванию, чем то, какому заболеванию эта личность подверглась.
>
> *Уильям Ауслер*

В высказывании специалиста, которого называют отцом британской медицины, содержится основная идея дифференциальной клинической психологии. На знании личности человека, обнаруживающего то или иное патологическое расстройство, безусловно, будет построена терапия будущего, третьего, тысячелетия. Но каково со-

временное состояние той части клинической психологии, которая связана с дифференциально-психологическим анализом? Данная глава предназначена тем, кто интересуется ответом на этот вопрос.

В текущей главе движение по уровням иерархии означает переход от рассмотрения наиболее тяжелых форм психической и личностной патологии к описанию более "легких", проявляющихся в различных видах дезадаптации, пограничных состояний и акцентуаций личности. Приведенные концепции и факты будут рассмотрены через систему координат основных векторов поведения — деконструктивного (патологического), дезадаптивного (проявляющегося в нарушении структуры процесса), девиантного (отклонение от принятой нормы поведения) и субъектно-неадекватного (нарушение обратной связи). Этот подход дополняется анализом природы нарушения механизмов, порождающих позитивные интегральные эффекты функционирования индивидуальности — компенсаторность, адаптивность, оптимальность и продуктивность.

15.1. Иной — "не враждебный, а просто отличный от тебя"

Люди с теми или иными формами психических и личностных расстройств существовали всегда. Отношение к "иным" было разным и зависело от совокупности разных факторов — особенностей исторической эпохи, установок по отношению к отклонениям от нормы и уровня развития психологической культуры в данном обществе. С появлением первых профессиональных психологов различные человеческие аномалии становятся важнейшим предметом особого раздела науки о душе. Лайтнер Уитмер (*Lightner Witmer*), открывший в 1896 году первую психологическую клинику в Пенсильванском университете (США), считается основателем нового направления — клинической психологии (*Garfield*, 1984). Трудноуловимая граница между клинической психологией и психиатрией не является сейчас предметом нашего анализа. Отметим лишь несколько важных для целей дифференциальной психологии особенностей в

развитии клинической психологии, касающихся смены ее парадигмальных установок.

В конце прошлого века Джеймс Кэттелл, окончив работу у Вильгельма Вундта в Лейпциге и посетив на своем пути Фрэнсиса Гальтона в Кэмбриджском университете, возвращается в Соединенные Штаты и разрабатывает концепцию ментального теста, а также вводит в психологическое обращение и сам термин (*Cattell*, 1890), особенно отмечая необходимость практического использования тестов в качестве инструмента отбора людей для обучения, а также как индикатора различных расстройств. Под влиянием психоанализа, широкое распространение в клинике получает тест словесных ассоциаций, отвечающий по своей сути содержанию превалирующей среди клиницистов психодинамической модели. Создатели последней — Месмер, Льебо и Шарко во Франции и Брэд в Англии — делали акцент на силе влияния бессознательного на развитие человека (*Belloch*, 1997). Психологическая же особенность модели заключалась в использовании противостоящей иррациональным образам силы речи. С развитием в дифференциальной психологии методов измерения способностей и интеллекта, клинические психологи начинают все больше внимания уделять процедурам измерения эмоций и личности. Психоаналитическая основа интерпретаций начинает удивительным образом сочетаться с психометрическим подходом к анализу черт и состояний.

С появлением работ Ганса Юргена Айзенка в Европе, особенно с выходом его книги Handbook of Abnormal Psychology (Учебник по аномальной психологии) (*Eysenck*, 1960), а также работ А.Йетса (*Yates*, 1958) и А.Остина (*Austin*, 1961) в Северной Америке, клиническая психология, уже с новым содержательным оттенком abnormal (англ. — аномалия) psychology, вытесняет концепцию поведенческих отклонений, возникшую под влиянием бихевиоризма. В новой парадигме психологи уже имеют дело с взаимовлиянием физических и психических расстройств, а в терапевтических подходах терминология ментальных болезней сменяется концепцией ментального (психического) здоровья.

Настоящая революция в классификации и диагностике психических расстройств происходит с появлением третьей и четвертой версии Диагностического и Статис-

тического Руководства по Психическим Заболеваниям (английская аббревиатура — DSM). Реализуемый в Руководстве (*APA*, 1980; 1994) системный подход учитывает при постановке диагноза и выборе метода лечения совокупность факторов — текущую симптоматику, индивидуальный анамнез, уровень адаптации, степень расстройства, паттерн личностных характеристик и связанных с ним физических заболеваний. Однако, хотя психиатры и клинические психологи получили наконец-то возможность говорить на одном языке, язык этот продолжает оставаться по преимуществу психиатрическим. Термин "психические расстройства", исчезнувший в 1937 году из обихода, вновь сменяет бытующие "функциональные расстройства", "поведенческие девиации" и "аномальное поведение", определяясь, тем не менее, как "клинически значимый поведенческий или психологический синдром или паттерн, обнаруживающийся у субъекта" (*APA*, 1994). Серьезная критика некоторых принципов Руководства (например, разделяющего все психические расстройства на "клинические" и "личностные" — см. *Clarke*, *Watson & Reynolds*, 1995) позволяет надеяться на ближайшие коррективы в этом перспективном по своей сути подходе. К такому же выводу приводит и продолжающийся процесс дифференциации клинической психологии, в которой выделяется теперь психология здоровья, согласно основному тезису которой, "здоровье не есть просто отсутствие болезни". Существующий же эпистемологический разрыв между клинической психологией с психологией здоровья (см. *Belloch*, 1997), мы оставляем на этот раз за рамками анализа.

15.2. Психопатология: врожденные ограничения

На протяжении многих столетий люди с тяжелыми формами психических, в первую очередь интеллектуальных, расстройств резко выделялись на фоне остальных. Выступая под разными названиями — "идиотия", "умственная отсталость", "задержка в развитии", "неспособность к обучению" — этот симптомокомплекс индивидуальных свойств всегда рассматривался как преграда на пути формирова-

ния нормальной личности. Но далеко не всегда — как преграда к нормальной, по мере возможности, человеческой жизни. В Декларации ООН о Правах нетрудоспособной личности (*United Nations*, 1975) отмечается, что "независимо от источников, природы и серьезности" заболевания нетрудоспособные люди имеют "такие же фундаментальные права, как и их сограждане... включая, прежде всего, право на нормальную и полноценную, насколько это возможно, личную жизнь".

Причиной наиболее тяжелых, "безвозвратных", форм психических расстройств являются генетические нарушения. В настоящее время выделяется два основных подхода к изучению влияния наследственности на врожденные компоненты симптомокомплекса, вызывающего психологические проблемы (*Plomin*, 1994). Традиционный подход, названный OGOD (one gene, one disorder — один ген, одно расстройство), основан на концепции, предполагающей выделение отдельного гена, связанного с конкретным видом нарушения. В одном из семейных исследований в Дании, например, выявлено влияние частной биохимической мутации на проявление актов импульсивного насилия (*Brunner*, 1993). Альтернативный подход, получивший название QTL (quantitative trait locations — количественное накопление признаков), нацелен на поиск множества генов (путем картирования, то есть определения их локализации), порождающих комбинированный эффект, вызывающий расстройство. Этот подход уже позволил частично объяснить причины возникновения болезни века — болезни Альцгеймера, появляющейся у людей с определенным генетическим паттерном в возрасте от семидесяти до девяноста лет (*Skoog*, 1993).

Наибольшая группа (60%) среди интеллектуально неполноценных людей страдает от синдрома Дауна, вызванного дополнительной двадцать первой хромосомой. Расстройства психики в остальной 40% части выборки вызваны материнской инфицированностью в период беременности, злоупотреблением диетой и лекарствами, преждевременными родами и детской инфицированностью (*Mental Health Foundation*, 1993). Другими словами, они обусловлены средовыми факторами. Однако даже

сформированные под влиянием врожденных факторов синдромы по-разному проявляются в период онтогенеза. На основе анализа развития двухсот младенцев с синдромом Дауна английский психолог Каннингем (*Cunningham*, 1982) установил, что до двухлетнего возраста одна шестая часть этой группы развивалась в среднем наравне со своими здоровыми сверстниками, обнаруживая лишь некоторые признаки заболевания, в то время как другая, одна шестая, часть группы с трудом освоила к двум годам навыки развития шестимесячных младенцев. С годами пропасть между этими двумя подгруппами увеличилась.

Это и многие другие исследования (*Nosal*, 1990; *McConkey*, 1996, 1997) дают основания для выделения третьего (самого мощного?!) фактора, или источника вариативности внутри популяции — субъективного жизненного опыта, который мы обозначили как фактор самодетерминации. Внутрисемейное взаимодействие, обстоятельства социальной и биологической среды обитания, обуславливающие возможности индивидуального развития, субъектная специфика формирующихся черт и другие компоненты жизненного опыта оказывают в своей комбинации влияние, природа которого пока еще мало изучена.

15.3. Классификация и измерение нарушений

В дохристианской Ирландии пятого века был издан специальный закон, устанавливающий необходимость различать между собой следующие категории: идиоты, дурачки и выжившие из ума; люди без рассудка и сумасшедшие. Эти группы граждан были освобождены от некоторых видов наказания и были защищены от эксплуатации. Наиболее близкую к современным воззрениям классификацию предложил немецкий психиатр Эмиль Крепелин, рассматривающий проявление психических заболеваний как следствия нарушений в структуре нейробиологических механизмов (*Kraepelin*, 1902). В соответствии с распространенной в психиатрической практике классификацией неврозов выделяют три основные формы нарушений нервной деятельности — психастению, неврастению и истерию.

Можно сформулировать следующие положения, лежащие в основе современной клинической психологии и позволяющие проводить дифференциацию различных видов расстройств:

1. Хотя поведение всех субъектов с наличием психопатологических нарушений является девиантным, далеко не за каждым видом девиантного поведения скрывается психопатология.

2. Расстройства психики (то есть нарушения в функционировании когнитивных, эмоциональных и регуляционных процессов) не обязательно предопределяют патологию личности.

3. Роль органических факторов в формировании целого ряда нарушений не исключает возможности обучения дезадаптивным реакциям.

Традиционно в анализе аномального поведения выделяется четыре раздела — детские заболевания, неврозы, психозы и расстройства личности.

Для изучения природы расстройств важны два вида статистических измерений. Распространенность определяется на основе выявления части популяции, страдающей от данного вида расстройства в течение определенного периода времени. Показатель заболеваемости (англ. incidence) показывает число вновь заболевших на данный момент времени. По данным на 1989 год в западных странах число детей с различными расстройствами составляет 15—22% от общего количества. Агрессивность и тревожность являются наиболее частыми нарушениями среди детей, включая подростков (*McGee et al.*, 1990).

15.4. Симптомокомплексы аномального развития

При разработке моделей психопатологических устойчивых состояний отмечается связь последних с тремя основными формами нарушений: в энергетическом обмене, в характере поведенческой регуляции и в способах переработки информации. Существует предположение (*Venables*, 1986), что шизофрения характеризуется открытостью к средовому (точнее, биофизическому) влиянию, а также дезорганизацией и отсутствием интеграции сре-

ди систем индивидуальной регуляции. Вполне возможно также, что источником нарушений в функционировании индивидуальности при шизофрении является сбой в самой системе регуляции, которая становится неспособной к интеграции работы систем "входа" и "сохранения" (*Gale*, 1987). В то же время высокий уровень развития интеллекта может выступать в роли защитного фактора для детей, попавших в группу риска, связанного с возможным развитием шизофрении (*Venables*, 1986).

Любой индивидуальный опыт проходит через фильтр Я-концепции (*Бернс*, 1986), поэтому активность субъекта, несовместимая с основными параметрами его Я-концепции, порождает психологический дискомфорт, что проявляется в тревожности, депрессии и других видах расстройств. Большое значение в развитии девиации имеют обусловленные различными чертами оценочные пристрастия. Двум группам детей — агрессивным и неагрессивным — предъявляли текст или прокручивали видеозапись с описанием какого-либо негативного события (один ребенок ударяет другого или не позволяет другому играть). Потом детей опрашивали, были ли действия нарушителя преднамеренными. Агрессивные дети были склонны считать, что нарушитель действовал умышленно (*Dodge & Coie*, 1987), и оценивали агрессивные действия более позитивно, причем мальчики были склонны думать, что агрессивные поступки повышают самооценку (*Slaby & Guerra*, 1988).

Враждебные настроения свойственны не только детям с выраженной агрессивностью, но характеризуют также мышление депрессивных детей (*Quiggle et al.*, 1992). Гнев и агрессивность связаны также с содержанием целей взаимодействия с другими. Имеющие высокие показатели по шкале нарушений дети, в отличие от своих сверстников, наиболее значимым полагали приобретение контроля над теми ребятами, которые им перечили (*Boldizar, Perry & Perry*, 1989). Они также отличались меньшим пониманием своих собственных эмоций (*Casey & Schlosser*, 1994).

15.5. Формы индивидуальной дезадаптации

Патологические нарушения ярче всего подчеркивают целостность индивидуальной организации. Личностные

нарушения, психические расстройства и конституциональная симптоматика образуют нечто вроде цепной реакции в ответ на повреждающие факторы. Большая скованность движений отмечается у лиц с невротическими отклонениями, а также у страдающих от внутриличностных и других конфликтов. По данным Р.Мэлмо (*Malmo*, 1950), даже до начала стимуляции в эксперименте по изучению реакции на воздействие тепловых раздражителей, лица с психическими расстройствами проявляли гораздо большую моторную напряженность, выражающуюся в частоте двигательных реакций, по сравнению со студентами из контрольной группы.

Формы дезадаптации — как процесса, ведущего "не к разрешению проблемной ситуации, а к ее усугублению, к усилению трудностей и тех неприятных ситуаций, которые она вызывает" (*Налчаджян*, 1988) — можно представить в виде факторов, классифицируемых в зависимости от рассматриваемого уровня проявления. Реализуя иерархический подход к изучению процессов дезаптации, выделим следующие уровни анализа — психосоматический, когнитивно-эмоциональный, клинических синдромов поведения и патологии стилей жизни. Наиболее перспективным является анализ когнитивно-эмоциональных механизмов формирования личностных расстройств, который мы и рассмотрим в первую очередь.

Когнитивно-эмоциональные девиации

Многие из наиболее тяжелых видов расстройств — клиническая тревожность, маниакально-депрессивный психоз, неконтролируемая агрессия etc. — возникают в раннем детстве, обнаруживаясь чаще всего в виде нарушения эмоциональных процессов. Грань, отделяющую нормальное, но крайнее по степени выраженности, проявление эмоции от аномального, дезадаптивного реагирования, разглядеть нелегко (*Oatley & Jenkins*, 1996). Будет уместным лишний раз подчеркнуть, что нет резкого разделения на "присутствие"—"отсутствие" симптома, а есть континуальное распределение признака. Детские нарушения, включающие эмоциональные расстройства, раз-

деляют на две категории нарушений — экстернализованные (гнев, враждебность, агрессия, воровство, ложь) и интернализованные (печаль и тревога, сопровождающиеся часто тенденцией к отстранению). Признаки, по которым можно классифицировать ту или иную форму и степень тяжести расстройства, могут быть различными. Например, критерием для определения экстернальной девиации, называемой "противодействие" (по DSM-IV) считается проявление ребенком в течение шестимесячного периода четырех или более из отмеченных ниже признаков поведения, сопряженных при этом с нарушениями в социальной, учебной или межличностной сфере (*APA*, 1994):

* эмоциональные взрывы,
* ссоры со взрослыми,
* игнорирование или отказ в выполнении правил или просьбы взрослых,
* намеренное надоедание другим людям,
* обвинение других в своих ошибках,
* крайняя степень обидчивости,
* гневливость, злобность, мстительность, злопамятность,
* частое употребление ругательств и непристойных выражений.

Наиболее явные проявления депрессии, самого распространенного наряду с тревожностью интернализованного расстройства, — изменения в весе, нарушения сна, ощущение бесполезности, неспособность сконцентрироваться, повторяющиеся мысли о смерти или самоубийстве.

Психосоматические расстройства

Дихотомия "тело—душа", являясь одной из базовых категорий философских, поведенческих и психологических теорий, имеет конкретное проявление в сфере патологии, выступая под названием "психосоматические проблемы". Еще в 1938 году У.Джекобсон, используя электромиографические методики (основанные на регистрации возникающих в мышцах электрических импульсов) обнаружил, что, даже когда человек совершает телесные движения лишь в

воображении, в мускулах возникает скрытое напряжение (*Jacobson*, 1938). Современные электроэнцефаллографические исследования обнаруживают "движение" мысли по изменениям альфа-ритма, электрокардиограф регистрирует специфические реакции в сердечных сокращениях, когда человек вызывает у себя определенные эмоциональные образы (например, страх), электроокулограф улавливает движения глаз во время активных мыслительных процессов. Бесконечный список данных о согласованности функционирования телесных и душевных явлений подтверждает с помощью современных методов изучения психики древнюю гипотезу — не существует ментальной активности без физического (физиологического) аккомпанемента (*McGuigan*, 1994). Эта общая для всех психических процессов (точнее, для телесно-психического континуума) закономерность и лежит в основе психосоматических расстройств. В дифференциально-психологическом контексте проблема связана с изучением личностных (включая когнитивные, эмоциональные и регулятивные компоненты) особенностей людей, подверженных тем или иным видам заболеваний.

Г.Айзенк в результате многолетних исследований (*Eysenck*, 1991; 1994) факторов, связанных с предрасположенностью к сердечно-сосудистым и раковым заболеваниям, выявил основные характеристики личности, склонной к раковым заболеваниям:

(1) затруднения в проявлении эмоций, таких как страх, гнев и тревожность;

(2) неспособность адекватно реагировать на стресс, ведущая к ощущению безнадежности, беспомощности и, в конечном счете, к депрессии (*Eysenck*, 1997).

Многочисленные исследования не только подтверждают эту особенность группы заболевших раком, но и подтверждают точность прогнозов, сделанных в отношении здоровых, на момент тестирования, людей в отношении развития у них раковых заболеваний. Эта же тенденция подтверждается и в отношении больных сердечно-сосудистыми заболеваниями, личность которых характеризовалась выраженными чертами гнева, агрессии и враждебности. Г.Айзенк на протяжении десяти лет наблюдал свыше тысячи человек обоего пола в возрасте старше пятидесяти лет. Срав-

нив показатели смертности четырех выделенных десять лет назад (по сравнению с данным этапом анализа) групп: предрасположенных к раку и к сердечно-сосудистым заболеваниям, истериков и здоровых независимых личностей, — психолог обнаружил, что причина смерти в каждой из первых двух групп соответствовала критерию разделения. Группы третья и четвертая на момент анализа показали более низкий процент смертности (*Eysenck*, 1991). Кроме этого, наблюдения за четвертой группой (продолжавшиеся в общей сложности пятнадцать лет), в которую вошли лица с высокими показателями по шкале саморегуляции, выявили низкую смертность для людей этого возраста, обычно подверженных рассмотренным выше заболеваниям. Автономия в регулировании своего поведения служит механизмом, защищающим от воздействия невротических и негативных эмоциональных факторов, удерживая от экстремального поведения.

Факторы риска и стиль жизни

В George Mason University (США) Ральф Барокас с сотрудниками исследовал группу детей риска (*Barocas et al.*, in press), изучая влияние стрессовых факторов, возникающих в семейном окружении, на развитие у детей психосоматических заболеваний и образование девиантных форм поведения. Было обследовано 159 четырехлетних детей и их матерей. Проверялась гипотеза о том, что социальная и интеллектуальная компетентность детей связана с группой факторов, в которую, помимо биологически детерминированных, входят показатели социоэкономического статуса семьи, пережитые семьей стрессовые жизненные ситуации, размеры семьи, а также уровень психического здоровья родителей. На основе разработанного с учетом этих показателей многофакторного индекса риска был сделан прогноз относительно уровня IQ и социальной адаптации четырехлетних детей (*Barocas et al.*, 1985). Увеличение числа включенных в индекс риска факторов оказалось связано с уменьшением у детей уровня интеллектуальной и социальной компетентности. При этом материнский стиль воспитания, детерминированный социальными и семейными

факторами риска, выступил в роли медиатора в успешности выполнения ребенком интеллектуальных заданий и развития у него навыков саморегуляции.

Риск возникновения различного рода расстройств связан с важнейшей проблемой дифференциальной психологии — прогностичностью показателей, измеряющих индивидуальные особенности. В качестве предикторов (англ. "предсказателей") развития заболеваний часто выступают отраженные в личностных особенностях параметры жизненного опыта. В частности, снижение заботы и ухода со стороны родителей в детстве приводит к вовлечению уже ставшего взрослым человека в жизненные ситуации, характеризующиеся наличием высокой степени риска. Женщины, которые в детстве обучались и жили в пансионатах, чаще имели раннюю беременность, трудности в интимных взаимоотношениях и сложности в освоении родительской роли (*Quinton et al.*, 1984). Люди, пережившие серьезную депрессию, оказались вовлеченными, даже будучи в недепрессивном состоянии, в большее количество неприятных жизненных событий (в основном, межличностных, таких как конфликты с супругами или детьми), чем не имевшие депрессивной предыстории (*Hammen*, 1991).

Повторяемость и частота возникновения расстройств также является показателем фактора риска. Пятьдесят процентов детей с экстернализованными расстройствами обнаруживают личностные нарушения, став взрослыми (*Robins*, 1978). Мальчики с выраженным симптомокомплексом признаков агрессивности, гиперактивности и трудностей во взаимоотношениях с родителями в пять раз чаще, по сравнению с детьми без этих проблем, становились преступниками или алкоголиками во взрослый период жизни (*Magnusson*, 1988). Сравнение двух групп — в одной из которых находились испытавшие депрессию в детстве люди, а в другой были люди с расстройствами, выделенными по иным показателям, — выявило, что имеющие опыт детской депрессии были гораздо более депрессивными взрослыми (*Harrington et al.*, 1990).

К факторам риска относится также наличие в стиле поведения человека определенных паттернов предпочте-

ний. Довольно изученной является проблема изучения предпочтений, лежащих в основе поведенческих стилей типов А, С и Т.

Синдром А-типа определяется как сложный симптомокомплекс, объединяющий признаки гнева, соревновательного поведения и стремления к совершенствованию, характеризующие реакции индивида на стресс. Человек с таким поведенческим стилем испытывает постоянное давление времени, в результате чего становится враждебным, нетерпеливым и тревожным. Люди этого типа часто пытаются делать много дел одновременно. Они амбициозны, неудовлетворены многими аспектами своей жизни. Несмотря на мобильность и подвижность, часто обнаруживают дисфункцию, образуя группу риска среди людей с сердечно-сосудистыми расстройствами. Бизнесмены А-типа в два раза чаще умирают от инфаркта (*Friedman & Rosenman*, 1974). Стремление к достижению завышенных целей и провал попыток в их достижении связаны с депрессивностью и тревожностью (*Joiner & Schmidt*, 1995).

Синдром С-типа (аббревиатура и определение наши. — *А.Л.*) (от англ. challenge — вызов, commitment — обязательство, control — контроль, регуляция). Людей этого типа можно назвать “выносливыми” (*Kobasa*, 1984), способными выстоять в стрессовой ситуации, не теряя равновесия, и умеющими совладать с ней. Выносливые личности обладают тремя установками, помогающими им справляться со стрессом:

* они приветствуют изменения как вызов, а совсем не обязательно как угрозу;

* концентрируются на обязательствах, которые они должны выполнить для достижения цели, и стремятся к решению проблем;

* считают события подвластными контролю.

Чувство контроля за ситуацией связано с тем, что люди этого типа не имеют вредных для здоровья последствий в результате перенесенных стрессовых воздействий.

Синдром Т-типа (от англ. thrill — трепещущий от волнения и taking risk — принятие риска) характеризуется стремлением к поиску стимуляции и возбуждения, вовлеченно-

стью в разнообразные, имеющие высокую степень риска ситуации (*Farley*, 1990). Вызванные стрессом переживания являются наградой за смелость. Фарли различает конструктивный Т-тип, когда риск связан с творчеством и вызван конструктивной мотивацией, и деструктивный, вовлекающийся в криминальные ситуации и обнаруживающий делинквентное поведение. Обе разновидности, естественно, зависят от ценностных ориентаций обладающего определенным типом поведения субъекта.

Безусловно, психологический фактор риска тесно связан с физическим (физиологическим). Исследования курильщиков показывают, что частота смертности среди этой группы повышается во много раз, когда обнаруживается "фатальная" комбинация двух факторов — развивающегося рака легких и стресса, получаемого организмом курильщика под воздействием никотина (*Eysenck*, 1991; 1994).

15.6. Предпосылки личностных деформаций: матрица ситуаций, фактор уязвимости и синдром выученной беспомощности

Не каждый человек, подвергающийся воздействию стрессовых событий, обязательно впадает в клиническую депрессию. На чем основано различие между эмоциональной, пусть даже сильно выраженной, негативной реакцией, или сниженным фоном настроения, и реакцией в виде сильного эмоционального нарушения типа депрессии или тревожности? Типичны два варианта ответа. Первый связан с апелляцией к тяжести, степени выраженности неприятной ситуации. Т.Холмс и Р.Рэй (*Holmes & Rahe*, 1967) с помощью специально разработанной шкалы социальной дезадаптации оценивают степень тяжести ситуации через выраженную в процентах вероятность изменений, которые может за собой повлечь происшедшее событие. Верх шкалы образуют неприятные события супружеской жизни, включая смерть одного из супругов, развод, хронические заболевания. Человек, не выдерживающий неожиданного поворота событий, реагирует нервным или психическим срывом.

Психотравмирующие ситуации наиболее сильное влияние оказывают в детстве. Уже стало аксиомой, что на развитие деформаций в структуре человеческой личности с самого раннего детства влияют окружающие обстоятельства. Дж.Браун и Т.Харрис (*Brown & Harris*, 1978) обнаружили, что развитие депрессии у обследованных женщин довольно четко определяют три основных фактора — слабая социальная поддержка, потеря матери в период жизни до 11 лет и постоянное отсутствие работы. Также мужчины и женщины, потерявшие в детстве одного из родителей, становятся подверженными депрессии. Исследования показывают, что дело не только в самой смерти близкого человека, а в отсутствии заботы и внимания, как негативного следствия этой потери (*Brewin, Andrews & Gotlib*, 1993).

В формировании нарушений не меньшее значение имеет и вторая сторона фактора уязвимости — индивидуальная детерминанта, за которой может скрываться предрасположенность к дезадаптивному стилю реагирования. Уязвимость, возникшая в результате раннего негативного опыта, деформирует Я, нарушая чувство самоценности. Негативные эмоциональные схемы, закрепляясь в стиле самореализации, обуславливают и предпочтение определенных типов ситуаций. Находящиеся в депрессии родители склонны отстраняться от детей. В свою очередь дети, подвергаясь влиянию возникающих вследствие этого нарушений, отстраняются впоследствии от родителей. Испытавшие недостаток тепла люди страстно стремятся к любви, что вызывает поспешные и неадекватные браки (*Whitbeck et al.*, 1992). Таким образом, "циклы уязвимости" начинают передаваться из поколения в поколение. Наиболее известная теория "когнитивной уязвимости" А.Бека (*Beck*, 1983) предполагает наличие паттернов иррациональных мыслей, сформированных в детстве и связанных впоследствии с тревожностью и депрессией. Иррациональное мышление склонно к сверхобобщениям и преувеличениям, обуславливая при этом акцентирование внимания на негативном содержании событий при игнорировании позитивных моментов; переход к выводам совершается произвольно, а ситуация

оценивается как личностно значимая, даже когда не имеет для субъекта никакого значения.

Существует и атрибутивная версия синдрома выученной беспомощности, которая также рассматривает стили мышления в качестве важной предпосылки дезадаптации.

15.7. Аномалии личности и антисоциальное поведение

Антисоциальное поведение, то есть поступки и действия, направленные на сознательное (реже — неосознаваемое) нарушение принятых в обществе правил взаимодействия между людьми, не всегда связано с расстройствами психики и личности. Однако нас интересуют различные проявления антисоциальности, имеющие отметку на шкале индивидуальных особенностей — от тяжелых форм психопатологических нарушений до множества совершенно безобидных на первый взгляд "небольших отклонений".

Линии детства: природа—воспитание—опыт

Уже в раннем детстве экстернализованные расстройства могут сопровождаться различными проявлениями антисоциальной направленности, такими как причинение вреда принадлежащей другим собственности, экспансивность, жестокость в обращении с животными. Различия в уровне агрессивности становятся заметными уже в возрасте двух лет (*Prior et al.*, 1993). Группа психологов проинтервьюировала родителей 2 500 детей в возрасте от четырех до шестнадцати лет из разных областей США. Среди пунктов опросника были утверждения типа "дразнит", "пристает к другим детям", "физически атакует других людей", "ругается" и пр. С возрастом содержание выделенных паттернов признаков изменялось, хотя устойчивость самих паттернов сохранялась. Агрессивность поведения уменьшилась, а делинквентность возросла, когда дети стали старше (*Achenbach et al.*, 1991). В другом исследовании также обнаружился переход с возрастом от поведения, характеризующегося "сопротивлением",

к более серьезным антисоциальным поступкам. Это могло быть связано и с возросшими возможностями подростков, которые уже могли прибегнуть к помощи оружия и обладали большим знанием о том, какими способами можно причинить вред (*Offord, Boyle & Racine*, 1987).

Делинквентные подростки

Агрессивность обнаруживает такую же стабильность, как и уровень IQ (*Olweus*, 1979). Мальчики и девочки, которых родители в восьмилетнем возрасте оценивали как агрессивных, через двадцать два года оказались самой агрессивной группой среди своих тридцатилетних сверстников (*Huesmann et al.*, 1984). Они имели больше правонарушений, агрессивно вели себя по отношению к собственным детям и оскорбительно вели себя в супружеской жизни. Создается впечатление, что, возникнув однажды, стиль агрессивного поведения развивается и сохраняет свою устойчивость во времени.

Болезни личности или болезни общества?

Биологические ориентированные модели психопатологических нарушений, вызванных личностными деформациями, рассматривают в качестве их источников или повреждения мозга, или генетические факторы, связанные с отклонениями в работе мозговых нейротрансмиттеров, или инфекцию. С помощью современных технологий, включающих сканирование мозга (компьютерная томография), нередко удается обнаружить связь между психологическими нарушениями и мозговыми аномалиями (*Gur & Pearlson*, 1993). Например, опухоль, расположенная в лимбической системе мозга, обусловливает крайние проявления взрывоподобного поведения, связываемого с агрессивностью. В то же время Фрейд (*Freud*, 1905), имея в виду клинических психологов и психиатров, отмечал:

> "Мы обязаны при изучении истории заболевания столько же внимания уделять исконно человеческим и социальным обстоятельствам, сколько соматическим данным и симптомам нарушения. И прежде всего, наш интерес должен быть направлен на изучение семейных обстоятельств"(p.47).

Сексуальные девиации

Из большого количества факторов, влияющих на различия в сексуальном поведении, довольно сложно выявить самые существенные. Однако критерии, по которым можно выделить группу с девиантным поведением, каждый раз достаточно определенны. В нашем исследовании (*Libin, Loseva*, 1989; *Либина*, 1995б;) обследовались девочки-подростки в возрасте от 10 до 16 лет, неоднократно проходившие лечение в одном из кожно-венерологических диспансеров города Москвы. Были выявлены довольно отчетливые тенденции, характеризующие эту группу по сравнению с контрольной выборкой их сверстниц:

(1) *Различия в жизненном опыте.* Среди заболевших девушек число воспитывавшихся в детстве в яслях было в три раза больше, по сравнению с контрольной группой. Практически все они имели значительно менее прочную эмоциональную связь с матерью. В исследуемой группе отмечалось более раннее начало половой жизни, а также довольно четко проступала специфика ситуации первой половой близости. Первым партнером оказывался малознакомый человек, а среди обстоятельств близости чаще всего назывались случаи насилия и алкогольного опьянения. В то же время в контрольной группе девушки отмечали, что их первым партнером был любимый человек, друг или жених.

(2) *Различия в половых стратегиях.* Обе группы значимо различались по числу половых партнеров на период обследования. Девушки, проходившие лечение, имели намного большее количество “знакомых”.

(3) *Психологические особенности* девушек первой группы заключались в наличии более низкого самоконтроля, неумении сдерживать свои импульсы. Они более негативно оценивали себя в целом, доверительнее относились к информации, полученной от других людей. В критической ситуации обнаруживается их неподготовленность к неожиданностям, что делает поведение зависимым от случайных обстоятельств.

Примечательно, что различий в ценностных ориентациях и в представлениях девушек о сфере сексуальных и семейных отношений между двумя группами не было выявлено.

Жертва и насильник: психологические особенности

В особый вид антисоциального поведения, характеризуемого как преступление против личности, выделяется сексуальное насилие. Связь насилия с сексуальными девиациями равновероятна — лишь пятьдесят процентов насильников обладают различными видами расстройств. По сравнению с группой преступников, совершивших убийство не на сексуальной почве, насильников-убийц отличает более высокий интеллектуальный уровень, крайняя степень интроверсии и наличие нарушений в психосексуальном развитии (*Имелинский*, 1986).

Проанализировав образ действий этого типа преступников, Н.Гросс выделил три основания для построения типологии — власть, гнев и склонность к садизму (*Groth*, 1991):

* Стремящийся к власти насильник хочет завоевать, подчинить жертву и, в то же время, нравиться ей. Желания причинять боль у него нет. Как правило, неудачливые в межличностных отношениях и в жизни вообще насильники движимы комплексом неполноценности.

* Злобный насильник применяет физическую жестокость и чрезмерную силу. Его насилие импульсивно, совершается под влиянием недавно пережитых негативных событий, и является следствием перемещения агрессии.

* Садиста-насильника агрессия возбуждает, и сам факт насилия является источником его удовольствия.

Во всех этих случаях целью насильников не является удовлетворение сексуальной потребности как таковой. Секс для них оказывается способом проявления агрессии. Причиной девиантного поведения и в этом случае становятся не психические расстройства, а определенные личностные деформации, возникающие под влиянием разных обстоятельств. По данным ряда исследований, лица, совершавшие агрессивные сексуальные действия по отношению к другим, в 54% случаев сами подверглись в детстве физической агрессии.

В исследованиях природы сексуального насилия большое внимание уделяется анализу психологических особенностей жертвы. Люди, пережившие насилие в детстве, испытывают чаще других чувство стыда и вины, отлича-

ются заниженной самооценкой и вовлекаются в рискованные ситуации, в том числе и сексуальные. Также отмечается тенденция перехода инцеста (изнасилование, совершенное близким родственником) из поколения в поколение. З.Старович (1991) описывает классический портрет "жертвы" — фатализм, робость и скромность, тревожность, отсутствие чувства безопасности, податливость внушению, неуверенность в себе. "Жертвы" проявляют более низкий, по сравнению с контрольной группой, уровень психологической адаптации, положительно коррелирующий с адекватностью поведения в ситуации насилия (чем ниже уровень адаптации, тем неадекватнее поведение) (*Васильев, Мамайчук*, 1993).

Для изучения индивидуальных параметров, связанных с тенденциями, которые можно условно соотнести со стратегиями поведения "жертвы" и "насильника", под нашим руководством (*Мамонова*, 1994; *Котова*, 1994) было предпринято обследование 89 учащихся девушек 15—19 лет. Для определения особенностей стратегии поведения использовалась адаптированная к русскоязычной выборке анкета (*Madson & Peter*, 1991), включающая четыре выделенных нами в процессе факторного анализа измерения — стратегия доминирования, стратегия подчинения (которые на феноменологическом уровне соотносятся со стратегиями "насильника" и "жертвы" в интимном поведении), адаптивная и дезадаптивная формы интимного взаимодействия. Измерялся также уровень социометрического статуса (*Coie et al.*, 1982), локус контроля (*Бажин и др.*, 1994) и стратегии совладания со сложными ситуациями (на основе адаптированного нами опросника — *Roger et al.*, 1993). Результаты показали, что стратегия подчинения связана с выраженностью дезадаптивной формы интимного взаимодействия ($r=0.37$ $p<0.05$) и фокусированном-на-переживаниях стилем реагирования ($r=0.41$ $p<0.01$). Показатели стратегии доминирования коррелировали с показателями рационального стиля реагирования в сложной ситуации ($r=0.40$ $p<0.05$). Сравнительный анализ выделенных групп учащихся с низким и высоким статусом показал, что высокостатусные характеризуются адаптивным поведением в интимной сфере.

Группа же низкостатусных разделилась на две подгруппы, характеризующиеся следующими симптомокомплексами:

* стратегия подчинения, стиль избегания в стрессовой ситуации и дезадаптивная форма поведения в интимном взаимодействии;

* стратегия доминирования, стиль реагирования в стрессовой ситуации — рационализация или отстранение, интернальность (то есть склонность полагаться на себя) в области неудач и межличностных отношений.

Анализ полученных результатов позволяет предположить, что обе стратегии поведения — доминирование и подчинение, соотнесенные с феноменологическими характеристиками "насильника" и "жертвы" — являются проявлением социальной дезадаптации, о чем свидетельствует объединение носителей этих противоположных по своей сути тенденций в одной группе низкостатусных субъектов.

15.8. Дифференциальная психиатрия и психотерапия

Дифференциальная психиатрия ставит своей задачей изучение индивидуальных особенностей лиц с различными формами нервных расстройств и психических заболеваний, с целью наиболее эффективной коррекции в процессе лечения и во время последующей психотерапии.

Можно ли обнаружить какие-либо предпосылки развития заболевания уже в детстве? Существуют ли наиболее явные, "бросающиеся в глаза" признаки, по которым невротика или психически больного человека можно отличить от здорового (условно относящегося к так называемой "норме")?

Во все времена бытовало мнение, что поведенческого портрета, указывающего на несовпадение тех или иных индивидуальных проявлений с общепринятыми правилами поведения, вполне достаточно для вывода об "отклонении", или ненормальности. Одним из первых поставил под сомнение очевидность диагностических признаков Ф.Галль, предложивший определять склонность

к психическим заболеваниям по морфологическим, наследуемым признакам — выпуклостям и впадинам на черепе. Созданная Галлем френология представляет сейчас чисто исторический интерес, но она послужила толчком для последующих изысканий. Ч.Ломброзо, проанализировав большое количество случаев, идет еще дальше и прибегает в интерпретации аномального поведения к мощи природного, наследственного фактора.

Основы понимания механизмов невротических нарушений были сформулированы И.П.Павловым (1926/1952), указывающим на необходимость исследования "условной разграничительной линии", пролегающей между неврозами и психозами:

> "...Как можно представить психическое расстройство без нарушения мозговой ткани, если не в структурном, то в функциональном отношении? Различие между нервным и психическим заболеванием есть различие или по сложности или по тонкости нарушения нервной деятельности" (*там же*, с.265).

И.П.Павлов (1951а), изучая нарушение равновесия нервных процессов, выделяет два основных типа неврозов — психастению и истерию, обозначая механизм первой невротической формы поведения как "преобладание процесса раздражения и слабость тормозного процесса", а второй, соответственно, "наоборот, преобладание тормозного процесса и слабость процесса раздражения" (с.411).

Современная дифференциальная психиатрия и психотерапия ставят своей задачей выявление роли индивидуальной переменной — отображенной прежде всего в структуре жизненного опыта субъекта — в предрасположенности к нарушениям, интенсивности развития патологического процесса и в возможности его коррекции. Многочисленные факты подтверждают также, что взаимодействие между медицинскими и психологическими методами лечения по природе своей синергично — объединенные в одном терапевтическом приеме они оказывают гораздо больший эффект, чем этого можно было бы ожидать в результате простого суммирования последовательных корректирующих действий (*Eysenck & Grossarth-Maticek*, 1991). Ближайшая задача дифференциальной

психологии, в этой связи, — показать влияние ментальных событий, таких как совладание (см. главу 22) или депрессия, на физические нарушения вроде раковых заболеваний. Сейчас уже сформирована главная линия в этом направлении — построенная на экспериментальных фактах каузальная теория, показывающая, к примеру, что связанный с депрессией уровень кортизола может регулироваться с помощью психологической терапии (*Lewis et al.*, 1994).

15.9. Деструктивные тенденции индивидуальности

Прежде всего отграничим от понятия деструктивных тенденций врожденные психопатологические явления, означающие, что человек практически лишен Природой возможности самому успешно совладать со своей жизнью. Речь идет о сформированных прижизненно дезадаптивных установках, приобретенных под воздействием жизненных обстоятельств неблагоприятных психических и личностных образований. Рассматривая соотношение личностных предпосылок и сопутствующих обстоятельств, мы так или иначе затрагиваем вопрос об общей направленности жизненного пути человека. На приведенном ниже рисунке 22* даются условные траектории вероятных жизненных трендов, детерминированных конструктивными (см. главу 15) или деструктивными тенденциями в развитии самой индивидуальности.

Еще одна важная особенность, существенно влияющая на сущность интерпретации представленных трендов, связана с их вероятностным характером, не обусловливающим, а, скорее, результирующим итоги отдельных этапов жизненного пути личности.

---

* Отметим, что общий характер рисунка часто используется в качестве иллюстрации возможных путей развития субъекта в различные периоды жизни (например, в связи с периодом юности — см. *Compas, Hinden & Gerhard*, 1995, p.272).

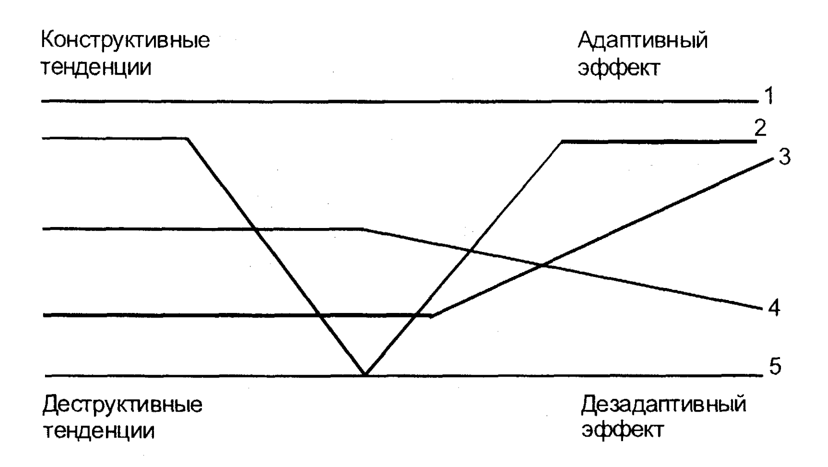

Рис. 22. Траектории деструктивных/конструктивных тенденций жизненного пути человека:

1 — адаптивное и творческое развитие индивидуальности;

2 — временное отклонение, связанное обычно с возрастной дезадаптацией;

3 — развитие совладающих навыков со сложными ситуациями;

4 — постепенная деградация;

5 — делинквентность, стабильная девиантная линия поведения.

Ключевые термины главы: акцентуации личности, аномальное развитие, антисоциальное поведение, вероятный жизненный путь, девиантный стиль, дезадаптивное поведение, деструктивные тенденции, клинические синдромы поведения, конструктивные тенденции, личностные деформации, ментальный тест, органические поражения, пограничные состояния, психосоматические расстройства, психопатология, психотравмирующие ситуации, ранний негативный опыт, сексуальное насилие, факторы риска, функциональные расстройства, циклы уязвимости.

Глава 16. Феномен креативности

Талант работает, гений творит.
Шуман

"'The only difference between me and a "madman" is that I am not mad"*.
Сальвадор Дали

Раздел о дифференциальной специфике феномена креативности и отличительных особенностях творческой личности не случайно находится по соседству с главой о других "иных" — людях с различными деформациями психики, выделяющими их на фоне остальных. Творчество тоже является чертой, наиболее отличающей одного человека от другого. И девиации, и креативность, являясь личностными особенностями, нередко определяют образ жизни в целом. Но, на наш взгляд, эти две формы особенного в человеке принципиально различны. Патология всегда отражает тенденцию к личностной деструкции и поведенческой дезадаптации. Творчество же есть особая форма самовыражения, связанная с конструктивной тенденцией в развитии личности и активностью, направленной на созидание, а не разрушение. Имеет смысл особый акцент сделать на том, что в индивидуальности человека тесно сплетены обе тенденции — конструктивная, берущая своим истоком творческое начало, и деструктивная, производная от потенциальных или актуальных патологических образований.

Уже много веков идет спор о том, где проходит грань между творчеством и патологией, гением и сумасшедшим, порывами вдохновения и безумными актами отчаявшегося сознания. Творческий человек — тоже "иной", но его инако-бытие, в отличие от деформированной личности, заключается в другом. "В чем именно состоит феномен креативности?" — так можно обозначить основную задачу это-

---

* Единственная разница между мною и сумасшедшим состоит в том, что я не сумасшедший (англ.).

го раздела, ставшего уже традиционным в дифференциальной психологии.

16.1. На грани... сумасшествия или гениальности?

Вера в связь между разными видами душевного расстройства и одаренностью устойчива. Тому, конечно же, есть подтверждения из жизни. Талантливый писатель Эрнест Хэмингуэй страдал от запоев и депрессии и покончил жизнь самоубийством. Выдающаяся актриса кино двадцатого века Мэрилин Монро была склонна к алкоголизму и также убила себя. Незаурядный немецкий философ Фридрих Ницше всю жизнь страдал от меланхолии, а знаменитый француз Жан Поль-Сартр употреблял стимуляторы и алкоголь, с помощью которых регулировал свое настроение и сон. Эту довольно печальную портретную галерею можно расширить соответствующими примерами до невероятных размеров. С самого начала возникают два вопроса:

1. Возможно, случаи тяжелых расстройств среди выдающихся, творческих людей так же часты, как и среди "обычных" (так и хочется написать — "нормальных") людей. Подтверждение этой гипотезы, путем сравнения двух выборок с выявлением процента "сумасшедших", позволило бы избавиться от представления о неразрывной связи в паре "творчество—безумие".

2. Возможно также, что сравнение неблагополучной в смысле психического здоровья части творческой популяции с другой, вполне благополучной по показателям душевного здоровья и личностного успеха, также избавило нас — в случае положительного ответа о невыявленных различиях — от навязчивого стереотипа о "сумасшедшем профессоре" или "художнике-маньяке".

Мы попытаемся среди разрозненных исследовательских данных и гипотез собрать сведения, подтверждающие или опровергающие эти два положения. Однако заранее нужно сказать, что свидетельств о существовании научно обоснованного исследования, непосредственно посвященного проверке сформулированных гипотез, пока встретить не удалось.

16.1.1. Творчество как форма душевного расстройства

Всего двести лет назад шизофрения и меланхолия — выделенные среди прочего сонма психических заболеваний — считались источником... творчества. Ч. Ломброзо (1896/1995) был уверен в том, что гениальность — лишь одна из форм умопомешательства. Возможно, как отголосок этой установки (или как факт творческой реальности?), недавние исследования подчеркивают роль депрессии и мании, сопровождающих жизненный путь многих творческих людей. Калифорнийские психологи (*Goertzel et al.*,1978) сообщают о 10% превышении психических заболеваний в обследованной ими группе творческих личностей, по сравнению с контрольной выборкой. Обсуждаемую точку зрения всецело поддерживают клиницисты, неизменно обнаруживающие тесную связь между душевными заболеваниями и творчеством. В связи с этим уместно вспомнить ремарку Ивана Петровича Павлова во время обсуждения на одной из знаменитых "сред" только что вышедшей книги Эрнста Кречмера (1924/1994) "Строение тела и характер". Павлов (1951а), говоря о выделенных Кречмером на основе конституции типах, подчеркнул:

> "Почему типы, преобладающие в заболеваниях и в конце концов попадающие в психиатрическую лечебницу, должны считаться основными? Ведь большинство человечества вовсе к этой лечебнице отношения не имеет. Он (Кречмер) увлекся клиникой и позабыл о другом мире" (с.475—476).

Однако взгляд на различия между "творческими" и "нетворческими" типами людей через данные клинических обследований очень распространен и сейчас. Г.Айзенк (*Eysenk*, 1993) также предполагает, что психотизм — как черта личности, характеризующая крайность поведения и образа мышления — лежит в основе множества форм креативности.

16.1.2. Творчество как форма уникального самовыражения

Радует то, что некоторые — пока еще очень малочисленные — авторы подчеркивают в своих исследованиях,

что творческое развитие по природе своей базируется на здоровых психических процессах (*Rothenberg*, 1979).

Некоторые выводы представляются весьма шокирующими даже сторонникам вынесенной в заглавие раздела гипотезы. Например, данные в поддержку представления о необходимости эмоциональной стабильности для достижения жизненного успеха (*Albert*, 1992). Здесь нужно сделать одно важное замечание. В исследовании психологических особенностей творческой личности не всегда разводятся уровни достигнутых результатов, по которым, собственно говоря, творчество и оценивается. Эту иерархию результатов можно представить следующим образом:

Рис. 23. Пирамида успеха

Понятно, что не все люди, достигшие жизненного успеха, обязательно могут похвастаться наличием творческих достижений, также как и не все, имеющие таковые, считаются (а не "считают себя") гениальными. Два обрамляющих Пирамиду Успеха субъективных (интраиндивидуальных) параметра являются необходимыми условиями творческого роста и важным дополнением к общему портрету выдающейся личности. Однако они часто интерпретируются как своя противоположность, превращаясь в первое и второе ограничения, препятствующие творческому развитию. История свидетельствует, что далеко не все гении обладали соответствующим уровнем личностного развития, центральным элементом которого является фактор психологической культуры. И, конечно же, снять первое ограничение (достижение ощущения благополучия) совсем не представляется возможным с точки зрения сторонников "клинической (психопатологической) теории

творчества". Даже в среде творческой интеллигенции незыблемо мнение, что только чувство "глубокой неудовлетворенности" (а не поиск, например, путей самовыражения) служит источником вдохновения и творческой мотивации.

16.2. Одаренность, талантливость, гениальность — в чем разница?

Дифференциальный аспект анализируемой проблемы, разумеется, связан с общими исследованиями творчества как процесса, но нас больше интересует определяющая его специфика. Наиболее значительные разделы дифференциально-психологического анализа феномена креативности, компонентами иерархической организации которого являются конструкты одаренности, таланта и гениальности.

Хотя все уровни триады "одаренность—талантливость—гениальность" имеют отношение как к способностям, так и к индивидуальности в целом, сложилась определенная традиция в изучении каждого из компонентов.

Одаренность рассматривается чаще всего как компонент природных способностей (см. *Теплов*, 1986), проявляющихся в количественных и качественных характеристиках основных психических процессов. Развиваемая в школе дифференциальной психофизиологии концепция задатков как природных предпосылок способностей (см. например, *Голубева*, 1994), образует исходный, организмический уровень в исследованиях одаренности. Существование общего, безличностного или предличностного характера одаренности как важнейшего компонента индивидуальности считается сейчас практически общепринятым. В этой связи А.Н.Леонтьев (1960) ставил задачу изучения одаренности не как анализ исключительно "крайних случаев", а как "исследование природы и формирования человеческих способностей в их, так сказать, обычном выражении и уже отсюда идти дальше — к анализу случаев исключительного развития способностей".

Л.Тёрмэн (*Terman*, 1954a,b), обобщая данные своих исследований умственных способностей, также сделал вы-

Таблица 12

Дифференциально-психологический анализ феномена креативности

Уровни а нализа	**Базовый вектор**	**Опосредующий вектор**	**Результирующий вектор**
	Индивидуальные переменные	Изучение источников детерминации переменных	Параметры креатив ности
К*	Одаренность как общая природная предпосылка креативности	Изучение одаренных детей	Успешность выполн ения тестов на креа тивность
ИД		Анализ общей способности к творчеству	Конвергентный и дивергентный стили мышления
Л	Талант как акту ализация спец иальных спосо бностей	Изучение причин, затрудняющих или облегчающих формирование таланта	Личностные предпосылки (мотивация, комбинации свойств etc.)
ИИ	Гениальность к ак уникальная форма самовыражения и самореализации	Анализ характеристик творческого продукта	Стиль жизни как форма творчества, имеющего социальную, культурную значимость

* В соответствии с разрабатываемой дифференциально-психологической парадигмой выделяются следующие уровни анализа феномена креативности: К — конституциональный; ИД — индивидный; Л — личностный; ИИ — интегративно-индивидуальный

вод о том, что уровень интеллекта может быть значимым предиктором будущих достижений, но он не определяет вида деятельности и не может оставаться единственным средством прогноза. Судя по всему, одаренность как симптомокомплекс наиболее общих предпосылок к развитию таланта может быть отнесена к индивидному уровню индивидуальности, опирающемуся на конституциональный базис (имея в виду, в первую очередь, особенности нервной системы).

Многие авторы высказывают точку зрения, что соотношение одаренности и талантливости следует рассмат-

ривать как соотношение более общего и более специального. В этом случае одаренность есть фактор некоей общей способности к творчеству, а талант выступает в виде особого измерения в развитии специальных способностей. Очевидна связь этой гипотезы с представлениями о природе интеллекта (см. главу 6), в котором выделяются общий и специальные факторы. Перспективной является и точка зрения Б.М.Теплова (1986), который, вопреки традиционным представлениям об односторонности таланта, считал, что "талант как таковой многосторонен" (см. *Лейтес*, 1997). Не менее существенным представляется объяснение различий между одаренностью и талантливостью с позиций генетически-возрастных изменений, когда первое выступает лишь в виде потенциального компонента, природной предпосылки, а второе — как актуализирующийся под воздействием средовых условий и жизненного опыта процесс.

Возможность достигнуть выдающихся результатов обусловлена не только уровнем развития общих и специальных способностей, но, прежде всего, их соотношением с другими индивидуальными свойствами (в первую очередь мотивационными факторами) и предоставляемыми средой возможностями (*Гржибкова*, 1988). В многомерных моделях таланта подчеркивается интерактивный характер взаимодействия между личностными предпосылками, когнитивными и экопсихологическими переменными (*Heller*, 1986).

Все более очевидной становится связь таланта с особенностями личности. Концентрированное выражение эта точка зрения получает, например, в концепции креативной активности личности (*Богоявленская*, 1983), согласно которой можно говорить о существовании особого симптомокомплекса (типа) свойств, благоприятствующих развитию таланта. Таковы, например, стремление выйти за пределы нормативной активности, что соответствует конструкту "поисковой активности" (*Аршавский*, *Ротенберг*, 1976; *Ротенберг*, *Аршавский*, 1984) и "поиску ощущений" (*Zuckerman*, 1994). Данные многих других исследований также позволяют рассматривать

талантливость как переменную, связанную с личностным уровнем в структуре индивидуальных свойств.

Если о рассмотренных только что компонентах креативности, как весьма неоднозначного жизненного явления, еще можно помыслить в терминах научного анализа, то эффект гениальности представляется для многих исследователей творчества и вовсе не поддающимся никаким схемам и измерениям. Спору нет, гениальность непредсказуема. Но изучать ее как уже имеющийся факт жизни представляется возможным и необходимым, для того хотя бы, чтобы понять потенциальные возможности человека как особого вида творящих (то есть преобразующих путем сознательного конструктивного созидания) существ. Среди наиболее часто упоминаемых признаков гениальности выделяются спонтанность, как следствие внесознательной активности психики; непредсказуемость поведения в типичных ситуациях; организующее воздействие мотивации, результатом чего является не только потребление, но и генерирование творческой энергии. Все эти характеристики относятся одновременно и к разряду интегративных эффектов, производимых саморазвивающимися и саморегулируемыми системами, которые составляют целостную человеческую индивидуальность. При этом понятия “уникальность” и “творческая активность” соответствуют тому “уровню анализа, предметом которого является целостная индивидуальность” (см. например, *Дружинин,* 1993).

Попытки понять уникальность гения сродни попыткам понять неповторимость человеческой индивидуальности. Подчеркнем, что речь идет о точке отсчета в анализе феномена, а не о тождественности рассматриваемых понятий. Гений — это не просто = одаренность + талантливость. Арифметические вычисления не применимы к оценке сложных систем. Гениальность можно понять, лишь обратившись к интегральному анализу ее носителя — индивидуальности того человека, который считается гением.

16.3. Механизмы креативности?

Если гениальность — это неуловимое нечто, а креативность — спонтанное проявление внесознательно регули-

руемых процессов, то о каких механизмах может идти речь в таком случае? Люди, разделяющие такую постановку вопроса, вряд ли нуждаются в психологических знаниях — им вполне достаточно веры в сверхъестественную, а, значит, лежащую за пределами человеческого познания, силу таланта, в магию личности гения. Однако гениальный Альберт Эйнштейн считал основной задачей науки именно "бегство от чуда", стремление проникнуть за кулисы наблюдаемых в жизни явлений. На современном этапе изучения феномена креативности продуктивнее, наверное, говорить о том, какими факторами НЕ обусловлена эта особенность человеческой психики, чем о том, какие закономерности лежат в ее основе.

Скорость и вариативность vs метафоричность

Ученые, работающие над созданием искусственного интеллекта, предположили, что вариативность и скорость вычислений позволит создать компьютерную программу, близкую к понятию "креативность". В 1996 году чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров оказался "лицом к лицу" с наиболее мощной на сегодняшний день программой искусственного интеллекта Deep Blue (что с иронией можно было бы перевести как "Сильно Задумчивый") — и потерпел поражение в первом раунде. Искусственная шахматная программа была способна проанализировать сто миллионов возможных игровых комбинаций в секунду. Однако в ходе игры Каспаров, проанализировав сами игровые стратегии, обнаружил, что компьютер лучше играет, когда его человеческий партнер использует типичную атакующую, агрессивную тактику, но оказывается менее эффективным, если человек выбирает более консервативный подход (*Weber*, 1996). Скорость и вариативность оказались менее связанными с общей продуктивностью, чем способность к метаанализу и построенная на метафоре оценка действительной ситуации.

Интеллектуальность vs оригинальность

Для измерения креативности, как правило, применяются тесты, выявляющие необычность, оригиналь-

ность восприятия и мышления у креативов по сравнению со стандартностью и распространенностью данных ответов у считающихся не-креативами субъектов (*Torrance*, 1979). Наиболее интересным представляется сопоставление уровня необычных и неожиданных ответов, относящихся к явным признакам креативности, с показателями IQ. С этой целью было проведено обследование студентов (*Getzels & Jackson*, 1962), по результатам которого выявились две непересекающиеся группы: не-креативы с очень высоким уровнем IQ (свыше 150) и креативы с гораздо меньшим (хотя и выше среднего) уровнем IQ (около 127 баллов). Был также проведен тест измерения достижений в обучении, включающий важные для академической успеваемости задания (анализ прочитанного, лингвистические навыки, грамотность и пр.). Ожидалось обнаружить разницу в тесте достижений между двумя группами, обусловленную весьма существенной разницей (в 23 балла!) в уровне тестируемого интеллекта. Однако никакой разницы в успешности не было выявлено. Креативность оказалась фактором, который не фиксировался с помощью стандартных тестов интеллекта.

Этот вывод после был воспроизведен в восьми исследованиях, но само новое измерение психической способности было скорее обозначено "от противного", чем верифицировано. Корреляция между баллами креативности и баллами IQ обычно оказывалась очень низкой, составляя 0.10—0.30, и каждый раз исследователи убеждались, что тесты измеряют различные факторы (*Anastasi & Urbina*, 1997). Другими словами, если при организации приема в университеты ориентироваться на группу студентов, занимающих верхние 20% на шкале интеллекта, можно потерять 70% креативов (*Torrance*,1980).

Возможно, в этом кроется причина того, что прогностичность успешности, сделанная на основе выявленного уровня креативности, оказывается высокой для таких областей деятельности, как драматическое искусство, литература и музыка, составляя r = 0.50 для пятилетнего периода (*Cropley*, 1972). Но этот тип прогноза теряет свою силу, будучи применен к оценке будущей успешности в

научных областях. Зато показатели уровня IQ оказываются весьма эффективными для предсказания успеха в точных академических науках.

Конвергентность vs дивергентность мышления

Возможное объяснение описанного только что феномена заключается, с одной стороны, в наличии большего пространства для проявления необычного и неопределенного в искусстве, и, с другой стороны, в большей регламентированности и жесткости правил, характерных для точных наук — физики, химии, биологии и математики. В то же время, изучая особенности связанного с творческими процессами дивергентного мышления (понимаемого как порождение множества решений на основе однозначных данных; обычно противопоставляется диагносцируемому с помощью традиционных тестов интеллекта конвергентному мышлению, нацеленному на выявление единственно верного результата — см. *Guilford & Hoepfner*, 1971), исследователи установили, что ответы дивергентного типа (по сравнению с ответами, обнаруживающими низкую дивергентность) оказываются эффективными предикторами для последующего проявления креативности в области научных изысканий, архитектуры и инженерных разработок (*Gough*, 1976).

Креативность vs регламентированность

По мнению В.Н.Дружинина (1995), все интеллектуальные тесты и тесты креативности можно проранжировать по шкале "регламентированность—свобода" поведения испытуемого в ситуации тестирования. Представим проанализированные в указанной выше работе данные на рисунке 24.

Корреляции тестов интеллекта и тестов креативности, таким образом, находятся в довольно сильной зависимости от ситуации тестирования. В то же время "креативность проявляется в той мере, в которой ситуация оказывается менее жесткой с точки зрения ограничительных требования к деятельности" (*Дружинин*, 1995). На основе экспериментальных данных исследователь приходит к выводу о

полюс свободы

творческая деятельность в свободной ситуации

отсутствие ограничений по времени; в тестирование вводится игровая ситуация; по возможности исключается влияние мотивации достижения и социального одобрения;

существуют лимиты времени и фиксированы виды операций, но предусмотрено неограниченное множество ответов — любой оригинальный ответ принимается; свободное общение с экспериментатором или тестирование проводится в виде игры;

время регламентировано, но множество ответов не фиксировано, хотя решение категоризуется как верное или неверное; возможны более свободные отношения с экспериментатором;

жестко ограничены: время и способы выполнения теста, число заданий, общение с экспериментатором, множество возможных ответов и их оценка.

полюс регламентированности

Рис. 24. Соотношение креативности и регламентированности—свободы поведения субъекта в тестовой ситуации

возможности судить по оригинальному ответу о наличии у человека креативности; однако отсутствие в свободной ситуации креативных ответов еще не свидетельствует об отсутствии у человека креативности.

Выявленная реципрокная зависимость между креативностью и регламентированностью поведения характерна не только для тестовых, но и для широкого круга жизненных ситуаций. При этом одно важное обстоятельство играет решающую роль — "свободные условия только создают возможности для проявления креативности" (*там же*, с.124), проявляется же креативность, с нашей точки зрения, лишь в результате осознанной потребности в творчестве.

16.4. Элементы жизненного пути творческой личности

Э.Людвиг (*Ludwig*, 1996) в своей недавней работе выделил следующие критерии, определяющие границу меж-

ду творчеством и дезадаптацией, под творчество маскирующейся. Это комбинация элементов, включающая личностные и ситуативные переменные:

"наличие специального таланта или способностей
благополучные родители
настойчивость (не чуждая упрямству и своенравию)
способность быть одному
физическая обостренная чувствительность
личностная самобытность
стремление быть первым
духовная неудовлетворенность" (с.181).

Каждый из этих элементов обозначает грань между формированием творческой формы жизни и "обычным существованием". Например, первая отмеченная позиция интерпретируется как стремление к самообучению и изучению гораздо большего, чем требуется формально; желание учиться под руководством известных мастеров (будущие Нобелевские лауреаты стремятся учиться у нынешних) и т.д.

Многие из отмеченных выше элементов оказывались в разное время предметом специальных исследований. Ф.Гальтон (*Galton*, 1869/1978) в своей книге "Наследственный гений", положившей начало этапу научных исследований творчества, утверждал, что присущий гениям талант, по всей видимости, концентрируется в определенных семейных кланах и, вследствие этого, является сугубо врожденным качеством. Однако современные данные не подтверждают предположения о генетических предпосылках креативности как психологического феномена.

Большинство представителей идеографического подхода (*Wallace & Gruber*, 1989), модернизирующие представления Гальтона в современной герменевтической традиции, полагают, что каждая творческая личность и соответствующая ей окружающая среда образуют уникальную конфигурацию характеристик, которая не может быть деконтекстуализирована в виде измеряемых переменных. Такая ситуация порождает оксиморон "неуникальной уникальности" (*Eysenck*, 1996), так как, не имея возможности провести сравнительный анализ сугубо уникального феномена твор-

ческой личности, невозможно сделать вывод об уникальности и творческости самой личности.

16.5. Портрет гения

В обыденном сознании неизбежно присутствует образ профессора-не-от-мира-сего или обладающего мистическим даром творения художника. Кажется, что образ таинственного гения не включает в себя никаких черт, присущих “простым смертным”. Многие психологические теории также испытали на себе давление этих житейских стереотипов, так как даже весьма солидная профессиональная подготовка не является иммунитетом от “заражения стереотипами”. И все же...

Хотя психологами неоднократно высказывалось мнение, что “величие лидеров есть лишь в меньшей степени следствие их выдающейся личности, но в гораздо большей степени она определяется тем, что они находятся в нужном месте в нужное время” (*Simonton*, 1984), сегодня никто не возьмется оспаривать наличие определенной совокупности индивидуальных свойств, отличающих в целом когорту гениев от остальных людей. Правда, продолжая только что процитированную фразу Д.Симонтона, можно сказать, что умение “находиться в нужное время в нужном месте” является логическим завершением стремления творческой личности найти подходящую для реализации своих замыслов среду и конкретную ситуацию.

Среди многообразия характеристик, описывающих творческую личность, можно выделить семь базовых векторов, определяющих свойственную креативным субъектам необычность мировосприятия и поведения:

* независимость взглядов и неконформность суждений;

* стремление выйти за рамки, “нарушить границы”; оригинальность и нестандартность;

* устойчивость к неопределенным ситуациям;

* конструктивная активность в предметной деятельности;

* сила Я, связанная с возможностью автономного функционирования и устойчивостью к давлению социального окружения;

* открытость ко всему новому и необычному;

* чувствительность к красоте в широком смысле слова.

Практически во всех наиболее известных личностных теориях указывается на связь креативности с теми или иными особенностями. Отличаются фундаментальностью в этой связи исследования такой черты, как психотицизма — конструкта, обозначающего нестандартность поведения в общем смысле слова (*Eysenck*, 1996). Автором концепции Гансом Айзенком был обнаружен удивительный эффект — обычно выявляемая негативная связь между показателями силы Я и психотицизмом (P) трансформировалась в позитивную корреляцию в группе креативов. Объяснение этого парадокса, обнаруженного во многих исследованиях, заключается в том, что у креативных личностей две несовместимые, как правило, черты образуют необычную комбинацию.

В другом исследовании сходному анализу подвергался нейротицизм (*McKenzie*, 1988). Была выявлена негативная корреляция между нейротицизмом (N) и контролем супер-эго, а также позитивная корреляция между нейротицизмом и академической успеваемостью в группе с высоким уровнем супер-эго и негативная корреляция между этими же показателями в группе с низким уровнем супер-эго. Другими словами, так же, как фактор N нуждается в высоком уровне силы Я для сохранения баланса, удерживающего от патологических аспектов влияния нейротицизма, также и выраженный фактор P требует высокого уровня развития силы Я для сохранения баланса свойств и предотвращения патологических проявлений психотицизма (*Eysenck*, 1996).

16.6. Конструктивные тенденции индивидуальности

Характерная для всех проявлений целостной индивидуальности тройственность детерминации — выявляющаяся через совокупный эффект синергического взаимодействия природных и социальных воздействий с фактором субъективного жизненного опыта человека — наиболее отчетливо проявляется при анализе феномена креативности.

Обнаруживаемая многими исследователями общая генетическая база, являющаяся одновременно потенциалом креативности и возможных психопатологических девиаций (*Jarvik & Chadwick*, 1973), остается лишь предпосылкой (как и наличие, например, одаренности есть лишь потенциальная предпосылка для развития таланта) вне контекста активности самого субъекта. Какая именно тенденция будет реализована — деструктивная, в случае развития, например, психотицизма как формы психоза, — или же конструктивная, связанная с креативностью как формой самоактуализации, вновь зависит от "третьей переменной" — особенностей формирующегося Я как важнейшей составляющей структуры жизненного опыта субъекта.

Не каждый человек является гением или обладает завидным талантом, но каждый способен творить, то есть создавать новое — в самом себе, в других людях или в окружающем предметном мире. Творчество как особая форма активности оказывается важнейшей предпосылкой недопущения человеком адаптационных нарушений, или, другими словами, творчество является профилактикой как деструкции личности, так и различных форм дезадаптации.

Ключевые термины главы: гениальность, дивергентное/конвергентное мышление, жизненный успех, задатки, личностный рост, механизмы креативного поведения, одаренность, оригинальность, ощущение благополучия, регламентированность, самоактуализация, самовыражение, сила Я, талант, творческая личность, феномен креативности.

Часть VI. ТИПОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В этом разделе мы опять коснемся, наряду с рассмотрением индивидуальных различий, определенного аспекта анализа групповой принадлежности индивидуальности. Только на этот раз речь будет идти о группах, называемых в психологии "референтными" (от лат. referens — сообщающий). Именно эти группы выступают для нас эталонами, с ними мы соотносим свои мысли, поступки, а порой и чувства. На нормы, мнения, ценности и оценки со стороны этих групп мы ориентируемся в собственном поведении и самооценке (см. *Петровский*, *Ярошевский*, 1990). Не лишним будем также заметить, что каждый из нас причисляет себя к различным референтным группам (семья, профессиональная группа, политическая партия, определенный круг знакомых и пр.), в зависимости от того, какие отношения представляются наиболее значимыми и какие виды деятельности — приоритетными.

Помимо этого будет введена еще одна координата индивидуальности — типологическая, открывающая одну из самых интересных и увлекательных страниц в учебнике по дифференциальной психологии. Вначале, как всегда, несколько общих замечаний.

Свойства и типы

Говоря о свойствах индивидуальности, в первую очередь упоминают о том, каким образом эти свойства детерминируются. Генетические основания некоторых личностных свойств позволяют говорить о них как об эволюционно-видовых характеристиках. Определенные компоненты конституционального фактора, например, врожденные формально-динамические программы поведения, обуслов-

ливают часть поведенческого паттерна, проявляясь в виде материнского инстинкта или стратегии приближение—отстранение (рассматриваемой в главе 18). Другие наследственные влияния не столь специфичны и проявляются в качестве компонентов в таких сложноорганизованных психологических свойствах, как застенчивость или привлекательность. Нам известно, что вариативность признаков является существенной частью эволюционного механизма, влияние которого простирается вплоть до специфики организации когнитивно-личностных конструктов (см. главу 19).

Хотя очень широкий набор свойств характеризует индивидуальность любого человека, интенсивность проявления их различна и зависит не только от природной предрасположенности, но и от жизненного опыта, сформированного под влиянием преимущественно (но не полностью!) социальных воздействий. По определенным законам, лежащим в основе механизмов компенсации и оптимизации личностных структур, ярко выраженные у данного человека свойства образуют кластеры, связки, сцепления, синдромы, становясь устойчивыми симптомокомплексами, дающими возможность исследователям говорить о типах и типологиях.

Глава 17. Типологии и классификации: от сенсорики до личности

Проведем границу между понятиями первичной классификации и типологии. Под первичной классификацией будем понимать перечень ряда явлений, характеризующихся каким-либо общим видовым признаком, например, классификация эмоций, видов внимания или памяти, признаков агрессивности etc. Иными словами, классификация в дифференциальной психологии является первичным способом разбиения признаков на группы без выделения структурных оснований (либо, как исключение, характеризуясь наличием слабоструктурированного основания).

Отличительным признаком типологии является, во-первых, выделение четкого структурного основания, по которому проводится выделение типов, и, во-вторых, идентификация совокупностей (кластеров) признаков, состав-

ляющих сущность рассматриваемых типов. В современных научных типологиях, как правило, представлен один кластер (симптомокомплекс) признаков, которые в зависимости от степени выраженности каждого из них, характера связи между ними и устойчивости "сцепления" или "слитности", образуют конечный перечень соответствующих типов.

17.1. Понятие типа в психологии

Большинство исследователей выделяют два основных направления в дифференциальной психологии, которые можно условно назвать "аналитическим" и "синтетическим" (*Теплов*, 1986). Первое базируется на анализе количественных характеристик определенных свойств (вес и рост, острота зрения, чувствительность и пластичность, быстрота запоминания и др.). Второе связано с группировкой субъектов по типам на основе какого-либо (или нескольких) классифицирующих признаков — строения тела, темпераментальной организации, и других — вплоть до типов личности.

Началом создания научной базы для разработки типологической проблематики в психологии можно считать работы И.П.Павлова (1951а; 1952) и его школы, посвященные изучению типологических свойств нервной системы (или типов высшей нервной деятельности) у животных и человека.

Для нас важно отметить два основных момента в теме о типах:

1. Нужно подчеркнуть необходимость различения контекстов в употреблении понятия "тип", обозначающего как определенные комплексы свойств, так и характерный образец, картину поведения (*Купалов*, 1954; *Теплов*, 1985).

2. Развитие учения о свойствах нервной системы как базовых характеристиках, лежащих в основе человеческой типологии не означает, что все частные психологические типологии в своей экспериментальной и концептуальной основе должны исходить из анализа этих свойств, которые являются необходимыми предпосылками формирования многих индивидуальных черт, но не могут подменить со-

бой всего разнообразного содержания психической реальности.

Наиболее тесно связан с разработкой типологической тематики номотетический подход в психологии, задача которого состоит в выявлении универсальных черт и паттернов, присущих всем людям. Этот подход неизбежно должен добавляться идеографическим (обычно почему-то противопоставляемым номотетическому) аспектом изучения индивидуальности, акцентирующим внимание на анализе внутренней структуры субъекта с целью подчеркнуть неповторимость и уникальность ее организации.

Центральная тема в этом разделе дифференциальной психологии — соотношение физиологических и психологических структур в типологии человека.

17.2. Конституциональные типологии: от морфофункциональных координат индивидуальности к общим и частным типам нервной системы

Широкий класс типологий конституционального уровня индивидуальности, представленный в клинических исследованиях (медицинско-физиологических, генетических, психиатрических и т.д.), в психологических концепциях нашел отражение в двух наиболее разработанных подходах, нацеленных на изучение морфофункциональных симптомокомплексов и нейротипологий. Подробно о содержании этих концепций мы говорили в главе пятой, посвященной изучению темперамента. Поэтому лишь кратко остановимся на наиболее существенных моментах анализа базового уровня типологий человека.

Наиболее распространенной до недавнего времени в психиатрии и психологической антропологии оставалась, как мы уже упоминали, концепция конституциональных типов Шелдона—Кречмера. Отличительной особенностью этой типологии является то, что впервые был предложен комбинированный подход для разработки типологической модели — кроме отнесения к типу, субъект классифицировался с помощью семибалльной шкалы (*Sheldon et al.*,

1940). Морфофункциональный симптомокомплекс включает в себя описание соматотипа (особенности телосложения) и психодинамических свойств, производных от функций определенных органов тела. Э.Кречмер, а за ним У.Шелдон выделяли в связи с изучением психодинамического симптомокомплекса поведения три типологических конституциональных фактора, названных "темпераментальными", основные характеристики которых были изучены и в работах современных авторов (*Русалов*, 1979; *Корнетов*, 1991).

Параллельно этому направлению, правда, несколько ранее, складывался иной подход к изучению индивидуально-типологических свойств человека. И.П.Павлов и его последователи сделали акцент на зависимость поведенческих проявлений как у животных, так и у человека от различных комбинаций свойств нервной системы. Я.Стреляу отмечает, что игнорирование Павловской типологии в вопросах, связанных с изучением базовых параметров личности, является серьезной ошибкой большинства современных исследователей (*Strelau*, 1983). Однако в последнее время намечается тенденция к увеличению интереса, в первую очередь западных исследований, к этой проблеме. Немалую роль сыграло появление фундаментальной монографии под редакцией английского психолога Джефри Грэя "Павловская типология" (*Gray*, 1964). Дж.Грэй вполне определенно указывает на сходство концепции нервной системы, в особенности силы нервных процессов, с теориями активации, на основных положениях которых строятся многочисленные концепции темперамента и личности западных авторов.

Первые попытки перенесения теории типов нервной системы с животных на человека были предприняты учениками И.П.Павлова в России. В 1917 году Н.И.Красногорский, исследуя тормозные реакции у детей, выделил два типа нервной системы — нормальный и инертный. Далее, на основе результатов исследования безусловных и условных рефлексов, и с учетом вербальных реакций и общего рисунка поведения, были выделены четыре типа высшей нервной деятельности, соотнесенные по справедливо критикуемой впоследствии Б.М.Тепловым (1986) тра-

диции с четырьмя классическими типами темпераментов (*Красногорский*, 1958):

I. Сильный тип ВНД: возбудимый, уравновешенный, подвижный.

II. Сильный тип ВНД: возбудимый, уравновешенный, инертный.

III. Сильный тип ВНД: возбудимый, неуравновешенный, подвижный (с преобладанием возбуждения в подкорковых центрах).

IV. Слабый тип ВНД: пониженный уровень возбуждения (как коры, так и подкорковых центров); неуравновешенность процессов возбуждения и торможения.

Автор концепции отмечает, что эти типы ВНД не являются неизменными, а могут модифицироваться под влиянием "питания, научения, события в социальном окружении, воспитания" (*там же*, с.226). Было также сделано существенное добавление к павловской типологии, не учитывающей анатомической дифференцированности свойств нервной системы. По мнению Яна Стреляу (*Strelau*, 1983), значение работы Н.И.Красногорского заключается в проведении четкой границы между свойствами нервной системы на уровнях коры и подкорковых центров. Этот аспект выделения нейроанатомической иерархии нервных процессов важен и в связи с существованием общей иерархии конституциональных (биологических) признаков человека, что отмечается рядом исследователей (*Мерлин*, 1986; *Русалов*, 1979).

17.3. Соотношение первой и второй сигнальных систем действительности (по И.П.Павлову)

Довольно перспективна, хотя практически концептуально не разработана типология, разделяющая людей на "мыслительный" и "художественный" типы в зависимости от преобладания первой или второй сигнальной системы. Конструкт "сигнальность" был разработан Павловым на основе экспериментального изучения нервных процессов, характеризующих сигнальную деятельность больших полушарий, обеспечивающих более детальные, специаль-

ные соотношения организма и среды, "точное и тонкое уравновешивание организма с окружающим миром" (*Павлов*, 1926/1952). Особенно выделяет И.П.Павлов мысль о том, что прирожденные рефлексы обеспечивают только выживание, тогда как работа высшего отдела нервной системы — больших полушарий головного мозга — позволяет значительно расширить диапазон адаптивной активности. Первая сигнальная система, общая у человека и животных, это то , "что мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды, как общеприродной, так и от социальной". Вторая, специально человеческая, сигнальная система формируется с помощью вторичных сигналов — слов. Понятие "сигнальных систем действительности" рассматривается И.П.Павловым (1951а) в двух связанных между собой аспектах — изучение нарушений в деятельности нервной системы и анализ преобладания у человека тех или иных способов переработки информации:

> "Признание двух сигнальных систем действительности у человека... ведет к пониманию механизма двух человеческих неврозов: истерии и психастении. Если люди, на основании преобладания одной системы над другой, могут быть разделены на мыслителей по преимуществу и художников по преимуществу, тогда будет понятно, что в патологических случаях при общей неуравновешенности нервной системы первые окажутся психастениками, а вторые — истериками" (*там же*, с.376)".

Однако в дальнейшем человеческая типология на основе соотношения сигнальных систем — базирующаяся, не будем забывать, на концепции типов нервной системы — переводится в плоскость "нормальной личности":

> "Благодаря двум сигнальным системам и в силу данных длительно действующих разнообразных образов жизни, людская масса разделилась на художественный, мыслительный и средний типы. Последний соединяет работу обеих систем в должной мере" (*Павлов*, 1951а, с.464).

Люди, которых можно назвать в широком смысле слова "художниками", захватывают жизнь целиком, сплошь, сполна, без всякого раздробления и разделения. Другой тип, "мыслители", воспринимают действительность аналитически, дробят ее, превращая в схему, и затем только,

постепенно, снова как бы собирают целостный образ из частей. А.Г.Иванов-Смоленский (1953) дает уже более подробную психологическую характеристику этих типов, отмечая, что "по существу, речь идет о людях с ясно преобладающим образно-эмоциональным или отвлеченно-словесным мышлением и о людях без такого одностороннего преобладания, у которых одинаково развито как то, так и другое" (*там же*, с.193). В многочисленных исследованиях отечественных авторов дифференциально-психофизиологической ориентации гипотеза Павлова приобрела конкретную содержательную насыщенность. Экспериментальное и концептуальное развитие представлений о различии познавательных функций, определяющих использование разных средств и стратегий познания, приводит авторов к мысли о переходе от интериндивидуального аспекта анализа к интраиндивидуальному:

> "Две сигнальные системы обеспечивают одновременное существование человека в двух мирах — реальном (то есть физическом. — *А.Л.*) и символическом... Качественное разделение информационных потоков и соответствующее разделение функций в едином процессе познания устанавливают между системами отношения дополнения и кооперативности, благодаря чему обеспечивается целостность жизнедеятельности индивида" (*Печенков*, 1997).

Возвращаясь к типологическому аспекту анализа сигнальных систем действительности и не рассматривая пока в качестве самостоятельного третий, смешанный или сбалансированный тип, представим основные характеристики людей с относительным преобладанием первой или второй сигнальной системы в пространстве универсальных типологических дихотомий и конкретных индивидуально-психологических признаков индивидуальности, относящихся к различным уровням ментальной иерархии (подробнее о приведенных характеристиках и их экспериментальном обосновании, а также методах измерения см. *Большунова*, 1981; *Борисова*, 1956; *Голубева*, 1994; *Иваницкий*, 1976; *Коссов*, 1956; *Libin & Libina*, 1995; *Печенков*, 1997; *Тихомирова*, 1997). Представим эти данные в виде сводной таблицы (см. таблицу 12).

Отметим, что пока нет оснований утверждать о наличии прямой линейной зависимости между признаками

Таблица 13

Человеческие типы на основе соотношения сигнальных систем

Первосигнальный тип	Второсигнальный тип
Высокая активация и лабильность нервной системы	Низкая активация и инертность нервной системы
Преобладание возбуждения над торможением	Преобладание торможения над возбуждением
Преобладание правополушарных механизмов	Преобладание левополушарных механизмов
Акцент при оценке раздражителя на субъективно-эмоциональную окраску	Акцент при оценке раздражителя на его точные физические параметры
Непроизвольное запоминание	Произвольное запоминание
Наглядно-действенное мышление	Вербальное мышление
Невербальный интеллект	Вербальный интеллект
Синтетические тенденции восприятия (глобальность, целостность)	Аналитические тенденции восприятия (артикулированность, дробность)
Экстравертированность	Интровертированность
Эмоционально-фокусированный стиль совладания со стрессом	Рационально-фокусированный стиль совладания со стрессом
"Художественный тип" личности	"Мыслительный тип" личности

одного симптомокомплекса, так как и опровергать отсутствие позитивной взаимосвязи между некоторыми признаками, относящимися к разным типам.

17.4. Современные типологии темперамента

Одна из наиболее разработанных современных типологий темперамента основана на выделении трех врожденных стратегий поведения (которые почему-то получили не очень содержательное название "темпераментальных стилей"), проявляющихся в человеческом поведении с рождения и на протяжении всей жизни — боязливость, агрессивность и социабельность (*Kagan et al.*, 1994b). "Боязливые" с младенчества обнаруживают опасность в тех ситуациях, с которыми сталкиваются. Взрослея, они становятся отстраняющимися, неудобными в общении людьми. "Агрессивные", сталкиваясь с проблемой, стремятся одолеть ее, побороть. Они проявляют склонность к возбуждению, обвинению других, направляя на них свою активность. "Социабельные", уравновешенные в обращении дети смело идут навстречу миру и невозмутимо справляются со

сложными ситуациями. Они обладают способностью адаптироваться как к неожиданностям, так и к разочарованиям, не проявляя депрессии или обиды. Разумеется, опыт, уже включающий корректирующие компоненты воспитания и обучения, может в той или иной степени видоизменять проявления конституционального фактора. Если "боязливого" ребенка воспитывают родители с выраженной тенденцией "социабельности", есть шанс, что он обучится оптимальным для его темперамента приемам общения. По крайней мере, сам автор концепции придерживается мнения, что "в сложном современном обществе человек с любым темпераментом найдет себе подходящую нишу для проявления адекватной активности" (*Kagan*, 1994).

Можно сказать, что и две наиболее известные теории темпераментальных черт — активность/социабельность/эмоциональность и экстравертированность/нейротицизм/психотицизм — сами их авторы склонны рассматривать как типологические. Г.Айзенк (1970) считает изучаемые им измерения базовыми типами личности, рассматривая их не как дискретные категории, а как диспозиции для классификации людей.

17.5. Личностные типы

Попытки классифицировать людей, отнести конкретного человека к определенной категории или типу — что может быть увлекательнее этой задачи. В дифференциальной психологии важно различать между собой понятия черты и типа. Разделяющая их граница базируется на отличии димензиональных (континуальных) и дискретных переменных. Под типологией часто подразумевают набор дискретных категорий, позволяющих проводить разделение людей на группы. Определяя это различие, Г.Оллпорт (*Allport*, 1937) отмечал, что можно сказать о себе: "Я имею черту", но нельзя сказать: "Я имею тип", говорят: "Я принадлежу к типу...".

Удачных попыток разбиения людей на типы было не так много. Самой известной продолжают оставаться типология темпераментов Галлена—Гиппократа (уже рассмот-

ренная нами в главе 5), и типологическая дихотомия экстраверсия—интроверсия. Карл Юнг (1924/1995) рассматривал эти параметры как дискретные переменные, разбивающие все человечество на два глобальных типа. У экстравертов энергия бьет через край, они чрезвычайно общительны, склонны к поиску новых ощущений и опыта. Интроверты более застенчивы и поглощены собственными мыслями, больше контролируют свои чувства и поведение, отличаются интроспективностью и склонны ко всему готовиться заранее (см. *Zuckerman & Como*, 1983).

Не менее известны и такие типологические измерения личности, как психотицизм (см. главу 16) и нейротицизм, (*Eysenck*, 1947; 1997), которые в качестве базовых параметров включаются во многие личностные модели. В качестве примера можно привести типологию А.Миллера, образованную тремя измерениями — когнитивными, аффективными и конативными (*Miller*, 1988; 1991). В качестве когнитивных черт автор модели рассматривает стилевую дихотомию аналитичность—холистичность, которая описывается как тенденция фокусироваться на целом или частях. Эта дихотомия, выступающая также в других исследованиях под названиями "аналитичность/синтетичность" и "артикулированность/глобальность" лежит в основе многих проявлений когнитивных контролей и стилей, таких как полезависимость—поленезависимость, ригидность—гибкость, когнитивная сложность и стилевая концептуальность. Аффективное измерение представлено связанной с экстраверсией и нейротицизмом эмоциональной стабильностью/нестабильностью, которая определяется через интенсивность эмоциональных реакций. На полюсе нестабильности находятся те, кто на любые значимые и незначимые жизненные события реагирует с одинаковой силой. Такие субъекты легко приходят в состояние возбуждения и их реакции окрашены, в основном, негативно. Наконец, конативное измерение рассматриваемой типологии связано с волевым поведением субъекта, с осознаваемыми аспектами мотивации и выражается дихотомией "объективированной—субъективированной" ориентации. Выраженная субъективированная ориентация связана с поиском эмпатии и любви в отношениях; соответственно, объек-

тивированный полюс связан со стремлением к эмоциональному отстранению. Комбинации выделенных признаков образуют четыре типа, локализующихся в пространстве базовых личностных измерений следующим образом:

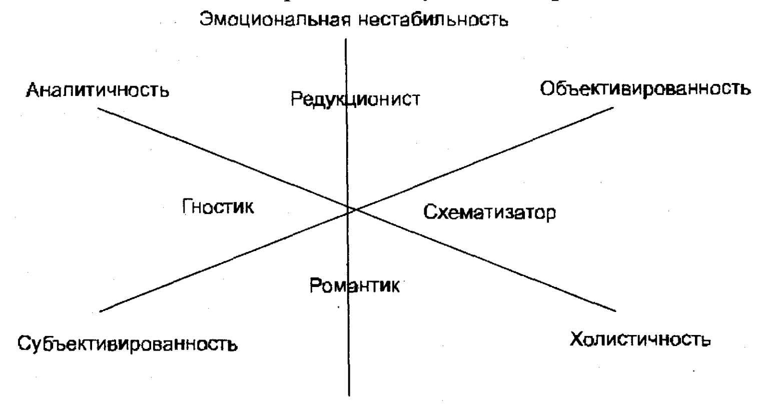

Рис. 25. Типы на основе комбинаций личностных черт (по *Miller*, 1991).

Из приведенных ниже кратких характеристик каждого типа, хотя и производных от достаточно четкой схемы, видна характерная для большинства личностных типологий разорванность описания, позволяющая критиковать психологические портреты как не имеющие внутренней логической связности описания:

редукционист (объективированно-аналитичный) определяется как экспериментирующий, пунктуальный, реалистичный, контролирующий, скептичный, пренебрегающий нормами, личностно отстраненный;

схематизатор (объективированно-холистичный) характеризуется как теоретик, личностно отстраненный, рассуждающий, концептуальный, пренебрегающий нормами, образный;

гностик (субъективированно-аналитичный) описывается как личностно вовлеченный, артистичный, принимающий нормы, нерациональный;

романтик (субъективированно-холистичный) рассматривается как личностно вовлеченный, принимающий нормы, образный.

Изучение типов связано, в первую очередь, с задачей прогностичности поведения в медицине и педагогике (при воспитании и обучении). И здесь, впрочем, также как и в науке, любому исследователю приходится сталкиваться с парадоксом "отрицания очевидного". Отнесение человека к типу, с одной стороны, помогает лучше понять его особенности. Но, с другой стороны, такое "приклеивание ярлыков" может — и это часто случается — стереотипизировать, сужать представления о возможном поведенческом репертуаре, что неизбежно снижает уровень понимания индивидуальных особенностей субъекта. Поэтому многие, избавляя себя от трудоемкой задачи разведения уровней оцениваемого явления, начинают отрицать значение наиболее очевидных человеческих особенностей, определяющих тип, и... попадают в ловушку "бесконечного эмпирического разнообразия", окончательно теряя почву под ногами. Нам кажется, что дело не в реальности или вымышленности типологий (речь идет, разумеется, о научно сконструированных моделях типологических различий), а в умении использующего их человека применять шкалу простоты—сложности для определения номотетическо-идеографической границы в каждом отдельном случае.

17.6. Функциональная типология: поведенческие стратегии индивидуальности

Еще одним типологическим измерением поведения являются симптомокомплексы, характеризующие достижение личностью адаптивного результата в организации своего взаимодействия со средой и проявляющиеся в феномене предпочтений. Это предположение основано на экспериментально подтвержденной гипотезе о существовании устойчивых совокупностей индивидуально-типологических признаков, актуализирующихся благодаря двум обстоятельствам — имеющейся у человека предрасположенности и наличию релевантных стимулов среды (*Либин*, 1993). Особенности предпочтений являются базовыми компонентами ведущей тенденции (*Собчик*, 1997; *Buss*, 1994), выражающейся в стилевом взаимодействии человека с миром, и рассматриваются как основные измерения функциональной типологии (*Lusher*,

1978). Предпочтения, формирующиеся во внесознательной сфере, включают в себя элемент семантики, понимаемой как система значений складывающегося поведенческого контекста. Отображая значимость для субъекта внешних событий, с одной стороны, и находясь в основе функционирования системы субъективных значений, с другой стороны, предпочтения становятся своеобразным пусковым механизмом стилевого поведения.

В организованном нами исследовании (1983—1997) с использованием батареи тестовых методик было обследовано около двух тысяч человек обоего пола, различного возраста и профессий с целью экспериментально-теоретической проверки гипотезы, лежащей в основе разрабатываемой типологии векторов поведения. Данная поведенческая типология базируется на анализе стратегий предпочтения, рассматриваемых как индикатор устойчивых симптомокомплексов (*Либин*, 1989; *Либин*, *Либин*, 1994). По результатам концептуального и экспериментального анализа были выделены три ведущие тенденции психодинамического симптомокомплекса, связанные как с системой индивидуальных предпочтений, так и с наиболее генерализованными векторами поведения. Эти тенденции, являющиеся параметрами наиболее абстрактного уровня поведенческой иерархии, могут быть соотнесены с разнообразными измерениями индивидуальности — от свойств нервной системы до системы ориентаций. В представленной ниже таблице приводятся результаты концептуального и экспериментального анализа выделенных тенденций в контексте трех базовых конструктов — свойств нервной системы (*Небылицын*, 1997), темперамента (*Русалов*, 1990), личностных ориентаций (*Neymark*, 1976):

Таблица 14

Анализ поведенческих тенденций

Вектор поведения	СНС	Темперамент	Ориентация
Тенденция к коммуникативному взаимодействию	Сила по отношению к возбуждению	Социальные эргичность, темп и эмоциональность	На других
Тенденция к автономизации	Сензитивность	Социальная пластичность, общая эмоциональность	На себя
Тенденция к предметной манипуляции	Сила по отношению к торможению	Предметная эргичность, низкие социальный темп и общая эмоциональность	На предмет

Указанные тенденции соотносятся на уровне концепции с наиболее разработанными параметрами индивидуальности — расторможенность/сдержанность (*Kagan*, 1994), интроверсия/нейротицизм/психотицизм (*Eysenck*, 1990), коммуникативная/предметная активность (*Rusalov*, 1989), чувствительность (*Теплов*, 1986; *Небылицын*, 1997), тревожность (*Spielberger*, 1983).

Факторный анализ матрицы оценок выраженности основных тенденций в структуре поведения субъекта, измеряемой с помощью опросника (см. *Либин*, 1993), позволил выделить восемь основных векторов (типов) поведения, являющихся параметрами разрабатываемой нами функциональной типологии.

Таблица 15

Вектора поведения как параметры функциональной типологии

Вектора	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Тенденция к коммуникативному взаимодействию	+	+	+	+	–	–	–	–
Тенденция к автономизации	–	–	+	+	+	+	–	–
Тенденция к предметной манипуляции	–	+	–	+	–	+	+	–

Сопоставление этих векторов с данными включенных в исследование тестов — Опросник Структуры Темперамента В.М.Русалова, Тест предпочтения Геометрических Форм в конструктивных рисунках (тест ТиГР см. *Либин, Либин*, 1994), Уровень Субъективного Контроля (*Бажин и др.*, 1981), Тест Самоотношения (*Пантилеев*, 1994), MMPI—СМИЛ (адаптация *Л.Н.Собчик*), 16-факторный опросник Кэттелла, Многофакторный Личностный Опросник Совладания со сложными ситуациями (*Libin & Libina*, 1995) и др. — позволило приблизиться к описанию основных поведенческих симптомокомплексов, характеризующих каждый из восьми типов:

I. **Агостеники** (лат. aro — ведущий, sthenos — сила) — "обладают достаточной силой, чтобы вести других за со-

бой". Отличаются решительностью манер и соревновательностью, ориентированы на других, в отношениях стремятся к позиции лидера; склонны к профессиональному руководству и/или педагогической деятельности.

II. **Орстеники** (лат. ordinatus — упорядоченный) — "склонны упорядочивать неопределенные ситуации". Высокая интенсивность работы вызывает раздражение, не могут быстро включиться в процесс, необходим длительный подготовительный период; предпочитают виды деятельности, связанные с аналитической работой, в частности, консультирование.

III. **Тоностеники** (лат. tonus — напряженность) — "склонны трансформировать в воображении негативные тенденции". Стремятся к овладению предметной сферой деятельности независимо от того, как складываются отношения с окружающими. Склонны к предпочтению художественно-творческих профессий.

IV. **Эмфостеники** (греч. emphasis — выразительный) — "склонны проникаться переживаниями другого человека". Преобладает непроизвольная регуляция поведения, спонтанное выражение эмоций в ответ на изменения внутренней или внешней среды; отличаются устойчивостью переживаний; общительны, отрицают какие бы то ни было затруднения в сфере межличностных отношений; предпочитают профессии, связанные с наличием возможности широкого общения.

V. **Констеники** (лат. contradictorius — противоречивый) — "обладают силой многое подвергать сомнению". Выраженная эмоциональная нестабильность; затрудняются быстро перерабатывать большие объемы поступающей информации. Компульсивность (противоречивость) поведения является результатом выраженности разнонаправленных тенденций; склонны к предпочтению медицинских профессий.

VI. **Илостеники** (лат. immunus — свободный, греч. logos — отношение) — "обладают силой настаивать на своем". Стремятся быть независимыми в отношениях. Выражена эгоцентрическая направленность поведения, сопровождающаяся повышенным уровнем тревожности. В то же время характеризуются пониженным уровнем личностной адап-

тированности, как следствие неадекватной оценки ситуации.

VII. **Инстеники** (лат. initiare — начинать) — "характеризующиеся легкостью в пробуждении активности". Умеют быстро реагировать в незнакомой обстановке; часто бросают начатое дело, не доведя его до конца; эффективность работы возрастает, когда есть возможность часто переключаться с одного дела на другое.

VIII. **Аргостеники** (лат. armare — укреплять, греч. herma — опора) — "обладающие достаточной силой выдерживать нагрузки". Эмоционально стабильны и в большинстве случаев владеют собой; считают себя ответственными за собственные успехи и неудачи; ориентированы на предметную деятельность и предпочитают индивидуальные формы организации работы; в профессиональном отношении склонны к освоению технической сферы.

Интересно, что выделенные устойчивые симптомокомплексы поведенческих признаков связаны со специфическими паттернами предпочтений — от выбора стиля межличностного общения и подходящей социальной роли до предпочтений в восприятии, например, семантики основных геометрических форм при выполнении конструктивных рисунков. Так, обнаружены следующие значимые различия между тремя поведенческими типами и характером предпочтений основных архетипических форм: I тип — треугольные формы, IV тип — округлые формы, VIII тип — квадратные формы. Остальные типы также показывают явную тенденцию к фиксированному типу предпочтения. Описанные восемь векторов поведения образуют средний уровень поведенческой иерархии, в то время как на следующих уровнях располагаются соответственно 24 — 36 — 64 и т.д. частных поведенческих стратегий, описывающих более узконаправленные аспекты взаимодействия субъекта со средой.

Анализ поведенческих стратегий в профессиональном контексте на смешанной по полу и возрасту выборке в две тысячи человек выявил устойчивые взаимосвязи диагносцируемых особенностей поведения с зафиксированным предпочтением профессиональных видов деятельности,

указанных в таблице. С другой стороны, сравнение между собой различных профессиональных групп (руководители всех рангов, педагоги, актеры и режиссеры, литературоведы, художники, военные летчики, философы, технически ориентированные специалисты) по частоте предпочитаемых стимулов обнаружило типичные для каждой группы стратегии предпочтения (см. *Либин, Либин*, 1994, а также главу 8).

Теоретическая интерпретация обнаруженного феномена "сцепления" разноуровневых индивидуальных параметров в поведенческих стратегиях основана на знании законов интеграции человеческих особенностей в процессе активного взаимодействия субъекта с различными по значимости ситуациями (см., например, *Базылевич*, 1983; 1996; *Русалов*, *Кошман*, 1980).

17.7. Ученый в контексте таксономии исследовательских типов

Ценность полученных в ходе научных изысканий данных нередко связана с личностью самого ученого. Т.И.Николаева (1990) предложила в этой связи довольно интересную и познавательную классификацию, основанную на применении шкалы "старое—новое" в комбинации с двумя критериями оценки — используемый исследователем метод и направленность научного мировоззрения; объект исследования и совокупность привлекаемых фактов. Хотя данная классификация разработана на примере лингвистических наук, нам кажется, что она имеет гораздо более широкое звучание. Выделив четыре основных группы, автор охарактеризовала полученные исследовательские типы следующим образом (характеристики приводятся в сокращенном и несколько переработанном виде).

Старое о старом

Этот исследовательский тип формируется большим числом лиц, требующихся, очевидно, не столько науке, сколько тому, что можно назвать "научной жизнью". Люди этого типа обычно перелагают достижения других в обшир-

ные и необширные книги обзорного характера. Именно они оказываются авторами разного рода фундаментальных описаний, базирующихся на уже построенной основе. Результаты этих трудов бывают двояки. Исследователи могут пересказать кратко и находчиво тяжеловесный труд первопроходца или же, напротив, создать нелегкое для понимания компилятивное сочинение.

Исследователей этого типа охотно приглашают быть Членами Ученых Советов, оппонентами, рецензентами, их уважают без обильного цитирования.

Старое о новом

Исследователи этого типа применяют апробированный достойный метод к чему-то совсем новому. Новым при этом может быть и целая большая область знаний и некая совокупность фактов, ранее в научный обиход не вводившаяся. Существенно, что у ученых этого типа, отталкивающихся в своих изысканиях от “старого”, всегда бывают выдающиеся предшественники. Чтобы ориентироваться в “новом” и применять к нему “старое”, нужно очень хорошо это новое знать. Поэтому среди ученых этой группы много редких специалистов, знатоков нетривиальных систем.

Находиться в этой категории исследователей престижно, и именно этот тип составляет видный массив академической науки. Кроме того, очень часто выбор такого пути означает возможность действовать наверняка, поскольку метод уже оправдал себя, а знание малоизвестного материала делает ученого квалифицированным и редким специалистом.

Новое о старом

К этому типу принадлежат немногие ученые, взявшие на себя нелегкий труд взглянуть по-новому на нечто вроде бы уже давным-давно известное. Они ставят своей задачей под другим углом зрения посмотреть на ставшие хрестоматийными факты. Новый подход возникает путем свое-

образного прорыва, близкого к озарению. Подход этот требует непредвзятости в оценках и личностной внутренней свободы, в том числе независимости от авторитетных мнений. Разумеется, необходима и предпосылка в виде талантливости, ибо само по себе смелое обращение к пересмотру очевидностей может дать и нулевой результат. Попытки, не отмеченные искрой таланта, приводят к разочарованию и забвению. Зато удача вызывает у научной аудитории удивление, восторг и, как правило, немедленное принятие и признание.

Однако если ученые предшествующего, второго, типа вызывают не только уважение, но и желание следовать им, то ученые рассматриваемого, третьего, типа, вызывая не меньшее восхищение, чаще всего являются одиночками, так как следовать им невозможно, также как невозможно продолжить озарение.

Новое о новом

Ученые четвертой группы, выдвигающие новые идеи, всегда ассоциируются с чем-то непривычным. Тогда как описанные первые две группы всегда отличаются социальной успешностью, а третья завоевывает, в случае удачи, успех довольно легко, этому исследовательскому типу не приходится рассчитывать на мгновенное признание. Их часто не понимают, не ценят, иногда просто не слушают. Однако именно из этой группы выходят лидеры новых направлений с ярким научным будущим (или, в соответствии с законом симметрии, непризнанные и амбициозные новаторы-неудачники). Занимаясь областью знания, обозначенной "новое о новом", исследователь должен быть готов к отсутствию заданной по определению социальной поддержки единомышленников.

Можно сказать и о различиях в выделенных группах по важному для ученого признаку — эрудированности. Если для первых двух типов тяга к знанию научной литературы широкого плана обычна, то две последние группы могут и не включать в себя эрудитов. Исследователи этого типа как

бы сами определяют для себя необходимый минимум образованности.

* * *

Остается добавить, что изложенная на основе материалов Т.И.Николаевой ироничная типология может рассматриваться и с другой, интроспективно-идеографической точки зрения — как закономерные этапы развития научного познания в целом и как вехи пути отдельного ученого, движущегося от освоения области знаний, определяемых как "старое о старом", к созданию того, что, возможно, будет названо "новое о новом".

Ключевые термины главы: ведущая тенденция, вектор поведения, классификация, конституциональные типологии, личностные типы, поведенческие тенденции, психологический тип, референтная группа, сигнальная система действительности, таксономия исследовательских типов, тип ВНД, типология темперамента, функциональная типология.

Глава 18. Параметры индивидуального самосознания — способы интерпретации событий

Может показаться неожиданным, что Самосознание также выступает одним из главных персонажей в Театре Человеческих Различий. Однако на различия в субъективных интерпретациях указывали многие психологи (*Kelly*, 1955). Сама человеческая Индивидуальность возникает на пересечении сфер внешней действительности и парадоксальной реальности субъективного мира. Самосознание также имеет дифференциально-психологическую составляющую, описывающую различия в способах оценки, понимания и классификации происходящих в жизни событий.

18.1. Универсальные факторы субъективных семантических пространств

Исследования на пересечении анализа синестезии, как проблемы общей психологии, и экспериментальной семантики позволили Чарлзу Осгуду, возглавляющему группу американских психологов, разработать метод семантического дифференциала (*Osgood et al.*, 1957). Суть метода заключается в оценке объектов на основе биполярных градуальных шкал, полюса которых обозначены антонимами (вербальными либо невербальными стимулами). Механизмом, обеспечивающим взаимосвязь и группировку шкал в факторы, является, по мнению Осгуда, процесс синестезии. Феномен синестезии заключается в том, что при раздражении одной модальности возникают ощущения в другой. Это позволяет воссоздавать интермодальный образ на основе информации, обработанной в процессе восприятия только с помощью одной модальности. Синестезия рассматривается как универсальная форма доязыковой категоризации, обеспечивающей обобщение полученных сигналов на уровне целостного организма (*Marks*, 1975).

Обработав с применением факторного анализа оцененные с помощью разнообразных биполярных шкал (пар антонимичных прилагательных) объекты и события, Осгуд пришел к выводу о существовании трех базовых универсальных шкал, образующих субъективное семантическое пространство (*Osgood*, 1962) — Сила (прочный—непрочный, жесткий—мягкий, сильный—слабый), Оценка (хороший—плохой, приятный—раздражающий) и Активность (быстрый—медленный, энергичный—пассивный). Эти факторы оказались воспроизводимыми в любых языках (см. *Петренко*, 1982) для анализа категоризации субъектом межличностного восприятия.

Интересное исследование было предпринято на факультете психологии МГУ под руководством В.Ф.Петренко (1988). В качестве объектов, оцениваемых с помощью стандартного набора шкал семантического дифференциала, выступили как 17 преподавателей факультета, так и 20 известных сказочных персонажей. Забегая вперед, отметим, что выделенные при описании вымышленных героев базовые шкалы оказались работающими и в реальной жизни, в результате чего оказалось возможным построить семантическое пространство, в котором пересекались психологические портреты реальных людей с образами сказочных героев. По первому выделенному фактору, "сила личности" или "сила эго", выделились две контрастные группы — Карлсон, Винни-Пух, Кот в Сапогах и Буратино (обладающие по мнению оценивающих их испытуемых "сильным Я"), и Пьеро, Ослик Иа-Иа ("слабое Я"). Второй фактор, названный "акцентуированность", разделил персонажей и людей на группу "акцентуированных личностей" (куда с большой вероятностью вошли синьор Помидор, Карабас Барабас, Незнайка) и блок "социальной нормативности, правильности" (Айболит, Золушка, Рыцарь Печального Образа). Третий фактор, обозначенный как "контактность—дистантность в общении" или "открытость—закрытость", отделил Винни-Пуха, Иванушку-дурачка, Чебурашку, Золушку и Буратино (открытых, простодушных, дружелюбных) от малосимпатичных Снеж-

ной Королевы и Карабаса Барабаса. Проведенная раздельная факторизация как для сказочных персонажей, так и для преподавателей подтвердила идентичность факторных структур этих двух матриц как по размерности семантических пространств, так и по содержанию входящих в факторы личностных качеств-шкал.

Весьма примечательным в исследованиях психосемантики является факт "сцепления" в пространстве индивидуального сознания семантических образов, относящихся к совершенно разным категориям объектов. В нашем исследовании (см. главу 8) изучалась связь предпочтения семантики основных геометрических форм с характеристиками самовосприятия. На различных выборках общей численностью около трехсот человек был выявлен феномен психосемантического изоморфизма, суть которого заключается в соотнесенности неосознанно предпочитаемых стимулов, имеющих различную семантическую окраску, с сознательно выбираемыми характеристиками самоописания, семантика которых совпадает с семантикой предпочитаемых стимулов другого рода. Под семантикой в данном случае понималась система обобщенных универсалий субъективных значений — от неосознаваемых ощущений до компонентов образа-Я. Для обозначения сенсорно-перцептивных эталонов (*Артемьева*, 1980), лежащих в основе восприятия предъявляемых в качестве стимулов основных геометрических форм, использовались шкалы личностного семантического дифференциала. По результатам описания геометрических форм, используемых в ТиГР (Тесте конструктивных рисунков фигуры человека — *Либин, Либин*, 1994), были выделены три фактора, определяющие семантическое пространство признаков анализируемых форм:

треугольник — активный, интенсивный, наступающий, доминирующий, упорный, напряженный, нервный (фактор "Активность");

круг — гибкий, контактный, покладистый, сочувствующий, мягкий, женственный, открытый, сомневающийся, переживающий (фактор "Оценка");

квадрат — устойчивый, медленный, отчужденный, мужественный, замкнутый, решительный, стабильный, жесткий, упорный (фактор "Сила").

Следующим этапом было разделение обследуемых на основе результатов выполнения графического теста предпочтений ТиГР на группы, характеризующиеся выраженным предпочтением одной из трех основных геометрических форм. Дальнейшее обследование выделенных групп (общей численностью 135 человек) с помощью однотипного набора психологических тестов, включая анализ самопортрета на основе шкал семантического дифференциала, выявило существенные различия между группами как в профилях индивидуально-психологических характеристик, так и в особенностях самоописания (см. главу 8).

Предпочитающие треугольные формы при составлении конструктивного рисунка фигуры человека описывали себя как "активный, ведущий, властный, деятельный, организующий"; по результатам тестов они характеризовались высоким нейротицизмом и социальной эмоциональностью, перцептивной полезависимостью, аналитичностью восприятия, стратегией соперничества в конфликтной ситуации, экстернальностью (тенденцией полагаться на других) в области достижений, демонстративным и истероидным типом акцентуации. Предпочитающие округлые формы себя характеризовали как "впечатлительный, осторожный, располагающий, душевный, сомневающийся"; их психологический профиль включал такие признаки, как высокий социальный темп, высокий уровень социальной импульсивности и социальной пластичности, точность при оценке зрительной иллюзии (концентрические окружности Дельбефа), синтетичность восприятия, экстернальность в области деловых отношений, стратегия приспособления в конфликте, высокий уровень самообвинения, лабильный акцентуированный тип (по классификации *Леонгарда*, 1980). Наконец, предпочитающие квадратные формы считали себя "выдержанными, размышляющими, стабильными, скорее уравновешенными". По результатам тестирования их портрет выглядел следующим образом — вы-

сокий уровень социальной эргичности и низкий — социальной пластичности; точность в оценке психомоторной иллюзии Шарпантье; перцептивная поленезависимость; высокий уровень общей интернальности и интернальность в области достижений; стратегия избегания конфликта; педантичный тип акцентуации.

Связь параметров семантического пространства человека с формально-динамическими особенностями была предметом специального диссертационного исследования, проведенного под нашим руководством И.Н.Трофимовой (1995). В качестве психосемантических показателей использовались оценки испытуемых в отношении 8 объектов (красота, активность, сила, реальность, задача, порядок, престиж, Я), проставленные по семнадцати биполярным семибалльным шкалам семантического дифференциала (приятное—раздражающее, энергичное—скованное, быстрое—медленное, прочное—непрочное и т.д.). Обобщение проводилось по выделившимся в результате статистического анализа факторам: оценки, активности, силы, дискретности, определенности и вероятности. Оказалось, что темпераментальные особенности человека влияют на характер использования им семантических универсалий в процессе оценки объектов. Экстраверсия, социальная и коммуникативная активность коррелируют со склонностью субъекта использовать в процессе категоризации оценки большей активности и энергичности. Нейротицизм связан со склонностью оценивать воспринимаемые объекты и события как более пассивные, слабые, неупорядоченные и негативные. Высокий предметный темп оказался связан с оценками большего позитивизма и активности, а коммуникативный темп — с оценками большей определенности. Это согласуется с гипотезой о формировании стиля человека (*Либин*, 1993; 1998а), согласно которой избирательность предпочтений обусловлена системой взаимосвязанных функций психики — оптимальностью, компенсаторностью, адаптивностью и результативностью, определяющих специфику формы сопряжения субъекта со средой. Преимущественное использование лицами с вы-

соким уровнем нейротицизма оценок пассивности, слабости и неупорядоченности согласуется с теорией темперамента Д.А.Грэя (1993), согласно которой невротики и интроверты более чувствительны к негативным стимулам. Также снижение уровня значимости стимулов позволяет эмоционально нестабильному субъекту оградить себя от непосильной активности, экономя энергетические ресурсы (см. *Трофимова*, 1995).

Изучение индивидуальной специфики психосемантического пространства проводится также в контексте анализа самых разнообразных человеческих различий. С.Э.Парилис, исследуя престиж профессий у молодежи, выделил три фактора профессиональных предпочтений, по каждому из которых профессии были оценены с помощью метода семантического дифференциала. Результаты показали близость глобальных осей универсального семантического пространства (Оценки, Силы и Активности) с престижностью профессий работников материального производства и сферы обслуживания. При этом шкалы Оценки используются применительно к профессиям, требующим высшего образования, шкала Силы — к рабочим и сельскохозяйственным специальностям, шкала Активности — к торговле и бытовому обслуживанию. Молодежь связывает Оценку с престижем, Силу — с непосредственным вкладом в производство, Активность — с возможностью получения побочных доходов (см. *Либин*, *Парилис*, 1998).

18.2. Личностные конструкты как "пути предсказания событий"

Понятие системы личностных конструктов и ее важнейшего измерения — когнитивной "простоты—сложности" — связано с развитием представлений о человеке как исследователе, выдвигающем и проверяющем в жизненном эксперименте гипотезы, а также формирующем субъективные концепции, элементарной единицей которых служит дихотомическая классификационная шкала, или личностный конструкт (*Kelly*, 1955; *Bieri*, 1955). Под

конструктом понимается основание для классификации окружающей действительности, своеобразная ось координат субъективного семантического пространства, по которой можно группировать определенный класс объектов (*Kelly*, 1963). Основной постулат теории Келли формулируется в следующем виде:

"Личностные процессы психологическим образом направляются по путям предсказания событий, то есть человека можно охарактеризовать в терминах его попыток прогнозирования собственного опыта" (*там же*, с.5).

Среди одиннадцати следствий, которые Дж.Келли выводит из своего постулата, наиболее важными для наших целей являются три (*Kelly*, 1969):

* "конструктивное следствие" — "человек, прогнозируя события, конструирует их повторение", то есть люди находят повторяющиеся темы в собственном опыте;

* "следствие о выборе" связано как с представлением об иерархическом характере конструктивной системы, так и с положением об использовании альтернативы конструкта для целей расширения всей системы. Результат выбора оценивается в терминах изменений собственной иерархии находящихся во взаимосвязи дихотомий. В контексте индивидуального развития альтернативность конструктов "предполагает прогрессивную дифференциацию системы, которая выражается в увеличении числа независимых подсистем, каждая из которых специализирована в соответствии с собственной зоной и фокусом применения";

* "следствие об индивидуальности" предполагает, что люди различаются между собой субъективными моделями (конструкциями) событий. Так как субъект разрабатывает уникальную модель мира с целью интерпретации окружающего и регулирования своего поведения, реконструируя систему личностных конструктов, можно понять особенности психологических процессов и предсказать поступки данного человека.

Сходство и различие в поведении людей во многом детерминируется сходством и различием их конструк-

тивных систем, при этом "фокусом исследований в рамках теории личностных конструктов является формальный анализ концептуальных структур и их эволюции" (*Adams-Weber*, 1979). Для изучения личностной иерархии жизненно-важных для человека понятий обычно используется техника репертуарных решеток, основанная на заполнении испытуемым матрицы, где с помощью заданных ролевых определений (например, "умный—глупый", "хороший—плохой" и пр.) оцениваются знакомые люди, которые затем ранжируются по выявленным дихотомиям. При обработке сравниваются между собой ряды результирующей матрицы — конструкты. Чем меньше число совпадений, тем выше индекс когнитивной сложности, свидетельствующий о степени дифференцированности понятийной системы личности. Дж.Р.Адамс-Вебер (*Adams-Weber*, 1979) обнаружил, что когнитивно-сложные испытуемые точнее находят соответствие между выявленными конструктами и конкретными людьми и успешнее делают выводы о системе представлений человека после краткой беседы с ним. Это позволило сделать предположение, что "человек, использующий более чем один набор взаимосвязанных конструктов для интерпретации одной и той же ситуации, находится в лучшей позиции, позволяющей видеть ее с разных точек зрения" (*там же*, с.39).

Сравнение умственно отсталых и нормально развитых детей по способам ранжирования знакомых людей и неодушевленных предметов показало, что первые были более "когнитивно простыми" при оценивании социального окружения, но ничем не отличались от нормальной выборки при работе с предметами (*Reker*, 1974). Изучение когнитивной сложности в клинике (с применением метода репертуарных решеток) выявило высокий уровень статистической независимости между конструктами у шизофреников. Исследователи (*Bannister & Fransella*, 1966) посчитали этот факт доказательством сверхрасплывчатости системы конструктов, используемых для интерпретации и предсказания поведения людей, которая может лежать в

основе известного феномена “разорванности” мышления у лиц, страдающих шизофренией.

18.3. Специфика личностных установок через призму ситуации

В отличие, скажем, от генотипически детерминированных индивидуальных признаков, многие личностные черты, формирующиеся преимущественно под влиянием культурного контекста, кажутся менее устойчивыми (имеется в виду временная и кросс-ситуативная стабильность измеряемых переменных). Этот вывод подтверждается исследованиями честности как черты характера, проявляющейся в детском возрасте (*Hartshorne & May*, 1928). С другой стороны, так как эта черта представляет собой порождение культуры, она существует как когерентный (связанный, согласованный) класс поведения в сознании взрослых экспериментаторов, но не в самом по себе поведении детей, которым еще предстоит “выучить” эту черту (*Bem & Allen*, 1974).

Ситуативная детерминанта оказывается мощным фактором, влияющим на направленность истолкования событий в ситуациях взаимодействия. В серии экспериментов, проведенных под руководством профессора психологии из Стэнфордского университета (США) Ли Росса, изучалось влияние манипулирования интерпретацией событий на реальное поведение испытуемых в игровой ситуации, имеющей соревновательный характер. Предварительно эксперты оценили индивидуальный статус каждого игрока, который описывался как “склонный к кооперации” или “склонный к дезертирству”. После этого в процессе двух игр — “Уолл Стрит” и “Общественная игра” — экспериментатор, изменяя инструкцию, определяющую зависимость между индивидуальными усилиями и исходом игры, пытался повлиять на индивидуальные стратегии. Результаты этого исследования были одновременно просты и драматичны (*Ross & Ward*, 1996). Манипулирование интерпретацией ока-

зало значимое влияние на игру испытуемых. Только одна треть игроков выбрала кооперативный ход игры на первом этапе “Уолл Стрит”, в то время как на первом этапе “Общественной Игры” кооперативный ход выбрали более двух третей игроков. Более того, эти различия оставались в силе и на последующих этапах.

“Кандидатский” статус (или репутация), напротив, не оказал практически никакого влияния на ход игры. Игроки, оцененные как наиболее склонные к кооперации или дезертирству, показали одинаково низкий уровень кооперации на первом этапе игры “Уолл Стрит” и одинаково высокий уровень кооперации на первом этапе “Общественной игры”. Более того, эта тенденция сохранялась и на последующих этапах, несмотря на то, что пары игроков всегда состояли из испытуемых с одинаковым статусом (то есть склонных к кооперации или дезертирству).

Еще один показательный факт заключается в том, что консультанты, характеризующие кандидатов и осуществляющие оценку вероятности “кооперативных” или “дезертирских” ходов, значительно недооценили влияние названия игры на истолкование ее испытуемыми и на их поведение в игре, зато значительно переоценили предсказательную силу своих впечатлений о характере и склонностях испытуемых, сделанных на основе наблюдения за ними в других ситуациях.

Такие неудачи в понимании и принятии позиции другого — или, правильнее, недооценка неожиданных и кажущихся неоправданными действий других — являются свидетельством того, что субъекты и наблюдатели на самом деле реагируют на разные ситуации. Эти несовпадения встречаются повсеместно в социальной и политической жизни. Все это способствует появлению “кажущегося соответствия” или “фундаментальной атрибутивной ошибки” (*Ross*, 1977; 1995), то есть тенденции наблюдателей приписывать причины социального поведения личным качествам субъекта, а не ситуативным факторам, влияние которых он испытывает. Эти же ошибки приводят к тому, что наблюдатели недооценивают влияние ситуации на те

или иные действия и результаты, по сравнению с самими субъектами (*Ross*, 1981).

18.4. Субъективное истолкование жизненных событий: аттрибутивные стили

Некоторые индивидуальные черты оказывают значительное влияние на формирование склонности к той или иной интерпретации событий, формирующейся уже в детстве. Крайняя негативно-интерпретирующая позиция находится на линии пограничных состояний, в частности, депрессивных расстройств. Анализируя оценочные пристрастия, психологи выделяют депрессогенный аттрибутивный (от лат. attribute — приписывать) стиль. Депрессивные дети, по сравнению с недепрессивными, склонны оценивать негативные события как постоянные (так всегда будет), интернализируют их (это все по моей вине случилось) и глобализируют (все ситуации будут такими же) (*Bodiford et al.*, 1988). Сверхобобщение характерно и для людей, никогда не испытывающих депрессии. “Эффект Полианы”, который выражается в переживании постоянного ощущения счастья и восприятии мира в “розовом свете” (*Maltin, Gawron*, 1979), является крайней (и наверняка не такой уж позитивной) отметкой на положительном полюсе шкалы счастья.

Позитивное мышление как способ интерпретации событий рассматривается в последнее время как важный параметр фактора уязвимости. Н.Штейн (*Stein et al.*, 1995) с коллегами обследовали группу людей, не инфицированных вирусом СПИДа, но имеющих погибших от СПИДа партнеров. Интервьюирование проводилось через две и четыре недели после потери, а также по прошествии года. Опрос был направлен на выявление оценки, включающей в себя отношение к людям и событиям, действиям и поступкам, связанным со случившимся в жизни самого опрашиваемого событием. Позитивная оценка включала в себя описание положительной стороны взаимоотношений и своей роли в качестве че-

ловека, облегчающего страдания умирающему. Негативная оценка включала сообщения о страхе перед будущем, сожаление об утрате отношений, которые были с партнером. Количество сделанных негативных оценок оказалось сильным предиктором неудовлетворительного морального состояния сразу после смерти друга (подруги), а также степени выраженности депрессивной симптомологии через год после этого события. Позитивные оценки были значимым предиктором позитивного самоощущения интервьюируемых через год и (низкого) уровня депрессии через месяц.

18.5. Счастливчики и несчастные или Личность и Судьба

Существует две теории, по-разному отвечающие на вопрос: "Является ли счастье достоянием "счастливой натуры" или это производная от количества встречающихся в жизни приятных ситуаций?". Приверженцы личностной концепции считают соответственно личностную детерминанту определяющей и полагают, что ощущение счастья, жизненного благополучия зависит от того, как сам человек истолковывает и оценивает жизненные ситуации (*Аргайл*, 1990). Другие специалисты считают, что переживание счастья находится в прямой зависимости от числа приятных жизненных ситуаций (*Diener*, 1984). Не преуменьшая важности учета ситуативной переменной, мы имеем все основания считать более убедительной первую точку зрения, подкрепляемую следующими данными (см. таблицу 15).

Ощущение несчастья, рассматриваемое как проявление симптомокомплекса, включающего в себя значительное количество переменных, само является компонентом более широкого синдрома свойств. Наиболее часто отмечаемые признаки — отрицательные эмоциональные состояния, нейротицизм и одиночество.

Майкл Аргайл и его сотрудники (*Argyle*, *Furnham* & *Graham*, 1981) обнаружили, что люди с высокой тре-

Таблица 16

Личностные особенности и ощущение счастья

(ссылка на автора исследования дается во второй колонке)

Несчастливые	Счастливые
Социальные взаимоотношения — источник беспокойства и раздражения.	Проявляют доброжелательность к людям, склонны находить положительное в ситуациях (*Bower*, 1981).
Склонны откладывать исполнение своих замыслов, испытывают беспокойство по отношению к будущему.	Умеют планировать время (*Weesman, Ricks*, 1996).
Не верят в свою способность контролировать события.	Считают, что они контролируют и определяют ход событий (*Diener*, 1984).
Сильное расхождение между уровнем притязаний и достижениями.	Меньше расхождений между реальным и идеальным образом-Я (*Wilson*, 1967).
	Стремятся к “поиску ощущений” (*Tolor*, 1978).

вожностью и отсутствием навыков общения избегают самых обычных социальных ситуаций, включая свидания и вечеринки (Совсем не обязательно это означает, что интровертированность как черта характера обрекает человека быть несчастным. Авторы исследования не случайно отказались от употребления этого понятия, показав тем самым, что изменение полюсности этих двух переменных — тревожности и навыков общения — зависит от желания и взглядов самого человека.) Ряд исследований показывает, что люди, характеризующиеся выраженной экстравертированностью, имеют большее ощущение благополучия, так как в течение жизни чаще вовлекаются в благоприятные ситуации (*Heady, Wearing*, 1986). С другой стороны, среди лиц, склонных к общественным правонарушениям, также большее количество экстравертов. Поэтому более обоснованной выглядит другая характеристика — позитивное отношение к самому себе. Одной из самых устойчивых корреляций (с высоким уровнем значимости) является связь самоуважения — как одного из основных компонентов самооценки — с переживанием субъективного благополучия (*Campbell*, 1981).

18.6. В галерее "Картины жизненного пути"

О детерминации такого сложного явления самосознания, как образ или картина своей собственной жизни, можно сказать метафорически. Ткань полотна, на котором наше Я изображает самую важную в своей жизни картину, сплетается из эволюционно-биологических и социокультурных тенденций. Но лучше обратиться к данным дифференциально-психологического анализа, позволяющего, слой за слоем, рассмотреть индивидуальные составляющие представлений человека о своей жизни.

Понятие "картина жизненного пути" (*Ананьев*, 1968) относится к важнейшим характеристикам самосознания, отражающим этапы индивидуального развития и связывающим события жизненного пути в единую систему отсчета (*Кроник*, 1994). Основным содержанием субъективной картины жизненного пути являются межсобытийные связи — реализованные, актуальные и потенциальные. Анализ с помощью специально разработанного метода каузометрии представлений о своем жизненном пути у разных людей выявил ряд интересных закономерностей. Люди, нашедшие свое призвание, проявляли большую адекватность в осознании значимости событий (*Перетятько*, 1991). Количество случайных, не связанных друг с другом событий в картине жизни оказывается большим у экстерналов и меньшим у субъектов с интернальным локусом контроля (*Ксенофонтова*, 1988).

А.А.Кроник (1994) обнаружил, что в описывающих содержание субъективных картин жизненного пути каузограммах могут отсутствовать межсобытийные связи, принадлежащие либо к прошлому (реализованные), либо к настоящему (актуальные), либо к будущему (потенциальные связи). Этот феномен был назван "мотивационной недостаточностью" (*Кроник, Ахмеров*, 1988). Преследуя задачу разработки системы психокоррекционных методов, автор концепции выделил экспериментально обоснованную типологию каузограмм, отражающих различные деформации субъективных картин жизненного пути, которую в обобщенном виде можно представить следующим образом:

* отсутствие потенциальных связей, характеризующее чувство бесперспективности, что оказалось типичным для инвалидов и лиц с тяжелыми заболеваниями;

* указанная выше картина отсутствия потенциальных связей чаще всего сопровождается и отсутствием актуальных связей, что указывает на поглощенность человека своим болезненным состоянием. Такие люди чувствуют себя старше своих лет, они пассивны в настоящем и ничего не ждут от будущего;

* отсутствие реализованных связей приводит к обесцениванию прошлого, например, из-за актуальности заболевания и усилий, направленных на его преодоление;

* отсутствие актуальных связей возникает тогда, когда человек не чувствует связи своего прошлого с будущим — жизнь разорвана, активность скована обстоятельствами. Настоящее скучно, пусто, бесполезно;

* отсутствие реализованных и потенциальных связей и наличие только актуальных означают, что человек полностью поглощен текущим периодом жизни. Воспоминания или мечты, которые не имеют непосредственного отношения к заботам дня сегодняшнего, кажутся непозволительной роскошью;

* (гипотетический тип) — картина жизни лишь с потенциальными связями может быть характерна для человека, с головой ушедшего в мечты и планы. Правда, по его собственным ощущениям, ничего толкового он пока сделать в своей жизни не успел — прошлое и настоящее обесценивается, то есть настоящее незначимо, а прошлое пусто.

Как показали исследования, подобные деформации обнаруживаются не только у взрослых, но и у подростков — воспитанников интерната, лишенных родительского попечения. Мотивационная недостаточность у таких детей встречается в 67% случаях, тогда как у обычных школьников — в 17% случаев (*Тхай Чи Зунг*, 1988). Разумеется, рассмотренные типы каузограмм деформированы по отношению к исходному типу картины жизненного пути, когда у человека есть и реализованная, и потенциальная и

актуальная мотивация, "когда он, обращаясь к прошлому, настоящему и будущему, всегда обнаруживает личностно-значимые события" (*Кроник*, 1994), видит смысл всего происходящего в жизни.

Ключевые термины главы: аттрибутивные стили, категоризация, картина жизненного пути, каузограмма, когнитивная простота/сложность, личностные конструкты, манипулирование интерпретацией, оценка жизненных событий, ощущение счастья, позитивное мышление, психосемантика, семантика основных геометрических форм, сенсорно-перцептивные универсалии, синестезия, ситуативные переменные, субъективное семантическое пространство, фундаментальная ошибка аттрибуции, шкалы семантического дифференциала.

Часть VII. ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ СИТУАЦИИ

Практически все дифференциально-психологически ориентированные исследователи, быть может, за исключением психогенетиков, избегают в своих гипотезах, теориях, тем более в интерпретациях экспериментальных данных, обсуждать тему, связанную с влиянием конкретных ситуативных переменных на формирование индивидуальных различий. Вопрос ставится всегда в традиционно-невыгодном дихотомическом ключе "или—или": власть Ситуации или бесспорное влияние Природы. Ситуативная переменная нередко отождествляется с "ситуативностью", то есть крайней переменчивостью, нестабильностью, неустойчивостью проявлений, что, без сомнения, противоречит самому духу дифференциальной психологии как науки об устойчивых, стабильных во времени, надситуативных различиях. Будем полагать, что "над-ситуативность" изучаемых различий не означает исключения влияния стабильных ситуаций — отличающихся продолжительностью существования в жизненном пространстве субъекта — на формирование многих индивидуальных особенностей. Мы также убедимся, что влияние ситуативного (не ситуационного) фактора может быть не менее, а иногда и более значительным в формировании стабильных различий между людьми, чем наследственная обусловленность.

Слагаемые взаимодействия "человек—ситуация"

Предпочтение интеракционистского (от лат. inter — между, act — действие) подхода — не просто дань моде

на интеграцию, но неизбежное следствие сближения крайних позиций во взглядах на природу человеческих различий. Как мы уже неоднократно убеждались в предыдущих главах, именно устойчивые комбинации (симптомокомплексы) компонентов природных и социальных воздействий являются наиболее подходящим и благодатным предметом дифференциально-психологического исследования независимо от того, какой уровень индивидуальности изучается. Однако — и об этом будет идти речь в последних трех главах — говоря о Взаимодействии, точнее, о воздействующей силе Взаимодействия, необходимо проводить дифференциацию внутри самого понятия. Его структура, как и структура самого жизненного опыта, служит "местом встречи" трех идущих от разных областей знаний векторов — природной предрасположенности, прижизненно сформированной склонности (проявляющейся, в том числе, и в аттрибутивных характеристиках мышления) и специфики конкретной ситуации. Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с трехчленной формулой структуры индивидуальности, уже рассмотренной при обсуждении проблемы источников межиндивидуальной вариативности. В процессе реализации взаимодействия все три переменные поочередно становятся то "фигурой", то "фоном", в зависимости, например, от степени личностной уязвимости или приписываемой событию значимости, от продолжительности или неотвратимости возникающей ситуации. Отметим, что мы не рассматриваем сейчас влияния не-социальных событий, то есть составляющих экологическую среду обитания факторов воздействия на человека, относя их к формируемой природными процессами предрасположенности. Переходя к очередной главе, представим полезную для дальнейших рассуждений схему структуры Взаимодействия субъекта и ситуации (в более общем контексте — фрагментов среды) как жизненного феномена и научного конструкта (рис. 26).

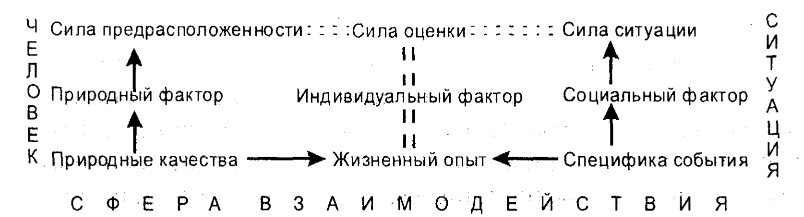

Рис. 26. Структура взаимодействия человека с ситуацией:

==== — наличие субъективной возможности регуляции взаимодействия

——→ — отсутствие возможности регуляции взаимодействия со стороны субъекта (не поддающиеся контролю наследственные влияния и внешние события)

Таким образом, в пространстве—времени, очерчивающем взаимодействие человека с миром, обнаруживается два важнейших аспекта дифференциально-психологического анализа индивидуальности (представленной на схеме как "индивидуальный фактор взаимодействия"). Первый аспект (горизонтальный уровень взаимодействия) связан с общей проблемой природы интраиндивидуальной и межиндивидуальной детерминации различий в контексте биологическое/социальное. Второй аспект (описывает вертикальные уровни взаимодействия) отображает специфику анализа рассматриваемых различий в контексте третьей детерминанты — жизненного опыта.

Глава 19. Семья—друзья—школа: влияние референтной группы

Воспитание — те методы возделывания почвы, которые определяют урожай. Этот фактор среды оказывается не менее важным, чем природная одаренность. Стиль родительского воспитания влияет на все уровни формирующейся индивидуальности — от сенсомоторики и даже биохимии, лежащей в основе эмоциональных реакций, до мировоззрения. В неменьшей степени на формирование будущей личности влияют оценки и критерии поведения, принятые в референтной группе, которую на этапе детства и

подросткового периода образует внешняя сфера ближайшего социального окружения — друзья, одноклассники и учителя. Формирование индивидуальных различий проходит очень важную стадию. Впервые с наибольшей силой здесь сталкиваются природные факторы, обусловливающие характерные для индивида предрасположенность и предпочтения, и социальные, проявляющиеся в виде оценок, мнений и стереотипов. Суждения окружающих выступают в виде обратной связи для формирующейся личности, и сквозным для всего последующего жизненного периода является различие в степени соотнесения собственной, независимой позиции со смысловым полем, образованном мыслями, словами и действиями других.

19.1. Внутрисемейные процессы как фактор различий

Индивидуальное развитие младенца уже в первые месяцы жизни испытывает на себе влияние ближайшего окружения. Сравнение двух групп младенцев — находящихся в семьях и в Доме ребенка — выявило значимые различия в характере дифференциации эмоциональных реакций (позитивных и негативных) младенцев в первом полугодии жизни (*Адрианов* (отв. ред.), 1993). Согласно экспериментально проверенному авторами положению, в первом полугодии жизни младенцы проявляют недифференцированную реакцию в виде позитивных эмоций как на положительное, так и на отрицательное воздействие со стороны взрослых. Только на этапе второго полугодия жизни начинают выделяться негативные эмоциональные проявления в ответ на негативные воздействия. Однако у младенцев, находящихся в Доме ребенка и испытывающих по вполне понятным причинам дефицит общения со взрослыми, происходит задержка в дифференциации эмоциональных реакций, и “во втором полугодии жизни они продолжают проявлять положительные эмоции при негативных воздействиях взрослого” (*там же*, с.192). Помимо этих различий, воспитывающиеся в семьях младенцы обнаруживают

большую интенсивность в проявлении отрицательных и амбивалентных эмоций, обнаруживая множество оттенков (жалобно хнычут, кокетливо смущаются и пр.); репертуар эмоциональных проявлений младенцев-сирот гораздо скуднее и характеризуется, в основном, испугом, скованностью и слабым недовольством. Были отмечены также различия в развитии всех трех выделяемых нами базовых систем ориентации (гипотеза о базовых системах ориентации описана в главе 8): у воспитанников Дома ребенка в возрасте четырех месяцев показатели инициативности в коммуникативных ситуациях ниже (по сравнению с семейными детьми) в 24 раза, в предметно-манипулятивной активности — в два раза; в пробах с зеркальным отражением (выявляющих развитие важнейших компонентов системы "ориентация-на-себя") ориентировочный компонент выражен меньше в два с половиной раза, а эмоциональный — в десять раз (*там же*, с.214). В исследовании, в течение многих лет проводившемся сотрудниками Института мозга и Института общей и педагогической психологии, делается фундаментальный вывод о том, что

> "уже в первом полугодии жизни дети, воспитывающиеся в разных условиях, различаются по количественным и качественным характеристикам активности, проявляющейся во всех трех сферах отношений: к окружающим людям, к себе и к предметному миру" (*Адрианов* (отв. ред.) *и др.*, 1993, с.216).

Основным экзофактором в детерминации раннего развития выступает общение во взрослыми, а роль эндофактора выполняют формально-программные параметры индивидуальных стратегий, такие, например, как "сдержанность—расторможенность" (*Kagan et al.*, 1994b).

Результаты этого и других исследований позволяют предположить иерархическую организацию системы базовых ориентаций (см. Тезаурус) как интраиндивидуальной структуры, начинающей формироваться в конце первого—начале второго полугодия жизни ребенка, когда благодаря накапливаемому опыту в процессе развития предметно-манипулятивной активности (первый уровень) и навыков ситуативно-коммуникативной активности (второй уровень) все более дифференцируется начальное предлично-

стное образование — образ себя-как-отдельного (третий уровень), закладывающее основу структуры субъективного жизненного опыта. В последующем встречном взаимодействии процессов индивидуализации и социализации субъекта описанные ориентации, переходя из интраиндивидуального плана в интериндивидуальные признаки, приобретают важное значение и как детерминанты общечеловеческих различий.

19.1.1. Модели внутрисемейных процессов

Семья выполняет роль первичной социализации индивида практически во всех культурах. Именно в процессе внутрисемейного взаимодействия выкристаллизовываются контуры системы ценностных ориентаций личности, являющейся отправной точкой в выборе дальнейшего самостоятельного жизненного пути.

Модели внутрисемейных процессов релевантны исследованию индивидуальных различий по нескольким причинам. Во-первых, обе области изучения метаиндивидуального мира (см. *Дорфман*, 1995) адекватны для применения основных принципов общей теории систем (*Minuchin*, 1974). Во-вторых, члены семьи в течение долгой совместной жизни образуют требующую регуляции систему взаимоотношений, поэтому, как и при изучении индивидуальности, анализ регуляторных процессов приобретает первостепенное значение. Изучение семейных процессов в контексте Теорий Обмена (*Nye*, 1982) показывает, что эта регуляция имеет свою "цену" (которая выражается в психологической стоимости оказываемых услуг и уступок, производной от существующей в семье системы поощрений и наказаний — см. *Либина*, 1995б). В-третьих, изучение внутрисемейных процессов основывается как на анализе закономерностей интериндивидуальных взаимодействий (без учета субъективных потребностей, желаний, целей и привычек), так и с учетом последних, что характерно именно для дифференциально-психологических теорий. Д.Кантор и Д.Леер (*Kantor & Lehr*, 1975) на основе системного подхода разработали дистантно-регулятивную

теорию семейных процессов, в которой семья рассматривается как сложный комплекс информационных и энергетических процессов. Все связанные с этим комплексом виды активности классифицируются в терминах шести базовых измерений: позитивных и негативных влияний; контроля других; самореализации в соответствии с системой ценностей; регуляции пространства и дистантности (в отношениях); регуляции затрачиваемой—потребляемой энергии и временных процессов. На основе своей теории авторы описывают механизмы регуляции межличностного поведения, при этом действия членов семьи анализируются в терминах синхронии—асинхронии. Выделяется четыре типа (стиля) внутрисемейного взаимодействия — предлагающий, противопоставляющий, согласовывающий и наблюдательный ("зрительский"). Как видим, и в этом случае на стили взаимодействия влияют как общая семейная атмосфера, так и личностные черты каждого из участников процесса.

19.1.2. Эффект размера семьи: порядок рождения и интеллектуальное развитие субъекта

Одной из наиболее влиятельных психологических гипотез, объясняющих формирование индивидуальных различий, исходя из таких параметров как количество членов семьи и очередность рождения детей, является модель интеллектуального развития психолога Роберта Зайонца (Стэнфордский Университет, США), позволяющая делать на ее основе важные прогнозы. Согласно этой модели (*Zajonc, Markus & Markus*, 1979), в каждой семье складывается специфическая интеллектуальная обстановка, элементом которой оказывается индивидуальный опыт каждого члена семьи. Другими словами, каждый влияет на всю семью целиком, а семья, в свою очередь, влияет на него. С помощью ряда предложенных дифференциальных уравнений можно предсказывать индивидуальные различия в уровне интеллекта у рождающихся в семье детей. Так, интеллектуальная среда в семье представлена как квадратный корень из интеллектуальных уровней членов семьи.

Благодаря этому уравнению вклад более старших членов семьи в ее интеллектуальную среду оценивается как больший. Знаменатель в этом уравнении отражает рост интеллектуальной среды при увеличении числа членов семьи. В самом деле, среда, состоящая из четырех взрослых, богаче той среды (имеется в виду и общий уровень стимуляции ребенка), где имеется только один взрослый. Каким образом прибавление взрослого улучшает качество интеллектуальной среды в семье, а появление каждого следующего ребенка — уменьшает? Можно указать на три причины, считающиеся наиболее состоятельными (см. также *Zajonc*, 1983):

* первенцы получают больше родительского внимания и больше взаимодействуют с родителями (что стимулирует большее речевое и интеллектуальное развитие), чем позднерожденные дети;

* после рождения других детей, первенцы играют роль посредников между родителями и младшими детьми и попрежнему больше других контактируют с родителями, перенимая их опыт; выполняя обучающую функцию, первенцы ускоряют свой рост умственного развития;

* последний ребенок в семье находится в худшем положении, не имея возможности объяснять кому-нибудь правила игры или смысл слов, то есть выполнять обучающую функцию.

Хотя нужно признать справедливой критику модели со стороны психогенетиков, утверждающих, что она хорошо объясняет сводные данные, но в отношении индивидуальных показателей модель позволяет объяснить на основе факторов порядка рождения и размера семьи менее двух процентов вариаций (*Plomin*, 1986), надо отметить и существенные достоинства этой модели. Первое преимущество заключается в экспериментально подтвержденном предположении о неодинаковости влияния факторов семейной среды на интеллектуальный уровень ребенка в различных возрастах. Влияние конфигурации семьи на интеллектуальный рост задается сигмоидной функцией возраста (*Zajonc & Bargh*, 1980), отвечающей ожиданию, что

эффекты очередности рождения нелинейны и связаны с возрастом. Результаты тестирования показали наличие отрицательного эффекта очередности рождения для детей до четырех лет, положительный эффект для детей в возрасте четырех—девяти лет, отсутствие эффекта для детей девяти—двенадцати лет. После этого возраста наблюдается возрастающий негативный эффект.

Исходя из того, что эффект размера семьи не есть, как показали экспериментальные исследования, простое следствие социально-экономического статуса (см. главу 13), Р.Зайонц предположил возможность прогноза на основе своей модели уровня интеллектуального развития следующих поколений (*Zajonc*, 1986). Так, в 1976 году было предсказано убывание баллов по тесту школьных способностей вплоть до 1980 года, так как в предшествующий период по данным демографического анализа наблюдался заметный рост среднего размера семьи. И действительно, к 1980 году баллы по тесту школьных способностей у американских учащихся снизились по сравнению с 1964 годом на 45 пунктов (с 490 до 445). Изучение других факторов, могущих повлиять на такой результат, показало их неизменность в период после 1980 года. Однако, начиная с этого момента стал наблюдаться рост баллов по тесту школьных способностей, который Р.Зайонц объяснил снижением в этот период рождаемости и, следовательно, уменьшением размеров семьи.

19.1.3. Стиль родительского воспитания

Однако, кроме эффекта размера семьи, значительную роль играют и многочисленные эффекты воспитания, часть которых зависит от личности родителей. Стиль воспитания является системообразующим фактором в становлении детской личности и влияет на все уровни индивидуальности практически в равной степени. Исследования психологов показывают, что дети, воспитывающиеся в большой строгости, сильнее скованы в движениях по сравнению с детьми, имеющими большую свободу в самовыражении. Половые различия, большинство из которых и скла-

дывается, собственно говоря, под влиянием родительских полоролевых стереотипов, внедряемых в самосознание ребенка, также связаны с особенностями воспитания. Значительным количеством данных подтвержден факт о бóльшем влиянии родительского поведения на уровень IQ сыновей, чем дочерей.

Комбинация индивидуальных переменных — личностные свойства, ожидания и представления, способы воздействия — складывается в устойчивые паттерны, которые получили название стилей воспитания. В наиболее известной классификации (*Baumrind*, 1971), безусловно, испытавшей влияние стилевой модели Курта Левина (см. главу 21) выделяется три паттерна поведения или стиля, представляющих собой комбинацию из таких элементов, как зрелость требований, контроль, коммуникативность и образовательный эффект:

Таблица 17

Параметры стилей родительского воспитания

Параметры / Стили	контроль	зрелость требовчаний	коммуникативность	образовательный эффект
разрешающий	–	–	–	+
авторитарный	+	+	–	–
авторитетный	+	+	+	+

В дальнейшем Элеонора Маккоби и Джон Мартин развили категориальную систему Baumrind, выделив два основных измерения внутрисемейного взаимодействия: уровень контроля или требований и общий параметр принятия—отвержения (*Maccoby*, *Martin*, 1983). Пресечение этих двух измерений образовывало уже четыре типа, добавив в прежним трем пренебрегающий стиль. Основываясь на этих

двух схемах, представим типологическую модель стилей родительского воспитания в следующем виде:

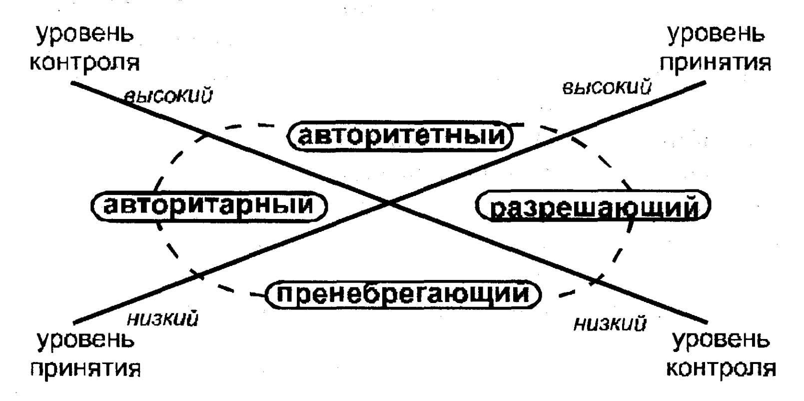

Рис. 27. Типология стилей родительского воспитания

Дети, выросшие в семьях с авторитарным стилем воспитания (с высоким уровнем контроля и требований, но относительно низким уровнем ответственности и теплоты) хуже успевают в школе, имеют более низкую самооценку и испытывают трудности во взаимодействии со сверстниками. Также дети, "не поддающиеся контролю", чаще всего встречаются в авторитарных семьях. Эти эффекты относятся не только к младшим школьникам. Результаты лонгитюдного исследования, охватившего около 6000 подростков (*Steinberg et al.*, 1995), показали, что дети из авторитарных семей имеют более плохие отметки в школе и более негативную Я-концепцию, чем дети из семей с авторитетным стилем воспитания.

Разрешающий стиль воспитания, при котором родители никак не ограничивают поведение ребенка, коррелирует с более высоким уровнем агрессивности детей, обнаруживающих некоторую незрелость по сравнению со своими школьными сверстниками. Однако наиболее деструктивное влияние на поведение ребенка и его результативность в школе оказывает пренебрегающий стиль, когда родители настолько озабочены собой и своими проблемами, что их дети чувствуют себя брошен-

ными, находясь в семье. Это ощущение не покидает их иногда на протяжении всей взрослой жизни. Подростки из семей, характеризующихся пренебрегающей потребностями и интересами детей атмосферой, оказываются более импульсивными и антисоциальными, не выдерживают соревнования со своими сверстниками и менее ориентированы на достижения.

Семейный климат зависит также от ориентаций родителей на сам предмет воспитания. Воспитывая детей, родители руководствуются, по мнению Р.Лэвайн (*LeVine*, 1974), универсальными целями, которые можно представить в виде следующей иерархии детерминант:

— физическое выживание и здоровье ребенка означают (имплицитно, в неявном виде) нормальное развитие (его или ее) репродуктивной функции в период пубертата;

— развитие поведенческих навыков ребенка, определяющих его самообеспечение в период зрелости;

— развитие восприимчивости ребенка к принятию других культурных ценностей в виде морали, престижа, богатства, религиозной благочестивости, интеллектуальных достижений, личной удовлетворенности, самореализации как формулируемых и символически разработанных в культуре убеждений, норм и идеологий (с.230).

В зависимости от культуры, социоэкономического статуса и семейной предыстории, порядок этих целей в иерархии может изменяться (см. главу 13).

Помимо рассмотренных факторов — размера семьи и порядка рождения, стиля родительского воспитания — общая атмосфера семьи, слагающаяся из многих компонентов, оказывает во многих случаях определяющее детерминирующее влияние на последующие различия между людьми. По меньшей мере пять важнейших измерений внутрисемейного взаимодействия связаны, как показывают экспериментальные данные, с высоким уровнем развития интеллекта у детей (по *Bee*, 1998):

* наличие интересной и сложной физической среды, включая игровые материалы, соответствующие возрасту ребенка и уровню его развития;

* эмоциональная отзывчивость и вовлекаемость родителей во взаимодействие с ребенком (они улыбаются в ответ на улыбки ребенка, огорчаются его печалям, отвечают на детские вопросы etc.);

* родители часто разговаривают с ребенком, используя насыщенные описания; взаимодействуя с ребенком, они ориентируются на формирование его или ее зоны ближайшего развития (по *Выготскому,* 1996), предлагая ребенку осваивать более высокий уровень взаимодействия, чем тот, на котором он находится;

* родители избегают ограничений, обвинений и контроля, предоставляя вместо этого ребенку возможность действовать, совершая ошибки. Также они чаще задают вопросы, чем отдают команды;

* родители ожидают, что их ребенок будет развиваться быстро, поэтому подчеркивают все его достижения, включая и школьные успехи.

19.2. Индивидуальные детерминанты процесса обучения и школьная успеваемость

С момента достижения детьми школьного возраста прибавляется еще один фактор, формирующий многие жизненные различия, — успешность обучения в школе. Мы рассмотрим только некоторые аспекты этой проблемы, отсылая читателя к более обстоятельным исследованиям (*Клаус*, 1988).

Конечно же, на успехи детей влияет отношение к ним родителей, как мы уже узнали из исследований родительских стилей воспитания. Личность родителя, в соответствии с основными положениями разрабатываемой нами Иерархической Теории Индивидуальности, определяет не только уровень адаптированности, оптимальный или компенсаторный характер развития, но и результативность деятельности ребенка. Выраженная враждебность как личностный паттерн, характеризующий поведение родителей в целом, связана со снижением школьной успешности и высоким риском развития у детей делинквентного поведения (*Melby & Conger*, 1996).

Успех ребенка в школе зависит, помимо его личностных особенностей, детерминированных семейной средой, от многих факторов — мотивации, интересов, настойчивости, уровня адаптации среди сверстников. Однако к важнейшим детерминантам индивидуализации в процессе обучения относят параметры познавательных процессов, по которым различаются обучающиеся. Так, аналитичный когнитивный стиль (ориентация на различие в процессе восприятия и мышления) оказывается эффективным при следующей программе обучения — низкий темп предъявления учебной информации, большое число повторений, малая вариативность учебных заданий, акцент на произвольное запоминание и саморегуляцию функционального состояния (см. *Колга* (ред.), 1986; *Клаус*, 1984). Устойчивые различия в перцептивных стратегиях и стилях мышления влекут за собой и различия в учебной деятельности. Одним из первых этот феномен обнаружил в своих исследованиях Г.Уиткин (*Witkin et al.*, 1977). Изучение влияния параметра полезависимости/поленезависимости на характер усвоения учебного материала показало, что у поленезависимых людей понятийная информация структурирована более иерархично, чем у полезависимых. Поленезависимые, определяя понятие, ищут решение во внутрипонятийных структурах, обращая внимание на связи по вертикали и помещая нужное понятие в точное место в семантической цепи (*Jackert*, 1981 — см. *Клаус*, 1984).

С индивидуальной спецификой обучения связаны многие психологические свойства. Кратко отметим некоторые значительные параметры.

Экстраверсия—интроверсия. Хотя экстраверты являются более быстрыми на начальном этапе экзамена, по сравнению с медленно врабатывающимися и набирающими скорость интровертами, они быстрее сдаются, встретившись с трудностями (*Eysenck*, 1959). Обучающая стимуляция, вполне достаточная для экстравертов, оказывается чрезмерно интенсивной для интровертов (как для учеников, так и для учителей (*Schmeck & Lockhart*, 1983).

Тревожность. При выполнении сложных заданий на решение проблем, связанных со стрессом для личности, высокая тревожность снижала эффективность выполнения у учащихся с высоким уровнем IQ, по сравнению с обладающими таким уровнем интеллекта низкотревожными субъектами (*Gupta & Sharma*, 1986). Высокотревожные дети стараются использовать наиболее безопасные способы проявления своей тревоги и враждебности; они также менее склонны исследовать неизвестные и незнакомые ситуации (*Penney*, 1965). Обратная связь во время контроля за обучением усиливает состояние тревожности. Высокотревожные субъекты делают значительно больше ошибок при наличии обратной связи, чем без нее (*Hansen*, 1974).

Импульсивность—рефлексивность. Импульсивные хуже, чем рефлексивные, справляются с заданиями на решение проблем, где не указаны альтернативы ответов (*Kagan*, 1965). В задачах на распознавание стимулов рефлексивные используют более консервативные стратегии, чем импульсивные, и поэтому оказываются более точными. Однако в задачах повышенной сложности импульсивные также стараются использовать консервативные стратегии (*Friedrich*, 1986). Рефлексивные, как правило, менее чувствительны к вознаграждению (поощрению за правильные ответы). Зато поощрение импульсивных ведет к задержке времени ответа. Степень импульсивности уменьшается при поощрении и увеличивается при отсутствии такового (*Maldonado*, 1984). Рефлексивы лучше справляются с заданиями при изучении точных наук в условиях низкого контроля, в то время как импульсивные показывают более высокие результаты при условии высокого контроля в обучающей ситуации (*Thumann*, 1982).

19.3. Обучающие стратегии: учитель—ученик

На процесс обучения самое, пожалуй, значительное воздействие оказывает не педагогическая технология и не качество преподаваемых знаний, а личность самого учителя. Обладающие заниженной самооценкой учителя прояв-

ляют установки, в которых содержится негативный потенциал, способный причинить ученику значительный вред (уже не говоря о качестве обучения!). Среди наиболее ярких признаков, характеризующий такой стиль педагогической деятельности, отмечаются следующие утверждения (*Cummins*, 1960):

* использовать любую возможность, чтобы занять учащихся, не позволяя им расслабляться;

* к тем, кто не проявляет к учителю симпатии, относиться так же;

* в качестве стимула к учебе использовать чувство вины за промахи, обнаруживающиеся у учеников;

* строить обучение на основе конкурентной борьбы;

* допускать возможность нечестного поведения учащихся во время экзамена;

* неустанно напоминать ученикам о суровой реальности взрослой жизни.

Личностные различия между учителями становятся тем самым ситуативным (не ситуационным!) фактором, который превращается в одну из детерминант межиндивидуальной вариативности среди учеников. Догматический стиль преподавания влияет на позитивность Я-концепции детей, которая снижается у тех, кого обучают учителя, обладающие догматической личностью. Учителя, отличающиеся склонностью к экспериментированию и гибкостью педагогической тактики, способствовали формированию у учеников более положительной Я-концепции (*Cheong*, *Wadden*, 1978). Эмоционально нестабильные (с высокими показателями нейротицизма по шкале Айзенка) учителя обладают более низкой самооценкой и авторитарным стилем преподавания, избегая активных социальных контактов. Напротив, эмоционально стабильные учителя в качестве своих ведущих черт называют уверенность в себе и стремление к активному общению с людьми (*Ryans*, 1961).

Важным параметром оказывается совместимость—несовместимость учителя и ученика в зависимости от предпочтения ими определенного когнитивного стиля. Анализ различий в способах организации преподаваемого матери-

ала показывает, что поленезависимые учителя навязывают свою структуру организации, предпочитая более формальные модели презентации. Полезависимые учителя используют более неопределенные, менее организованные структуры в обучении, предпочитая использовать дискуссионные методы. Г.Уиткин (*Witkin et al.*, 1977), определяя наиболее предпочитаемые сферы для разных стратегий структурирования, обнаружил, что полезависимые студенты более успешны в области искусства и гуманитарных дисциплин, чем в области точных наук. Эти студенты также предпочитали более неформальные методы обучения, используемые полезависимыми учителями.

Учет личностных особенностей ученика не менее важен для выбора обучающих стратегий. Дети с низкой самооценкой, по сравнению со своими сверстниками, имеющими высокий уровень оценки себя, очень не любят контрольные работы и совместные занятия с другими, зато им нравится смотреть телевизор, просто слушать учителя или заниматься чем-либо самостоятельно (*Cohen & Cohen*, 1974). Обладая негативными представлениями о своих учебных способностях, они, таким образом, исключают те виды активности, где скрывается возможность публичного оценивания результатов. И предпочитают ситуации, где можно сохранить анонимность, не занимая нежелательного места среди сверстников.

Но на формирование низкой самооценки влияет и разделение учащихся учителем на группы “успевающих” и “неуспевающих”. Постоянное сравнение лучших учеников с худшими, независимо от того, имеет ли оно под собой реальную основу в виде недостаточно развитых способностей к обучению, или же поведенческие девиации (см. главу 15), ведет к нарушению образа Я и снижению уровня самооценки.

19.4. Дифференциальная психология обучения

Сделанное в 1911 году распоряжение министра образования Франции о необходимости создания системы

оценки интеллектуального потенциала учеников, на основе которой можно проводить дифференциацию обучающихся по группам, выделяя отстающих в развитии, оказалось поворотным пунктом не только в прогрессе тестологии и психодиагностики, но и в практике школьного преподавания. Создавая свой тест оценки умственного развития, А.Бине и Т.Симон (*Binet*, *Simon*, 1905) взяли в качестве критерия проверки внешней валидности теста школьные оценки. Прогноз школьной успеваемости стал жизненно важной задачей не только дифференциальной психологии, но и дифференциальной педагогики. Исследование в процессе обучения динамики показателей IQ выявило целый ряд новых интересных фактов. Оказалось, что оценки по некоторым предметам больше связаны с измерением интеллекта, чем по другим. Предсказание оценок на длительный период времени менее точно, по сравнению с прогнозом на более короткий временной промежуток. Ряд авторов приходит также к выводу, что устойчивость корреляций между показателями тестов интеллекта и школьными оценками с первого класса до выпускного служит доказательством того, что — независимо от научных интерпретаций — используемые тесты измеряют некий общий интеллектуальный фактор, от которого зависит успех в школе. Правда, более пессимистичный взгляд на проблему выражается в позиции, согласно которой использующиеся в школе тесты интеллекта есть не более чем просто тесты школьной (а значит — ситуационно обусловленной) успеваемости.

В связи с проблемами школьной успеваемости не следует забывать, что успех ученика в школе зависит также от степени его участия в работе всего класса и от уровня “фона”, складывающегося из оценок способностей остальных. Поэтому результаты выполнения недавним отличником индивидуальных заданий профориентационных тестов могут оказаться более низкими, по сравнению с демонстрируемым на уроках уровнем знаний.

Ключевые термины главы: базовые системы ориентации субъекта, ближайшее социальное окружение, внутрисемейные процессы, дифференциальная психология обучения, интеракционистский подход, мотивация достижения, обучающие стратегии, порядок рождения, семейный климат, стиль родительского воспитания, уровень контроля и принятия, успешность обучения, школьная успеваемость, эффект размера семьи.

Глава 20. Профессиональная компетентность и жизненная успешность

Развитие индивидуальности происходит на основе не только внутренней дифференциации. Интра-дифференциация человеческой личности обуславливается, помимо семейного воздействия, факторами обучения, профессионализации и, наконец, влиянием достигнутых в жизни успехов. Анализ процесса индивидуализации обучения, от школы до университета, выявляет явную неоднозначность как в выработке критериев оценки уровня развития индивида на шкале “ограниченный—способный”, так и в создании методов дифференцированного подхода к обучению. В профессиональной деятельности также обнаруживается, что система оценки “успешный—неуспешный”, разрабатываемая с применением критериев профессиональных достижений, далеко не всегда совпадает с соответствующими показателями жизненного успеха, которого человек добивается в дальнейшем.

В этой главе мы постараемся показать, что неоднозначность психологических прогнозов возрастает при появлении новых переменных в жизни развивающегося субъекта.

20.1. Интеллектуальная компетентность в процессе высшего образования

Следующим после школы этапом проверки на “профпригодность” является ступень высшего образования. Хотя вопрос о том, какую именно реальность отражает IQ, остается не выясненным до конца, бесспорны результаты многих исследований, показывающих значимость этого показателя в образовательном процессе.

Исследования групп студентов, находящихся на разных стадиях обучения, показали существование значительных различий между ними, содержательная интерпретация которых остается довольно двусмысленной. Р.Эмбри

(*Embree*, 1948) и К.Урэн (*Wrenn*, 1949) получили данные о связи этапа обучения с уровнем IQ:

Группа	Показатель IQ
Абитуриенты	118
Получившие степень бакалавра*	123
Соискатели степени магистра**	126
Получившие ученую степень	141

* После трех лет обучения
** После четырех—шести лет обучения

Авторы этих исследований делают ряд оговорок, касающихся, например, различий в уровне IQ абитуриентов, поступающих в разные колледжи. К тому же во всех подобных случаях интерпретация должна осуществляться в терминах вероятности. Например, маловероятно, чтобы студент с очень низким уровнем интеллектуального развития был способен закончить колледж. Или — вполне возможно, что учащийся с уровнем IQ чуть выше среднего очень успешно закончит первую ступень обучения.

Аттрибутивные стили, в частности, негативное мышление, могут выступать предиктором успешности обучения. Группа студентов обследовалась с помощью одного из наиболее известных тестов измерения аттрибутивного стиля Beck's Depression Inventory (BDI) до экзаменов и через несколько дней после получения оценок (*Metalsky et al.*, 1993).

Оценки аттрибутивного стиля позволили предсказать, кто из студентов снизит свои показатели после провала на экзамене.

20.2. Личностные предпосылки профессиональной компетентности

Центральным в процессе жизненной активности взрослого человека в современном обществе является фактор профессиональной компетентности. Его наличие или отсутствие уже само по себе вызывает различия в личност-

ном самоопределении и стилях жизни. Во многих исследованиях показана связь между профессионально незанятыми женщинами (которых обычно называют домохозяйками) и частотой проявления психосоматических расстройств, личностных деформаций и нарушений в сфере межличностного общения (*Либина*, 1995). Детерминация связи профессиональной компетентности и личностных, индивидуальных особенностей по меньшей мере двойственна. С одной стороны, она основана на свойствах обратной связи — больший профессионализм влечет за собой и большую интегрированность личности, что, в частности, проявляется в качестве преподавательской и руководящей деятельности. С другой стороны, исследования творчества и одаренности показывают неоднозначность связи профессиональных достижений с личностной компетентностью.

20.2.1. Выбор профессии и тип личности

Кажется очевидным, что для определенных типов личности могут подходить определенные виды профессий. Существует множество разработанных специалистами профессиограмм, определяющих соответствие комплексов индивидуальных свойств требованиям профессии (*Воробьев*, 1978). Так, независимость, настойчивость и самодостаточность оказываются важными качествами для исследователя, а склонность к порядку и надежность важны для бухгалтера (*Shultz & Shultz*, 1990). С другой стороны, как показывают наши исследования (*Либин*, 1989; 1991), внутри каждой профессии специалист стремится к выполнению определенных функций, обусловленных личностной предрасположенностью к выбору поведенческой роли — организатор или исполнитель, инициатор или последователь, формальный или неформальный лидер, "консультант" или "потребитель". Несовместимость выбранной (или освоенной под давлением обстоятельств) профессии с личностными качествами (например, руководитель с зависимым, симбиотическим характером) приводит к общей неудовлетворенности жизнью (*Paunonen & Jackson*, 1987).

Одной из наиболее известных психологических теорий профессионального выбора, объединяющей личностные черты с предпочтением рода занятий и организационной структуры, является концепция Дж.Голланда, который поставил своей целью объяснить, почему разные типы людей предпочитают разные типы профессиональных занятий (*Holland*, 1963). Обозначив шесть основных родов занятий, названных "рабочая среда", Дж.Голланд представил их в виде гексагональной структуры, указав взаимосвязи между личностными особенностями, предпочтением рода деятельности и конкретными образцами профессий. Следующая краткая схема (на основе *Osipow*, 1983) пояснит суть этой теории: сначала идет обозначение рода деятельности, затем примеры конкретных профессий и характеристики личностного типа, склонного к освоению данной "рабочей среды":

Практическая — фермер, водитель грузовика — несоциализированность, зрелость, маскулинность, экстравертированность, настойчивость.

Исследовательская — химик, биолог — несоциализированность, маскулинность, интровертированность, самодостаточность, настойчивость.

Общественная — социальные работники, учителя — живость, предприимчивость, консервативность, фемининность, социализированность.

Традиционная — книготорговцы, банковские служащие — конформность, консервативность, зависимость, маскулинность, нескромность, экстравертированность, ответственность.

Предпринимательская — бизнесмены, политики — социализированность, доминантность, консервативность, импульсивность.

Художественная — музыканты, актеры — незрелость, утонченность, параноидальность, интровертированность.

Несмотря на явную несогласованность (по крайней мере, явствующую из представленных перечней) между собой некоторых признаков одного и того же симптомокомп-

лекса, разработанный на базе концепции Опросник измерения профессиональных предпочтений (*Holland*, 1985) широко используется и служит для создания новых моделей межличностного поведения.

20.2.2. Субъективные установки, продуктивность труда и удовлетворенность работой

Работа — один из самых важных видов активности в человеческой жизни. Поиск подходящего рода занятий сопровождает нас с детства до глубокой старости. Наличие или отсутствие работы как профессионального вида деятельности сказывается на важнейших личностных проявлениях, таких как самооценка, психологическое и психическое здоровье (*Kuhnert & Palmer*, 1991). Ключевые слова для дифференциально-психологического аспекта этой проблемы — установка, рабочая мотивация, профессиональный отбор, оптимальность работы (проявляющаяся как соотношение объективных показателей продуктивности и субъективной удовлетворенности).

Большое внимание в этой области уделяется исследованиям межиндивидуальных различий по продуктивности и удовлетворенности работой. Созданная на основе большого количества данных первоначальная каузальная схема, рассматривающая удовлетворенность как причину, а продуктивность как следствие, была дополнена положением о том, что с ростом продуктивности растет удовлетворенность внешними сторонами работы — заработком, условиями и пр. (*Siegal & Bowen*, 1971). Однако безусловное преобладание позитивной связи между продуктивностью и удовлетворенностью в обоих случаях также не является единственной тенденцией. В.С.Магун, проанализировав данные собственного исследования, охватившего более четырех тысяч человек, а также данные других авторов, выявил наличие двух тенденций — позитивной и негативной — в соотношении продуктивности (П) с удовлетворенностью (У). Направленность тенденций зависит от "энергетической цены деятельности", фиксирующей потери и вредные для субъекта последствия деятельности.

Исследователь предположил, что устойчивые, но не большие коэффициенты корреляции между П и У являются следствием разнонаправленных связей между этими показателями и что эффективным средством расщепления "видимых" корреляций является факторный анализ. Первоначально были получены два наиболее информативных фактора (*Magun*, 1993):

— фактор конгруэнтных соотношений, в котором показатели У прямо пропорциональны величине П; то есть, "чем лучше человек работает, тем в большей мере он удовлетворен различными аспектами своего труда";

— фактор дисгармоничных соотношений, в который показатели П и У вошли с противоположными знаками, то есть, "чем выше продуктивность работника, тем хуже удовлетворены его потребности".

Следующий этап разработанного автором метода расширенных факторов (*Магун*, 1985) заключался в формировании двух групп работников (в каждую вошло не менее 600 человек), имеющих полярные значения по одному и тому же фактору. Для этих групп вычислялись коэффициенты корреляции между У и П. Результаты факторного "расщепления" подтвердили первоначальную гипотезу — в подгруппе с конгруэнтным соотношением П и У позитивные корреляции между этими показателями значимо превышали значения, полученные на всем массиве, а в подгруппе с дисгармоничным соотношением П и У все значения были ниже общесредних и большинство связей имело инвертированную, по сравнению с первой подгруппой, направленность. Интересно, что результаты, полученные после обработки данных, предоставленных американскими исследователями, подтвердили факт существования разнонаправленных связей между П и У, и, в то же время, для "американских организаций превалирование отрицательных взаимосвязей между продуктивностью труда и удовлетворенностью работой встречалось в два раза реже, чем преобладание положительных взаимосвязей" (*Magun*, 1993).

20.3. ЛИДЕР: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП И СТИЛЬ РУКОВОДСТВА

В любой профессиональной области специалисту неизбежно приходится взаимодействовать с руководителем. Конечно, профессиональный отпечаток во многом определяет абстрактный тип руководства, и командир космической станции будет по многим параметрам выполняемых функций во взаимодействии с другими людьми, а также по своим личным качествам отличаться от научного куратора или кинорежиссера. Но существуют и универсальные закономерности, определяющие характерную модель руководства, психологический тип человека, наиболее удачно сопрягающегося с этой моделью, и способы реализации последней, называемые стилем руководства.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ МОДЕЛЕЙ РУКОВОДСТВА

Модель лидерства как научного управления, при котором руководителя интересует не сам работник, а наиболее оптимально устроенная среда (*Taylor*, 1911) заменилась в середине двадцатого века на модель "человеческих взаимоотношений". Толчком к этой парадигмальной смене моделей послужил знаменитый Хоуссорнский эксперимент (от названия города Hawthorne в Чикаго, США), проходивший в 1927—1932 годах на предприятиях Западной Электрической Компании. Первоначально была поставлена задача изучить влияние на рабочую мотивацию изменений в окружающей предметной среде (в духе традиций прежней модели), однако постепенно фокус сместился в сторону психологического анализа взаимодействия рабочих с управляющими. Обнаружилось, что распоряжения руководителя об улучшении рабочей среды, ставшие поводом широкого обсуждения, оказывают прямой эффект на мотивацию, даже без проведения переоборудования (*Roethlisberger & Dickson*, 1939). Продуктивность труда увеличивалась, даже когда рабочие просто думали о расположении к ним начальства, заботящегося о наличии оптимальных условий (например, установлении дополнитель-

ного освещения или вентиляции). В то же время, продуктивность ничуть не изменялась, когда освещение становилось бледным, как свет луны. По аналогии с известным в психосоматической медицине "плацебо-эффектом" (при котором самочувствие больного улучшается, когда он думает, что ему дали эффективное лекарство, хотя в виде такового дается обычный мел), это явление мы могли бы назвать "эффектом заботы", так как в данном случае ситуация была скорее экспериментальной, чем реальной (иначе такое поведение трактовалось бы как "обман и надувательство"). В модели "человеческих взаимоотношений" роль руководителя интерпретируется с позиций психологических взаимоотношений с работниками, по типу "лидер—ведомый". Развиваемые в последующем теории лидерства исходили преимущественно из этой установки.

Генетика лидерства — X или Y ?

Две рассмотренные выше базовые модели стали отправной точкой в определении стиля лидерства, складывающегося в соответствии с Теорией X или Теорией Y (*MacGregor*, 1960). Каждая из теорий определяла роль руководителя — и соответствующие этой роли психологические черты и стиль лидерства — исходя из представлений о человеческой природе как таковой. Теория X, в соответствии с которой лидер непременно должен обладать чертами диктатора, основана на следующих представлениях:

* люди обычно не любят работать и стараются уклониться от своих обязанностей;

* поэтому работников нужно заставлять трудиться, манипулировать ими, угрожать и наказывать, чтобы добиться выполнения стоящих перед организацией целей;

* люди хотят быть направляемыми, стремясь к защите и избегая ответственности.

Теория Y исходит из прямо противоположных представлений:

* людям нравится работать, и для многих в труде скрыт источник удовлетворения;

* большинство работников руководствуются самодисциплиной и не нуждаются в угрозах; они также заинтересованы в выполнении общих целей;

* многие не только избегают ответственности, но, напротив, стремятся к ней;

* способности к творчеству в решении организационных проблем присущи не только избранным руководителям;

* поощрение является наилучшим способом для вдохновления людей к выполнению задач, стоящих перед организацией.

Таким образом лидер, руководствующийся этой моделью, должен быть чувствителен к запросам и нуждам работников, прислушиваться к их предложениям по поводу улучшения работы в организации.

Стили лидерства: личностные и ситуативные переменные

Теории X и Y обозначают крайние полюса манеры руководства, характеризуемые в терминах "авторитарного" или "демократического" стиля лидерства, который скорее рассматривается как континуум распределения, а не как экстремы, свойственные дискретным классам переменных. Одним из первых предложил классификацию стилей лидерства в зависимости от способа принятия решения глава школы гештальт-психологии Курт Левин (*Lewin*, 1935). Исследуя экспериментально созданные группы, он выявил существенные различия между коллективами, руководимыми людьми с различными стилями принятия решений (*Lewin et al.*, 1938):

* при автократическом стиле лидер принимает решения единолично, определяя и регламентируя всю деятельность подчиненных, не давая им возможности проявить инициативу;

* при благодушно-попустительском (laissez-faire) стиле лидер вообще избегает принимать какие-либо решения, не участвуя в этом процессе и предоставляя подчиненным полную свободу действий;

* при демократическом стиле лидер вовлекает сотрудников в процесс принятия решений, используя групповую дискуссию, стимулируя их активность и разделяя вместе с ними ответственность за принятие решения.

Исследования К.Левина показали, что, хотя в группе, руководимой лидером с демократическим стилем руководства, уровень общей удовлетворенности работой и благоприятными взаимоотношениями был наивысшим, также как и стремление к творчеству, в группе лидера с авторитарным стилем показатели продуктивности были самыми высокими, по сравнению с остальными группами. Благодушно-попустительский стиль руководства приводил к беспорядкам, увеличению фрустрированности и конфликтам, что неизбежно сказывалось на снижении объема и качества выполняемой работы по сравнению с двумя другими группами (*French*, 1970).

В работах А.Л.Журавлева (1977) был обнаружен эффект выраженности крайних полюсов стиля руководства (директивного, коллегиального или либерального) в зависимости от места данного руководителя в служебной иерархии. Среди руководителей среднего звена (начальники цехов) крайние стили руководства наиболее распространены (около 53%), а на низовом уровне управления (старшие и сменные мастера) крайняя степень выраженности стилей встречается реже (соответственно 31% и 41%). Эти результаты интерпретированы с точки зрения различий в позициях среднего и низового уровней в иерархической структуре управления — более тесные межличностные контакты мастеров (по сравнению с начальниками цехов) приводят к индивидуализации (дифференциации) способов управления.

Разработанностью отличается также интеракционистская теория лидерства Ф.Фидлера, согласно которой эффективность управления является функцией взаимодействия между личностными характеристиками руководителя и чертами ситуации. Личностные переменные определяются как континуально распределенный параметр направленности, находящийся между полюсами

личностно-ориентированной и ориентированной-на-задание стратегий (*Fiedler*, 1976). С помощью специально разработанной Шкалы Измерения Предпочтений Сотрудников, руководители оценивались их подчиненными. Получившие высокие оценки по этой шкале лидеры характеризовались в позитивно-окрашенных тонах и определялись как личностно-ориентированные (они имели более близкую дистанцию в отношении с работниками, активно обсуждали ход выполнения заданий с сотрудниками). Получившие низкие оценки по Шкале скорее характеризовались негативно (из-за проблем во взаимоотношениях с работниками) и оценивались как ориентированные-на-задание. Ситуативный контроль как необходимая переменная, учитывающаяся в исследованиях, включал в себя уровень поддержки, которую лидер получал от группы; степень осведомленности лидера о том, какими способами можно добиться выполнения задания; степень воздействия (власти), которой лидер обладал во взаимодействии с подчиненными. Исследования показали, что для личностно-ориентированных лидеров оптимальным является средний, сдержанный уровень контроля. Предметно-ориентированные лидеры были гораздо эффективнее в условиях крайнего положения уровня контроля — или слишком высокого, или же слишком низкого.

Успешные лидеры и руководители-неудачники

Прежде всего психологов интересовал вопрос, кто именно становится лидером, руководителем группы. Первоначально исследования проводились путем выявления лидеров в дискуссионных группах. Таковыми становились социабельные, доминантные, экстравертированные, амбициозные, ответственные, заслуживающие доверия, самодостаточные, эмоционально стабильные, кооперативные и тактичные (*Stogdill*, 1974). В терминах современной пятифакторной модели личности FFM (см. главу 9), люди, становящиеся лидерами групп, характеризуются высокими показателями по факторам экстравер-

сии, доброжелательности, добросовестности и эмоциональной стабильности (*Hogan et al.*, 1994). Личностные переменные, как показывают многие авторы, оказываются более надежными предикторами эффективного руководства, чем, например, показатели когнитивных способностей, установок или демографические характеристики (*Kenny & Zaccaro*, 1983).

Разумеется, можно выделить некоторые личностные качества, отличающие наиболее эффективных руководителей. Проведенное в двух больших американских компаниях (Sears и AT&T) обследование (на основе использования FFM) руководителей показало, что наиболее быстро продвигались лидеры с высокими показателями артикулированности и активности (фактор I), упорно работающие и ответственные (фактор III), независимые и самодостаточные (фактор IV). Личностными чертами, позволяющими сделать прогноз о продвижении вверх по служебной лестнице, оказались ориентация на успех и готовность принимать решения (I фактор), внутренние нормативы (III фактор), устойчивость к стрессу и толерантность к неопределенности (IV фактор), широта интересов (V фактор) (*Bentz*, 1990; *Howard & Bray*, 1990).

Не менее интересны данные о неуспешных руководителях, демонстрирующих низкую эффективность работающих под их началом команд. Личность неуспешных лидеров также имеет отличительные признаки, среди которых выделяются высокомерие, мстительность, несамостоятельность, неумение держать дистанцию и стремление досаждать (*Lombardo et al.*, 1988). Команды, которыми руководят лидеры, обладающие этими нежелательными чертами, хуже справляются с заданиями, чем группы, возглавляемые лидерами с иными личностными свойствами. Вполне возможно, что подчиненные всегда осознают "теневые стороны" личности руководителя, которые, кстати говоря, с трудом поддаются выявлению у потенциальных руководителей, проявляясь только в реальной ситуации взаимодействия (*Harris & Hogan*, 1992).

20.4. Стратегии жизненного успеха и мотивация достижения

В дифференциально-психологическом исследовании проблемы жизненной успешности важное место занимает анализ взаимосвязи индивидуальных поведенческих стратегий, многие из которых обнаруживают себя уже в детстве, с параметрами жизненного успеха. Рассмотрим некоторые компоненты поведенческих стратегий, которые связаны с устойчивыми личностными особенностями, влияющими на достижение успеха.

Понятие о справедливости. Дж.Адамс (*Adams*, 1965) сформулировал теорию справедливости, объединяющую в себе параметры индивидуальных различий, ситуационных и феноменологических переменных. Несмотря на то, что любой работник больше мотивирован при условии справедливо заключенного договора, существуют межличностные различия в поведении, обусловленные тем, как люди воспринимают справедливость и несправедливость. "Благосклонные" удовлетворены, даже когда их недооценивают, и чувствуют вину, если их переоценивают или же оценивают по справедливости. "Сензитивные" (к справедливости) убеждены, что все, включая их самих, должны быть оценены достойно, по справедливости. Наконец, "претендующие" считают, что они должны получить все, что только возможно. Вполне понятно, что они испытывают дистресс в любом случае — когда их недооценивают или даже оценивают по справедливости. (Переоценить же "претендующих", согласно их установке, невозможно).

Соревновательность. Обнаружено, что мальчики, проявляющие чрезмерную пассивность в период детства, не склонны к соревновательности, став взрослыми. В то же время зависимые мальчики становятся заботливыми и благожелательными мужчинами, часто имеющими счастливые браки (*Caspi et al.*, 1988).

Ориентация на успех vs избегание неудачи. Эта характеристика описывает представления, тесно связанные с мотивацией и выбором способов поведения. Индивидуальные различия в интенсивности реакций на успех и

неудачу отмечаются уже у четырех—шестилетних детей (*Хекхаузен*, 1986). Изучение факторов, влияющих на формирование предпочтения успеха или избегания неудачи, выявило ряд образующих эти стратегии компонентов. Было проанализировано поведение матерей, чьи дети за время учебы в первом классе стали сильнее бояться неудачи (то есть привлекательность избегания неудач оказалась для этих детей весомее силы привлекательности успеха), по сравнению с матерями детей, ставших за это же время обучения более уверенными в успехе (*Trudewind & Husarek*, 1979). Следующие факторы оказались наиболее влиятельными:

* ориентация на социальные, а не предметные и индивидуальные нормы, желание видеть соответствие более высоким стандартам качества, недовольство достигнутым;

* более сильная регламентация и контроль ситуации (в данном случае — выполнения домашнего задания); матери детей, избегающих неудачи, реже считаются с желаниями ребенка и реже поощряют его к самостоятельной работе; помощь оказывается в виде прямого вмешательства в работу;

* в беседе успешное выполнение заданий редко объяснялось высокой одаренностью ребенка, зато неудача часто объяснялась малой одаренностью;

* на высокие достижения чаще проявлялась нейтральная реакция; детей реже хвалят и ласкают.

Уровень притязаний. Уже в возрасте 3,5—4,5 лет у детей проявляется предпочтение наступательной или оборонительной стратегии (*Wagner*, 1969) по отношению к задачам и ситуациям разного типа как наиболее ранний признак различий в индивидуальных (личностных) стандартах или уровне притязаний. Портреты взрослых испытуемых, составленные на основе критерия величины целевого отклонения (*Robaye*, 1957), выглядят следующим образом (см. также *Бороздина*, 1993):

* высокий реалистичный уровень притязаний сочетается с уверенностью в ценности собственных действий, стремлением к самоутверждению, ответственностью, кор-

рекцией неудач за счет собственных усилий; наличием устойчивых жизненных планов с элементом ригидности;

* высокий нереалистичный уровень притязаний сопровождается фрустрированностью, требовательностью к другим и обвинением окружающих; такие субъекты тревожны, не выносят подчинения, но ничего не делают для реализации собственных планов; малообщительны и инфантильно аффективны;

* умеренный уровень притязаний свойственен принимающим себя в целом субъектам; они не ищут самоутверждения, уверены в себе, настроены на успех, соразмеряя усилия с ценностью достигаемого;

* низкий уровень притязаний сочетается со средними возможностями субъекта, как правило, осознаваемыми им самим; установка на подчинение и очевидная беспомощность; скромные цели и слабость перед неудачей часто отражают стремление стать более опекаемым; планы на будущее неясны, временная перспектива структурирована слабо.

Как видно из этого небольшого перечня некоторых основных компонентов—слагаемых успеха, есть большие основания предполагать связь этого конструкта скорее с личностными предпосылками, чем с ситуативными детерминантами, имея в виду возникающие в жизни каждого из нас обстоятельства, затрудняющие или облегчающие достижение намеченных целей.

Понятие успеха как такового имеет ключевое значение для любого человека. Однако далеко не всегда различаются уровни этого важнейшего конструкта, представленные организованными в иерархическую структуру ортогональными факторами: степень самосовершенствования, профессиональные достижения и жизненный успех (см. рисунок 28).

Личностный успех выражается в достигнутом человеком уровне личностной зрелости, связанном с ощущением субъективного и семейного благополучия. Успех профессиональный отражается в степени творческого своеобразия конечного результата или продукта деятельности.

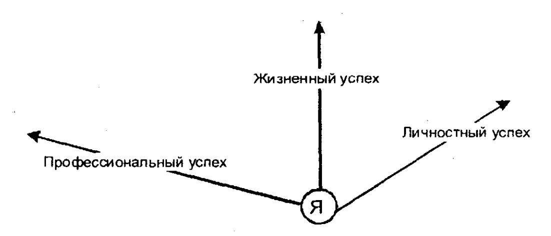

Рис. 28. Факторы успеха

Наконец, жизненный успех может быть достигнут как за счет одного из этих двух факторов (и в этом случае он неизбежно строится на основе гиперкомпенсации), так и за счет наиболее оптимального сочетания личностного и профессионального компонентов.

Связующим звеном системы факторов успеха оказывается своеобразие таких личностных переменных, как предпочтение ценностей и мотивация достижения. Наиболее существенное различие выражается в преобладании у субъекта так называемой "внутренней" или "внешней" мотивации. Первая связана с удовлетворением от самого процесса работы, вторая — с ориентацией на вознаграждение как единственный ценный результат.

Огромное количество исследований на эту тему выполнено с целью изучения влияния ситуационных факторов на мотивацию, хотя и они показывают, что внешне мотивированные субъекты обнаруживают гораздо большее количество побочных негативных эффектов — меньшую креативность, большую нетерпеливость и меньшую обучаемость (*Amabile, Goldfarb & Brackfield*, 1990). Изучение типов мотивации как проявления личностных черт привело к созданию конструкта "каузальная ориентация", для измерения которого предлагается специальный опросник, выявляющий три компонента каузальной (причинной) ориентации — автономность, контроль и нейтральность (*Deci & Ryan*, 1985). Каузальная ориентация связана с общими предпочтениями субъекта в способах вознаграждения, структурирующих его жизнь. Обнаружено, что автономно-ориентированные

индивидуумы обладают, в основном, внутренней мотивацией, тогда как ориентированные-на-контроль склонны к проявлению внешней мотивации.

В шкале Внутренней Мотивации (ВМ), измеряемой с помощью Опросника Профессиональных Предпочтений (*Amabile et al.*, 1994), выделяются такие компоненты, как самоопределение, компетентность, понимание задания, любознательность, удовлетворение достигнутым. Анализ внешней мотивации учитывает соревновательность, оценку достижений, признание и напряженность. Тест-ретестовая надежность в течение шестимесячного периода для обоих шкал составила соответственно .84 и .94 для студентов и .89 и .90 для работающих взрослых. Содержательная интерпретация шкал подтвердила данные предыдущих исследований — шкала внутренней мотивации позитивно коррелировала с измерениями креативности и потребностью в знаниях, а показатели внешней мотивации — негативно с этими же параметрами. Интересно также, что ВМ обнаружила устойчивую позитивную связь с профессиональными предпочтениями в исследовательской области (наука) по модели Голланда.

20.5. Успешные и неуспешные: поведенческий портрет

Характерологический фактор также оказывается существенным компонентом в общей формуле жизненного успеха. Так, сформировавшийся в детстве "неблагоприятный симптомокомплекс черт" или Нс (термин наш. — *А.Л.*), который в обиходе часто обозначается как "скверный характер"), нередко развивается в течение всей последующей жизни. Люди, обнаруживающие Нс (в который, по результатам исследований, входят социально-нежелательные черты, такие как вспыльчивость, застенчивость и пр.) в возрасте восьми лет, став взрослыми, продолжают находиться под его влиянием (*Caspi*, *Elder & Bem*, 1987; 1988). Мальчики с Нс проявляли тенденцию оставлять школу и, став мужчинами, вели неустойчивую и беспорядочную про-

фессиональную деятельность. Это привело их к более низкому профессиональному статусу и снижению карьерного роста. Эффект воздействия Нс на женщин проявился в их домашней жизни. Они, как правило, выходили замуж за представителей более низких, чем ожидали, социальных слоев, гораздо чаще разводились, проявляли меньше удовлетворенности своими супружескими отношениями, а также воспринимались своим мужем и детьми как "люди со скверным характером". Эти признаки отчетливо были выражены у данной группы женщин по сравнению с их сверстницами, не имеющими в возрасте восьми лет выраженного Нс.

По данным тех же авторов, застенчивые в детстве, в возрасте восьми лет, мужчины позже женились, позже стали отцами и приобрели стабильное положение позже, чем незастенчивые. Женщины, застенчивые в детстве, продолжали оставаться таковыми без вредных для себя последствий. Они вовремя выходили замуж и заводили детей, но только меньше времени отдавали профессиональной карьере. Они выходили замуж за мужчин, имеющих более высокое социальное положение, возможно потому, что застенчивая женщина считается более подходящей для домашней жизни супругой.

Эрик Берн (1994), развивая созданную им концепцию жизненных сценариев — устойчивой системы представлений субъекта о своем поведении в различных ситуациях — описал сценарии Выигрывающего и Проигрывающего, которые можно соотнести соответственно с симптомокомплексами "личностного успеха" (высокий уровень притязаний, ориентация на удачу, уверенность в себе, наступательная стратегия, ожидание позитива etc.) и "поражения" (низкий или завышенно-нереалистичный уровень притязаний, избегание неудачи, оборонительная стратегия, ожидание негатива etc.). Проигрывающий охвачен смутным предчувствием беды и вызывает беспокойство у окружающих; для него типичны фразы: "Если бы только...", "Мне нужно было...", "Я так и знал, что это случится..."; он не знает, что

будет делать в случае поражения, зато любит рассказывать о том, что случится в случае успеха; он старается отбросить саму мысль о провале, заменяя ее мечтами о последствиях победы. Проигрывающий воспринимает выигрыш как подарок Судьбы, а неудачу считает характерной для своей жизни закономерностью.

Выигрывающий сам выбирает себе цели и способы их достижения; он знает, что будет делать, если проиграет, но не привык рассуждать о поражении; для него характерны фразы: "Я ошибся, но в следующий раз поступлю правильно" или: "Теперь я знаю, что мне делать". Выигрывающий удачу считает закономерностью, а неудачу — случайностью.

Ключевые термины главы: жизненные сценарии, избегание неудачи, интеллектуальная компетентность, каузальная ориентация, личностный успех, личность успешного руководителя, модели руководства, симптомокомплекс неблагоприятных черт, ориентация на успех, продуктивность труда, профессиональная компетентность, профессиональные предпочтения, стиль руководства, стратегии жизненного успеха, теории лидерства, удовлетворенность работой, уровень притязаний, фактор успеха.

Глава 21. Реакции на стресс — защита или совладание?
(Е.В.Либина, А.В.Либин)

Главой об индивидуальных различиях в реагировании на стресс (написанной в соавторстве с Е.В.Либиной) наш разговор о дифференциальной психологии завершается не случайно. От того, как мы реагируем на неблагоприятные жизненные обстоятельства, зависит, насколько гармонично развивается наша индивидуальность. Следовательно — оптимально ли складывается наш стиль жизни и удовлетворены ли мы собой и окружающими. Можно сказать, что типичные реакции на стрессовые ситуации являются той лакмусовой бумажной полоской, в цветовой окраске которой проявляется специфика развития человеческой индивидуальности.

21.1. Личность и ситуация: кто сильнее?

В конце концов, к такой драматической постановке вопроса — больше похожего на гамлетовское: "Быть или не быть?!" — чем на абстрактно-научное определение проблемы, приходит большинство исследователей как в области дифференциальной психологии, так и в сфере социальных наук. В этом смысле уместно замечание социальных психологов (*Ross & Nisbett*, 1991) о том, что понимание роли ситуации в общественных науках (куда относятся и многие разделы психологии) сходно с положением дел в физике. С одной стороны, многие современные естествоиспытатели начинают осознавать ограниченность предсказания в определении вариативности поведения системы (например, экологической), отмечая высокую точность прогноза в отношении некоторых эффектов, и прогностическую беспомощность по поводу других. С другой стороны, для психологии, как и для физики характерен "эффект бабочки" (эта метафора заимствована из исследова-

ний в области поведения экологических систем, например: нарушающая жизненный цикл цепная реакция, вызванная таким, казалось бы незначительным, фактором как появление бабочек или других "маленьких" насекомых, уничтожающих посевы). В соответствии с этим эффектом, незначительные, находящиеся за пределом предсказания пертурбации могут иметь драматический эффект (*Gleik*, 1987). Можно предположить, что смущенные "эффектом бабочки" исследователи склонны полагать невозможность определения личностных переменных, позволяющих изучать взаимодействие индивидуума и ситуации с позиции консенсуса, предполагающего учет равновероятной возможности влияния на исход дела как субъективных, так и объективных факторов.

В последнее время все большее внимание со стороны дифференциальных психологов уделяется анализу поведения человека в сложных обстоятельствах. Центральное место при этом занимает вопрос о природе переменных, от которых зависит благоприятность—неблагоприятность исхода. Рассмотрению различных подходов к решению этой проблемы и посвящены изложенные ниже подразделы.

21.2. Адекватность оценки происходящего

Успешное разрешение ситуации зависит не в последнюю очередь от степени адекватности оценки происходящего. Часто тяжелые последствия перенесенного стресса оказываются результатом рассогласования между реальной сложностью неприятного события и субъективной оценкой его значимости. Поэтому успешность выбранного стиля реагирования связана и с тем, будет или нет событие восприниматься как угрожающее (см. рисунок 29).

Смещение по шкале производимой личностью оценки слева направо при анализе значимости конкретной ситуации говорит о необходимости перейти от эмоциональных переживаний к решительным действиям. Если стадия негативных переживаний затягивается, даже когда стрессовое событие оценивается в соответствии с 4 пунктом шка-

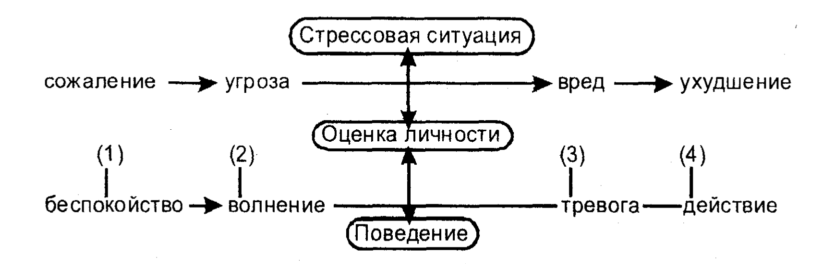

Рис. 29. Шкала адекватности оценки стрессового события

лы, то неизбежен нервный срыв, провоцирующий неуправляемую и неадекватную реакцию. В этом случае стресс грозит перейти в дистресс.

С.Томпсон (*Tompson*, 1986) опросила несколько десятков человек в возрасте старше шестидесяти лет сразу после того, как сгорели их дома, а затем год спустя. Цель исследования заключалась в проверке гипотезы о том, что нахождение позитивных моментов в трагическом событии позволяет людям легче пережить его. Было выделено пять способов смягчения ситуации:

— обнаружение неожиданно появившихся побочных положительных моментов ("Зато мы теперь живем вместе с детьми");

— сознательное сравнение с другими погорельцами ("У нас хоть стоимость дома была не до конца выплачена, а вот у соседей...");

— представление еще более худших последствий ситуации ("Мы ведь остались живы, а ведь могли и погибнуть!");

— попытки забыть о случившемся ("Вы о чем говорите? О пожаре? Да мы об этом давно уже забыли");

— реинтерпретация ситуации ("Нам все равно давно уже надо было переехать в другое место") (см. также *Либин, Парилис*, 1998).

21.3. Индивидуальные стили реагирования

Традиционно под стилем реагирования понимается параметр индивидуального поведения, характеризующий

способы взаимодействия человека с различными сложными ситуациями, проявляющиеся либо в форме психологической защиты от неприятных переживаний, либо в виде конструктивной активности личности, направленной на разрешение проблемы. Стили реагирования являются промежуточным звеном между случившимися стрессовыми событиями и их последствиями в виде, например, тревожности, психологического дискомфорта, соматических расстройств, сопутствующих защитному поведению, или же характерных для совладающего стиля поведения душевного подъема и радости от успешного решения проблемы:

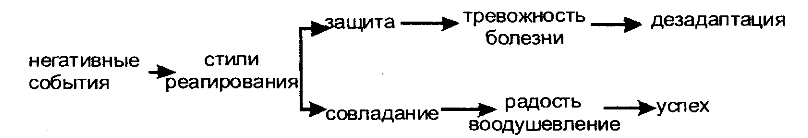

Рис. 30. Роль стиля реагирования в результативности поведения

В зарубежной психологии для обозначения специфики этих способов поведения используются термины "coping" ("справляться" с чем-либо, например, с проблемной ситуацией) и defence ("защита" от чего-либо, например, от неприятных переживаний). Понятие психологической защиты (defensive behaviour) появилось в психотерапевтической практике (*Freud*, 1923; *Freud*, 1936) и обозначало реакцию взрослых или детей на жизненные трудности, проявляющуюся в различных формах борьбы "Я" с невыносимыми мыслями или болезненными аффектами. Термин "coping" активно начал использоваться в американской психологии в начале 1960-х годов для изучения поведения личности в стрессовых ситуациях. Надо отметить, что первоначально феномен, обозначаемый термином "coping", понимался очень широко (*Lazarus*, 1966; 1993) — и как вырабатываемые человеком средства психологической защиты от психотравмирующих событий, и как воздействующее на ситуацию поведение. Интересно, что в русском языке существует более четкая дифференциация терми-

нов. Психологи и психотерапевты говорят в таких случаях о "защите" (*Зачепицкий*, 1980), "преодолении" (см. *Бодров*, 1995) и "совладании" (см. *Кочарян, Кочарян*, 1994; *Анцыферова*, 1996; *Либина*, 1995). Отметим, что, согласно словарю Владимира Даля (1994), слово "совладание" происходит от старорусского "лад", "сладить" и означает "справиться, привести в порядок, подчинить себе" (с.346). Образно говоря, совладать с ситуацией — значит подчинить себе обстоятельства, сладить с ними.

21.4. Защита или совладание: феномены и механизмы

Как отмечают многие авторы, существуют значительные сложности в разграничении механизмов защиты и совладания. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой психологическая защита характеризуется отказом индивидуума от решения проблемы и связанных с этим конкретных действий ради сохранения комфортного состояния. В то же время способы совладания подразумевают необходимость проявить конструктивную активность, пройти через ситуацию, пережить событие, не уклоняясь от неприятностей. Можно сказать, что предметом психологии совладания, как специальной области исследования (*Либина*, 1995а,б), является изучение механизмов эмоциональной и рациональной регуляции человеком своего поведения с целью оптимального взаимодействия с жизненными обстоятельствами или их преобразования в соответствии со своими намерениями.

Современный подход к изучению механизмов формирования совладающего поведения учитывает следующие положения. Человеку присущ инстинкт преодоления (*Фромм*, 1994), одной из форм проявления которого является поисковая активность (*Аршавский, Ротенберг*, 1977), обеспечивающая участие эволюционно-программных стратегий во взаимодействии субъекта с различными ситуациями. На предпочтение способов совладания влияют индивидуально-психологические особенности: темперамент,

уровень тревожности, тип мышления, особенности локуса контроля, направленность характера. Выраженность тех или иных способов реагирования на сложные жизненные ситуации ставится в зависимость от степени самоактуализации личности — чем выше уровень развития личности человека, тем успешнее справляется он с возникшими трудностями. Согласно этому положению, встречающиеся в жизни человека препятствия имеют своим источником не только внешние (специфику среды), но и внутренние (индивидуальные предпосылки) условия. Как защитные, так и совладающие стили реагирования связаны с установками и переживаниями, отношением к себе и другим, со структурой жизненного опыта, то есть с когнитивными, аффективными и поведенческими уровнями иерархической структуры психики.

Ситуативные переменные

В отечественной психологии актуальная проблема поведения личности в стрессе изучалась, в основном, в контексте преодоления экстремальных ситуаций. Исключение составляют немногочисленные работы, посвященные изучению личности и жизненного пути (*Анцыферова*, 1996; *Либина*, 1995а,б), а также терапии супружеских конфликтов (*Кочарян*, *Кочарян*, 1994).

В зарубежной психологии изучение поведения в трудных ситуациях осуществляется в настоящее время в нескольких направлениях. Р.Лазарус и С.Фолькман (*Lazarus*, *Folkman*, 1984) подчеркивают роль когнитивных конструктов, обусловливающих способы реагирования на жизненные трудности. Пол Коста и Роберт Маккрэй (*Costa*, *McCrae*, 1980; 1992) делают акцент на влиянии личностных переменных, детерминирующих предпочтение индивидом тех или иных стратегий поведения в сложных обстоятельствах. Такую же позицию в изучении индивидуальных различий устойчивости к стрессу занимает Ян Стреляу (*Strelau*, 1984). Немецкие психологи Урсула Леер и Ганс Томэ (*Lehr*, *Thomae*, 1993) уделяют большое внимание

анализу самих трудных ситуаций, справедливо предполагая сильное влияние контекста на выбор стиля реагирования. Интерпретация феноменов защиты и совладания также связана с изучением природы индивидуального поведения в контексте проблемы стресса (*Селье*, 1991).

В зависимости от выбранной точки отсчета, авторы по-разному определяют цели изучения защитного и совладающего поведения. Это и анализ проблем адаптации индивида в окружающем социуме, и проблемы духовного самоопределения, позволяющего сделать выбор с учетом личностного потенциала. По нашему мнению, очевидна двойственность природы способов реагирования на стресс, обусловленных, с одной стороны, влиянием конкретных событий, например, чрезвычайных обстоятельств, и, с другой стороны, сформированным в течение жизни стилем человека. Несмотря на значительное индивидуальное разнообразие поведения в стрессе, существует, по мнению ведущего специалиста в области изучения coping styles ("способов преодоления") Рихарда Лазаруса (*Lasarus*, 1966, 1991), два глобальных типа стиля реагирования — проблемно-ориентированный и субъектно-ориентированный (в нашей терминологии соответственно ориентированный-на-предмет и ориентированный-на-себя. — *А.Л.*).

Личностные переменные

Проблемно-ориентированный стиль, направленный на рациональный анализ проблемы, связан с созданием и выполнением плана разрешения трудной ситуации и проявляется в таких формах поведения, как самостоятельный анализ случившегося, обращение за помощью к другим, поиск дополнительной информации. Субъектно-ориентированный стиль является следствием эмоционального реагирования на ситуацию, не сопровождающегося конкретными действиями, и проявляется в виде попыток не думать о проблеме вообще, вовлечения других в свои переживания, желание забыться во сне, растворить свои не-

взгоды в алкоголе или компенсировать отрицательные эмоции едой. Эти формы поведения характеризуются наивной, инфантильной оценкой происходящего.

Канадские психологи Норман Эндлер и Джеймс Паркер (*Endler & Parker*, 1993) считают, что "разрешающие проблему" являются предметно-ориентированными, то есть заинтересованными в анализе сути происходящего. В то время как "переживающие проблему" — личностно-ориентированы и больше озабочены своим собственным состоянием или мнением окружающих. Исследователи выделяют и третий базовый стиль реагирования — избегание. Например, у ориентированных на предмет студентов такой стиль проявляется, когда они смотрят телевизионные передачи вместо подготовки к экзаменам. А у трудолюбивых домохозяек невозможность получения значимого результата компенсируется непомерным потреблением сладостей. Личностно-ориентированные также могут прибегать к стилю избегания, прячась за мнение компетентных людей, гарантирующих им социальную поддержку.

Надо заметить, что под эмоциональным стилем реагирования большинство психологов понимает подверженность исключительно негативным переживаниям, что является чертой защитного поведения. Зато совладающие техники непременно связываются с рациональным способом поведения. В результате этого полюсам дихотомии "рациональное—эмоциональное" невольно присваиваются оценки "позитивное—негативное". Такая система оценки важнейших проявлений человеческой психики является, к сожалению, кросс-культурным инвариантом.

Оценка и измерение

Английский психолог Дэрек Роджер (*Roger et al.*, 1993, *Roger*, 1995) в своем опроснике измерения coping styles выделяет четыре фактора — рациональное и эмоциональное реагирование, отстраненность и избегание. При этом под эмоциональным реагированием также подразумеваются лишь негативные переживания. Хочется отметить, что среди проанализированных нами десяти наиболее распространен-

ных опросников измерения coping styles, созданных психологами США, Германии, Англии и Израиля, только в одной работе (*Stanton et al.*, 1995) мы встретили совпадающее с нашей позицией суждение о позитивной, а не исключительно негативной роли эмоционального стиля реагирования. Во многих современных культурах распространено стереотипное представление об эмоциональной экспрессии как о чем-то примитивном, иррациональном, незрелом, в отличие от рационального — якобы более совершенного и более адекватного. Совершенно очевидно, что влияние этого предрассудка проявилось и в исследовательских стратегиях.

21.5. Иерархическая организация стилевого поведения

Баланс между совладающими и защитными типами поведения выражается в иерархии (изображаемой обычно в виде вертикальной шкалы) типичных реакций или техник жизни, предложенной немецким ученым Гансом Томэ (*Thomae*, 1970). К "верхним" техникам, которые мы можем с уверенностью назвать совладающими, относятся такие способы, как "поведение, направленное на достижение успеха", "размышление над ситуацией", "поощрение себя" и др., а к "нижним" стратегиям, характерным для полюса защитного поведения, наряду с пассивными действиями относятся также "уклончивое поведение", "обесценивание значимости других", "жалобы на состояние здоровья".

Предложенная Г.Томэ схема представляется весьма удобной для анализа поведения личности в реальных жизненных ситуациях. Чем ближе оказывается человек к концу шкалы по преобладанию у него способов защиты, тем неблагоприятнее может быть прогноз успешного решения значимых ситуаций. Чем ближе к началу верхней части шкалы — полюсу совладания, тем более выражена у субъекта готовность к принятию возможных изменений в своей жизни и намерение использовать совладающие стили. Это

определяет тенденцию расширения репертуара поведенческих стратегий за счет оптимального использования навыков, зафиксированных в структуре индивидуального жизненного опыта.

Обследуя людей, которым в недалеком будущем предстоял выход на пенсию, Урсула Леер и Ганс Томэ (*Lehr* & *Thomae*, 1993) обнаружили следующее. Те, кто считал выход на пенсию концом активной и интересной жизни, применяли преимущественно “нижние” тактики. Считающие же близкую пенсию предлогом для начала нового этапа в жизни выбирали тактики “верхнего уровня”, отличаясь высокой готовностью к использованию новых возможностей и появившихся шансов.

Стиль реагирования даже у одного человека может изменяться в зависимости от сферы жизни, в которой он проявляется: в семейных отношениях, работе или карьере, заботе о собственном здоровье. Фон Хаген (*Von Hagen*, 1993) сопоставил структуру стилей реагирования у здоровых, адаптированных людей и пациентов, страдающих дерматологическими заболеваниями, псориазом и нейродермитами. Оказалось, что группа пациентов клиники значительно отличается от здоровых. Заболевшие часто прибегали на работе и в семье к агрессивному и критическому поведению в затруднительных ситуациях, чаще испытывали напряжение и конфликтовали. В жизни они больше склонялись к позиции “полагаться на других” и считали, что медицинская помощь гораздо важнее социальной поддержки.

Появление все большего числа работ и исследуемых параметров, относящихся к стилям защиты и совладания, приводит к размыванию четкости в определении исходных теоретических конструктов. Существуют не очень многочисленные попытки упорядочивания, классификации стилей реагирования, имеющие в качестве оснований особенности отношения человека к проблеме, например, отношение пожилых людей к своей болезни (*Krus*, 1986) или тип переживаний (*Thomae*, 1970).

21.6. Типология стилей реагирования на сложные ситуации: теория и эксперимент

Разрабатываемая в наших исследованиях типология защитных и совладающих стилей реагирования основывается на структурно-функциональной модели поведения. К структурным компонентам относятся наиболее устойчивые базовые характеристики индивидуальности человека, такие как первая и вторая сигнальная система (*Павлов*, 1980), свойства нервной системы (*Теплов*, 1986; *Небылицын*, 1974) и темперамент (*Русалов*, 1991). Под функциональными компонентами подразумеваются (см. *Анохин*, 1975; *Волков*, *Микадзе*, *Солнцева*, 1987) вектора, отображающие специфику организации поведения и деятельности личности. В данном случае имеется в виду феномен, обозначаемый в исследованиях западных психологов как "focusing" при изучении психических процессов или "orientation", "attitude" при анализе личности. Отечественные психологи оперируют соответственно термином "установка" и понятием "направленность личности". Особенный интерес для целей нашей работы представляет классификация основных видов направленности личности, согласно которой выделяются направленность на себя, на других и на дело (объект) (см. *Мясищев*, 1995; *Божович*, 1968; *Неймарк*,1972).

Плодотворность использования дифференциального подхода для изучения проблемы защиты и совладания обнаружилась уже на первых этапах нашего исследования (*Либин*, 1993). Анализ темпераментальных и характерологических черт личности в связи со стратегиями поведения в конфликте (*Thomas*, 1977; *Гришина*, 1981) показал, что стратегия избегания оказалась связанной с признаками темперамента: низкой предметной (то есть направленной на дело) активностью и высокой эмоциональностью, понимаемой (*Русалов*, 1990) как чувствительность к несовпадению ожидаемого и полученного результата, а также с негативным отношением к себе и низким уровнем самоуправления (*Пантилеев*, 1994). Стратегию сотрудничества

предпочитают люди, характеризующиеся высокой предметной эргичностью (то есть потребностью в напряженной работе), более низкими показателями эмоциональности, интернальностью локуса контроля (*Rotter*, 1966) и позитивным отношением к себе и другим. Стиль соперничества образует общий паттерн с высоким уровнем эмоциональности в коммуникативной сфере, экстернальным локусом контроля и выраженным ожиданием негативного отношения со стороны окружающих. Предпочитающие стратегию приспособления отличаются самыми низкими показателями в выборке по параметрам предметной и коммуникативной активности.

Избегание как один из основных защитных стилей реагирования уже в детстве оказался связан с предрасположенностью к депрессии. Дети с выраженными признаками депрессивности предпочитают тихо уйти подальше от конфликтной ситуации (*Quiggle et al.*, 1992).

Таким образом, некоторые параметры стилей реагирования имеют в своей основе базовые психологические свойства личности. Сравнение индивидуально-психологических особенностей с характеристиками жизненного пространства (в том числе, различными классификациями трудных ситуаций) позволит в дальнейшем выделить паттерны признаков, уточняющих природу стилей реагирования.

Диагностика основных показателей

Анализ существующих теоретических концепций, литературных и собственных экспериментальных данных лег в основу структурно-функциональной модели поведения, разрабатываемой авторами в связи с рассматриваемой проблемой (см. рисунок 31). Исходя из данной концепции, для измерения стиля реагирования был создан Многофакторный Личностный Опросник Совладания со сложными ситуациями (МиЛОС) (*Libin*, *Libin*, 1995), состоящий первоначально из 104 утверждений, объединенных в двенадцать шкал (плюс шкала лжи), измеряющих степень выраженности выделенных нами защитных и совладающих стилей поведения. Для ответа на пункты опросника испытуе-

мому предлагается оценить частоту выбора того или иного способа реагирования в трудной ситуации. Анализ индивидуального стиля реагирования основан на изучении альтернативных способов поведения в ситуации выбора, отражающих личностные проблемы с отпечатанным в них прошлым опытом, установками на себя и других людей, на мир в целом. Предварительный статистический анализ показал высокую внутреннюю консистентность шкал, психометрическую валидность основных показателей, а также правомерность выделенной двенадцатифакторной модели.

Организация поведения					
Структурные компоненты: сигнальные системы	Функциональные компоненты: фокус или направленность			Форма поведения: стили реагирования	
	Я	*Проблема*	*Другие люди*		
Первосигнальный (по Павлову) (эмоциональный по Лазарусу)	1а*	1б	1в	Отстранение Избегание Подавление	защита
Второсигнальный (по Павлову) (рациональный по Лазарусу)	2а	2б	2в	Проекция Вытеснение Рационализация	
Первосигнальный (по Павлову) (эмоциональный по Лазарусу)	3а	3б	3в	Эмоциональная компетентность (представлена тремя факторами)	совладание
Второсигнальный (по Павлову) (рациональный по Лазарусу)	4а	4б	4в	Рациональная компетентность (представлена тремя факторами)	

Рис. 31. Структурно-функциональная модель поведения человека в сложных ситуациях

* Примеры пунктов опросника (номер пункта совпадает с номером шкалы, к которой он относится):

1а Изо всех сил пытаюсь забыть о случившемся

2а Занимаюсь чем-нибудь посторонним, чтобы отвлечься

3а Трудности только мобилизуют меня

4а Составляю план действий и приступаю к его выполнению

1б Вспоминаю время, когда все было значительно лучше

2б Предпочитаю подождать, пока со временем все разрешится само собой

3б Рассматриваю случившееся как новое испытание своих возможностей

4б Думаю о случившемся и перебираю всевозможные варианты действий
1в Обращаюсь за помощью к другим людям
2в Обращаюсь за эмоциональной поддержкой к родственникам или друзьям
3в Стараюсь посмотреть на ситуацию в ином свете, пытаясь отыскать хотя бы что-нибудь позитивное
4в Спрашиваю того, кто уже имеет опыт, как нужно поступать в таких случаях

Шесть шкал опросника, измеряющие основные защитные стили реагирования, представляют традиционные параметры защитного поведения, довольно подробно описанные в психиатрической и психологической литературе. Остальные шесть шкал, связанные с измерением совладающих стилей, объединяются в два фактора второго порядка, названные нами рациональной компетентностью (образованной тремя самостоятельными первичными факторами — предметная направленность при решении проблем, коммуникативная направленность и рациональная саморегуляция) и эмоциональной компетентностью, имеющей схожую структуру. Если выделение в структуре совладающего поведения рациональных стилей не является неожиданным, то акцент на эмоциональных стилях совладания — одно из основных отличий предлагаемого метода. Новый вторичный фактор "Эмоциональная компетентность" и построенные на его основе шкалы подчеркивают важность позитивной роли эмоций в осуществлении личностью конструктивной активности. Рассмотрим более подробно интерпретацию выделенного параметра.

Интерпретация базовых параметров

Эмоциональная компетентность (от лат. emover — волновать и competentis — соответствующий) обозначает способность личности осуществлять оптимальную координацию между эмоциями и целенаправленным поведением (*Либина*, 1995б). Эмоциональная компетентность (ЭК) основана на адекватной интегральной оценке человеком своего взаимодействия со средой. Адекватность означает учет

внешних (стимул и обстановка) и внутренних (состояние организма и прошлый опыт) факторов, воздействующих на индивидуума в ситуации. Психофизиологической предпосылкой ЭК служит симптомокомплекс свойств, проявляющийся как в чувствительности к расхождению между ожидаемым и полученным результатом, так и в чувстве удовлетворенности достигнутым.

ЭК связана с умением личности соотносить предпочитаемый стиль реагирования со своими доминирующими потребностями и параметрами конкретной ситуации. Роль ЭК в регуляции индивидуального поведения заключается в разграничении содержащихся в прошлом эмоциональном опыте образов и представлений с актуальными стимулами среды. Психологическое значение этого параметра стиля реагирования выражается в стремлении субъекта поддерживать динамичное равновесие между желаниями и объективными условиями для их удовлетворения, а также между своими возможностями и способами их реализации. Эмоциональная компетентность определяет содержательную сторону эмоциональной зрелости личности и имеет характерные отличительные признаки — учет целесообразной направленности эмоций, означающий использование силы позитивных эмоций (воодушевление, восторг, интерес, удовлетворенность достигнутым результатом) для совладания со сложными ситуациями, а также конструктивное использование негативных эмоций (раздражение, тревога, дискомфорт) как сигнала о неудовлетворенной потребности и необходимом изменении поведения.

Развитие ЭК связано с увеличением вариативности поведения на основе расширения диапазона эмоциональных реакций, что способствует адекватному самовыражению личности и совершенствованию навыков конструктивной активности. Формирование ЭК подразумевает и эмоциональное воспитание, то есть "такое включение [эмоций] в общую систему поведения, когда они оказываются тесно связанными со всеми другими реакциями и не врываются в их течение нарушающим и расстраивающим образом" (*Выготский*, 1926, с.69). Обучение ЭК, например,

в процессе тренинга навыков совладания, позволяет успешно справляться с возрастными кризисами, конфликтными ситуациями в общении, корректировать личностные деформации и поведенческие нарушения.

В психотерапии и психологической практике эмоциональная компетентность противопоставляется защитному поведению, формирующемуся на основе гиперкомпенсаторных механизмов, нивелирующих личностные интрапсихические конфликты, к примеру, путем замещения. ЭК развивается в результате разрешения внутриличностных конфликтов на основе коррекции зафиксированных в прошлом опыте негативных эмоциональных реакций (застенчивости, депрессии, агрессивности) и сопутствующих им состояний, а также установок, препятствующих успешной адаптации индивидуума. При этом саморегуляция личности осуществляется не за счет подавления негативных эмоций, а за счет использования их энергии для организации целенаправленного поведения. Выработка навыков эмоционального совладания сопряжена также с созданием новых условнорефлекторных позитивных связей, позволяющих вырабатывать индивидуальный стиль, сбалансированный по параметрам оптимальности, компенсаторности, комфортности, адаптивности и результативности (см. *Либин*, 1993).

В психотерапевтической практике коррекция защитного поведения и тренировка навыков совладания направлены на развитие конструктивной активности личности в окружающем социуме (стремление жить в ладу с другими и при этом не утратить своей индивидуальности) на основе духовного самоопределения (не упустить шанс реализовать себя в соответствии со своими желаниями и имеющимся потенциалом). Одним из основных компонентов в исследовательской парадигме психологии совладания (*Либина*, *Либин*, 1998) оказывается образ-Я. "Простота", недифференцированность образа-Я связана с риском отреагировать даже на закономерные жизненные кризисы соматическими и психическими расстройствами, что сопряжено с нарушением системы смысложизненных ориенти-

ров и, в конечном счете, с усилением процессов деиндивидуализации (*Зимбардо*, 1994; *Zimbardo*, 1990). Важным является также сопоставление данных о внутренних механизмах формирования способов реагирования с анализом типов ситуаций, с которыми субъект взаимодействует. Кроме того, успешное совладание зависит как от специфических характеристик ситуации, так и от используемых совладающих стратегий. Обладание широким репертуаром стилей совладания вызывает чувство уверенности и самодостаточности перед лицом требований среды (*Bandura*, 1997).

21.7. Дифференциальная психокоррекция: Тренинг Совладания со Сложными Ситуациями

Для практической проверки описанных исследовательских гипотез нами (*Либина*, 1995б) был разработан тренинг развития навыков личностного совладания, цель которого — формирование способов адекватного реагирования на жизненные кризисы и выработка оптимальных стратегий саморазвития личности в процессе индивидуальных и групповых занятий.

В основе тренинга лежит целостный подход, интегрирующий изучение способов индивидуального поведения с методами самонаблюдения, анализа психологического статуса личности и ее жизненного пути. Концепция самоактуализации, описанная в психологии А.Маслоу (*Maslow*, 1970), интерпретируется нами как своевременный осознанный выбор человека в пользу своей сущности и поэтапное воплощение в жизнь своих актуальных потребностей. Понятие выбора трактуется как сознательное предпочтение личностью оптимальных стратегий поведения в сложных жизненных обстоятельствах, формирующих опыт совладания с проблемами в будущем. Такой выбор называется конструктивным, в отличие от деструктивных предпочтений, ведущих к разрушению человеческой самости (*Юнг*, 1992) или окружающего социума (*Фромм*, 1994).

Основной задачей тренинга совладания является создание у каждого участника группы нового положительного образа себя и формирование позитивного восприятия окружающего мира через осознание причинно-следственных закономерностей собственной жизни. Цикл занятий состоит из трех этапов.

Коррекция физического или биологического уровня образа-Я происходит на первом этапе и заключается в изменении отношения к своему телу и внешности с помощью обратной связи, полученной в результате применения телесно-ориентированных техник самокоррекции. Используются наиболее эффективные приемы бихевиористической и гештальт-терапии, нейролингвистического программирования и аутотренинга.

На втором этапе вырабатывается позитивное отношение к себе в целом на основе принятия прошлого жизненного опыта и осознания своего возможного будущего. Развиваются навыки эмоциональной и рациональной компетентности, приемы адекватного самопознания, формируются оптимальные механизмы сопряжения желаний, способностей и возможностей. Основная задача коррекции психологического уровня "Я" — развитие качеств, обеспечивающих адекватную самореализацию личности в межличностных взаимоотношениях. Методологические и методические приемы синтезируют элементы психоанализа, терапии ориентированной-на-клиента и дифференциальной психотерапии.

Третий этап заключается в развитии навыков коррекции социального "Я" на основе анализа иерархии жизненных целей и окружающего культурного контекста. В этом подходе интегрируются достижения индивидуальной и гуманистической психологии, результаты изучения жизненных сценариев и стиля человека.

Стержнем, вокруг которого формируются три рассматриваемых уровня индивидуального самосознания, является духовное "Я", выражающее основное стремление человека к самовоплощению себя в жизни, то есть к самоактуализации. Личностное развитие рассматривается как след-

ствие сформированности трех основных составляющих человеческого "Я". Главным на заключительном этапе становится умение анализировать собственные эмоциональные, когнитивные и поведенческие стереотипы, препятствующие саморазвитию.

* * *

Развитие психологии совладания становится особенно актуальным в связи с обострением в современном обществе неблагоприятных тенденций и усилением социальной нестабильности на всех уровнях общественной системы. Изучение механизмов формирования стилей защиты и совладания имеет важное значение для понимания природы человеческого поведения в сложных ситуациях. И чем глубже будет это понимание, тем меньше человек будет зависеть от препятствующих самореализации психобиологических программ, негативных социальных стереотипов, навязанных окружающими жизненных сценариев и неудачного прошлого опыта. Тем успешнее мы станем совладать с жизненными кризисами, какими непреодолимыми они бы нам ни казались. Разумеется, одним из самых эффективных средств организации процесса совладания индивидуальности с острейшими проблемами современности непременно должна быть Наука о Человеческих Различиях.

Ключевые термины главы: адекватность оценки, альтернативность, жизненные трудности, защитные механизмы, защитный стиль поведения, конструктивный выбор, многофакторный личностный опросник совладания, позитивные эмоции, сила негативных эмоций, совладающий стиль поведения, стиль реагирования на стресс, стрессовое событие, сложная ситуация, структурно-функциональная модель поведения, "техники жизни", тренинг развития навыков совладания, феномен совладания, эмоциональная компетентность.

Послесловие о будущем, или вероятности развития дифференциально-психологического знания

Поставив точку в конце последней главы, вполне уместно задаться вопросом о том, каково же складывается общее впечатление об этой обширной сфере знаний о человеке, называемой “дифференциальная психология”? Пессимисты поспешат заключить, что “книга лишний раз показывает, насколько неопределенным является сам предмет изучения — человеческая индивидуальность, к анализу которой невозможно применить хоть сколько-нибудь систематический подход. Ведь сколько исследователей возьмется за эту тему, столько же теорий и концепций будет предложено”. Оптимисты, каковых тоже, наверное, окажется немало, вполне резонно возразят, что “сохранение в науке о человеке дифференциально-психологической традиции не только возможно, но и необходимо. Кроме того, научный подход к изучению закономерностей формирования и проявления различий между людьми имеет в своей основе определенную систему доказуемых экспериментальными и логико-концептуальными средствами принципов...”.

Конечно же, не приходится сомневаться, к какой именно позиции склоняется точка зрения автора. Вместе с тем, введение в построенную на дихотомическом принципе “или—или” систему отсчета третьей координаты, представляющей точку зрения “осторожных”, или более сдержанных в своих пристрастиях, коллег сделает общую картину более адекватной. Разумеется, при условии, что под сдержанностью подразумевается склонность к оценкам, отражающим вероятностный аспект развития основных тенденций, а не пассивно-отстраненная позиция скептика. Именно поэтому представляется чрезвычайно заманчивым дать краткую характеристику возможного в ближайшем будущем развития дифференциальной психологии как

самостоятельной области знания, не отрываясь при этом, по возможности, от контекста, образованного ее прошлым и настоящим.

Перспектива концептуальных обобщений

Зона ближайшего развития дифференциально-психологической теории определяется характером методологических задач первостепенной важности. Так, многие исследователи отмечают, что развитие программы по изучению структуры человеческого генома приближается к своей завершающей стадии — определению причинно-следственной взаимосвязи между генетическим и психологическим уровнем признаков индивидуальности. Сейчас уже очевидно, что различия между людьми уходят корнями в генетические основы личности. На современном этапе важность приобретает не простая констатация факта наличия связи между геном и соответствующим поведенческим признаком, но выявление последствий определенной локализации гена в генетической структуре (*Hamer*, 1997). Следующим шагом, после принятия положения о связи между отдельным геном в человеческом мозге и индивидуальными различиями в личностных чертах, становится положение о том, что генетическое влияние не детерминирует поведение человека, но выражается в подтвержденном статистическими моделями предположении о необходимости учета этого влияния для определенного спектра в диапазоне поведенческой изменчивости (*Lykken et al.*, 1993). Здесь очень важно подчеркнуть, что речь идет, в основном, о группах, а об отдельных субъектах.

С другой стороны, концепции о генетической детерминации личностных черт встречаются с экспериментально подтвержденными социальными психологами и интеракционистски-ориентированными исследователями фактами о силе воздействия на поведение личности ситуационных переменных (*Posner*, *Levitin*, 1997). Возникает необходимость интегрирования полученных относительно разных уровней индивидуальности данных в единую, концептуально и

эмпирически непротиворечивую, модель. Вполне возможно, что теоретической основой для разработки такой модели окажется иерархический подход, рассматриваемый в контексте динамической организации процессов функционирования индивидуальности на "нижних" и "верхних" уровнях. Основой для этого прогноза может послужить разделяемая многими исследователями точка зрения, прекрасно сформулированная М.Познером и Д.Левитиным:

> "Хотя диапазон человеческих различий кажется бесконечным, они, эти различия, включены в систему, конечную в своем генетическом, анатомическом и фенотипическом определении" (*Posner, Levitin*, 1997, p.103).

Экспериментальная перспектива

Многократное увеличение степеней свободы концептуального мировоззрения требует усложнения эмпирических процедур, выступающих в роли естественных ограничителей неопределенности абстрактных теоретических конструкций. Развитие математической базы психометрических концепций идет рука об руку с совершенствованием аппаратурно-измерительных технологий. Возможности метода генетического картирования позволяют увидеть составленный Природой алфавит, лежащий в основе генетически определяемых тенденций поведения и свойств индивидуальности. Использование компьютерной томографии (основанной на технике магнитного резонанса) уже сейчас дает возможность зафиксировать очевидные различия — на основе анализа специфики в движении потоков крови по сосудам мозга — между людьми с высоким уровнем агрессии и остальной выборкой (*Raine*, 1993).

Конечно, открытие и использование новых методов измерения — математических и технических — вызовет неизбежные изменения как в теоретических моделях, так и в практических, прикладных следствиях, сопровождающих научные изыскания.

Жизненные перспективы дифференциальной психологии

Выявление реальных механизмов, формирующих различия между людьми, позволяет обратиться к природе взаимовлияния трех важнейших факторов человеческой жизни — генетической предрасположенности, социального обусловливания и структур Субъективного Жизненного Опыта, дифференцирующих и интегрирующих в процессе развития человека воздействие Природы и Социума. Оформленное в удобном для практического использования виде научное знание о человеческих различиях становится уже сейчас базой для создания программ обучения, позволяющих соотнести высший уровень развития навыков с потенциальными возможностями субъекта; для разработки методов медицинской — в том числе, психиатрической и психотерапевтической — коррекции неблагоприятных природных и социальных влияний на индивидуальное поведение; наконец, для внедрения превентивной диагностики, способствующей выявлению на ранних стадиях формирования патологических деформаций характера и личности в целом.

Разумеется, это лишь некоторые тренды в вероятностном будущем дифференциальной психологии, позволяющие увидеть наиболее близкие точки интеграции знаний внутри дифференциального аспекта человековедения. В качестве общего вывода, фиксирующего движение мысли в сторону ближайшего будущего, можно сформулировать предположение о том, что сто лет развития дифференциальной психологии в преддверии XXI века становятся прологом появления интегральной Науки о Человеческих Различиях.

Приложение

(Перечень рисунков и таблиц)

Рисунки

Таблицы

Литература

(звездочками в списке отмечена рекомендуемая литература по курсу “Дифференциальная психология”)

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991

**Адрианов О.С.* (Отв. ред.). Мозг и поведение младенца. М.: Институт психологии РАН, 1993.

Азаров В.Н. Стиль действования: импульсивность—управляемость // Вопросы психологии. 1982. № 3.

Айвазян С.А., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д. Прикладная статистика. Основы моделирования и первичная обработка данных. М.: Финансы и статистика, 1983.

Айзенк Г.Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? — критерии таксономической парадигмы // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С. 9—24.

Акимова М.К., Гуревич К.М. Индивидуальные различия в некоторых видах интеллектуальной деятельности и сила нервной системы // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии / Под ред. В.В.Давыдова. М.: Педагогика, 1978. С.6—21.

Акинщикова Г.И. Соматическая и психофизиологическая организация человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.

Александров Ю.И. Макроструктура деятельности и иерархия функциональных систем // Психологический журнал. 1995. Т.16. № 1.

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. 8-е изд. М.: Русский язык, 1995.

Аминов Н.А. Когнитивные стили и их психофизиологическая обусловленность // Экспериментальные исследования по проблемам общей и социальной психологии и дифференциальной психофизиологии. М., 1979.

Аминов Н.А. Модельные характеристики способностей и одаренности учителя // Способности: к 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова. Дубна: Издательский центр “Феникс”, 1997.

*Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.

*Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.

*Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1980.

Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии, 1996.

Ананьев Б.Г., Дворяшина М.А., Кудрявцева Н.А. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М.: Просвещение, 1968.

*Анастази А. Психологическое тестирование: В 2 т. М.: Педагогика, 1982.

Анохин А.П. Анализ изменчивости некоторых показателей биоэлектрической активности мозга человека // Системогенез и проблемы генетики мозга человека. М., 1983.

Анохин А.П. О генетической природе индивидуальных особенностей общемозговой организации ЭЭГ // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 2. С.146—153.

Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968.

Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.

Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987.

Анцыферова Л.И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 3.

Анцыферова Л.И. Сознание и действия личности в трудных жизненных ситуациях // Психологический журнал. 1996. Т. 12. № 1.

Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс, 1990.

Арнхейм Р. Стиль как проблема гештальта // Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.

Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Аршавский Г.А., Ротенберг В.С. Поисковая активность и ее влияние на экспериментальную и клиническую патологию // Журнал высшей нервной деятельности. 1976. Т. 26. № 2. С. 424—428.

Асеев В.Г. Категория формы и содержания в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988.

Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М.: Изд-во Моск.ун-та, 1984.

**Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.;Воронеж: Институт практической психологии, 1996.

**Ата-Мурадова Ф.А.* Развивающийся мозг: системный анализ. Генетические детерминанты. М.: Медицина, 1980.

Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С.152—162.

**Базылевич Т.Ф.* Моторные вызванные потенциалы в дифференциальной психофизиологии. М.: Наука, 1983.

Базылевич Т.Ф. Развитие концепции целостной индивидуальности // Небылицын В.Д.: Жизнь и научное творчество. М.: Научно-издательский центр "Ладомир", 1996.

Белоус В.В. Обусловленность психологического симптомокомплекса типом нервной системы // Вопросы психологии. 1968. № 6. С.77—86.

Белоус В.В. Общевидовые нелинейные инварианты ортогональных свойств темперамента // Проблемы экспериментальной психологии личности. Вып. 6. Пермь, 1970. С.15—24.

Белоус В.В. Психологические симптомокомплексы и инварианты темперамента: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1982.

**Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Прогресс, 1994.

**Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.

Бирюков С.Д. Дифференциально-психологические аспекты последствий аварии на ЧАЭС: пилотажное исследование темперамента. Подготовка популяционного мониторинга. // М.И.Бобнева (ред.) Чернобыльский след. Психологические последствия Чернобыльской катастрофы. М., 1992. С.158—161.

Бирюков С.Д. Психогенетическое исследование пластичности как черты темперамента человека // Психологический журнал. 1992. № 5. С.64—71.

Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д: РГУ, 1983.

**Бодров В.А.* Психология стресса. М.: Институт психологии РАН, 1995.

Бодунов М.В. Индивидуальный темп как обобщенная формально-динамическая характеристика поведения // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 4.

**Бодунов М.В.* Структура формально-динамических особенностей активности личности // Вопросы психологии. 1997. № 5. С.129—135.

Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.

Большунова Н.Я. Взаимосвязь индивидуальных различий по параметру непроизвольно-произвольной регуляции с особенностями соотношения сигнальных систем: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1981.

Борисова М.Н. Методика определения соотношения первой и второй сигнальных систем в условиях зрительного запоминания // Типологические особенности высшей нервной деятельности / Под ред. Б.М.Теплова. Т.1. М., 1956. С.307—332.

**Бороздина Л.В.* Исследование уровня притязаний. М.: Институт психологии РАН, 1993.

Бояринцев В.П. Основные детерминанты целостно-функционального подхода к анализу индивидуальных проявлений саморегуляции поведения человека // Интегральное исследование индивидуальности: теоретические и педагогические аспекты. Пермь, 1988.

Братусь Б.С. Психологические аспекты нравственного развития личности. М.: Знание, 1977.

Бронфербреннер У. Два мира — два детства. М.: Прогресс, 1977.

**Брушлинский А.В.* О взаимосвязи природного и социального в психическом развитии человека // Проблемы генетической психофизиологии. М.: Наука, 1978. С.11—21.

Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994.

Васильев В.Л., Мамайчук И.И. Анализ личности несовершеннолетних жертв половых преступлений // Вопросы психологии. 1993. № 1. С.61—68.

**Василюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Веккер Л.М. Психические процессы: В 3 т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. Т. 3.

Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Под общ. ред. А.В.Либина. М.: Смысл, 1998.

Веккер Л.М., Либин А.В. Принципы Интегральной теории ментальной репрезентации: диалоги о природе психики (готовится к печати).

Витцлак Г. Основы психодиагностики // Психодиагностика: теория и практика. М.: Прогресс, 1986.

Волков А.М., Микадзе Ю.В., Солнцева Г.Н. Деятельность: структура и регуляция. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Воробьев Г.Г. Теория и методология профессионального клиринга // Вопросы кибернетики. Вып.48. (Клиринговые системы). М.: Советское радио, 1978.

Вундт В. Основы физиологической психологии. М., 1880.

Вундт В. Психология сознания. М., 1898.

Вундт В. Психология народов и масс. М., 1913.

**Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М.: Работник просвещения, 1926; М.: Педагогика-пресс, 1995.

Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры: Избранные психологические труды. М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1996.

Вяткин Б.А. Стиль активности как фактор развития интегральной индивидуальности // Интегральное исследование индивидуальности: Стиль деятельности и общения / Отв. ред. Б.А.Вяткин. Пермь: Изд-во ПГПедИ, 1992. С.36—55.

Гей Н.К. Об изучении взаимосвязей метода и стилей // Художественный метод и творческая индивидуальность писателя. М.: Наука, 1964.

Гете В. Мысли об искусстве. М.; Л., 1938.

**Гинзбург Э.Х.* Описание наследования количественных признаков человека. Новосибирск: Наука, 1984.

**Гласс Дж., Стэнли Дж.* Статистические методы в педагогике и психологии. М., 1976.

Голицын Г.А., Петров В.М. Информация — поведение — творчество. М.: Наука, 1991.

Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова Думка, 1984.

**Голубева Э.А.* Способности и индивидуальность. М.: Прометей, 1994.

Горбунов Ю.Я. Индивидуальный стиль волевой активности и его системообразующая функция // Системное исследование индивидуальности. Пермь, 1991.

Гостев А.А. Образная сфера человека. М.: Институт психологии РАН, 1992.

Гостев А.А. "Образность" и познание // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 4. С.33—43.

Гржибкова Л. К проблеме таланта и вопросам его идентификации // Диагностика познавательных и профессиональных способностей / Под. ред. В.Н.Дружинина. М.: Институт психологии РАН, 1988.

Гришина Н.В. К вопросу о предрасположенности к конфликтному поведению // Психические состояния (Экспериментальная и прикладная психология, выпуск 10). Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.

Грэй Д.А. Нейропсихология темперамента // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С.24—37.

**Гусев А.Н., Измайлов Ч.А., Михалевская М.Б.* Измерение в психологии. М.: Смысл, 1997.

Даль В. Совладание // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. М., 1995. Т. 3.

Дессуар М. Очерки по истории психологии. М., 1910.

Дорфман Л.Я. Эмоциональные предпочтения как фактор приспособления индивидуальности студента к требованиям учебной деятельности // Интегральное исследование индивидуальности: Теоретические и педагогические аспекты / Отв. ред. Б.А.Вяткин. Пермь, 1988. С.70—79.

Дорфман Л.Я. Индивидуальный эмоциональный стиль // Вопросы психологии. 1989. № 5. С.88—95.

Дорфман Л.Я. Эмоциональные стили (на материале художественно-творческой деятельности): Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994.

**Дорфман Л.Я.* Метаиндивидуальный мир: Методологические и теоретические проблемы. М.: Смысл, 1995.

Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М.: Институт психологии РАН, 1993.

**Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. М.: Лантерна; Вита, 1995.

**Дюран Б., Оделл П.* Кластерный анализ. М.: Статистика, 1977.

Егорова М.С. Природа межиндивидуальной вариативности показателей когнитивного стиля: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983.

**Егорова М.С.* Психология индивидуальных различий. М., 1997.

Егорова М.С., Марютина Т.М. Онтогенетика индивидуальности человека // Вопросы психологии. 1990. № 3. С.9—16.

Жамкочьян М.С. Взаимосвязи некоторых характеристик активированности, интеллекта и личности в структуре индивидуальности // Проблемы интегрального исследования индивидуальности. Пермь, 1978.

Жамкочьян М.С. Характеристика баланса свойств в структуре индивидуальности // Психологические проблемы индивидуальности. Вып. III. Л.; М., 1985.

Жамкочьян М.С., Палей И.М. О связях интеллекта с индивидуальными особенностями тревожности и экстраверсии // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 8. Л., 1977.

Журавлев А.В. Стиль руководства и организация соревнования // Социально-психологические аспекты соревнования. М., 1977. С.116.

**Залевский Г.И.* Фиксированные формы поведения. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1976.

Зачепицкий Р.А. Социальные и биологические аспекты психологической защиты // Социально-психологические исследования в психоневрологии / Под ред. Е.Ф.Бажина. Л.: Научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М.Бехтерева, 1980. С.22—27. (Труды ЛНИИПИ, т.93).

Зимбардо Ф. Застенчивость. М.: Прогресс, 1994.

Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.

Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М., 1993.

Знаков В.В. Почему лгут американцы и русские: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана // Вопросы психологии. 1995. № 2.

Золотов А.Б. Личность как система // Известия Молдавской Академии Наук. Кишинев, 1982.

Иваницкий А.М. Мозговые механизмы оценки сигналов. М., 1976.

Иванов Вяч.Вс. Чет и нечет. (Асимметрия мозга и знаковых систем). М.: Советское радио, 1978.

Иванов-Смоленский А.Г. Об изучении типов высшей нервной деятельности животных и человека // Журн. высш. нервной деятельности. 1953. Т. III. Вып. 1. С.36—54.

**Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология физического воспитания. Л., 1979.

Ильин Е.П. Стиль деятельности: новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. 1988. № 6. С.85—93.

Имелинский К. Сексология и сексопатология. М.: Медицина, 1986.

Инженьерос X. Введение в психологию: принципы биологической психологии. Л.: Прибой, 1922.

*Интегральное исследование индивидуальности: теоретические и педагогические аспекты. Пермь, 1988.

Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание детей. Л.: Медицина, 1988.

Кант И. Антропологія. Пер.Н.М.Соколова. СПб., 1900.

Караулов С.Л. Языковая личность. М.: Наука, 1981.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.

**Клаус Г.* Дифференциальная психология обучения. М.: Прогресс, 1984.

**Климов Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: КГУ, 1969.

Колга В. Возможные миры когнитивных стилей // Когнитивные стили. Таллинн: ТПедИ, 1986.

**Колга В.* (Ред.) Когнитивные стили. Таллинн: ТПедИ, 1986.

Колга В.А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976.

**Кон И.С.* В поисках себя. М., Политиздат, 1984.

Конев А.И. О некоторых особенностях мышления в связи с действием и социальной адаптацией // Мышление и субъективный мир. Ярославль: ЯрГУ, 1991. С.97—99.

Корнетов Н.А. Клиническая антропология: теоретический подход и основные принципы // Актуальные вопросы медицинской и клинической антропологии. Томск: НИИ психического здоровья, 1991. С.41—47.

Корнилов К.Н. Учение о реакциях у человека. М.; Л, 1921.

Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм. М., 1925.

Коссов Б.Б. Разработка методик определения типологических особенностей соотношения первой и второй сигнальных систем // Типологические особенности высшей нервной деятельности / Под ред. Б.М.Теплова. М., 1956. Т. 1. С.347—374.

Котик М.А., Емельянов А.М. Эмоции как показатели субъективных предпочтений при принятии решения // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1. С.118—125.

Котляр Б.И. Пластичность нервной системы. М.: Наука, 1986.

Котова И.Б. Психология личности в России: столетие развития. Ростов н/Д: Изд-во РПУ, 1994.

Котова Ю.Э. Психологические особенности личности "жертвы" и "насильника" (на примере анализа девиантного стиля поведения): Дипломная работа. М.: Институт психологии РАН, 1994.

Кочарян Г.С., Кочарян А.С. Психотерапия сексуальных расстройств и супружеских конфликтов. М.: Медицина, 1994.

Кочетков В.В., Скотникова И.Г. Индивидуально-психологические проблемы принятия решения. М.: Наука, 1993.

Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977.

Красногорский Н.И. О типовых особенносятх высшей нервной деятельности у детей // Журн. высш. нервной деятельности. 1953. Т. III. Вып. 2.

Красногорский Н.И. Высшая нервная деятельность ребенка. Л.: Медгиз, 1958.

Кречмер Э. Строение тела и характер. М.: Педагогика-Пресс, 1995.

Кроник А.А. Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования, диагностики и коррекции: Дис. ... д-ра психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1994.

Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Мотивационная недостаточность как критерий деформированности субъективной картины жизненного пути // Мотивационная регуляция деятельности и поведения человека. М.: Институт психологии РАН, 1988. С.136—140.

Крупнов А.И. Подходы к целостной индивидуальности // Небылицын В.Д. Жизнь и научное творчество. М.: Научно-издательский центр "Ладомир", 1996.

Ксенофонтова Е.Г. Уровни развития саморегуляции личности: критерии их определения: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1988.

Кулагин Б.В. Основы профессиональной психодиагностики. М.: Медицина, 1984.

Кун Т. Структура научных революций / Под ред. С.Р.Микулинского, Л.А.Марковой. М.: Прогресс, 1977.

Лазарсфельд П. Латентно-структурный анализ и теория тестов // Математические методы в социальных науках. М.: Прогресс, 1974. С.42—53.

**Лазурский А.Ф.* Очерк науки о характерах. М.: Наука, 1995.

Ланда Л.Н. Алгоритмизация в обучении. М.: Просвещение, 1966.

Ларошфуко Ф. Мысли и афоризмы. М.: Художественная литература, 1990.

Лейтес Н.С. Об умственной одаренности. М.: АПН РСФСР, 1960.

Лейтес Н.С. Проблема способностей в трудах Б.М.Теплова // Способности: к 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова. Дубна: Издательский центр "Феникс", 1997.

**Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев, 1981.

Леонтьев А.Н. О формировании способностей // Вопросы психологии. 1960. № 1. С.7—17.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

Леонтьев Д.А. Проблема смысла в современной зарубежной психологии // Современный человек: цели, ценности, идеалы. Вып. 1. М., 1998. С.73—100.

Леонтьев Д.А. Человек и мир: логика жизненных отношений // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия / Под ред. Б.А.Парахонского. Киев: Наукова думка, 1990. С.47—58.

Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2. С.107—117.

**Леонтьев Д.А.* Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.

Лефевр В. Формула Человека. М., 1993.

Либин А.В. Применение графической психодиагностической методики в профконсультационной работе // Диагностика способностей и личностных черт учащихся / Под ред. В.Н.Дружинина. Саратов: СГУ, 1989. С.69—82.

Либин А.В. Стилевые особенности познавательных процессов и учебная деятельность // Способности и обучение. М.: Наука, 1991. С.102—115.

Либин А.В. Стилевые и темпераментальные свойства в структуре индивидуальности человека: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1993.

Либин А.В. Стиль человека: от изучения индивидуальных различий к анализу общепсихологических закономерностей // Мир индивидуальности. Смоленск: СПГУ, 1995. С.74—82.

Либин А.В. Единая концепция стиля — метафора или реальность? // Либин А.В. (Ред.) Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998(а).

Либин А.В. О психологии житейской и научной // Либина Е.В. Энциклопедия житейской психологии: предрассудки, стереотипы и защитное поведение. М.: АСТ, 1998(б).

**Либин А.В.* (Ред.) Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998 (в).

Либин А.В., Либин В.В. Психологические особенности предпочтения человеком геометрических форм (знаков) // Графические знаки: проблемы исследования, разработки, стандартизации. Киев, 1988. С.21—24.

Либин А.В., Либин В.В. Психологические особенности предпочтения геометрических форм: психографический тест предпочтений (ТиГР). М.: Институт психологии РАН, 1994.

Либин А.В., Либин В.В. Интегральные параметры взаимодействия человек—среда. // Психический образ: строение, механизмы, функционирование и развитие, том 2. М.: Институт психологии РАН, 1995.

**Либин А.В., Парилис С.Э.* Думаем, говорим, делаем: феномены обыденного сознания. 2-е изд. М.: Институт практической психологии, 1998.

Либина Е.В. Изучение стилей совладания человека со сложными жизненными ситуациями с позиций интерактивного подхода // Мир индивидуальности. Смоленск, 1995(а).

Либина Е.В. Чтобы не осталась женщина одинокой. Психология совладания с жизненными кризисами и сложными ситуациями / Под общ. ред. А.В.Либина. М.: Селена, 1995(б).

Либина Е.В. Тренинг совладания со сложными жизненными ситуациями / Под общ. ред. А.В.Либина. М.: Институт практической психологии, 1998 (а).

Либина Е.В. Энциклопедия житейской психологии: предрассудки, стереотипы и защитное поведение / Под общ. ред. А.В.Либина. М.: АСТ, 1998 (б).

Либина Е.В., Либин А.В. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными обстоятельствами? // Либин А.В. (Ред). Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998.

Ломброзо Ч. Гениальность и умопомешательство. М., 1995.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Лопатина Н.Г., Пономаренко В.В. Исследование генетических основ высшей нервной деятельности // Физиология поведения. Нейробиологические закономерности. Л., 1991.

Магун В.С. О многоуровневости факторной структуры индивидуально-типических особенностей человека // Экспериментальная и прикладная психология, выпуск 5. Л.: ЛГУ, 1973.

Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.: Наука, 1983.

Магун В.С. Метод расширенных факторов // Социологические исследования. 1985. № 1. С.135—145.

Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С.41—53.

Магун В.С. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996. № 1. С.47—62.

Макарушкина М.А., Эйдман Е.В., Иванников В.А. Проблема воли в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1988. № 3. С.145—152.

Мамонова О.В. Особенности стратегий поведения “жертвы” и “насильника” (на примере анализа девиантного стиля поведения): Дипломная работа. М.: Институт психологии РАН, 1994.

Маслов С.Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика, вып. 20. 1983. С.3—34.

Маствилискер Э.И. Индивидуальный стиль общения в совместной деятельности // Проблемы интегрального исследования индивидуальности и ее педагогические аспекты / Отв. ред. Т.С.Тамбовцева. Пермь: ПГПИ, 1985. С.14—30.

Маствилискер Э.И. Индивидуальный стиль общения в совместной игровой и предметной деятельности // Вопросы психологии. 1989. № 3. С.63—70.

Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. М.: Просвещение, 1985.

**Мерлин В.С.* Очерк теории темперамента. Пермь, 1964.

Мерлин В.С. (Ред.) Очерк теории темперамента. Пермь, 1973.

**Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.

Мерлин В.С., Климов Е.А. Формирование индивидуального стиля деятельности в процессе обучения // Советская педагогика. 1967. № 4. С.110—119.

Мерлин В.С., Палей И.М. Проблемы интегральной характеристики индивидуальности в дифференциальной психофизиологии // Проблемы дифференциальной психофизиологии и ее генетические аспекты / Под ред. В.С.Мерлина, Б.А.Никитюка. Пермь, 1975. С.1—18.

Методология семейных исследований генетических факторов. Женева: Всемирная Организация Здравоохранения, 1972.

*Мир Индивидуальности. Смоленск: СПГУ, 1995.

Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С.26—36.

**Мухина В.С.* Близнецы. М.: Просвещение, 1969.

Мясищев В.М. Психология отношений: Избранные психологические труды. М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1995.

**Налчаджян А.А.* Социально-психическая адаптация личности. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988.

**Небылицын В.Д.* Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976.

**Небылицын В.Д.* Основные свойства нервной системы. М.: Педагогика, 1991.

**Небылицын В.Д.* Жизнь и научное творчество. М.: Научно-издательский центр "Ладомир", 1996.

Неймарк М.С. Психологическое изучение направленности личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1972.

Николаева О.П. Исследование этнопсихологических различий морально-правовых суждений // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 4. С.79—88.

Николаева Т.И. Опыт классификации ученых: метод—объект // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.

Обозов Н.Н. Вопросы практической психодиагностики и психологического консультирования в ВУЗе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М., 1952.

**Павлов И.П.* Избранные труды. М., Изд-во АПН РСФСР, 1951(а).

Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. 7-е изд. М.: Медгиз, 1951(б).

Павлов И.П. О физиологическом механизме так называемых произвольных движений // Полное собрание сочинений. М.; Л.: Издательство Академии Наук, 1951(в). Т. III, кн. II.

Павлов И.П. Общие типы высшей нервной деятельности животных и человека // Психология индивидуальных различий. Тексты / Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, В.Я.Романова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С.21—23.

Палей А.И. Эмоциональность и когнитивный стиль: соотношения и психофизиологические характеристики // Психологические проблемы индивидуальности, выпуск 1. М.; Л., 1983.

Палей И.М. Вопросы психофизиологической структуры индивидуальности в связи с гипотезой о "U-образной" зависимости эффективности функций возбуждения и торможения от активации // Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

Палей И.М. Темперамент // Практикум по психологии, часть II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.

Палей И.М. К дифференциально-психологическому исследованию студентов в связи с задачами изучения потенциалов развития взрослого человека // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1974.

**Палей И.М., Магун В.С.* Психологические характеристики личности и предпосылки ее социальных потенциалов // Социальная психология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С.90—105.

Панпурин В.А. Внутренний мир личности и искусство. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990.

Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993.

Парилис С.Э. Когнитивный стиль "простота—сложность" как характеристика индивидуальности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.

Перетятько Л.Г. Профессиональное призвание личности (психолого-биографический аспект): Автореф. дис. ... канд .психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1991.

Петренко В.Ф. Экспериментальная психосемантика: исследования индивидуального сознания // Вопросы психологии. 1982. № 5. С.23—25.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Петров В.М. Прогнозирование художественной культуры. (Вопросы методологии и методики). М.: Наука, 1991.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. (Ред.) Психология: словарь. М.: Издательство политической литературы, 1990.

Петровский А., Ярошевский М.Г. История психологии. М.: РГГУ, 1994.

Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: ТОО "Горбунок", 1992.

Печенков В.В. Проблемы индивидуальности: общие и специально человеческие типы ВНД // Способности: к 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова. Дубна: Издательский центр "Феникс", 1997.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Прогресс, 1969.

Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984.

*Психология индивидуальных различий: Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

*Психология личности: Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Психология и психофизиология индивидуальных различий в активности и саморегуляции человека. Свердловск, 1989.

*Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.

Равич-Щербо И.В. Метод близнецов в психологии и психофизиологии // Проблемы генетической психофизиологии человека. М.: Наука, 1990. С.22—47.

**Равич-Щербо И.В.* (Ред.) Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека. М.: Педагогика, 1988.

Равич-Щербо И.В. (Ред.) Психогенетика человека. М., 1998.

Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.

Радлов Э.Л. Философский словарь: логика, психология, этика, эстетика и история философии. 2-е изд. М.: Типографія "Я.Данкинъ и Я.Хомутовъ", 1913.

Рождественская В.И. Влияние силы нервной системы и уровня активации на успешность монотонной работы // Способности: к 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова. Дубна: Издательский центр "Феникс", 1997.

Россолимо Г.И. Психологические профили. СПб, 1910.

Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: ОГИЗ, 1946.

*Русалов В.М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979.

Русалов В.М. Теоретические проблемы построения специальной теории индивидуальности человека // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 4. С.23—25

Русалов В.М. Новый вариант адаптации личностного теста EPI // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 1. С.113—126.

Русалов В.М. Природные предпосылки индивидуального поведения как фактор становления индивидуальности человека // Журн. высшей нервной деятельности. 1989(а). Т. XXXIX, выпуск 3. С.400—424.

Русалов В.М. Предметный и коммуникативный аспекты темперамента человека // Психологический журнал. 1989(б). Т. 10. № 1. С.10—21.

*Русалов В.М. Дифференциальная психофизиология // Тенденции развития психологической науки / Отв. ред. Б.Ф.Ломов, Л.И.Анцыферова. М.: Наука, 1989(в).

Русалов В.М. Опросник структуры темперамента. М.: Институт психологии РАН, 1990.

Русалов В.М. Психология и психофизиология индивидуальных различий: некоторые итоги и ближайшие задачи системных исследований // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 5. С.3—17.

Русалов В.М. Продолжение поиска // Небылицын В.Д. Жизнь и научное творчество. М.: Научно-издательский центр "Ладомир", 1996.

Русалов В.М., Бодунов М.В. О связи интеллектуальных способностей человека с уровнем пространственной синхронизации и когеррентности ЭЭГ //Физиология человека. 1982. Т. 3. № 1. С.3—12.

Русалов В.М., Дудин С.М. Темперамент и интеллект: общие и специальные факторы развития // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 5.

Русалов В.М., Кошман С.А. Дифференциально-психофизиологический анализ интеллектуального поведения человека в вероятностной среде // Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности. М.: Наука, 1980. С.7—57.

Русалов В.М., Парилис С.Э. Темперамент и своеобразие когнитивной системы личности // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 5. С.118—122.

Самсонов Н.В. Психология воли. М.: Русский Книжник, 1922.

Селиванов В.В. Когнитивный стиль в процессе мышления // Психологический журнал. 1989. Т.10. № 4. С.104—112.

Селье Г. Психофизиология стресса. М., Медицина, 1991.

Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М.: ОГИЗ, 1947.

**Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. М.: Медицина, 1984.

Скотникова И.Г. Системная взаимосвязь сенсорных стратегий и особенностей индивидуальности: анализ с привлечением категории когнитивного стиля // Системный анализ сенсорно-перцептивных процессов / Ред. К.В.Бардин. М.: Институт психологии АН СССР, 1988. С.149—205.

Скотникова И.Г. Устойчивость когнитивного стиля в обычных и особых условиях деятельности человека // Психологический журнал. 1995. Т. 16.

Собчик Л.Н. ЭВМ и психология // Психологические проблемы автоматизации научно-исследовательских работ. М.: Наука, 1987. С.152—156.

Собчик Л.Н. Стили мышления и поведения через призму теории ведущих тенденций // Либин А.В. (Ред.). Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998. С.205—217.

**Соколова Е.Т., Николаева В.В.* Особенности личности при пограничных рассмтройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR—Аргус, 1995.

Спилбергер Ч.Д. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Стресс и тревога в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1983. С.12—24.

*Способности: к 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова. Дубна: Издательский центр “Феникс”, 1997.

Спрингер С., Дейч Г. Левый мозг, правый мозг. М.: Мир, 1983.

*Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы. Киев: Наукова думка, 1982.

Старович З. Судебная сексология. М.: Юридическая литература, 1991.

**Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии. М.: Прогресс, 1986.

Стреляу Я. Местоположение регулятивной теории темперамента (РТТ) среди других теорий темперамента // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С.37—48.

**Талызина Н.Ф., Кривцова С.В., Мухаматулина Е.А.* Природа индивидуальных различий: опыт исследования близнецовым методом. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.

Темнова Л.В. Специфика мыслительного процесса решения нравственных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1991.

Теоретические проблемы психологии личности. М.: Наука, 1974.

Теплов Б.М. Психология: Учебник для средней школы. М., 1946.

* *Теплов Б.М.* Избранные труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1986.

Типологические особенности высшей нервной деятельности / Под ред. Б.М.Теплова. М., 1956. Т. 1.

Титченер Э. Учебникъ психологiи. Пер. А.Болтунова. М.: МIРЪ, 1914.

Тихомирова И.В. Типологический и дименсиональный подходы в изучении ориентировочной активности // Способности: к 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова. Дубна: Издательский центр "Феникс", 1997.

* *Толочек В.А.* Стили деятельности: Модель стилей с изменчивыми условиями деятельности. М., 1992.

Трофимова И.Н. Взаимосвязь темпераментальных характеристик с параметрами семантического пространства человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1995.

Тхай Чи Зунг. Психологический возраст в структуре личностных и интеллектуальных характеристик подростков школы-интерната: Дипломная работа. ЛГУ, 1988.

* *Умрихин В.В.* Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М.: Наука, 1987.

Фресс П. Эмоции // Экспериментальная психология / Под ред. П.Фресса, Ж.Пиаже. Выпуск V. М.: Прогресс, 1975.

Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.

Фуллье С. Темпераментъ и характеръ. Пер. Линда. М., 1896.

Ханин Ю.Л. (Ред.) Стресс и тревога в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1983.

* *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986.

* *Холодная М.А.* Когнитивные стили как проявление своеобразия индивидуального интеллекта. Киев: УМК ВО, 1990.

Художественный метод и творческая индивидуальность писателя. М: Наука, 1964.

Целибеев Б.А. К вопросу о конституциональном факторе формирования личности // Проблемы личности. Т.2. М., 1970. С.36—44.

**Шкуратова И.П.* Когнитивный стиль и общение. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994.

**Шмальгаузен И.И.* Пути и закономерности эволюционного процесса. М.: Наука, 1983.

**Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.

Эббингауз Г. Основы психологии. СПб., 1890.

Экман П. Почему дети лгут? М.: Педагогика-пресс, 1993.

**Эрман Л., Парсонс П.* Генетика поведения и эволюция. М.: Мир, 1984.

Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс—Универс, 1993.

**Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс—Универс, 1995.

Юркевич В.С. Саморегуляция как фактор общей одаренности // Проблемы дифференциальной психофизиологии. М., 1972.

Якиманская И.С. Развитие пространственного мышления школьников. М., 1980.

Якубик И. Истерия. М.: Медицина, 1981.

Ярошевский М.Г. Проблема детерминизма в психофизиологии XIX века. Душанбе, 1961.

Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974.

Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е перераб. изд. М.: Мысль, 1985.

Ярошевский М.Г. Историческая психология науки. СПб, 1995.

**Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: русский путь. М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1996.

Abrahams, J.P., & Birren, J.E. (1973). Reaction time as a function of age and behavioral predisposition to coronary heart disease // Journal of Gerontology, 28, 29—50.

Ach, N.(1910).Uber den Willensakt und das Temperament.Leipzig.

Achenbach, T.M. (1982). Developmental psychopathology (2nd ed.). New York: Wiley

Achenbach, T.M., Howell, C.T., Quay, H.C., & Conners, C.K. (1991). National survey of problems and competencies among four to sixteen year olds. Monographs of the Society for Research in Child Development, 56 (3, Serial No.225).

Adams, J.S. (1965). Inequity in social exchange // L.Berkowitz (Ed.). Advances in experimental social psychology. Vol.2. New York: Academic Press.

Adams-Weber, J.R. (1979). Personal Construct Theory: Concepts & Applications. Chichester: Wiley.

Adelson, J. (1975). The development of ideology in adolescence // D.E.Dragastin, G.H.Elder, Jr. (Eds.). Adolescence in the life cycle: Psychological change and social context. New York: Wiley.

Adler, A. (1927). Understanding Human Nature. New York.

Ainsworth, M.D.S. (1967). Infancy in Uganda: Infant care and the growth of love. Baltimore, MD: Johns Hopkins Press.

Ainsworth, M.D.S. (1989). Attachments beyond infancy // American Psychologist, 44, 709—716.

Ainsworth, M.D.S., Wittig, B.A. (1969). Attachment and exploratory behavior of one-year-olds in a strange situation // B.M.Foss (Ed.) Determinants of infant behavior, vol.4. London: Methuen.

Albert, A.S. (Ed.) (1992). Genius and Eminence: The Social Psychology of Creativity and Exeptional Achievment. 2nd edition. London: Pergamon Press.

Allport, G.W. (1937). Personality: A Psychological Interpretation. New York: Holt.

Allport G.W. (1961). Pattern and growth in personality. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Allport, G.W., & Odbert, H.S. (1936). Trait-names: A psycholexical study. Psychological Monographs, 47 (1, No. 211).

Allport, G.W., & Vernon, P.E. (1933). Studies in expressive movement. New York: Macmillan.

Amabile, T.M., Goldfarb, P., Brackfield, S. (1990). Social influences on creativity: Evaluation, coaction, and surveillance // Creative Research Jornal, 3, 6—21.

Amelang, M., Herboth, G., Oefner, I. (1991). A prototype strategy for the construction of a creativity scale // European Journal of Personality, 5, 201—216.

Amabile, T.M., Hill, K.G., Hennessey, B.A., & Tighe, E.M. (1994). The Work Preference Inventory: Assessing intrinsic and extrinsic motivational orientations // Journal of Personality and Social Psychology, 66, 950—967.

American Psychiatric Association (APA). (1980). Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 3rd ed. Washington: APA.

American Psychiatric Association (APA). (1994). Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4th ed. Washington: APA.

Anastasi, A. (1958). Differential Psychology. 3rd ed. New York: Macmillan

Anastasi, A., Urbina, R. (1997). Psychological Testing. New York.

Anderson, R.E. (1973). Individual differences in the use of imaginal processing // Dissertation Abstract International, August, vol.34 (2—B), pp. 887—888.

Angold, A. (1991). The effects of age and sex on depression ratings in children and adolescents // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, 30, 67—74.

Angyal, A.F. (1948). The diagnosis of neurotic traits by means of a new perceptual test // Journal of Psychology, 25, 105—135.

Argyle, M., Furnham, A., & Graham, J.A. (1981). Social Situations. Cambridge: Cambridge University Press.

Arnheim R. (1981) The Style as the Gestalts Problem // Journal of Aesthetics and Art Criticism, v. 39 (spring).

Ash, S.E., Witkin, H.A. (1948). Studies in space orientation: I. Perception of the upright with displaced visual fields // Journal of Experimental Psychology, 38, 321—337.

Ashenfelter, O., & Kreuger, A. (1992). Estimates of the economic return to schooling from the new sample of twins. Princeton University: Working Paper 304, Industrial Relations Section.

Assagioli, P. (1974). The act of will. London: Wildwood House.

Austin, A.W. (1961). The functional autonomy of psychotherapy // American Psychologist, 16, 75—78.

Baltes, P.B., Reese, H.W., & Lipsitt, L.P. (1980). Life-span developmental psychology // Ann.Rev.Psychol., 31, 65—110.

Bansen, J. (1867). Beitrag zür Characterologie. Mit besonderes Berücksichtigung pädagogischen Fragen.2 Bd.Leipzig: Brockhaus.

Bandura, A.(1982). Self-efficasy mechanism in human agency // American Psychologist, 37, 122—147.

Bandura, A.(1986). Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Bandura, A.(1989). Human agency in social cognitive theory // American Psychologist, 44, 1175—1184.

Bandura A. (1992). Exercise of personal agency through the self-efficacy mechanisms // R.Schwarzer (Ed.). Self-efficacy: Thought control of action. Washington: Hemisphere, pp.3—38.

Bandura A. (1997). Self-efficacy: The exercise of control. New York: W.H.Freeman & Company.

Bannister, D., Fransella, A. (1966). A grid test of schisophrenic thought disorder // British J. Social and Clinical Psychology, vol.5, pp.95—103.

Barratt, E.S. (1985). Impulsiveness subtraits: Arousal and information processing // J.T.Spence, & C.E.Izard (Eds.), Motivation, emotion and personality. Amsterdam: North Holland, pp. 137—146.

Barrett, G.V., Depinet, R.L. (1991). A reconsideration of testing for competence rather than for intelligence // American Psychologist, 46, 1012—1024.

Barocas, R., Seifer, R., Sameroff, A.J., Andrews, T.A., Croft, R.T., Ostrow, E. (in press). Social and Interpersonal Determinants of Developmental Risk // Developmental Psychology.

Barocas, R., Seifer, R., Sameroff, A.J. (1985). Defining environmental risk: Multiple dimension of psychological vulnerability // American Journal of Community Psychology, 13, 429—443.

Bartlett, F.C. (1932). Remembering. Cambridge: Cambridge University Press.

Baumeister, A.A. (1987). Mental retardation: new realities, new challenges // Mental retardation, 29, 239—258.

Baumeister, R.F., Leary, M.R. (1995). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin, 117, 427—529.

Baumrind, D. (1971). Current patterns of parental authority // Developmental Psychology Monograph, 4 (1, Part 2).

Bayley, N. (1949). Consistency and variability in the growth of intelligence from birth to eighteen years // Journal of Genetical Psychology, 75, 165—196.

Beck, A.T. (1983). Cognitive therapy of depression: New perspectives // J.Clayton & P.E.Barret (Eds.). Treatment of depression: Old controversies, new approaches. New York: Raven Press, pp. 265—284.

Bee, H.L. (1978). The developing child. 2nd ed. New York: Harper&Row.

Bee, H.L (1994). Lifespan development. New York: HarperCollins

Bee, H.L (1998). Lifespan development. 2nd ed. New York: Addison Wesley Longman, Inc.

Bee, H.L., & Mitchel, S.K. (1984). The Developing Person: A Life-Span Approach. 2nd ed. New York: Harper & Row

Bem, D.J., & Allen, A. (1974). On predicting some of the people some of the time: The search for cross-situational consistencies in behavior // Psychological Review, 81, 506—520.

Bem, S.L. (1974). The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology, 42, 155—162.

Bem, S.L. (1975). Sex-role adaptability:One consequence of psychological androgyny // Journal of Personality and Social Psychology, 31, 634—643.

Belloch, A. (1997). One hundred years of clinical psychology: roots, doubts and hopes // Fuller, R., Walsh, P.N., & McGinley, P. (Eds.), A century of Psychology. London & New York: Routledge.

Belsky, J., Fish, M., Isabella, R. (1991). Continuity and discontinuity in infant negative and positive emotionality: Family antecedents and attachment consequences // Developmental Psychology, 27, 421—431.

Bentz, V.J.(1990).Contextual issues in predicting high-level leadership performance: Contextual richness as a criterion consideration in personality research with executives // K.E.Clark, M.B.Clark (Eds.). Measures of leadership.West Orange, NJ :Leadership Library of America, pp.131—143.

Berliner, D.C., Angell, D., Shearer, J.W. (1964). Behaviors, measures, and instruments for performance evaluation in simulated environments. Paper presented at a symposium and workshop on the quantification of human perfomance, Albuquerque, New Mexico.

Berry, J.W. (1976). Human Ecology and Cultural Style. New York: Sage—Halstead.

Berry, J.W., Van de Koppel, J.M., Seneshal, C., Annis, R.C., Bahuchet, S., Cavalli-Sforza, L.L., Witkin, H.A. (1986). On the Edge of the Forest: Cultural Adaptation and Cognitive Development in Central Africa. Lisse: Swets and Zeitlinger.

Betancourt, H., Lopez, S.R. (1993). The study of culture, ethnicity, and race in American psychology // American Psychologist, 48, 629—637.

Bieri, J. (1955). Cognitive complexity—simplicity and predictive behavior // Journal of Abnormal and Social Psychology, v.51, 263—268.

Binet, A., Simon, T. (1905). Methodes nouvelles pour le diagnostique du niveau intellectuel des anormaux // Annee psychologique, 11, 191—244.

Binet, A. & Henry, V. (1895). La psychologie individuelle // Annee psychologique, 2, 411—465

Birren, J.E., Schaie, K.W. (Eds.). (1996). Handbook of the psychology of aging (4th ed.). San Diego, CA: Academic Press.

Biro, F.M., Lucky, A.W., Huster, G.A., Morrison, J.A. (1995). Pubertal studying in boys // Journal of Pediatrics, 127, 100—102.

Birns, B. (1965). Individual differences in human neonates' responces to stimulation // Child Development, 36, 249—256.

Blanck, P., Rosental, R., Snograss, S.E. (1981). Sex differences in eavesdroping on nonverbal clues: developmental changes // Journal of Personality and Social Psychology, N 2.

Block, J. (1971). Lives through time. Berkeley, CA: Bancroft Books.

Block, J. (1977). Advancing the psychology of personality: Paradigmatic shift or improving the quality of research // D.Magnusson, N.S.Endler (Eds.). Personality at the crossroads: Current issues in interactional psychology. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp.37—63.

Block, J., Buss, D.M., Block, J.H., Gjerde, P.F. (1981). The cognitive style of breadth of categorization: Longitudinal consistency of personality correlates // Journal of Personality and Social Psychology, 40, 770—779.

Block, J., Gjerde, P.F., Block, J.H. (1986). Continuity and transformation in the psychological meaning of categorization breadth // Developmental Psychology, 22, 832—840.

Block, N. (Ed.) (1981). Readings in Philosophy of Psychology, vol.1, 2. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Bodiford, C.A., Eisenstadt, T.H., Johnson, J.H., Bradlyn, A.S. (1988). Comparison of learned helplessness cognitions and behavior in children with high and low scores on the children's depression inventory // Journal of Abnormal Child Psychology, 17, 152—158.

Boldizar, J.P., Deemer, D.K., & Wilson, K.L. (1989). Gender, life experience, and moral judgement development: A process-oriented approach // Journal of Personality and Social Psychology, 57, 229—238.

Boldizar, J.P., Perry, D.C., & Perry, L.C. (1989). Outcome values and agression // Child Development, 60, 571—579.

Boring, E.G. (1965). On the subjectivity of important historical dates: Leipzig, 1879 // Journal of the History of the Behavioral Sciences, 1, 5—9

Bornstein, M.H., Tal, J., & Tamis-Le Monda, C.S. (1991). Parenting in cross-cultural perspective: The United States, France, and Japan

// M.H.Bornstein (Ed.). Cultural approach to parenting. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp. 69—90.

Bowbly, J. (1973). Attachment and loss: Vol.2. Separation, anxiety and anger. London: Hogarth

Bower, G.H. (1981). Mood and memory // American Psychologist, 36, 129—148.

Bowerman, C.E. & Kinch, J.W. (1969). Changes in family and peer orientation of children between the fourth and tenth grades // M.Gold & E.Douvan (Eds.). Adolescent development. Boston: Allyn & Bacon, pp.137—141.

Brazelton, T.B. (1969). Infants and mothers: Differences in development. New York: Dell.

Brazelton, T.B. (1984). Neonatal Behavioral Assessment Scale. Philadelphia: Lippincot.

Bradley, R.H., Whitside, L., Mundform, D.J., Casey, P.H., Kelleher, K.J., Pope, S.K. (1994). Early indications of resilience and their relation to experiences in the home environments of low birthweight, premature children living in poverty // Child Development, 65, 346—360.

Bradley, R.H., Caldwell, B.M., Rock, S.L., Barnard, K.E., Gray, C., Hammond, A.W., Johnson, D.L. (1989). Home environment and cognitive development in the first 3 years of life: A collaborative study involving six sites and three ethnic groups in North America // Developmental Psychology, 25, 217—235.

Brener, J.M. (1980). Energy, information and man // A.J.Chapman & D.M.Jones (Eds.). Models of Man. Leicester:The British Psychological Society.

Brewin, C.R., Andrews, B., & Gotlib, I.H. (1993). Psychopathology and early experience: A reappraisal of retrospective reports // Psychological Bulletin, 133, 82—98.

Bridges K.M. (1930) A genetic theory of emotions // Journal of genetic psychology, 37, 514—527.

Brodsy, C.M. (1954). A study of Norms for Body Form – Behavior Relationships.Washington, DC: Catholic University of AmericaPress.

Bronferbrenner, U. (1958). Socialization and social class through time and space // E.E.Macoby, T.M.Newcomb, E.L.Hartley (Eds.), Readings in social psychology. New York: Holt.

Bronferbrenner, U. (1970). Two worlds of childhood: U.S. and U.S.S.R. New York: Russel Sage Foundation.

Brophy, J.E., & Good, T.L. (1970). Teachers' communication of differential expectations for children's classroom perfomance: Some behavioral data // Journal of Educational Psychology, 61, 365—374.

Broverman, I.K., Vogel, S.R., Broverman, D.M., Clarkson, F.E., Rosenkrantz, P.S. (1972). Sex-role stereotypes: A current appraisal // Journal of Social Issues, 28, 59—78.

Broverman, I.K., Broverman, D.M., Clarkson, F.E., Rosenkratz, P.S., Vogel, S.R. (1970). Sex-role stereotypes and clinical judgments of mental health // Journal of Consulting and Clinical Psychology, 34, 1—7.

Brown, J.L. (1964). States in newborn infants // Merrill-Palmer Quarterly, 10, 313—327.

Brown, G.W., & Harris, T.O. (1978). Social origins of depression: A study of psychiatric disorder in women. London: Tavistock.

Brown, G.W., & Harris, T.O. (1993). Aetiology of anxiety and depressive disorders in an inner-city population. 1. Early adversity / / Psychological Medicine, 23, 143—154.

Brunner, H.G., Nelen, M., Breakefield, X.O., Ropers, H.H., van Oost, B.A. (1993). Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamine oxidase // American Science, 262, 578

Burns, R.B. (1975). Attitudes to self and three categories of others in a student group // Educational Studies, 1, 181—189.

Burt C. (1949). The structure of the mind; a review of the results of factor analysis // British Journal of Educational Psychology, 19, 49—70.

Buss, A.H. (1991). The EAS Theory of Temperament // Strelau J. & Angleitner A. (Eds.) Explorations in Temperament. London; New York: Plenum Press, pp.43—61.

Buss, A.H., Plomin, R.A.(1975). A temperament theory of personality development. New York: Willey.

Buss, A.H., Plomin, R.A.(1984). Temperament: Early developing personality traits. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Buss, D.M. (1984). Evolutionary Biology and Personality Psychology. Toward a Conception of Human Nature and Individual Differences // American Psychologist, v.39, n 10, pp. 1135—1147.

Buss, D.M. (1991). Evolutionary personality psychology // Annu. Rev. Psychol. 42: 459—491.

Buss, D.M. (1995). Psychological sex differences: Origins through sexual selection // American Psychologist, 50, 164—168.

Buss, D.M., & Craik, K.H. (1983). The act frequency approach to personality // Psychological Review, 90, 105—126.

Campbell, A. (1981). The sense of well-being in America. New York: McGraw-Hill.

Campbell, D.T., & Fiske, D.W. (1959). Convergent and discriminant validation // Psychological Bulletin, 56, 81—105.

Capron, C., & Duyme, M. (1989). Assessment of effects of socio-economic status on IQ in a full cross-fostering study // Nature, 340, 552—554.

Carducci, B.J., Zimbardo, P.G. (1995). Are you shy? // Psychology Today, 28, 34—40.

Carron, A.V., Bailey, D.A. (1974). Strength development in boys from 10 through 16 years. Monographs of the Society for Research in Child Development, 39, (4), Serial No.157, 1—37.

Casey, R.J., & Schlosser, S. (1994). Emotional responses to peer praise in children with and without a diagnosed externalizing disorder // Merril Palmer Quarterly, 40, 60—81.

Caspi, A., Bem, D.J. (1990). Personality Continuity and Change Across the Life Course // Pervin, L.A. (Ed.), Handbook of personality: Theory and research. New York: Guilford Press, pp.549—576.

Caspi, A., Elder, G.H., Bem, D.J. (1987). Moving against the world: Life course patterns of explosive children // Developmental Psychology, 23, 308—313.

Caspi, A., Elder, G.H., Bem, D.J. (1988). Moving away from the world: Life course patterns of shy children // Developmental Psychology, 24, 824—831.

Cattel, J.McK. (1890). Mental tests and measurements // Mind, 15, 373—380.

Cattel, J.McK., & Farrand, L. (1896). Physical and mental measurements of the students of Columbia University // Psychological Review, 3, 618—648.

Cattell, R.B.(1943).The description of personality: Basic traits resolved into clusters // Journal of Abnormal and Social Psychology, 38, 476—506.

Cattell, R.B. (1965). The scientific analysis of personality. Baltimore, MD: Penguin.

Cattell, R.B. (1971). Abilities: their structure, growth and action. Boston: Houghton Mifflin.

Cattell, R.B. (1990). Advances in Cattelian Personality Theory // Pervin, L.A. (Ed.). Handbook of personality: Theory and research. New York: Guilford Press, pp.101—111.

Cattell R.B., Eber H.W., Tatsuoka M.M.(1970). Handbook of the sixteen personality factor questionnaire (16 P.F.). Champaign: IPAT

Ceci, S.J. (1996). On Intelligence: A Bioecological Treatise on Intellectual Development. (Extended Edition). Cambridge, MA: Harvard University Press.

Chang, L., Murray, A. (1995). Math perfomance of 5- and 6-year-olds in Taiwan and the U.S.: Maternal beliefs, expectations, and tutorial assistance. Paper presented at the biennial meetings of the Society for Research in Child Development, Indianapolis, March.

Cheong, G., Wadden, E.P.(1978).The relationshi p between teachers' experimental and dogmatic attitudes and their pupils' self-concept // Alberts Journal of Educational Research, 14, 121—125.

Child, I.L. (1950). The relation of somatotype to self-ratings on Sheldon's temperamental traits // Journal of Personality, 18, 440—453.

Clarke, L.A., Watson, D., Reynolds, S. (1995). Diagnosis and classification of psychopathology: challenges to the current system and future directions // Annual Review of Psychology, 46, 121—153.

Clarke, A.M., Clarke, A.D.B. (1976). Early experience: Myth and evidence. New York: Free Press

Clarke, A.D.B., Clarke, A.M. (1984). Constancy and change in the growth of human characteristics // J. of Child Psychology and Psychiatry, 25, 191—210.

Clarke, A.D.B., Clarke, A.M. (1984a). The hierarchy of consistency: A review and model of longitudinal findings on adult individual differenes in intelligence, personality, and self-opinion // Personality and Individual Differences, 5, 11—25.

Clarke, A.D.B., Clarke, A.M. (1996). The historical context // B.Stratford, P.Gunn (Eds.), New Approaches to Down's Syndrome. London: Cassell.

Clopton, N.A., Sorell, G.T. (1993). Gender Differences in moral reasoning: Stable or situational? // Psychology of Women Quartely, 17, 85—101.

Cohen, A., Cohen, L. (1974). Chidren's attitudes towards primary school activities // Durham Research Review, 32, 847—956.

Conway, M.A. (1990). Authobiographical memory: An introduction. Philadelphia: Open University Press.

Cooper C. (1998). Individual differences. London : Arnold

Cole, M. (1992). Culture in development // M.H.Bornstein, M.E.Lamb (Eds.). Developmental Psychology: An advanced textbook. Hillsdale, NJ: Erlbaum pp.731—789.

Cole, M. (1997). Cultural Psychology: A once and future discipline. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Coleman, R.P., Neugarten, B.L. (1971). Social status in the city. San Francisco: Jossey-Bass.

Collaer, M.L., Hines, M. (1995). Human behavioral sex differences: A role for gonadal hormones during early development? // Psychological Bulletin, 118, 55—107.

Compas, B.E., Hinden, B.R., & Gerhard, C.A. (1995). Adolescent development: Pathways and processes of risk and resilience // Annual Review of Psychology, 46, 265—293.

Cook, W.W. (1947). Individual trait differences in public schools with implications for school organization and curriculum development // Teach. Coll. Journal, 19, 56—70.

Costa, P.T., Jr., McCrae, R. (1980). Still stable after all this years: Personality as a key to some issues in aging // P.B.Belts, O.G.Brim, Jr. (Eds.). Life-span development and behavior. Vol.3. New York: Academic Press, pp.65—102.

Costa, P.T., Jr., McCrae, R. (1992). Multiple uses for longitudinal personality data // European Journal of Personality, 6, 85—102.

Cronbach, L.J. (1975). Beyond the two disciplines of scientific psychology // American Psychologist, 30, 116—127.

Cropley, A.J. (1972). A five-year longitudinal study of the validity of creativity tests // Developmental Psychology, 6, 119—124.

Cummins, R.E. (1960). Research insights into the relationships between teachers' acceptance attitudes, their role concepts and students' acceptance attitudes // Journal of Educational Research, 53, 197—198.

Cunningham, C.C. (1982). Down's Syndrome: An Introduction for Parents. London: Souvenir Press.

Dale, P.S. (1972). Language development. Hinsdale, Ill.: Dryden.

Daly, M., Wilson, M. (1983). Sex, evolution and behavior. Boston: Willard Grant Press.

Darwin, C. (1859). On the origin of species by means of natural selection. London : Murray.

Deci, E.L., Ryan, R.M.(1985). The General Causality Orientation Scale: Self-Determination in personality // Journal of Research in Personality, 19, 109—143.

Diener, E. (1984). Subjective well-being // Psychological Bulletin, 95, 542—575.

Diener, E., Larsen, R.J., Emmons, R.A. (1984). Person x situation interactions: choice of situations and congruence response models // Journal of Personality and Social Psychology, 47, 580—592.

Dion, K. (1972). Physical attractivness and evaluations of children's transgressions // Journal of Personality and Social Psychology, 24, 207—213.

Dixon, J.C., Street, J. (1975). The distinction between self and non-self in children and adolescents // Journal of Genetic Psychology, 127, 157—162.

Dodge, K.A., & Coie, J.D. (1987). Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // Journal of Personality and Social Psychology, 53, 1146—1158.

Donovan, R.J.(1984). Bringing America into the 1980s // American Psychologist, 39, 429—431.

Duberman, L. (1976). Social inequality: Class and caste. Philadelphia: Lippincott.

Duijker, H.P., Frejda, N.H. (1960). National character and national stereotypes. Amsterdam.

Dunn, J., Brown, J. (1994). Affect repression in the family, children's understanding of emotions and their interactions with others // Merrill Palmer Quarterly, 40, 120—138.

Dunn, J., Brown, J., Beardsall, L. (1991). Family talk about feeling states and children's later understanding of others' emotions // Developmental Psychology, 27, (3), 448—455.

Eaves L.J., Eysenck H.J. The genetics of personality. New York, Academic press. 1985.

Eckhard, C.J., Kassinove, H., Tsytsarev, S.V., Sukhodolsky, D.G. (1995). A Russian Version of the State-Trait Anger Expression Inventory: Preliminary Data // Journal of Personality Assessment, 64 (3), 440—455.

Eichorn, D.H. (1963). Biological correlates of behavior // H.W.Stevenson (Ed.). Child psychology. Chicago: The University of Chicago Press, 1, 4—61.

Ekman, P. (1984). Expression and the nature of emotion // K.Sherer, P.Ekman (Ed.). Approaches to emotion. Hillsdale, NJ:Lawrence Erlbaum.

Ekman, P. (1993). Facial Expression and Emotion // American Psychologist, April, pp.384—392.

Ekman, P., Davidson, R.J. (Eds.) (1996). The Nature of Emotion. Fundamental Questions. New York: Oxford University Press.

Eliasz, A. (1985). Mechanisms of temperament: Basic functions // J.Strelau, F.Farley, A.Gale (Eds.). The biological bases of personality and behavior: Theories, measurement techniques, and development, vol.1. Washington: Hemisphere.

Elkind, D., Bowen, R. (1979). Imaginary audience behavior in children and adolescents // Developmental Psychology, 15, 38—44.

Embree, R.B. (1948). The status of college students in terms of IQ's determined during childhood // American Psychologist, 3, 259.

Endler, N.S., Parker, J.D.A. (1993). The multidimensional assessment of coping: Concepts, issues, and measurement // Van Heck, P.Bonaiuto, Deary, I.J., Nowack, W. (Eds.). Personality psychology in Europe, vol.4. Tilburg University Press, pp. 309—319.

Ernest, C.H. (1977). Imagery ability and cognition: a critical review // Journal of Mental Imagery, vol.2, pp.181—216.

Eysenck, H.J. (1947). Dimensions of Personality. London: Routledge & Kegan Paul.

Eysenck, H.J. (1950). Criterion analysis: An application of the hipothetico-deductive method to factor analysis // Psychological Review, 57, 38—53.

Eysenck, H.J. (1959). Manual of the Maudsley Personality Inventory. London: University of London Press.

Eysenck, H.J. (1960a). The place of theory in psychology // H.Eysenck (Ed.). Experiments in Personality, 2, 303—315.

Eysenck, H.J. (1960b). Handbook of Abnormal Psychology. London: Pitman.

Eysenck, H.J. (1970). The Structure of Human Personality. London: Methuen.

Eysenck, H.J. (1979). The Structure and Measurement of Intelligence. New York: Springer Verlag.

Eysenck, H.J. (1990). Biological Dimensions of Personality // Pervin, L.A. (Ed.). Handbook of personality: Theory and research. New York: Guilford Press, pp.244—277.

Eysenck, H.J. (1991). Smoking, Personality and Stress: Psychosocial Factor in the Prevention of Cancer and Coronary Heart Disease. New York: Springer Verlag.

Eysenck, H.J.(1992). Four ways five factors are not basic // Personality and Individuall Differences, 12, 773—790.

Eysenck, H.J. (1994). Synergistic interaction between psychosocial and physical factors in the causation of lung cancer // C.Lewis,

C.O'Sullivan, J.Barraclough (Eds.). The psychoimmunology of cancer. Oxford: Oxford University Press, pp.163—178.

Eysenck, H.J. (1996). Genius: the natural history of creativity. Cambridge: Cambridge University Press.

Eysenck, H.J. (1997). The Future of Psychology // Solso, R.L. (Ed.), Mind and Brain Sciences in the 21st Century. Cambridge, Mass.: A Bradford Book, 271—302.

Eysenck, H.J., Barrett, P. (1983). Psychophysiology and the measurement of intelligence // C.R.Reynolds, V.Wilson (Eds.). Methodological and statistical advances in the study of individual differences. New York: Plenum Press

Eysenck H.J., Eysenck M.W. (1985). Personality and individual differences. New York: Plenum Press.

Eysenck, H.J., Eysenck, S.B.G. (1975). Manual of the Eysenck Personality Questionaire. London: Hodder & Stoughton.

Eysenck, H.J., Grossarth-Maticek, R. (1991). Creative novation behavior therapy as a prophylactic treatment for cancer and coronary heart disease: II.Effects of treatment // Behavior Research and Therapy, 29, 17—31.

Eysenck, M.W. (1987). Traits Theory of Anxiety // Strelau, J., Eysenk, H.J. (Eds.). Personality Dimension and Arousal. New York and London: Plenum Press.

Farber, L. (1966). The ways of the will. Essays toward a psychology and psychopathology of will. London: Constable.

Farley, F. (1990). The Type T personality, with some implications for practice // The California Psychologist, 23, 29.

Farver, J.M., Kim, Y.K., Lee, Y. (1995). Cultural differences in Korean- and Anglo-American preschoolers' social interaction and play behaviors // Child Development, 66, 1088—1099.

Feij, J.A., Kuiper, C.D. (1984). ATL Handleiding: Adolescent Temperament List. Lisse: Swets & Zietlinger.

Fiedler, F.E..(1976).Improving leaderchip effectiveness: The leader match concept. New York: Wiley.

Fine, B.J., Kobrick, J.L. (1976). Note on the relationship between introversion—extraversion, field-dependence—independence and accuracy of visual target detection // Perceptual and Motor Skills, 42, 763—766.

Flavell, J.H. (1985). Cognitive development (2nd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Fleishman E.A., Marilyn K.(1984). Taxonomies of human performance: The description of human tasks.Orlando etc.: Academic press.

Fletcher, G.J.O., Ward, C. (1988). Attribution theory and processes: A cross-cultural perspective // M.H.Bond (Ed.). The cross-cultural challenge to social psychology. Newbury Park, CA: Sage, pp.230—244.

Forgas J.P., Van Heck G.L.(1992). The psychology of situations // G.V.Caprara, G.L.Van Heck (Eds.). Modern Personality Psychology. Harvester Wheatsheaf, 418—457.

Fox, N., Davidson, R.A. (1987). Electroencephalogram asymmetry in response to the approach of a stranger and maternal separation in 10-month-old infants // Developmental Psychology, 23, 233—240.

Freedman, D.G. (1979). Ethnic differences in babies // Human Nature, 2, 36—53.

French, W. (1970). The personnel management process: Human resources administration. Boston.

Frenkel-Brunswik, E. (1954). Further explorations by a contributor to "The Authoritarian Personality" // R.Christie, M.Jahoda (Eds.). Studies in the scope and method of "The Authoritarian Personality". Glencoe, Ill.: The Free Press, pp. 226—275.

Freud, A. (1936). The ego and the mechanisms of defence. New York: International Universities Press.

Freud, S. (1905). The basic writings of Sigmund Freud (A.A.Brill, Trans.). New York: Random House.

Freud, S. (1920). A general introduction to psycholanalysis (J.Riviere, Trans.). New York: Washington Square Press.

Freud, S. (1923). The ego and the id. London: The Hogarth Press.

Friedman, M., Rosenman, R.H. (1974). Type A behavior and your heart. New York: Knopf.

Friedrich, M.A. (1986). Cognitive tempo as a response strategy in children (Doctoral dissertation, University of South Florida) // Dissertation Abstract International, 47, 1754.

Fries, M.E. (1954). Some hypotheses on the role of the congenital activity type in personality development // International Journal of Psychoanalysis, 35, 206—207.

Fritz, O., Angleitner, A. (1993). On the generality and comprehensiveness of the Five-Factor model of personality: Evidence for five robust factors in questionnare data // Caprara, C. Modern Personality Theories. New York: Plenum, pp.73—108.

Frodi, A., Macaulay, J. (1977). Are women always less aggressive than men? A review of the experimental literature // Psychol. Bull., 84, 634—660.

Gallagher, W.(1994). How we become what we are // The Atlantic Monthly, 39—55

Gale, A. (1987). Arousal, Control, Energetics, and Values // Strelau, J., Eysenk, H.J (Eds.). Personality Dimension and Arousal. New York; London: Plenum Press.

Gale, A., Edwards, J.A. (1983). Psychophysiology and individual differences: Theory, research procedures, and the interpretation of data // Australian Journal of Psychology, 35, 361—379.

Galton, F. (1869/1978). Hereditary Genius. New York : Julian Friedmann.

Galtung, G. (1981). Structure, Culture and Intellectual Style // Social Science Information, vol.6, pp.817—856.

Gardner, H. (1983). Frames of Mind. New York: Basic Books.

Gardner, R.W. (1953). Cognitive style in categorizing behavior // Journal of Personality, 22, 214—233.

Gardner, R.W., Schoen, R.A. (1962). Differentiation and abstraction in concept formation. Psychological Monographs, v.76, N 560.

Gardner, R.W., Holzman, P.S., Klein, B.S., Linton, H., Spence, D.R. (1959). Cognitive control: A study of individual consistencies in cognitive behavior // Psychological Issues, 1, 4, 1—117.

Garfield, S.L. (1965). Historical Introduction // B.B.Wolman (Ed.). Handbook of Clinical Psychology. New York: McGraw-Hill, pp.125—140.

Garfield, S.L. (1984). Clinical Psychology: The study of Personality and Behaviour. New York: Aldine

Gazzaniga, M. (1970). The bisected brain. New York: Appleton—Century—Crofs.

Geis, F.L. (1993). Self-fulfilling prophecies:A social psychological view of gender // A.E.Beall, R.J.Sternberg (Eds.). The Psychology of gender. New York: Guilford Press.

Gell-Mann, Murray (1992). Complexity and Complex Adaptive System // Gell-Mann, M., Hawkins, J.A. (Eds). The Evolution of Human Languages. Santa Fe Institute of the Studies in the Sciences of Complexity, Proc., vol. X. Reading, MA: Addison-Wesley.

Gesell, A. (1925). The mental growth of the preschool child. New York: Macmillian.

Getzels, J.W., & Jackson, P.W. (1962). Creativity and intelligence. New York: John Wiley & Sons.

Gibson, J.J. (1941). A critical review of the concept of set in contemporary experimental psychology // Psychological Bulletin, 38, 781—817.

Giel, J.Z. (1982). Women's work and family roles // J.Z.Giele (Ed.). Women in the middle years. Current knowledge and directions for research and policy. New York: Wiley.

Gilbert, J.A. (1897). Researches upon children and college students // Iowa Univ. Stud. Psychol., 1, 1—39.

Gilligan, C. (1982). In a different voice: Psychological theory and woman's development. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gleik, J. (1987). Chaos: Making a new science. New York: Viking Press.

Goertzel, M.G., Goertzel, V., & Goertzel, T.G. (1978). Three Hundred Eminent Personalities. San Francisco: Jossey-Bass.

Goldberg, L.R. (1993). The structure of phenotypic personality traits // American Psychologist, 48, 26—34.

Goldsmith, H.H. (1984). Continuity of personality. A genetic perspective // Continuities and discontinuities in development. New York; London: Plenum Press, pp.401—419.

Goleman, D. (1995). Emotional intelligence. New York : Bantman Books.

Golombok, S., Fivush, R. (1994). Gender development. Cambridge: Cambridge University Press.

Goodenough D.R. (1978). Field Dependence // H.London, J.Exner (Eds.). Dimensions of Personality. New York: Pergamon Press, pp.165—217.

Gough, H.G. (1976). Studying creativity by means of word association tests // Jornal of Applied Psychology, 61, 348—353.

Gould, S.J. (1981). The Mismeasure of Man. New York: Norton.

Graham, P.J. (1979). Epidemological sudies // H.C.Quay, J.S.Werry (Eds.). Psychopathological disorders of childhood. New York: Wiley.

Gray, J.A. (Ed.).(1964). Pavlov's Typology. Oxford: Pergamon.

Gray, J.A. (1983). Anxiety, personality and the brain // A.Gale, J.A.Edwards (Eds.), Physiological correlates of human behavior: Individual differences and psychopatology, vol.3. London: Academic Press.

Gray, J.A. (1994). Discussion // Workshop on individual differences. 11th Annual Meeting of the British Psychophisiology Society, London, December Greenfield.

Guilford, J.P. (1959). Personality. New York: McGraw-Hill.

Guilford, J.P. (1967). The nature of human Intelligence. New York: McGraw-Hill.

Guilford J.P. Factors and factors of personality // Psychol. Bull., 1975, V. 82, 7, P. 802—814.

Guilford, J.P., Hoepfner, R.(1971). The analysis of intelligence. New York: Basic Books.

Guilford, J.S., Zimmermann, W.S., Guilford, J.P. (1976). The Guilford-Zimmerman Temperament Survey Handbook: Twenty-five years of research and application. San Diego, CA: EDITS Publishers.

Gupta, A., Sharma, S. (1986). The effect of trait anxiety, intelligence and psychological stress on problem solving // Personality Study and Group Behavior, 6 (2), 9—22.

Gur, R.E., Pearlson, G.D. (1993). Neuroimaging in schizophrenia research // Schizofrenia Bulletin, 19, 337—353.

Gustafson, S.B., Magnusson, D. (1991). Female life careers: A pattern approach. Hillsdale, NJ: Erlbaum

Hamer, D. (1997). Living with our genes. New York.

Hammen, C. (1991). Generation of stress in the course of unipolar depression. Journal of Abnormal Psychology, 100, 555—561.

Hampson, S.E., John, O.P., Goldberg, L.R. (1986). Category breadth and hierarchical structure in personality: Studies of asymmetries in judgments of trait implications // Journal of Personality and Social Psychology, 51, 37—54.

Hanfmann, E. (1941). A study of personal patterns in an intellectual perfomance // Character and Personality, 9, 315—322.

Hanin Y.L. (1997). Emotions and Athletic Perfomance: Individual Zones of Optimal Functioning Model // European Yearbook of Sport Psychology, vol.1. pp.29—72.

Hanin Y.L., Spielberger, C.D. (1983). The development and validation of the Russian form of the State-Trait Anxiety Inventory // C.D.Spielberger, R.Diaz-Guerezzo (Eds.). Cross-Cultural Anxiety, Vol.2. Washington: Hemisphere Publishing Corporation, 15—26.

Hansen, J.B. (1974). Effects of feedback, learner control, and cognitive abilities on state anxiety and perfomance in a computer-assisted instructional task // Journal of Educational Psychology, 66 (2), 247—254.

Hardy-Brown, K., Plomin, R., & DeFries, J.C. (1981). Genetic and environmental influences of the rate of communicative development in the first year of life // Developmental Psychology, 17, 704—717.

Harlow, H.F. (1965). Sexual behavior in the resus monkey // F.Beach (Ed.). Sex and behavior. New York: Wiley.

Harrington, R., Fudge, H., Rutter, M., Pickles, A., Hill, J. (1990). Adult outcomes of childhood and adolescent depression // Archives of General Psychiatry, 47, 465—473.

Harris, L. (1975). The myth and reality of aging in America. Washington, D.C.: National Council on the Aging.

Harris, G., Hogan, J.(1992). Perceptions and personality correlates of managerial effectiveness. Paper presented at the 13th Annual Psychology in the Department of Defence Symposium, Colorado Springs, CO.

Hartshorne, H., May, M.A. (1928). Studies in the nature of character (Vol.1). Studies in deceit. New York: Macmillian.

Harve, O.J., Hunt, D.E., Schroder, H.M. (1961). Conceptual system and personality organizations. New York: Wiley.

Heady, B., Wearing, A. (1986). Chains of well-being, chains of ill-being. International Sociological Association conference. New Delhi.

Hebb, D.O. (1955). Drives and the CNS (conceptual nervous system) // Psychological review, 62, 243—254.

Hebb, D.O. (1959). A neuropsychological theory // S.Koch (Ed.), Psychology: A study of Science. (Vol.10). New York: McGrow-Hill.

Heller, K.A. (1986). Psychologische Probleme der Hochbegabungsforschung // Zeitschrift für Entwicklungspsychologie und Pädagogische Psychologie. Band XVIII, Heft 4, 335—361.

Helson, R., Mitchell, V., Moane, G. (1984). Personality and patterns of adherence and nonadherence to the social clock // Journal of Personality and Social Psychology, 46, 1079—1096.

Hergenhahn, B.R.(1992). An Introduction to the history of psychology. PacificGrove, California: Brooks/Cole Publishing Company.

Hetherington, E.M., Parke, R.D. (1975). Child Psychology: A contemporary viewpoint. New York:McGraw-Hill.

Heymans, G., Wiersma, E. (1912). Beitrag zur speziellen Psychologie auf Grund einer Massenuntersuchung // Zps. 1912. Bd.62.

Hilgard, E.R. (1987). Psychology in America: A Historical Survey New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Hoffman, M.L. (1977). Sex differences in empathy and related behavior // Psychol. Bull., 84, 712—722.

Hofstee, W.K.B., De Raad, B., Goldberg, L.R. (1992). Integration of the Big-Five and circumplex approaches to trait structure // Journal of Personality and Social Psychology, 63, 146—163.

Hogan, R., Curphy, G.L., Hogan, J.(1994). What we know about leadership: Effectiveness and personality // American Psychologist, 49, 492—504.

Holland, J.L. (1963). Explorations of a theory of vocational choice and achievement: II. A four-year prediction study // Psychological Reports, 12, 547—594.

Holland, J.L. (1985). The Self-Directed Search, professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc.

Hollingshead, A.B., Redlich, F.C. (1958). Social class and mental illness. New York: Wiley.

Holmes, T.H., Rahe, R.H. (1967). The social readjusment rating scale // Journal of Psychosomatic Research, 11, 213—218.

Holzman, P.S. (1966). Skanning: A principle of reality contact // Perceptual and Motor Skills, 23, 835—844.

Honzik, M.P., Macfarlane, J.W., Allen, L. (1948). The stability of mental test perfomance between two and eighteen years // Journal of Experimental Education, 17, 309—324.

Howard, A., & Bray, D.W. (1990). Predictions of managerial success over long periods of time: Lessons for the Manadement Progress Study // K.E. Clark, M.B.Clark (Eds.). Measures of leadership. West Orange, NJ: Leadership Library of America, pp.113—130.

Howe, M.J.A. (1988). Intelligence as an explanation // British Journal of Psychology, 79, 349—360.

Huesman, L.R., Eron, L.D., Yarmel, P.W. (1987). Intellectual functioning and aggression // Journal of Personality and Social Psychology, 52, 232—240.

Huesmann, L.R., Eron, L.D., Lefkowitz, M., Walder, L.O. (1984). Stability of aggression over time and generations // Developmental Psychology, 20, 1120—1134.

Inkeles, A., Levinson, D.J. (1954). National character: the study of moral personality and socio-cultural systems // Lindzey, H. (Ed.). Handbook of Social Psychology, vol.2. Cambridge, MA: Cambridge University Press, pp.970—1020.

Jacobson, E. (1938). Progresive relaxation. Chicago: University of Chicago Press.

Jacobson, W.E. (1940). First impressions of classmates // J. Appl. Psychol., 29, 142—155.

Jaensch, E.R.(1938).Der Gegentypus.Leipzig: Barth.

James, S.A., Keenan, N.L., Browning, S. (1992). Socioeconomic status, health behaviors, and health status among blacks //

K.W.Schaie, D.Blazer, J.M.House (Eds.). Aging, health behaviors, and health outcomes. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp.39—57.

James, W.(1996).Principles of Psychology.New York: Basic Books.

Jarvik, I.R. Chadwick, S.B. (1973). Schizophrenia and survival // M.Hummer, K.Salzinger, S.Sutton (Eds.). Psychopathology. New York: Wiley.

Jauregui, J.A. (1995). The Emotional Computer. Oxford; Cambridge: Blackwell.

Jeffers, F.C., Verwoerd, A. (1969). How the old faith death // E.W.Busse, E.Pfeiffer (Eds.). Behavior and adaptation in late life. Boston: Little, Brown, pp.163—181.

Jensen, A.R. (1958). Personality // Annual Review of Psychology, 9, 295—322.

Jensen, A.R. (1969). How much can we boost IQ and scholastic achievement? // Harvard Educational Review, 39, 1—123.

Jersild, A.T. (1951). Self understanding in childhood and adolescence // American Psychologist, 6, 122—126.

John, O.P. (1990). The 'Big Five'factor taxonomy: Dimensions of personality in the natural language and in questionnaries // In L.A.Pervin (Ed.). Handbook of personality: Theory and research. New York: Guilford Press, pp.66—100.

John, O.P., Hampson, S.E., Goldberg, L.R. (1991). The basic level in personality—trait hierarchies: Studies of trait use and accessibility in different context // Journal of Personality and Social Psychology, 60, 348—361.

Jones H.E. (1950). The study of patterns of emotional expression // Reymert M.L. (Ed). Feelings and emotions. New York, pp.161—168.

Joiner, T.E., Jr., Schmidt, N.B. (1995). Dimensions of perfectionism, life stress, and depressed and anxious symptoms: Prospective support for diathesis — stress but not specific vulnerability among male undergraduates // Journal of Social and Clinical Psychology, 14, 165—183.

Kagan, J. (1965). Reflection—impulsivity and reading development in primary grade children // Child Development, 36, 609—628.

Kagan, J. (1966). Reflection—impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // Journal of Abnormal Psychology, 71, 123—129.

Kagan, J. (1981). The second year. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Kagan, J. (1984). The nature of the child. New York: Basic Books.

Kagan, J. (1994). Galen's prophecy: Temperament in human nature. New York: Basic Book.

Kagan, J., Arcus, D., Snidman, N., Feng, W.Y., H endler, J., Green, S. (1994b). Reactivity in infants: A cross-national comparison // Developmental Psychology, 30, 342—345.

Kagan, J., Moss, H.A. (1962). Birth to maturity. New York: Wiley.

Kagan, J., Reznick, J.S., Snidman, N. (1986). Temperamental inhibition in early childhood // R.Plomin, J.Dunn (Eds.). The study of temperament: Changes, continuities, and challenges. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Kagan, J., Snidman, N. (1991). Infant predictors of inhibited and uninhibited profiles // Psychological Science, 2, 40—44.

Kagan, J., Snidman, N., Arcus, D., Reznick, J.S. (1994a). Galen's prophecy: Temperament in human nature. New York: Basic Books.

Kamin, L. (1974). The science and politics of IQ. Potomac, MD.: Erlbaum.

Kantor, D., Lehr, D. (1975). Inside the family: Toward a theory of family process. San Francisco: Jossey-Bass.

Kastenbaum, R., Costa, P.T. (1977). Psychological Perspectives on death // Annual Review of Psychology, 28, 225—249.

Kelly, G.A. (1955). The psychology of personal constructs, vol.1. New York: Norton.

Kelly, G.A. (1963). A Theory of Personality. The Psychology of Personal Constructs. New York: Norton.

Kelly, G.A. (1969). Clinical Psychology and Personality: The selected papers of G.Kelly. New York: Wiley.

Kelley, H.H. (1992). Common-sense psychology and scientific psychology // Annual Review of Psychology, 43, 1—23.

Kenny, D.A., Zaccaro, S.J. (1983). An estimate of the variance due to traits in leadership // Journal of Applied Psychology, 68, 678—685.

Kepner, M.D., Neimark, E.D. (1984). Test—retest reability and differential patterns of score change on the group embedded figure test // Journal of Personality and Social Psychology, 46, 6, 1405—1413.

Klag, M.G., Whelton, P.K., Grim, C.E., Kuller, L.H. (1991). The association of skin color with blood pressure in U.S. blacks with low socioeconomic status // Journal of the American Medical Association, 265, 599—602.

Klages, L.(1926).Grundlagen der Characterkunde.Leipzig.

Klein G.S. (1951). The personal world through perception // R.R.Blake,

G.V.Ramsey (Eds.). Perception: an approach to personality. New York: Ronald.

Klein G.S. (1970). Perception, motives and personality. New York.

Klein, G.S., Barr, H.L., Wolitzky, D.L. (1967). Personality // Annual Review of Psychology, 18, 467—560.

Klein G.S., Gardner, R.W., Schlesinger, H.J. (1962). Tolerance for unrealistic experience: A study of the generality of cognitive control // Brit. J. of Psychology, 53, 1, 41—55.

Klein G.S., Schlesinger, H.J. (1949). Where is the perceiver in perceptual theory? // Journal of Personality, 18, 32—47.

Kobasa, S.O. (1984). How much stress can you survive? // American Health, 3, 64—77.

Kobasa, S.O., Hilker, R.R., Maddi, S.R. (1979). Who stays healthy under stress? // Journal of Occupational Medicine, 21, 595—598.

Kogan, N. (1976). Cognitive styles in infancy and early childhood. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Kogan, N. (1994). Cognitive Styles // R.J.Sternberg (Ed.-In-Chief). Encyclopedia of Human Intelligence. New York: Macmillan Publishing Company.

Kogan, N., Block, J. (1991). Field Dependence—Independence from Early Childhood Through Adolescence: Personality and Socialization Aspects // Wapner S., Demick J. (Eds.). Field dependence—independence: Cognitive style across the life span. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Kraepelin, E. (1902). Clinical psychiatry: A textbook for physicians. A.Diffendorf, tr. New York: Macmillian.

Kretschmer, E. (1925). Physique and character. New York: Harcourt.

Kruse A. (1986). Strukturen des Erlebnis und Verhaltnes bei chronisher Krankheit. Unpublished Doctoral Dissertation, University of Bonn, Germany.

Kuhn, T.S. (1973). The structure of scientific revolutions (2nd ed.). Chicago : University of Chicago Press.

Kuhnert, K.W., Palmer, D.R. (1991). Job security, health, and the intrinsic and extrinsic characteristics of work // Group and Organizational Studies, 16, 178—192.

Labov, W. (1972). Language in the inner city: Studies in the black English vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Lamiell, J.T. (1987). Psychology of Personality : An Epistemological Inquiry. New York: Columbia University Press

Lamiell, J.T. (1995). Rethinking the Role of Quatitative Methods in Psychology // Smith, J.A., Harre, R., van Langenhove, L. (Eds.). Rethinking methods in psychology. London: Sage, pp.143—161.

Lamiell, J.T. (1996). William Stern: More than the I.Q. Guy // G.A.Kimble, C.A.Boneau, M.Wertheimer (Eds.). Portraits of Pioneers in psychology: Volume II Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp.72—85.

Lamiell, J.T. (1997). Individuals and the Differences between Them // R.Hogan, J.Johnson, S.Briggs (Eds.). Handbook of Personality Psychology. New York: Academic Press.

Landa, L.N. (1997). The Algo-Heuristic Theory and Methodology of Learning, Perfomance, and Instruction as a Paradigm // Dills, C.R., Romiszowski, A.J. (Eds.). Instructional Development Paradigm. New Jersey : Educational Technology Publication.

Lazarus, R.S. (1966).Psychological stress and the coping process. New York: McGraw-Hill.

Lazarus, R.S. (1969). Patterns of adjustment and human effectiveness. New York: McGraw-Hill.

Lasarus, R.S.(1991). Emotion and adaptation. New York: Oxford University Press.

Lazarus, R.S. (1993). From psychological stress to the emotions: A History of Changing Outlooks // Annu. Rev. Psychol., 44:1—21.

Lazarus, R., Folkman, S. (1984). Stress, appraisal, and coping. New York: Springer.

Lee, M., Zimbardo, P.G., Bertholf, M. (1977). Shy murderers // Psychology Today, November, pp.68—70.

Lehr U., Thomae H. (1993). Coping and Aging // Van Heck, G., Bonaiuto, P. (Eds). Personality Psychology in Europe. Vol.4. 365—387.

Lemon, N. (1975). Linguistic development and conceptualization // Journal of cross-cultural psychology, vol.6, pp.173—188.

Lerner, J.V. (1984). The import of temperament for psychosocial functioning: Tests of a “goodness of fit” model // Merill-Palmer Quarterly, 30, 177—188.

Lerner, J.V., Lerner, R.M. (1983). Temperament and adaptation across life: Theoretical and empirical issues // P.B.Belts, O.G.Brim, Jr. (Eds.). Life-span development and behavior. Vol.5. New York: Academic Press

Lerner, R.M., Korn, S.J. (1972). The development of body build stereotypes in males // Child Development, 43, 908—920.

Leroy-Boussion A.(1955). De l’inquietude au rire. Contribution a l’etude experimentale du rire enfantin // Enfance, 8, 455—483.

LeVine, R.A. (1974). Parental goals: A cross-cultural view // Teachers College Record, 76, 226—239.

Lewin, K. (1935). A dynamic theory of personality. New York : McGraw-Hill.

Lewin, K.(1936).Principles of topological psychology.New York.

Lewis, C., O'Sullivan, C., Barraglogh, J. (1994). The psychoimmunology of cancer: Mind and body in the fight for survival. Oxford: Oxford University Press.

Lewis, M. (1967). The meaning of a response, or why researchers in infant behavior should be Oriental metaphysicians // Merrils-Palmer Quarterly, 13, 7—18.

Lewis, M. (1972). State as an infant—environment interaction: An analysis of mother—infant behavior as a function of sex // Merrill-Palmer Quartely, 18, 95—121.

Lewis, M., Brooks, J. (1978). Self-knowledge and emotional development // M.Lewis, L.A.Rosenblum (Eds.). The development of affect. New York: Plenum, pp.205—226.

Lewis, R.A., Spanier, G.B. (1979). Theorizing about the quality and stability of marriage // W.R.Barr, R.Hill, F.I.Nye, I.L.Reiss (Eds.). Contemporary theories about the family (Vol.1). New York: Free Press.

Libin, A.V. (1995). The Formal-Dynamic Model of Personality. Paper presented on the VIIth European Congress of EPA. Madrid.

Libin, A.V. (in preparation, a). The Human Style as a Complex Developing System: a hierarchical approach to person—environment interraction.

Libin, A.V. (in preparation, b). The Science of Human Differences: between American, Russian and European traditions.

Libin A., Libin E.(1996). The Concept of Human Style: An Interactionist's Approach. Paper presented on the VI-th Conference of ISSID. Warsaw.

Libin A., Libin E.(1995). Construction of the Coping Multidimensional Personality Inventory. 3rd ECPA, Trier, Germany.

Libin A.V., Loseva O.K. (1989). The sexual deviant behavior among. teenagers. Abstract Book. Amsterdam.

Liebert R.M., Wicks-Nelson, R. (1981). Developmental psychology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

Liem, R., Rayman, P. (1982). Health and Social costs of unemployment: Research and policy concidérations // American Psychologist, 37, 1116—1123.

Livesley, W.J., Bromley, D.B. (1973). Person Perception in Childhood and Adolescence. London: Wiley.

Loehlin, J.C. (1992). Genes and environment in personality development. Newbury Park, CA: Sage.

Loehlin, J.C., Lindzey, G., Spuhler, J.N. (1975). Race differences in intelligence. San Francisco: Freeman

Loevinger, J. (1940). Intelligence as related to socio-economic factors // Thirty-ninth Yearbook of the National Society for the Study of Education, Part 1: Intelligence: Its Nature and Nurture. Bloomington, IL: Public School Publishing Co.

Lombardo, M.M., Ruderman, M.N., McCauley, C.D. (1988). Explanation of success and derailment in upper-level management positions // Journal of Buisness and Psychology, 2, 199—216.

Lowenfeld, V. (1945). Tests for visual and haptical aptitudes // American Journal of Psychology, 58, 100—111.

Lykken, D.T., Bouchard T.J., McGue, M., Tellegen, A. (1993). Heritability of interests: A twin study // Journal of Applied Psychology, 78 (4), 649—661.

MacArthur, R.S. (1955). An experimantal investigation of persistence in secondary school boys // Canadian Journal of Psychology, N 9, pp.42—54.

Maccoby, E.E. (1990). Gender and relationships: A developmental account // American Psychologist, 45, 513—520.

Maccoby, E.E. (1995). The two sexes and their social systems // P.Moen, G.H.Eldler, Jr., K.Luscher (Eds.). Examining lives in context: Perspectives on the ecology of human development. Washington, DC: American Psychological Assosiation, pp.347—364.

Maccoby, E.E., Jacklin, C.N. (1987). Gender segregation in childhood // H.W.Reese (Ed.). Advances in child development and behavior. Vol. 20. Orlando, FL: Academic Press, pp.239—288.

Maccoby, E.E., & Martin, J.A. (1983). Socialization in the context of the family: Parent-child interaction // E.M.Hetherington (Ed.), Handbook of child psychology: Socialization, personality, and social development. Vol.4. New York: Wiley, pp.1—102.

MacDonald, K. (1995). Evolution, the Five-Factor Model, and levels of personality // Journal of Personality, 63, 525—567.

MacDonald, K. (1992). Warmth as a developmental construct: An evolutionary analysis // Child Development, 63, 753—773.

MacGregor, D. (1960). The human side of enterprise. New York:McGrow-Hill.

Magnusson, D. (1988). Paths through life: A longitudional research program. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Magnusson, D. (1986). Individual Development and Adjusment. Technical Report N 64. University of Stockholm, Department of Psychology.

Magnusson, D. Endler, N.S. (Eds.) (1977). Personality at the crossroads: Current issues in interactional psychology. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Magun, V.S. (1993). Labor Culture // Shalin, D.N.(Ed.). Russian Culture at the Crossroads: paradoxes of Postcommunist Conciousness. University of Nevada—Las Vegas: WestviewPress.

Maldonado, J.L.(1984).The relationship of English oral proficiency, impulsivity, elementary school children (Doctoral dissertation, Oklahoma State University). // Dissertation Abstracts International, 46, 1413.

Malina, R.M. (1982). Motor development in the early years // S.G.Moore, C.R.Cooper (Eds.), The young child: Review of research (Vol.3). Washington, D.C.: National Association for the Education ofYoung Children.

Malinowski, B. (1927). Sex and repression in savage society. New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc.

Malmo R.B. (1950). Experimental studies of mental patients under stress // Reymert M.L. (Ed). Feelings and emotions. New York, pp.182—196.

Maltin, M.W., Gawron, V.J. (1979). Individual differences in Pollyannaism // Journal of Personality Assessment, 43, 411—412.

Mangan, G.L. (1982). The biology of Human Conduct: East—West Models of Temperament and Personality. Oxford: Pergamon Press.

Marks, L.E. (1975). On colored-hearing synesthesia: Cross modal translation of sensory dimensions // Psychological Bulletin, 82, 303—332.

Martin R.P. (1984). The temperament assessment battery. Athens, GA: Developmental Metrics.

Maslow, A.H. (1970). Motivation and personality (Rev.ed.). New York: Harper & Row.

Masters, W.H., Johnson, V.E. (1966). Human sexual response. Boston: Little, Brown.

May, R. (1974). Love and Will. New York: Wiley.

Mayer, J.D., Salovey, P. (1990). Emotional intelligence and the construction and regulation of feelings // Applied and Preventive Psychology, 4, 197—208.

McAdams, D.P. (1995). What do we know when we know a person? // Journal of Personality, 63, 365—396.

McCall, R.B.(1979). Infants: The now knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press.

McConkey, R. (Ed.) (1996). Innovations in Evaluating Services for People with Intellectual Disabilities. Chorley, England: Lisieux Hall Publications.

McConkey, R. (1997). Intellectual disability: a psychological assessment // Fuller, R., Walsh, P.N., McGinley, P. (Eds.). A Century of Psychology: progress, paradigms and prospects for the new millennium. London; New York: Routledge, pp. 69—85.

McCrae, R.R., Costa, P.T.Jr. (1996). Toward a New Generation of Personality Theories: Theoretical Context for the Five-Factor Model // Wiggins J.S. (Ed.) The Five-Factor Model of Personality: Theoretical Perspectives. New York: The Guilford Press, pp. 51—87.

McDevitt, S.C., Carey, W.B. (1978). Measurement of temperament in 3-to 7-year old children // Journal of Child Psychology and Psychiatry, 19, 245—253.

McGee, R., Feehan, M., Williams, S., Partridge, F., Silva, P.A., & Kelly, J. (1990). DSM-III disorders in a large sample of adolescents // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, 29, 611—619.

McGillicuddy-DeLisi, A.V. (1982). The relationship between parents' beliefs about development and family constellation, SES, and parents' teaching strategies // L.Laosa, I.Sigel (Eds.), Families as learning environments for children. New York: Plenum, pp.261—299.

McGuigan, J. (1994). Biological Psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

McKenzie, J. (1988). Three superfactors in the 16PF and their relation to the Eysenk's P, E, and N.// Personality and Individuall Differences, 9, 843—850.

Mead, M. (1928). Coming of age in Samoa. New York: Morrow.

Melby, J.N., Conger, R.D. (1996). Parental behaviors and adolescent academic performance: A longitudinal analysis // Journal of Research on Adolescence, 6, 113—137.

Mental Health Foundation. (1993). Learning Disabilities: The Fundamental Facts. London: Mental Health Foundation.

Metalsky, G.L., Joiner, T.E., Hardin, T.S., Abramson, L.Y. (1993).

Depressive reactions for failure in a naturalistic setting: A test of the hopelessness and self-esteem theories of depression // Journal of Abnormal Psychology, 102, 101—109.

Miller, J. (1984). Culture and development of everyday social explanation // Journal of Personality and Social Psychology, 46, 961—978.

Miller, A. (1988). Toward a theory of personality types // Canadian Psychology, 29, 263—283.

Miller, A. (1991). Personality types: A modern synthesis. Calgary, AL, Canada: University of Calgary Press.

Minton, H.L., Schneider, F.W. (1985). Differential Psychology. Prospect Heights : Waveland Press.

Minuchin, S. (1974). Families and family therapy. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Mischel, W. (1973). Toward a cognitive social learning reconceptualization of personality // Psychological Review, 80, 252—283.

Mischel, W. (1979). On the interface of cognition and personality: Beyound the person-situation debate // American Psychologist, 34, 740—754.

Mischel, W. (1986). Introduction to Personality. New York : Holt, Rinehart & Winston.

Mishel, W., Shoda, Y. (1995). A cognitive-affective system theory of personality: Reconceptualizing situations, dispositions, dynamics, and invariance in personality structure // Psychological Review, 102, 246—268.

Mishel, W., Shoda, Y., Peak, P.K. (1988). The nature of adolescent competencies predicted by prescool delay of gratification // Journal of Personality and Social Psychology, 54, 687—696.

Mizukami, K., Kobayashi, N., Ishii, T., Iwata, H. (1990). First selective attachment begins in early infancy: A study using telethermography // Infant Behavior and Development, 13, 257—271.

Moore, E.G.J. (1986). Family socialization and the IQ test perfomance of traditionally and transracially adopted black children // Developmental Psychology, 22, 317—326.

Morowitz, H.J., Singer J.L. (Eds).(1995). The Mind, The Brain, and Complex Adaptive Systems // Santa Fe Institute Sudies in the Sciences of Complexity, Proc. vol.XXII. Reading, MA : Addison-Wesley.

Moruzzi, G., Magoun, H.W. (1949). Brain stem reticular formation and activation of the EEG // Electroencephalography and Clinical Neuropsychology, 1, 455—473.

Mullener, N., Laird, J.D. (1971). Some developmental changes in the organisation of self evaluations // Developmental Psychology, 5, 237—243.

Munsinger, H., Douglass, A. (1976). II. The syntactic abilities of identical twins, fraternal twins, and their siblings // Child Development, 47, 40—50.

Murphy, G. (1949). Historical Introduction to modern psychology (2nd ed.). New York : Harcourt, Brace.

Murray, H.A. (1938). Explorations in Personality. New York: Oxford University Press.

Myers, A.M., Conda, G. (1982). Empirical validation of the Bem Sex-Role Inventory // Journal of Personality and Social Psychology, 43, 304—318.

Nebylitzyn V.D., Gray J.A.(Eds.) (1972). Biological Bases of Individual Behavior. New York; London: Academic Press;

Neimark, M. (1976). Personality Orientation. Englewood Cliffs, N.J.: Educational Technology.

Neisser, U., Boodoo, G., Bouchard, T.J.Jr., Boykin, A.W., Brody, N., Ceci, S.J., Halpern, D.F., Loehlin, J.C., Perloff, R., Sternberg, R.J., Urbina, S. (1996). Intelligence: Knowns and unknowns // American Psychologist, 51, 77—101.

Nelson, K. (1981). Individual differences in language development: Implications for development and language // Developmental Psychology, 17, 170—187.

Neugarten, B., Moore, J.W., & Lowe, J.C. (1965). Age norms, age constrains, and adult socialization // The American Journal of sociology, 70, 710—717.

Noelen-Hoeksema, S. (1990). Sex differences in depression. Stanford, CA: Stanford University Press.

Noelen-Hoeksema, S., Girgus, J.S. (1994). The emergence of gender differences in depression during adolescence // Psychological Bulletin, 115, 424—443.

Norman, W.T. (1967). 2800 personality trait descriptors: Normative operating characteristics for a university population. Ann Arbor: University of Michigan, Department of Psychology.

Nosal Cz. (1990). Psychologisne modele umyslu. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe.

Nuttin, J. (1984). Motivation, planning and action: A relational theory of behavior dynamics. Hillsdale, NJ; Leuven: Erlbaum.

Nye, F.I. (1982). Family relationships: Rewards and costs. Beverly Hills, CA: Sage.

Oatley, K., Jenkins, J.M. (1996). Understanding Emotions. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, Inc.

O'Brien, M. (1992). Gender Identity and sex roles // V.B.Van Hasselt, M.Hersen (Eds.). Handbook of social development: A lifespan perspective. New York: Plenum, pp.325—345.

O'Connor, B.P. (1992). The Effect of Individual Differences in Act Prototi picality Judgments on Trait—behavior Correlations and Cross-situational Consistency // European Journal of Personality, vol.6, No 1, pp. 31—43.

Offord, D.R., Boyle, M.H., & Racine, Y. (1989). Ontario child health study: Correlates of disorder // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, 28, 856—860.

Olson, J.M., Partington, J.T. (1977). An integrative analysis of two cognitive models of interpersonal effectiveness // British Journal of Social and Clinical Psychology, vol.16, pp.13—14.

Olweus, D. (1979). Stability of aggressive reaction patterns in male: A review // Psychological Bulletin, 86, 852—875.

Osgood, C.E. (1962). Studies on generality of affective meaning system // American Psychologist, Vol.17, pp.10—28.

Osgood, C.E., Suci, G.J., Tannenbaum, P.H. (1957). The measurement of meaning. Urbana, IL: University of Illinois Press.

Osipow, S.H. (1983). Theories of career development (3rd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Paivio, A. (1971). Imagery and language // S.J.Segal (Ed.). Imagery: Current cognitive approaches. New York: Academic Press, pp.7—32.

Palmore, E. (1981). Social patterns in normal aging: Findings from the Duke longitudional study. Durham, N.C.: Duke University Press.

Palmore, E., Stone, V. (1973). Predictors of longevity // Gerontologist, 13, 88—90.

Patterson, G.R. (1982). Coercive family process. Eugene, OR: Castalia.

Paunonen, S.V., Jackson, D.N. (1987). Accuracy of interviewers and students in indentifying the personality characteristics of personel managers and computer programers // Journal of Vocational Behavior, 31, 26—36.

Pavlov, I.P. (1927/1960). Conditioned reflexes (G.V.Anrep, Trans.). New York: Dover.

Penney, R. (1965). Reactive curiosity and manifest anxiety in children // Child Development, 36, 697—702.

Pervin, L.A. (Ed.) (1990). Handbook of personality: Theory and research. New York: Guilford Press.

Pettigrew, T.F. (1958). The measurement and correlates of category width as a cognitive variable // Journal of Personality, vol. 26, pp.532—544.

Petrie, A. (1967). Individuality in pain and suffering. Chicago: University of Chicago Press.

Pfeifer, E., Verwoerd, A., Wang, H. (1969). The natural history of sexual behavior in a biologically advantaged group of aged individuals // Journal of Gerontology, 24, 193—198.

Phares, E.J., Chaplin, W.F. (1997). Introduction to Personality. 4th ed. New York: Longman.

Plomin, R.A. (1986). Development, genetics, and psychology. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Plomin R.A., Bergerman, C.S. (1991). The nature of nurture: Genetic influence on environmental measures // Behavioral and Brain Sciences, 14, 373—427.

Plomin R.A., Daniels D. (1987). Why are children in the same family so different from one another? // Behavioral and brain sciences. 1. 1—16.

Plomin R.A., De Fries J.C. (1979). Multivariate behavioral genetic analysis of twin data on scholastic abilities // Behavior Genetics, 9, 505—517.

Plomin R.A., De Fries J.C. (1985). Origins of individual differences in infancy. Orlando, Academic Press.

Plomin, R., Fox.T.T. (1981). Sex differences an individual differences // Child Development, 52, 383—385.

Plomin R.A., Owen, M.J., & McGuffin, P. (1994). The genetic basis of complex human behavior // Science, 264, 1733—1739.

Popper, K.R. (1959). The Logic of Scientific Discovery. London: Hutchinson.

Popper, K.R. (1962). The open society and its enemies (Vol.2, 4th ed.). London: Routledge & Kegan Paul.

Popper, K.R. (1962a). Conjectures and refutations. New York: Basic Book.

Posner, M.I., Levitin, D.J. (1997). Imagining the Future // Solso, R.(Ed.) Mind and Brain Sciences in the 21 Century. Cambridge: A Bradford Book, pp.91—109.

Prior, M., Smart, D., Sanson, A., Oberclaid, F. (1993). Sex differences and psychological adjusment from infancy to eight years // Journal

of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry, 32, 291—304.

Quiggle, N.L., Garber.J., Panak, W.F., Dodge, K.A. (1992). Social information processing in aggressive and depressed children // Child Development, 63, 1305—1320.

Quinton, D., Rutter, M., Liddle, C. (1984). Institutional rearing, parental difficulties, and marital support // Psychological Medicine, 14, 107—124.

Raine, A. (1993). The psychopathology of crime. New York: Academic Press.

Reber, A.S. (1995). The Penguin dictionary of Psychology. 2nd edition. New York: Penguin Books.

Reker, G.I. (1974). Interpersonal conceptual structures of emotionally disturbed and normal boys // Journal of Abnormal Psychology, Vol.83, pp.380—386.

Rethlingschafer, D.(1942).The relationship of tests of persistence to other measures of continuance of activities // Journal of Abnormal and Social Psychology, N 37, pp.71—78.

Revelle, W., Anderson, K.J., Humphreys, M.S. (1987). Empirical tests and theoretical extensions of Arousal-Based theories of personality // Strelau, J., Eysenk, H.J (Ed) Personality Dimension and Arousal. New York; London: Plenum Press, pp.17—36.

Rice, O. (1982). The Hatfields and the McCoys. Lexington: University of Kentucky Press.

Rice, T., Fulker, D.W., Defries, J.C., Plomin, R. (1988). Path Analysis of IQ During Infancy and Early Childhood and the Index of the Home Environment in the Colorado Adoption Project // Intelligence, 12, 27—45.

Rice, T., Fulker, D.W., Defries, J.C. (1986). Multivariate Path Analysis of Specific Cognitive Abilities in the Colorado Adoption Project // Behavior Genetics, 16, 107—125.

Robaye, F. (1957). Niveaux d'aspiration et d'expectation. Paris.

Robins, L.N. (1978). Sturdy childhood predictors of adult antisocial behavior: Replications from longitudinal studies // Psychological Medicine, 8, 611—622.

Roethlisberger, F.J., Dickson, W.J. (1939). Management and the worker: An account of a research program conducted by the Western Electric Company, Chicago. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Roger, D. (1995). Emotion control, coping strategies, and adaptive behavior // Stress and Emotion, Vol.15, pp.20—31.

Roger, D., Jarvis, G., Najarian, B. (1993). Detachment and Coping: The construction and validation of a new scale for measuring coping strategies // Personality and Individual Differences, 15, 6, 619—626.

Rogers, C.R. (1951). Client-Centered Therapy. Boston: Houghton—Mifflin.

Rorschach, H. (1921). Die Psychodyagnostik. Bern.

Rosenkrantz, P.S., Vogel, S., Bee, H., Broverman, I., Broverman, D. (1968). Sex-Role Sterotypes and Self-Concepts in College Students // Journal of Consulting and Clinical Psychology, 32, 287—295.

Ross, B.M. (1991). Remembering the personal past: Descriptions of authobiographical memory. New York: Oxford University Press.

Ross, L. (1977). The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // L.Berkowitz (Ed.). Advances in experimental social psychology, vol.10. New York: Academic Press, pp.173—220.

Ross, L. (1981). The 'intiutive scientist' formulation and its developmental implications // Flavell, J., Ross, L. (Eds.). Cognitive social development: Frontiers and possible futures. New York: Cambridge University Press, pp.1—42.

Ross, L. (1988). Situational perspectives on the obedience experiments. [Review of The obedience experiments: A case study of controversy in social science] // Contemporary Psychology, 33, 101—104.

Ross, L. (1995). Reactive devaluation in negogiation and conflict resolution // K.Arrow, R.Mnookin, L.Ross, A.Tversky, R.Wilson (Eds.). Barries to the negogiated resolution of conflict. New York: Norton, pp.30—48.

Ross, L., Nisbett, R.E. (1991). The person and the situation : Perspectives of social Psychology. New York: McGraw-Hill.

Ross, L., Ward, A. (1996). Naive Realism in Everyday Life: Implications for Social Conflict and Misunderstanding // T.Brown, E.Reed, E.Turiel (Eds.). Values and knowledge. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp.103—135.

Rothbart, M.K. (1991). Temperament: A Developmental Framework // Strelau J., Angleitner A. (Eds.). Explorations in Temperament. London; New York: Plenum Press, pp.61—75.

Rothbart, M.K., Ziaie, H., O'Boyle, C.G. (1992). Self-regulation and emotion in infancy // N.Eisenberg, R.A.Fabes (Eds.). Emotion

and its regulation in early development. (New Directions in Child Development, No.55). San Francisco: Jossey-Bass, pp.7—24.

Rothenberg, A. (1979). The Emerging Goddes:The Creative Process in Art, Science, and other Fields. Chicago: Chicago University Press.

Rotter, J.B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monograph, 80, 1 (whole No. 609).

Royce, J.R. (1973). The conceptual framework for a multifactor theory of individuality // Multivariate Analysis and Psychological Theory. London; New York.

Royce, J.R., Powel, A. (1983). Theory of Personality and Individual Differences: Systems, Factors and Processes. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall.

Rubin, D.C., Wetzler, S.E., Nebes, R.D. (1986). Autobiographical memory across the life span // D.C.Rubin (Ed.). Autobiographical memory. Cambridge, England: Cambridge University Press, pp. 202—221.

Rubin, J.Z., Provenzano, F.J., Luria, Z. (1974). The eye of the beholder: Parents' views on sex of newborns // American Journal of Ortopsychiatry, 44, 512—519.

Rusalov, V.M. (1989). Object-related and communicative aspets of human temperament // Personality and Individual differences, 10, 817—827.

Ryans, D.G.(1961).Some relationships between pupil behavior and certain teacher characteristics // Journal of Educational Psychology, 52, 82—90.

Saklofske, D.H., Zeidner, M. (Eds) (1995). International Handbook of Personality and Intelligence. New York: Plenum Press.

Sapir, E. (1929). The status of linguistics as a science // Language, 5, 207—214.

Sarason, I.G., Smith, R.E. (1971). Personality // Annual Review of Psychology, 22, 393—446.

Saucier, G., Goldberg, L.R. (1996). The language of personality: Lexical perspectives on the Five-Factor Model // J.S.Wiggins (Ed.). The Five-Factor Model of personality: Theoretical perspectives. New York: Guilford Press, pp.21—50.

Scarr, S. (1981). Unknowns in the IQ Equation // Scarr, S. (Ed.). Race, Social class, and Individual differences. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp.61—74.

Schahter, F.F., Shore, E., Hodapp, R., Chalfin, S., Bundy, C. (1978). Do girls talk earlier? MLU in toddlers // Developmental Psychology, 14, 388—392.

Schaefer, E.S. (1987). Parental Modernity and Child Academic Competence: Toward a Theory of Individual and Societal Development // Early Development and Care, 27, 373—389.

Schafer, E.W.P. (1987). Neural Adaptability: A Biological Determinant of g Factor Intelligence // Behavioral and Brain Sciences, 10, 240—241.

Schaffer, H.R., Emerson, P.E. (1964). The development of social attachments in infancy. Monogr. Soc. Resear. Child Develop., Serial # 94, 29.

Schalling, D., Asberg, M., Edman, G. Klinteberg, B. (1989). Lack of behavioral constraint — The shared variance between impulsiviti and agressivity and its biochemical correlates // Personality and individual differences, 10, VII (abstract).

Schmeck, R.R., Lockhart, D. (1983). Introverts and extroverts require different learning environments // Educational Leader, 40 (5), 54.

Schroder, H.M., Driver, M.J., Strenfert, S. (1967). Human information processing. New York.

Serpell, R. (1990). Audience, culture, and psychological explanation: A reformulation of the emic—etic problem in cross-cultural psychology // Quarterly Newsletter of the Laboratory of Comparative Human Cognition, 12, 99—132.

Shapiro, D. (1989). Psychotherapy of neurotic character. New York: Basic Books.

Shapiro, D. (1996). Character and Psychotherapy // American Journal of Psychotherapy, vol.50, No.1, Winter, pp.3—13.

Shaver, P.R., Hazan, C. (1993). Adult attachment: Theory and research // W.Jones, D.Perlman (Eds.).Advances in personal relationships, Vol.4. London, England: Jessica Kingsley, 29—70.

Sheehan, P.W. (1971). Individual differences in vividness of imagery and the function of imagery in incidential learning // Australian Journal of Psychology, 23, 279—288.

Sheehan, P.W. (1978). Mental imagery // B.M.Foss (Ed.). Psychology survey. New York; London: Allen & Unwin, pp. 58—70.

Sheets-Johnstone, M. (1990). The Roots of Thinking. Philadelphia: Temple University Press.

Sheldon W.H., Stevens S.S. (1942). The Varieties of Temperament: A psychology of constitutional differences. New York: Harper & Bros.

Sheldon W.H., Stevens S.S., Tucker, W.B. (1940). The varieties of human physique: An introduction to constitutional psychology. New York: Harper & Bros.

Shultz, D.P., Shultz, S.E. (1990). Psychology and indystry today: An introduction to industrial and organizational psychology (5th ed.). New York: Macmillian.

Siegal, J.P. Bowen, D. (1971). Satisfaction and perfomance: causal relationships and mediating effects // Journal of Vocational Behavior, Vol.1, pp.263—269.

Simonov, P.V. (1987). Individual characteristics of brain limbic structures interaction as the basis of Pavlovian/Eysenckian typology // Strelau, J., Eysenk, H.J (Eds.). Personality dimension and Arousal. New York; London: Plenum Press.

Simonton, D.K.(1984).Genius, Creativity and Leadership.Cambridge: Harvard University Press.

Simpson, J.A. (1990). The influence of attachment styles on romantic relationships // Journal of Personality and Social Psychology, 59, 971—980.

Simpson, J.A., Harris, B.A. (1994). Interpersonal attraction // In A.L.Weber, J.H.Harvey (Eds.).Perspectives on close relationships. Boston: Allyn & Bacon, pp.45—66.

Singer, J.L. (1966). Daydreaming. New York: Random House.

Singer, J.L. (1984) The Human Personality. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Skoog, I., Nilsson, L., Palmertz, B., Andreasson, L.A., Svanborg, A. (1993). A population-based study of dementia in 85-year-olds // New England Journal of Medicine, 328, 153.

Slaby, R.G., Guerra, N.G. (1988). Cognitive mediators of aggression in adolescent offenders: 1. Assessment. Developmetal Psychology, 24, 580—588.

Smart, M.S., Smart, R.C. (1978). Adolescents: Development and relationships. New York: Macmillian.

Smith, C.P. (1977). Innovative Study of Motive Hierarchies // Contemporary Psychology, Vol.22, No.1.

Smith, D.W. (1978). Prenatal life // D.W.Smith, E.L. Bierman, N.M.Robinson (Eds.). The biologic ages of man. 2nd ed. Philadelphia: Saunders, pp.42—62.

Smoll, F.L., Schnutz, R.W. (1990). Quatifying gender differences in physical perfomance: A developmental perspective // Developmental Psychology, 26, 360—369.

Snyderman, M. Rothman, S.(1987). Survey of expert opinion on intelligence and aptitude testing // American Psychologist, 42, 137—144.

Solso, R.(Ed.). (1997). Mind and Brain Sciences in the 21st Century. Cambridge, MA: A Bradford Book.

Spearman, C. (1927). The Abilities of Man. New York.

Spearman, C. (1950). Human abilities. London.

Sperry, R.W. (1968). Mental unity following surgical disconection of the cerebral hemispheres // Science, 217, 1223—1226.

Spielberger, C.D. (1966). Anxiety and behavior. New York : Academic Press

Spielberger, C.D. (1983). Manual for the Stait—Trait Anxiety Inventory: STAI (Form Y). Palo Alto, CA: Consulting Psychologist Press.

Spielberger, C.D. (1994, August). Measuring the experience, expression, and control of anger. Paper presented at the meeting of the American Psychological Association, Los Angeles.

Spielberger, C.D. (1988). Manual for the Stait—Trait Anger Expression Inventory: STAXI. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.

Spielberger C.D., Reheiser E.C. (1991). The Job Stress Survey: Measuring Gender Differences in Occupational Stress // Journal of Social Behavior and Personality, Vol.9, No.2, p.p. 199—218.

Spielberger, C.D., Sydeman, S.J. (1994). State—Trait Anxiety Inventory and State—Trait Anger Expression Inventory // Mauish, M.E. (Ed.). The use of psychological tests for treatment planning and outcome assessment. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 292—321.

Spirduso, W.W. (1975). Reaction and movement time as a function of age and physical activity level // Journal of Gerontology, 30, 435—440.

Springer, S.P., Deutsch, G. (1993). Left brain, right brain. 4th ed. New York: W.H.Freeman.

Stanton, A.L., Danoff-Burg, S., Camerun, C.L., Ellis, A.P. (1994). Coping through emotional approach: Problems of Conceptualisation and Confounding // Journal of Personality and Social Psychology, 66, 2, 350—362.

Stein, N., Folkman, S., Trabasso, T., Christopher-Richards, A. (1995). The role of appraisal processes in predicting psychological well-being. Paper presented at Roshomon Conference, Center for the Study of AIDS Prevention, January 3—4.

Steinberg, L., Darling, N.E., Fletcher, A.C., Brown, B.B., Dornbush, S.M. (1995). Authoritative parenting and adolescent adjusment: An ecological journey // P.Moen, G.H.Elder, Jr., K.Lusher (Eds.). Examining lives in context: Perspectives on the ecology of human development. Washington, DC: American Psychological Association, pp.423—466.

Stern, W. (1900). Über die Psychologie der individuellen Differenzen (Ideen zu einer differentiellen Psychologie). Leipzig: Barth

Stern, W. (1911/1994). Die Differentielle Psychologie in ihren methodishen Grundlagen. Bern: Verlag Hans Huber.

Sternberg, R.J. (1985). Beyond the IQ: A triarchic theory of human intelligence. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Sternberg, R.J. (1988). The triarchic mind: A new theory of human intelligence. New York: Viking.

Sternberg, R.J. (1995). In search of the human mind. Fort Worth, TX: Harcourt, Brace.

Stevens, S.S. (Ed.)(1951). Handbook of experimental psychology. New York, Wiley.

Stevenson, H.W., Chen, C., Lee, S-Y. (1993). Mathematics achievment of Chinese, Japanese, and American children: Ten years later // Science, 259, 53—58.

Stogdill, R.(1974).Handbookof Leadership.A Survey of Theory and Research. New York; London.

Strelau, J. (1983). Activity, Personality, Temperament. New York : Plenum Press.

Strelau, J. (1984). Individual differences in Tolerance to Stress: The Role of Reactivity // Spielberger, C.D., Sarason, I.G., Strelau, J. (Eds.). Stress and Anxiety. Vol.12. New York: Hemisphere Publishing Corporation, pp.155—166.

Strelau, J. (1987) Structures Interactions as the Basis of Pavlovian/ Eysenkian Typology // Strelau, J., Eysenk, H.J (Ed) (1987). Personality dimension and Arousal. New York; London: Plenum Press.

Strelau, J. (1991). Are psychophysiological/psychopysical scores good candidates for diagnosing temperament/personality traits and for a demonstration of the construct validity of psychometrically measured traits? // European Journal of Personality, 5, 323—342.

Strelau, J., Agleitner, A. (Eds.) (1996). Explorations in temperament: International perspectives on theory and measurement. New York: Plenum Press, pp.129—146.

Strelau, J., Eysenk, H.J. (Eds.) (1987). Personality dimension and Arousal. New York; London: Plenum Press.

Suppe, F. (1977). The structure of scientific theories. Urbana: University of Illinois Press.

Takala, M. (1975). Consistencies and Perception of Consistencies in Individual Psychomotor Behavior // Magnusson, D., Endler, N.S. (Eds.). Personality at the crossroads: Current issues in interactional psychology. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp.113—131.

Tanner, J.M. (1978). Fetus into man: Physical growth from conception to maturity. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Tanner, J.M., Hughes, P.C.R., Whitehouse, R.H. (1981). Radiographically determined width of bone, muscle and fat in the upper arm and calf from 3—18 years // Annals of Human Biology, 8, 495—517.

Tapp J.L. (1987). Legal sozialisation across age, culture, and context: psychological considerations for children and adults in the criminal and legal justice systems. Newark.

Taylor, F.W. (1911). Scientific Management. New York: Harper.

Taylor, J.A. (1953). A personality scale of manifest anxiety // Journal of Abnormal and Social Psychology, 48, 285—290.

Taylor, J.A., Hall, J.A. (1982). Psychological androgyny: Theories, methods, and conclusions // Psychological Bulletin, 92, 347—366.

Templer, D.I., Ruff, C.F., Franks, C.M. (1971). Death anxiety: Age, sex, and parental resemblance in diverse populations // Developmental Psychology, 4, 108.

Teplov, B.M. (1964). Problems in the study of general types of higher nervous activity in man and animals // J.A.Gray (Ed.). Pavlov's typology: Recent theoretical and experimental developments from the laboratory of B.M.Teplov. Oxford: Pergamon Press, pp.3—153.

Terman, L.M. (1916). The measurement of intelligence. Boston: Houghton—Mifflin.

Terman, L.M. (1954a). The Discovery and Encouragement of Exceptional Talent // American Psychologist, N 9, 221—230.

Terman, L.M. (1954b). Scientists and nonscientists in a group of 800 gifted men. Psychological Monograph, 68, N 7.

Thomae, H.(1970). Theory of aging and cognitive theory of personality // Human development, 12, 1—16.

Thomas, A., Chess, S. (1977).Temperament and Development. New York: Brunner/Mazel.

Thomas, A., Chess, S. (1991). Temperament and the Concept of Goodness of Fit // Strelau J., Angleitner A. (Eds.) Explorations in Temperament. London; New York: Plenum Press, pp.15—29.

Thomas A., Chess S., Birsh H. (1970). The origin of personality // Scientific American, 223 (2), 102—109.

Thomas, K.W. (1977). Toward Multidimensional Values in Teaching. The Example of Conflict Behaviors // Academy of Managment Review, 2, 485—496.

Thompson, R.A. (1994). Emotion regulation: A theme in search of definition // Monographs of the Society for Research in Child Development, 59 (2—3, Serial No. 240), 25—52.

Thorndike, E.L, Bregman, E.O., Cobb, M.V., Woodyard, E. (1926). The measurement of intelligence. New York: Teachers College, Columbia University.

Thorndike, R.L., Hagen, E.P., Sattler, J.M. (1986). Guide for administering and scorinf the fourth edition of the Stanford—Binet Intelligence Scale. Chicago: Riverside Publishing Co.

Thorton, G.R. (1939). A factor analysis of tests designed to measure persistence. Psychological Monograph, Vol.51, (Whole No 229), pp.1—112.

Thumann, E.H. (1982). Interactions between two methods of teaching science and two cognitive styles (Doctoral dissertation, University of California, Los Angeles) // Dissertation Abstract International, 43, 2227.

Thurstone, L.L. (1938). Primary mental abilities. Psychometric Monographs, No.1.

Tieger, T. (1980). On the biological basis of sex differences in aggression // Child Development, 51, 943—963.

Timko, C., Moos, R.H. (1989). Choice, control, and adaptation among ederly residents of sheltered care settings // Journal of Applied Social Psychology, 19, 636—655.

Todd, R.D., Swarzenski, B., Rossi, P.G., Visconti, P. (1995). Structural and functional development of the human brain // D.Cicchetti, D.J.Cohen (Eds.). Developmental psychopathology: Vol.1. Theory and methods. New York: Wiley, pp.161—194.

Tolor, A. (1978). Personality correlates of the joy of life // Journal of Clinical Psychology, 34, 671—676.

Torrance, E.P. (1980). Creativity and futurism in education: Retooling // Education, 100, 298—311.

Torrance, E.P. (1979). Unique needs of the creative child and adult // Nat. Soc. Study Educ. Yrbk., 78, 352—371.

Trudewind, C., Husarek, B. (1979). Mutter-Kind-Interaktion bei der Hausaufgabenfertigung und die Leistungsmotiventwicklung im Grundschulalter — Analyse einer ökologishen Schlüßelsituation // H.Walter, R.Oerter (Hg.), Ökologie und Entwicklung. Stuttgart.

Tyler L. (1956). The Psychology of Human Differences. New York.

Tyler, L.E. (1965). The psychology of human differences (3rd ed.). New York: Appleton—Century—Crofts.

Tyler, L.E. (1974). Individual differences. Enlewood Cliffs, NJ: Prentince-Hall.

Tyler, L.E. (1981). More stately mansions: Psychology extends its boundaries // Annual Review of Psychology, 32, 1—20.

Tyler, L. (1988). Mental testing // E.R.Hilgard (Ed.), Fifty years of psychology. Glenview, IL: Scott, Foresman, pp. 127—138.

United Nations. (1975). Declaration on the Rights of Disabled Persons. New York: United Nations.

Unger, R.K. (1979). Female and male: Psychological perspectives. New York: Harper & Row.

Vartegg, R. (1939). Reflexological Profile. New York.

Vaughn, B.E., Block, J.E., Block, J. (1988). Parental Agreement on Child-Rearing During Early Childhood and the Psychological Characteristics of Adolescents // Child Development, 59, 1020—1033.

Vekker L.M., Libin A.V. (in preparation). The Principles of the Integrative Mental Representation Theory: the Dialogues about Mind's Nature.

Venables, P.H. (1984). Arousal: An examination of its status as a concept // M.G.S.Coles, J.R.Jennings, J.P.Stern (Eds.), Psychophisiological perspectives. New York: Van Nostrand.

Venables, P.H. (1986). What does high-risk research tell us about the nature of schizophrenia? Paper presented at a symposium on contrasting models of schizophrenia. Annual Conference of the British Psychological Society, University of Scheffield, April.

Vernon, P.E. (1979). Intelligence: Heredity and Environment. San Francisco: Freeman.

Vetere, A., Gale, A. (Eds.)(1987). Ecological studies of family-life. Chichester: Wiley.

Von Bertalanffy, L. (1968). General Systems Theory: Foundations, development, applications. New York: Braziller.

Von Hagen, C. (1990). Formen der Auseinandersetzung mit chronisher dermatologisher Erkrankung. Frankurft/M.:Lang.

Wagner, I. (1969). Das Zielsetzungsverhalten von vier ausgewalten Gruppen normaler Kleinkinder in Einzel- und in Paarsituationen. Der Dissertation. Abteilung für Philosophie, Pädagogik, Psychologie der Ruhr-Universität Bochum.

Wallace, D.B., Gruber, H.E.(Eds.). (1989). Creative People at Work: Twelve Cognitive Case Studies. New York: Oxford University Press.

Wallach, M.A., Caron, A.J. (1959). Attribute criteriality and sex-linked conservatism as determinants of psychological similarity // Journal of abnormal and Social Psychology, 59, 43—50.

Wardell, D.M., Royce, J.R. (1978). Toward a multi-factor theory of styles and their relationships to cognition and affect // Journal of Personality, 46, 3, 474—505.

Waters, E., (1978). The reliability and stability of individual differences in infant—mother attachment // Child Development, 49, 483—494.

Weatherley, D. (1964). Self-perceived rate of physical maturation and personality in late adolescence // Child Development, 35, 1197—1210.

Webster's Encyclopedic Unbridged Dictionary of the English Language (1996). New York: Gramercy Books.

Webb, E. (1915). Character and Intelligence. British Journal of Psychology, Monograph Supplement, Vol.1, No.III.

Weber, B. (1996). Computer's ability against chess champion has surprised and intrigued // The New York Times, National Edition, February 18, p.17.

Weinberg, R.A. (1989). Intelligence and IQ: Landmark issues and great debates // American Psychologist, 44, 98—104.

Weisner, T.S. (1984). Ecocultural niches of middle childhood: A cross-cultural perspective // W.A.Collins (Ed.). Development during middle childhood: The years from six to twelve. Washington, DC: National Academy Press, pp.95—110.

Werner, H. (1946a). Abnormal and subnormal rigidity // The journal of abnormal and social psychology. 1. 15—24.

Werner, H. (1946b). The concept of rigidity: a critical evaluation // Psychological review. 1. 43—52.

Werner, H. (1948). Comparative psychology of mental development. Chicago: Follet.

Werner, E.E. (1986). A longitudinal study of perinatal risk // D.C.Farran, J.D.McKinney (Eds.). Risk in intellectual and psychosocial development. Orlando, FL: Academic Press, pp.3—28.

Wessman, A.E., Ricks, D.F. (1966). Mood and Personality. New York: Holt, Rinehart & Winston.

Whitbeck, L.B., Hoyt, R.L., Simons, R.L., Conger, R.D., Elder, G.H., Lorenz, F.O., Huck, S. (1992). Intergenerational continuity of parental rejection and depressed affect // Journal of Personality and Social Psychology, 63, 1036—1045.

White, K.D., Ashton, R., Brown, R.M. (1977). The mesuarement of imagery vividness: normative data and their relationship to sex age and modality differences // British Journal of Psychology, vol.68, pp.203—211.

Whiteman, M., Deutsch, M. (1968). Social disadvantage as related to intellective and language development // M.Deutsch, I.Katz, A.R.Jensen (Eds.), Social class, race, and psychological development. New York: Holt, Rinehart and Winston, pp.86—114.

Whiting, J.W.M., Child, I.L. (1953). Child training and personality: A cross-cultural study. New Haven: Yale University Press.

Wiener, Y., Vaitenas, R. (1977). Personality correlates of voluntary midcareer change in enterprising occupations // Journal of Applied Psychology, 62, 706—712.

Wiggins, J.S. (Ed.) (1996). The five-Factor Model of Personality: Theoretical Perspectives. New York, London: The Guilford Press.

Wiggins, J.S., Holzmuller, A. (1981). Further evidence on androgyny and interpersonal flexibility // Journal of Research in Personality, 15, 67—80.

Willerman, L. (1976). Individual and Group Differences. San Francosco: W.H.Freeman and Company.

Williams, J.F., Best, D.L. (1990). Measuring sex stereotypes: A multination study. Rev.Ed. Newbury Park, CA: Sage

Wilson, W. (1967). Correlates of avowed happiness // Psychological Bulletin, 67, 294—306.

Windle, M., Iwawaki, S., Lerner, R.M. (1988). Cross-cultural comparability of temperament among Japanese and American prescool children // International Journal of Psychology, 23, 547—567.

Windle, M., Lerner, R.M. (1986). Reassessing the dimensions of temperament individuality across life span: The revised dimensions

of Temperament Survey (DOTS—R) // Journal of Adolescent Research, 1, 569—578.

Witkin, H.A. (1949). Perception of body position and the position of the visual field. Psychological Monographs, 63, (7 Whole No 302).

Witkin, H.A. (1964). Origins of cognitive style // C.Scheerer (Ed.). Cognition: Theory, research, promise. New York: Harper & Row.

Witkin, H.A. (1967). A cognitive-style approach to cross-cultural research // International Journal of Psychology, 2, 233—250.

Witkin H.A., Dyk, R.B. (1974). Psychological differentiation: studies of development. New York: Wiley.

Witkin H.A., Dyk, R.B., Faterson, H.F., Goodenough, D.R., Karp, S.A. (1974). Psychological differentiation. Potomac, MD: Erlbaum (Originally published, 1962).

Witkin, H.A., Goodenough, D.R. (1982). Cognitive style: Essence and Origins. New York: Potomak.

Witkin, H.A., Goodenough, D.R., Oltman, P.R. (1979). Psychological differentiation: Current status // Personality and social psychology, 37, 7.

Witkin H.A., Lewis H.B., Hertzman, M., Machover, K., Meissner, P.B., Wapner, S. (1954). Personality through perception: An experimental and clinical study. New York: Harper.

Witkin H.A., Moore C.A., Goodenough, D.R., Cox, P.W. (1977). Field dependent and field independent cognitive styles and their educational implications // Review of Educational Research. 47, 1—64.

Wormack L. (1980). Sex differences in factorial dimension of verbal, logic, mathematical and visuospatial ability // Perceptual and Motor Skills, N 2, p.455.

Wrenn, C.G. (1949). Potential research talent in the sciences based on intelligence quotients of Ph.D.'s // Educational Records, 30, 5—22.

Yarrow, L., Goodwin, M., Manheimer, H., Milowe, I. (1971). Infancy experience and cognitive and personality development at ten years. Paper presented at the Annual Meeting of the Orthopsychiatric Association, Washington, DC, March 20.

Yates, A.J. (1958). The application of learning theory to the treatment of tics // Journal of Abnormal and Social Psychology, 56, 175—182.

Yeates, K., MacPhee, D., Cambell, F., Ramey, C. (1983). Maternal IQ and Home Environment as Determinants of Eraly Childhood

Intellectual Competence: A Developmental Analysis // Developmental Psychology, 19, 731—739.

Zajonc, R.B. (1976). Family configuration and intelligence // Science, 192, 227—236.

Zajonc, R.B. (1983). Validating the confluence model // Psychological Bulletin, 93, 3, 457—480.

Zajonc, R.B. (1986). The decline and rise of scholastic aptitude scores // American Psychologist, vol.41, N 8, 862—867.

Zajonc, R.B. (1989). Styles of explanation in social psychology // European Journal of Social Psychology, vol.19, N 5, pp.345—368.

Zajonc, R., Bargh, J. (1980). The confluence model: Parameter estimation for six divergent data sets on family factors and intelligence // Intelligence, N 4, 349—361.

Zajonc, R.B., Markus, G.B. (1975). Birth order and intellectual development // Psychological Bulletin, 82, 74—88.

Zajonc, R., Markus, H., Markus, G. (1979). The birth order puzzle // Journal of Personality and Social Psychology, 37 (8), 1325—1341.

Zaslow, M.J., Hayes, C.D. (1986). Sex differences in children's responses to psychosocial stress: Toward a cross-context analysis // M.E.Lamb, A.L.Brown, B.Rogoff (Eds.). Advances in developmental psychology. Vol.4. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp.285—338.

Zelazo, P.R., Zelazo, N., Kolb, S. (1972). "Walking" in the newborn // Science, 176, 314—315.

Zigler, E., Child, I.L. (1969). Socialization // G.Lindzey, E.Aronson (Eds.). Handbook of social psychology, vol.3. 2nd ed. Reading, MA: Addison-Wesley, pp.450—589.

Zimbardo, P.G. (1969). The Human Choice: Individuation, Reason, and Order versus Deindividuation, Impulse, and Chaos // Arnold, W.J., Levine, D. (Eds.). Nebraska symposium on Motivation. Lincoln: University of Nebraska Press.

Zimbardo, P.G. (1973). On the ethics of investigation in human psychological research: With special references to the Stanford Prison Experiment // Cognition, 2, 243—256.

Zimbardo, P.G. (1975). On transforming experimental research into advocacy for social change // M.Deutsch, H.Hornstein (Eds.). Applying social psychology: Implications for research, practice, and training. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp.33—66.

Zimbardo, P.G. (1990). Shyness : What it is, what to do about it. Reading, MA : Addison-Wesley.

Zimbardo, P.G., Radl, S. (1981). The shy child. New York: Mc Graw-Hill.

Zimbardo, P.G., Weber, A.L. (1997). Psychology. 2nd ed. New York: Longman.

Zuckerman, M. (1994). Behavioral expressions and biosocial bases of sensation seeking. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Zuckerman, M., Como, P. (1983). Sensation-seeking and arousal system // Personality and Individual Differences, 4, 381—386.

Тезаурус основных понятий*

Агрессивный, стиль (лат. aggreddiri — нападать) — деструктивный стиль поведения, вызванный стремлением преодолеть препятствие или устранить источник раздражения путем прямого или косвенного причинения вреда.

Активность — группа качеств, обусловливающих внутреннюю потребность, тенденцию индивида к эффективному освоению внешней действительности. Реализуется либо в умственном, либо в двигательном (в том числе рече двигательном) плане, а также в общении (*Небылицын*, 1976).

Аналитичность — склонность ориентироваться на различия в процессе категоризации объектов.

Аттрибутивная теория — система объяснения индивидуальных или социальных причин субъективного поведения.

Афферентная система — сенсорная система, обеспечивающая поступление информации в мозг.

Базовые системы ориентации — зафиксированные в структуре жизненного опыта и сопряженные с системой предпочтений тенденции поведения, проявляющиеся в ориентации-на-себя (субъектная репрезентация), ориентации-на-других (коммуникативное взаимодействие) и ориентации-на-предмет (предметно-манипулятивная активность). Системы ориентации субъекта являются предпосылкой к формированию специфики направленности личности (см.) и формируются под влиянием как формально-генетических (наследственных), так и социокультурных (воспитательных) факторов.

Базовый уровень — первичный симптомокомплекс свойств, лежащий в основе иерархической организации системы (подсистемы) индивидуальности и потенциально определяющий основные тенденции ее возможного развития.

---

* Определения, сформулированные другими авторами, сопровождаются указанием фамилии. В некоторых случаях после определения указывается порядковый номер главы, в которой данное понятие рассматривается более подробно.

Биологический подход, в исследовании индивидуальности — поиск источников особенностей поведения в различных структурах организма (гены, эндокринная система, мозг, нервная система в целом).

Большая Пятерка (в теории личности) — пять основных измерений, считающихся наиболее базовыми для человеческой личности в любой культуре (экстраверсия, дружелюбность, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость к опыту).

Вариативность — базовая черта поведения, определяющая многообразие его форм.

Внесознательное — находящаяся вне фокуса сознания сфера психики, фунционирование которой определяется, в первую очередь, процессами непроизвольной регуляции.

Возрастных срезов, метод — сравнение между собой характеристик различных групп, включающих субъектов разного возраста, обследованных в данный момент времени.

Генотип — набор наследственных признаков, полученных индивидом от родителей.

Геометрических форм предпочтения, тест (ТиГР) — формализованная проективная методика, основанная на выявлении стратегий предпочтения основных геометрических форм в процессе создания конструктивных рисунков фигуры человека (*Либин*, 1989; *Либин*, *Либин*, 1994). Интерпретация результатов основана на стандартизованной процедуре оценки стратегий предпочтения и психографических изображений.

Гештальт — набор взаимосвязанных признаков, воспринимаемых как целостная организованная структура.

Детерминизм — концепция, согласно которой физические, поведенческие и ментальные события не являются случайными, а, скорее, обусловлены действием специфических причинных (каузальных) факторов.

Дифференциальная психология — специальная область человекознания, предметом которой является анализ структуры индивидуальности на основе изучения индивидуальных, типологических и групповых различий между людьми методом сравнительного анализа.

Дифференциация индивидуальности — постепенное увеличение дистантности (что отражается в уменьшении плотности связей) между психологическими структурами в онтогенезе.

Дифференциация психики — нарастание специализации отдельных функций познавательных, эмоциональных и регулятивных процессов в соответствии с этапами развития субъекта.

Дифференциация поведения — структурирование и упорядочивание по мере развития субъекта системы его реакций, способов поведения и форм взаимодействия с миром.

Зависимая переменная — любая переменная, значение которой изменяется при изменении одной или нескольких более независимых переменных.

Защитные механизмы — внесознательно обусловленные процессы, направленные на снижение тревоги; замещающая форма разрешения внутриличностных конфликтов.

Идеографический подход — центрированный-на-особенном метод изучения индивидуальности, акцентирующий внимание на анализе ее внутренней структуры с целью подчеркнуть неповторимость и уникальность субъектной организации.

Иерархия — организованная в восходящем порядке система расположенных на различных уровнях обобщенности признаков, связанных логикой формирования на основе причинно-следственной закономерности.

Иерархия сигналов, в психологии — совокупность уровней сигналов различной степени сложности и меры общности: от универсальных нервных процессов через представленные в виде первых сигналов элементарные нервно-психические образования, до высшей формы нервно-психических процессов, выраженной во вторых сигналах — рече-мыслительных актах.

Импульсивность — поведенческая переменная, характеризующая склонность человека действовать сразу после возникновения влечения (*Kagan*, 1966). Стремление действовать по первому побуждению.

Индивидуальный стиль деятельности — индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек, в целях наилучшего уравновешивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными внешними условиями деятельности (*Климов*, 1969).

Интернальность — общая поведенческая тенденция полагаться на себя и свои силы в различных жизненных ситуациях.

Картина жизненного пути — важнейшая характеристика самосознания человека, отражающая этапы индивидуального развития и дающая целостное представление о связанности событий жизненного пути в единую систему отсчета.

Когнитивная карта — ментальная репрезентация физического пространства. Когнитивный стиль — устойчивые способы приема и переработки информации, проявляющиеся в индивидуальной специфике организации познавательных процессов, влияющей на все уровни ментальной иерархии, включая личностные особенности.

Конструкт, личностный — основная единица анализа теории личностных конструктов Дж.Келли (*Kelly*, 1969), выступающая в виде основания для классификации определенных классов объектов окружающей действительности.

Конструктивная активность человека — опосредованное сознательными усилиями поведение, направленное на преобразование ситуации в соответствии с субъективными потребностями.

Конструктивные рисунки фигуры человека — используемый в формализованном проективном тесте (см. Геометрических форм предпочтения, тест) способ изображения заданного объекта — фигуры человека — с помощью набора конкретных элементов, в качестве которых используются основные геометрические формы (треугольник, круг и квадрат).

Конформность — тенденция адаптироваться к поведению, установкам и ценностям членов референтной группы.

Коэффициент корреляции — статистическое измерение степени соответствия между двумя переменными; обозначается как r.

Культурный контекст — устойчивый набор ценностей, стереотипных представлений, правил поведения, разделяемых большинством членов данного социального окружения.

Локус контроля — (от лат. locus — место) параметр, описывающий тенденцию субъекта помещать точку отсчета вне пределов своей индивидуальности (экстернальный локус) или внутри ее сферы (интернальный локус).

Метахарактеристики инструментальной (формально-динамической) стороны индивидуальности:

— структурные:

интенсивность—умеренность: характеризует готовность человека к энергозатратам, проявляющимся в его адаптационных и конструктивных возможностях (энергетический параметр взаимодействия человека с физической и социальной средой);

устойчивость—изменчивость: описывает частоту и длительность интеракций, связана с временными параметрами взаимодействия человека со средой;

широта—узость: характеризует масштаб субъективных шкал, а также меру сложности в структуре внутренних и внешних связей, сопрягающих субъекта с ситуацией; отражает пространственный компонент взаимодействия;

включенность—отстраненность: выступает как проявление меры дистантности между субъектом и средой, отражая сигнально-информационную специфику этого взаимодействия, проявляющуюся также в чувствительности к обратной связи.

— функциональные:

компенсаторность: рассматривается как потенциальная возможность интрасубъективной системы сохранять сбалансированное функционирование (гомеостаз), несмотря на наличие деструктивной тенденции;

оптимальность: возможность достижения субъектом максимального объема информации в данных условиях при минимальных энергетических и временных затратах. Оптимальное взаимодействие со средой предполагает сохранение устойчивого функционального состояния компенсации (основанного на взаимозаменяемости элементов сис-

темы) — то есть возможности поддержать заданный уровень активности, несмотря на “локальные сбои” в работе всей системы индивидуальности;

адаптивность: проявляется в виде способности субъекта синхронно перестраиваться в соответствии с требованиями изменяющейся среды;

результативность: выступает в виде меры соответствия поведения субъекта условиям поставленной задачи.

Структурные и функциональные метапараметры индивидуальности человека объединены в структурно-функциональной модели, построенной в соответствии с основными принципами формального подхода (см. 7.7 и 10.5).

Мечта — форма состояния сознания, при котором внимание отвлечено от непосредственно актуальной ситуации.

Наследственность — характеристика степени выраженности генетической детерминации в отношении определенных свойств.

Независимая переменная — характеристика стимула, систематически изменяемая экспериментатором с целью предсказать нужный эффект в поведении субъекта.

Номотетический подход — выявление в индивидуальности универсальных черт и паттернов, присущих всем людям.

Образ тела — представления человека о собственной физической внешности.

Образ-Я — система представлений человека о самом себе как отдельном и уникальном субъекте. Центральное образование в структуре личности.

Общий фактор интеллекта (g-фактор) — наиболее общая характеристика умственных способностей субъекта, связанных с успешностью выполнения набора тестовых заданий и определяющих академическую успеваемость.

Переменная — процесс, условие или событие, которое изменяется (переменяется) или варьирует.

Плацебо эффект — изменение субъективного состояния под воздействием косвенного внушения (обычно с использованием замещающего стимула).

Поведение — наблюдаемые действия, характеризующие субъективное взаимодействие с различными фрагментами реальности.

Психогенетика — область человекознания, объединяющая генетические и психологические методы определения влияния генотипа на формирование поведенческих черт и функционирование индивидуальных образований, таких как темперамент, интеллект etc.

Предпочтения — наиболее частое повторение одного параметра по сравнению с другими в общем паттерне признаков. Система предпочтений является одним из основных механизмов, сопрягающих индивидуальные свойства субъекта с реализуемыми им способами взаимодействия с миром.

Привязанность — продолжительные эмоционально-социальные отношения между ребенком и родителем (либо замещающим его лицом).

Простота—сложность, когнитивная — тенденция конструировать социальное поведение многомерно, так что более сложному индивиду доступна более разнообразная система для восприятия поведения других, чем простому (*Bieri*,1979).

Психографика (греч. psyche — душа и grapho — начертание) — система диагностики и анализа психических проявлений, регистрируемых с помощью графических техник.

Психологическая культура (греч. psyche — душа, лат. cultus — возделывание) — совокупность зафиксированных в человеческом опыте способов индивидуального и общественного самопознания, а также оптимального взаимодействия людей, лежащих в основе прогрессивного развития социума.

Редукционизм — сведение сложного к более простому, например, сведение закономерностей сложных явлений верхних уровней к нижележащим закономерностям.

Рисунок — образ, передающий очертания чего-либо, в психологии используется как средство диагностики индивидуальности.

Самоактуализация — своевременный осознанный выбор человека в пользу своей духовной сущности и поэтапное воплощение своих актуальных потребностей в жизнь.

Семантика, ментального образа — система обобщенных универсалий субъективных значений — от неосознаваемых ощущений до компонентов образа-Я.

Синестезия — психофизиологический феномен возникновения ощущения в модальности, не подвергающейся в данный момент раздражению. Кросс-модальный механизм синестезии имеет морфологическое обоснование.

Синтетичность — характеристика когнитивного стиля, описывающая склонность ориентироваться на сходство в процессе категоризации объектов.

Способности — индивидуальные свойства, определяющие продуктивность функционирования всей системы индивидуальности в конкретных ситуациях.

Совладание — умение справляться с ситуацией, оцениваемой как угрожающая.

Совладания, психология (от старорусс. лад, сладить — то есть одолеть, справиться) — раздел психологии индивидуальности, посвященный изучению механизмов конструктивного поведения человека в стрессовых ситуациях и трудных жизненных обстоятельствах.

Стиль человека (греч. stylos — стержень для письма) — устойчивая субъектно-специфическая система способов, или приемов, осуществления человеком разных типов активности; интегральная характеристика формально-динамической сферы индивидуальности, проявляющаяся в предпочтении субъектом определенной формы взаимодействия с физической (предметной) и социальной (коммуникативно-символической) средой.

Стиль жизни — устойчивая характеристика иерархии жизненных целей и предпочитаемых индивидом способов их достижения (*Adler*, 1927).

Стиль личности — характеристика системы операций, к которой личность предрасположена в силу своих индивидуальных свойств (*Allport*, 1937).

Стиль родительского воспитания — устойчивый паттерн поведения, базирующийся на комбинации индивидуальных переменных (личностные свойства, ожидания и представления, способы воздействия) и проявляющийся в определенной форме взаимодействия родителей с детьми.

Стиль руководства — устойчивая система способов поведения руководителя, определяющая форму его взаимодействия с подчиненными.

Стратегия совладания, в поведении — основанная на осознаваемых усилиях регуляция эмоционального и интеллектуального напряжения с целью более оптимальной физиологической либо психологической адаптации субъекта к внешним обстоятельствам.

Субъектность ментального — неформулируемость характеристик психических процессов на физиологическом языке внутренних изменений в их субстрате.

Темперамент — обобщенная индивидуально-устойчивая система инвариантных психобиологических (формальных) свойств индивидуального поведения человека (*Русалов*, 1991).

Тренинг развития навыков совладания со сложными ситуациями — разработанная на основе теории самоактуализации и концепции совладания со стрессами и жизненными кризисами система групповых и индивидуальных занятий (*Либина*, 1995б), направленная на совершенствование навыков адекватной оценки и выбора оптимальных стратегий поведения в различных жизненных обстоятельствах.

Тревожность — интенсивная негативная эмоциональная реакция в ответ на реальную или воображаемую угрожающую ситуацию.

Уровень притязаний — субъективное предпочтение уровня трудности выбираемых целей.

Формальный подход, в изучении индивидуальности (от лат. forma — структура чего-л., а также formans — образующий) — совокупность методов анализа структуры устойчивых универсальных свойств человека.

Функциональная асимметрия мозга — отнесение связанных с деятельностью мозга поведенческих функций к двум симметрично расположенным половинам церебрального кортекса (большим полушариям головного мозга).

Фундаментальная ошибка аттрибуции — тенденции наблюдателей приписывать причины социального поведения личным качествам субъекта, а не ситуативным факторам, влияние которых он испытывает (*Ross*, 1977).

Характер — устойчивая структура индивидуальных свойств, объединяющая генерализованные мотивационные тенденции, Я-концепцию, тип самооценки, и определяющаяся балансом позитивного vs негативного жизненного опыта.

Хромосомы — биологические (организмические) структуры, образующие гены.

Хронический стресс — продолжающееся в течение длительного времени состояние возбуждения, при котором неприятные последствия от столкновения со сложной ситуацией субъективно ощущаются большими, чем имеющиеся для совладания с ними индивидуальные ресурсы.

Центральная нервная система — подсистема общей нервной сети, которая включает в себя все нейронные ансамбли головного и спинного мозга.

Циркадные ритмы — физиологические паттерны, повторяющиеся в организме каждые двадцать четыре часа.

Эго — центральная структура личности, представленная в виде Я. Согласно психоаналитической концепции, Эго испытывает двойное влияние — "снизу", со стороны бессознательного, или Ид ("оно"), и "сверху", со стороны Суперэго, или моральных установок, задаваемых обществом.

Эмоциональная компетентность (от лат. emover — волновать и competentis — соответствующий) — способность личности осуществлять оптимальную координацию между своими эмоциями и целенаправленным поведением (*Либина*, 1995б).

Эмпатия — основанная на высокой чувствительности способность проникаться переживаниями другого.

Эффект заботы — явление в межличностных отношениях, при котором психологическое самочувствие одного участника этих отношений улучшается при одной только демонстрации другим участником добрых намерений (глава 21).

Экстернальность — общая поведенческая тенденция полагаться на внешние обстоятельства или других людей в различных жизненных ситуациях.

Либин Александр Викторович
Дифференциальная психология:
на пересечении европейских, российских
и американских традиций

Учебное пособие

Редактор Н.В.Крылова
Корректоры Т.П.Толстова, Н.А.Степина
Художник Б.Л.Будинас
Компьютерная верстка А.И.Чекалина
Техническое сопровождение Е.Глазомицкий, А.Глазомицкий

Издательство «Смысл» (ТОО НПФ Смысл),
103050, Москва, 50, а/я 158.
Тел. (095) 195-9328, факс (095) 203-3593,
e-mail: smysl@smysl.ps.msu.su
Лицензия ЛР № 064656 от 24.06.1996.

Подписано в печать 02.10.1998. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 6000 экз. Зак. № 466.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.